
ВОПРОСЫ ВЫПУСК 3(55), 2020 ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК Министерства образования и науки РФ по политическим
наукам, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2020

ISSN 2225-8922 (print)

12 выпусков в год и

4 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://voprosplitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих

(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ

Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://voprosplitolog.ru>

Электронный адрес: voprosplitolog@yandex.ru

ISSN 2225-8922 (print)

12 issues a year plus

4 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://voprosplitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal “Political Science Issues” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “History and philosophy of politics,” “Political institutions, processes and technologies,” “Political regionalism and ethno-politics,” “Political culture and ideologies,” “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://voprosplitolog.ru>

E-mail address: voprosplitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ

- Гаджиев К.С.* Проект «Один пояс, один путь»
в геополитическом измерении 702
- Николенко А.А., Тушков А.А.* К вопросу о методологических
основах исследования подходов к проблемам локальных цивилизаций 715
- Агапов П.В.* Религия в творчестве Эриха Фромма:
социально-психологические аспекты проблемы 724

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

- Румянцев О.Г.* О некоторых политологических аспектах
конституционной реформы 2020 года в Российской Федерации 731
- Пустовойт Ю.А., Антонов К.А.* «А и Б сидели на трубе»:
конструирование протестной идентичности в ходе «тарифной войны»
в Новосибирске (2016-2017 гг.) 740
- Артемов А.А., Пыхтин С.Н.* Новые медиа как инструмент влияния
на политические процессы в современном российском обществе 752
- Бакшеева А.Р., Гусарская Т.А., Беляева В.П.* Особенности
реализации государственной антикоррупционной политики
в современной России: механизм государственного контроля
в контрактной системе государственных закупок 761
- Булах Е.В., Князева А.Р., Цой В.Г.* Трайбализм
на Дальнем Востоке России: остаточные проявления
регионального колорита или новые формы 769
- Воронина Н.А.* Политика интеграции мигрантов и беженцев в странах ЕС 782
- Крюкова Е.В.* Роль общественно-политических организаций
в урегулировании политических конфликтов: возможности и перспективы 790
- Галкина Г.М.* Образовательная политика в программах
политических партий (на примере Коммунистической партии
Российской Федерации и Справедливой России) 796
- Ворончихина Д.Н.* Роль Ассоциации «Арктические муниципалитеты»
при осуществлении государственной политики в арктической зоне
Российской Федерации 803

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

- Михайленко А.Н.* Как раскрывать
внешнеполитический потенциал России? 809
- Муравых А.И., Никитенко Е.Г.* Запад против обнуления
президентских сроков в России 824
- Сергеева С.Л., Гапонов П.В.* Практика реализации проектов
на основе муниципально-частного партнерства в Российской Федерации
и странах Европейского Союза: сравнительный анализ 832

Тетерюк А.С. Анализ распределения результатов выборов в парламент Финляндии в ходе четырех электоральных циклов	845
Хлопов О.А. Энергетическая безопасность Европейского союза: между Россией и США	856
Костоев З.И., Арапханова Л.Я. Северный Кавказ в контексте международной политики.....	867
Каратуева Е.Н. Проблемы и предотвращение продовольственного терроризма	873
Жамбаева У.Б. Буддизм Тибета в политическом контексте династии Юань.....	884
Султанова А.Р. Концептуальные подходы к формированию национальной модели развития гражданского общества в Узбекистане	890
Афонин А.Д. Выход стран Балтии из энергокольца БРЭЛЛ: причины и следствия	900
Петрова К.С. Профилактика исламского экстремизма и терроризма в Республике Татарстан	906
Балданова Р.А. Совместный университет «МГУ-ППИ в Шэньчжэне» как часть миграционной политики КНР	912
Адум Кагер, Шуленина Н.В. Китай и Африканский союз: проблемы и перспективы	919
Джавид О.В. Языковые аспекты обеспечения социетальной безопасности в странах Западной Европы.....	929
Юлдашева М.К. Критерий информационной безопасности в процессах межкультурной интеграции	939
Усмонов С. Общечеловеческие принципы и особенность национальной идеи (идеологии) в Узбекистане	948
Еремينا Я.В. Информационные технологии как инструмент «мягкой силы».....	957
Шолкова М.А. Безопасность и ее обеспечение на различных геополитических уровнях	961
Гао Дай Антикоррупционное противодействие в Китае: история и современность	969
Чэнь Ханьчжи Развитие системы госслужбы КНР как механизм формирования политических элит	981
Агоннуде Бидолей Вианней Фредди ЮАР и ООН: аспекты взаимодействия.....	989
Олувакайоде Олумиде Эммануэль, Мугаби Брайан, Джун Орлинду Ключевые проблемы Африки/The Plagues of Africa	995
Чэн Го, Буторов А.С., Инь Цюнь Политический анализ китайско-американской торговой войны и ее последствий/ The Political Analysis of the Sino-U.S. Trade War and Implications	1002

<i>Ванграуа Садиа Рита Сониа, Егези Блессинг Чиманпа</i> Отношения между Буркина-Фасо и Тайванем в период с 2000 года по 2018 год	1013
<i>Лученков И.Р.</i> Процессы политической интеграции в странах Большого Ближнего Востока в рамках панарабистской концепции периода 1945-1990 гг.....	1020
РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПРОЧИТАННЫМ	
<i>Слизовский Д.Е., Медведев Н.П.</i> Послесловие к статье Румянцева О.Г. «О некоторых политологических аспектах конституционной реформы 2020 года в Российской Федерации»	1029
НАШИ АВТОРЫ	1038
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	1047

CONTENTS

THEORY, PHILOSOPHY AND HISTORY OF POLICY

- Gadgiev K.S.** The Project “One Belt, One Way” in the Geopolitical Dimension..... 713
- Nikolenko A.A., Tushkov A.A.** On the Issue of Methodological Bases
of Research of Approaches to the Problems of Local Civilizations 723
- Agapov P.V.** Religion in the Works of Erich Fromm:
Socio-Psychological Aspects of the Problem 730

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- Rumyantsev O.G.** On Some Political Science Aspects
of the 2020 Constitutional Reform in the Russian Federation..... 739
- Pustovoit Yu.A., Antonov K.A.** “A and B Were Sitting
on the Tube”: Construction a Protest Identity During
“The Tariff War” in Novosibirsk (2016-2017)..... 750
- Artemyev A.A., Pykhtin S.N.** New Media as a Tool of Influence
Political Processes in Modern Russian Society 760
- Baksheeva A.R., Gusarskaya T.A., Belyaeva V.P.** Features of Implementation
of State Anti-Corruption Policy in Modern Russia: Mechanism
of State Control in Contract System of Public Procurement 767
- Bulakh E.V., Knyazeva A.R., Tsoy V.G.** Tribalism in the Russia's Far East:
Residual Manifestations or New Forms of Regional Identity 781
- Voronina N.A.** Policy of Integration of Migrants
and Refugees in the EU Countries 789
- Kryukova E.V.** The Role of Socio-Political Organizations
in the Settlement of Political Conflicts: Opportunities and Prospects 795
- Galkina G.V.** Education Policy in the Programs
of Political Parties (On the Example of the Communist Party
of the Russian Federation and Fair Russia Party)..... 802
- Voronchikhina D.N.** A Role of the Arctic Municipalities Association
in the Implementation of State Policy in the Arctic Zone of the Russian Federation807

INTERNATIONAL RELATIONS AND WORLD POLICY

- Mikhaylenko A.N.** How to Discover Russia’s Foreign Policy Potential? 823
- Muravykh A.I., Nikitenko E.G.** The West is Against Zeroing
out Presidential Terms in Russia 831

Sergeyeva S.L., Gaponov P.V. Practice of Implementing Projects Based on Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and the European Union: a Comparative Analysis	843
Teteryuk A.S. Analysis of the Regional Distribution in the Parliament of Finland in the Four Electoral Cycles.....	855
Khlopov O.A. European Union Energy Security: Between Russia and the USA.....	866
Kostoev Z.I., Arapkhanova L.Ya. North Caucasus in the Context of International Politics	872
Karatueva E.N. Problems and Prevention of Food Terrorism	883
Zhambaeva U.B. Tibetan Buddhism in the Political Context of the Yuan Dynasty	889
Sultanova A.R. Conceptual Approaches to the Formation of National Model of Civil Society Development in Uzbekistan.....	899
Afonin A.D. The Baltic Countries Exit from the BRELL “Energy Ring”: Causes and Effects	905
Petrova K.S. Prevention of Islamic Extremism and Terrorism in the Republic of Tatarstan	911
Baldanova R.A. Shenzhen MSU-BIT University as a Part of the PRC Migration Policy	918
Adoum Kaguer, Shulenina N.V. China and African Union: Problems and Prospects	928
Javad O.V. Language Aspects of Societal Security in West European Countries.....	938
Yuldasheva M.K. The Criterion of Information Security in the Processes of Intercultural Integration	947
Usmonov S. Universal Principles and Features of the National Idea (Ideology) in Uzbekistan	956
Eryomina Ya.V. Information Technologies as an Instrument of «Soft Power».....	960
Sholkova M.A. Security Ensuring Security in the Different Geopolitical Levels.....	968
Gao Dai Anti-Corruption Counteraction in China: History and Modernity.....	980
Chen Hanzhi The Development of the PRC Public Service System as a Mechanism for the Formation of Political Elites.....	988
Agonnude Bidoley Vianney Freddy South Africa and the UN: Aspects of Interaction	994
Oluwakayode Olumide Emmanuel, Mugabi Brian, Dju Orlindo The Plagues of Africa.....	996
Cheng Guo, Butorov A.S., Yin Qun The Political Analysis of the Sino-U.S. Trade War and Implications	1003

<i>Wangraoua Sadia Rita Sonia, Egesi Blessing Chimampa</i> Relations Between Burkina Faso and Taiwan Between 2000 and 2018.....	1019
<i>Luchenkov I.R.</i> The Processes of Political Integration in the Countries of the Big Middle East within the Framework of the Pan-Arabic Concept of the Period 1945-1990.....	1028
REFLECTIONS ON READ	
<i>Slizovskiy D.E., Medvedev N.P.</i> Afterword to the Article by O.G. Rumyantsev “On Some Political Science Aspects of the 2020 Constitutional Reform in the Russian Federation”	1029
OUR AUTHORS.....	1043
DEMANDS FOR MANUSCRIPTS	1047

ПРОЕКТ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

В статье предпринята попытка выявить и проанализировать место и роль китайского проекта «Один пояс, один путь» в тех тектонических сдвигах которые происходят в геополитических реалиях современного мира. Главное внимание концентрируется на сновании тезиса о том, что ключевой его целью является подведение на Евразийском континенте материальную базу под глобализацией, которая охватывает, прежде всего, финансовую, технологическую, информационную, идеологическую и иные сферы. Показано, что, предусматривая создание своего рода евразийской оси из целого ряда транспортных коридоров для соединения Азии с Европой, проект призван вытеснить США с Евразийского континента как способного конкурировать с Китаем и его возможными союзниками геополитического игрока. Сделан вывод, что его реализация может стать одним из факторов изменения геополитического облика не только Евразийского континента, но и современного мира в целом.

Ключевые слова: *Китай, Россия, США, Азия, Европа, Евразия, Евразийское пространство, глобализация, геополитика, проект, транспортный коридор, миропорядок.*

Для правильного понимания тектонических сдвигов в базовых инфраструктурах современного мира, ключевое значение имеет Евразия, занимающая осевое положение на геополитической карте современного мира. Понимаемая в широком смысле, она охватывает свыше 65% населения земного шара, 75% энергетических ресурсов и 40% мирового ВВП [15]. Используя терминологию Г. Макиндера, можно утверждать, что континентальный массив, охватывающий Россию, Восточную Азию во главе с Китаем, Индию, Центральную Азию, Большой Ближний Восток, представляет собой своего рода расширенную «Серединную землю» (или по терминологии Английского географа и геополитика Г. Макиндера – *Heartland*), контроль над ко-

торой дает очевидные преимущества для великих держав, стремящихся завоевать и укрепить свой вес и статус на мировой арене, при определенных условиях даже претендовать на мировую гегемонию. «Кто правит Восточной Европой, – утверждал Маккиндер в своем докладе «Географическая ось истории», с которым выступил 25 января 1904 г. на заседании Королевского географического общества, – тот господствует над Хартлендом. Кто правит Хартлендом, тот господствует над Мировым островом. Кто правит Мировым островом, тот господствует над миром» [13]. Здесь следует внести ту коррективу, что Маккиндер выдвинул этот тезис в 1904 году. Возможно, он был в чем-то прав, применительно к той эпохе. В современных условиях информационно-телекоммуникационной революции и глобализации и связанных с ними тектонических сдвигов в расстановке геополитических сил, как представляется, можно переформатировать идею Маккиндера и утверждать, что в наступающем полицентрическом миропорядке козырные карты во всемирной геополитической игре окажутся в руках тех могущественных акторов, которые будут обладать преобладающими позициями именно на Евразийском пространстве.

Эту тему нельзя правильно понять без ее связи с триумфализмом Запада, прежде всего, в контексте американской сверхдержавности и либерального/однополярного миропорядка, своего рода гимном которого стал комплекс идей, сформулированных в статье Ф. Фукуямы «Конец истории», в статье и монографии С. Хантингтона с одноименным названием «Столкновение цивилизаций», монографии «Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы)» Зб. Бжезинского и множестве других работ американских и в более широком смысле западных аналитиков. В контексте рассматриваемой в данной статье особый интерес представляет работа Бжезинского, опубликованной в 1997 году и посвященной попыткам обоснования идеи американской гегемонии на евразийском континенте. Этот ныне покойный американский аналитик и публицист изображал его как некую «шахматную доску», в игре на которой победитель или чемпион в лице самих США заранее известен. «Впервые в истории, – не без определенного хвастовства декларировал он, – неевразийская держава стала не только главным арбитром в отношениях между евразийскими государствами, но и самой могущественной державой в мире. Поражение и развал Советского Союза стали финальным аккордом в быстром вознесении на пьедестал державы Западного полушария – Соединенных Штатов – в качестве единственной и действительно первой подлинно глобальной державы». Как утверждал Бжезинский, «главный геополитический приз для Америки – Евразия» [1. С. 12, 44]. Впрочем, не просто Евразия, а весь земной шар рассматривался в качестве такой шахматной доски, на которой опять же победитель заранее известен. В этом контексте поучительно следующее рассуждение Г. Киссинджера. «Враждебный азиатский блок, объеди-

няющий наиболее многонаселенные страны мира, обладающие огромными ресурсами и самыми трудолюбивыми гражданами, – писал он, – несовместим с национальными интересами Соединенных Штатов. Поэтому Америке следует сохранять свое присутствие в Азии, и ее геополитической целью должно оставаться предотвращение объединения азиатских государств в недружественный США блок» [5. С. 113].

Естественно, главное острие этой стратегии было направлено против Российской Федерации, занимающей большую часть Евразии. Ведь как на официальном уровне, так и в кругах властвующей элиты, политического и интеллектуального истеблишмента не скрывали главную цель Вашингтона на всем постсоветском пространстве и более широко на евразийском пространстве: не допустить реинтеграцию бывших советских республик под главенством России и появления там какого-либо влиятельного геополитического актора, способного противостоять гегемонии США.

В создавшихся ныне условиях на этой «Великой шахматной доске» Вашингтон не единственный главный игрок, поскольку Евразия становится центром мирового могущества, где главенствуют не США в одиночку в ранге единственного вершителя судеб человечества. Наряду с возвращением России на мировую арену в статусе великой военно-политической державы восхождение новых могущественных экономико-технологических держав в лице Китая и Индии кардинально изменили баланс геополитических сил в мире в целом, на Евразийском континенте в особенности.

Возможно, забвение основополагающих правил и принципов шахматной игры в такой сложной сфере, как геополитика, стало причиной возникновения огромных трещин на той Великой шахматной доске, в прокрустово ложе которой стратеги Запада во главе с Вашингтоном пытались втиснуть евразийское пространство. Эти процессы и тенденции вносят радикальные изменения в расклад геополитических сил в регионе, в результате чего они становятся непреодолимым препятствием для прежних игроков, стремившихся колонизовать его. Те, кто прочертили эти трещины, начали на свой лад переформатировать как Великую шахматную доску, под которой метафорически понимается евразийское пространство, так и правила игры на ней [2. С. 29-42].

Речь, прежде всего, идет о диффузии собственности и власти, сдвиге экономико-технологической и военно-политической мощи с Запада на Восток. Этот аспект достаточно широко освещен в российской и зарубежной науке. Здесь представляется достаточным подчеркнуть, что одна из целей руководства США состояла в установлении, к примеру, над центральной Азией своего контроля, отгородив ее от влияния России и Китая. При этом данный регион уже не воспринимался как «задний двор» России. А Китай все еще не рассматривался как сколько-нибудь серьезный соперник. Здесь политика Вашингтона формировалась и осуществлялась в русле общей

внешнеполитической стратегии США по установлению своего контроля над углеводородными ресурсами и выбора маршрутов их транспортировки на мировые рынки в обход Российской Федерации.

Однако постепенно Восточная Азия, прежде всего, Китай стремительно стали осваивать экономическое пространство Центральной Азии, усиливая там свое политическое влияние [6]. При этом для авторитарных режимов региона, при всех возможных здесь оговорках, неприемлемыми оказались навязываемые США ценности прав и свобод человека, политического и идеологического плюрализма, политической демократии и др. Они воочию видят к каким катастрофическим последствиям для Большого Ближнего Востока и Северной Африки привели развязанные там Западом агрессивные войны и стратегия экспорта демократической революции. При всех возможных здесь оговорках они так или иначе сознают, что реальным гарантом стабильности в Центральной Азии выступает Россия. Поэтому естественно, что руководители всех пяти постсоветских государств Центральной Азии, осознав опасность такой политики для своих режимов, постепенно начали ограничивать деятельность разного рода западных официальных и частных организаций, служб. Постепенно начался процесс сокращения военного присутствия США в регионе, начало которому было заложено в результате войны в Афганистане. Стали говорить даже о том, что в Центральной Азии имеет место геополитический сдвиг в сторону неуклонного ослабления позиций Запада, прежде всего США и укреплению позиций России и Китая. В этом контексте следует учесть также некоторые подвижки в внешнеполитической стратегии Вашингтона в плане пересмотра значимости Большого Ближнего Востока для приоритетов национальной безопасности США, о чем более подробно речь пойдет несколько ниже.

Одновременно с возвращением России в этот регион Китай настойчиво расширяет свое присутствие и позиции в регионе в качестве главного экономического партнера и стремится занять там место США и Европы, позиции которых особенно в результате развязанных ими агрессивных войн и стратегии экспорта демократической революции во всевозрастающей степени ослабляются. Во всевозрастающей степени усиливается влияние и авторитет Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и ЕАЭС. Важно также учесть, что главным направлением маршрутов экспорта энергетических ресурсов Центральной Азии, прежде всего, Казахстана стали Китай.

Ключевое значение в этом русле имеют расширение и укрепление торгово-экономических, военно-политических, геополитических и иных связей между Китаем и Россией. Основные процессы и тенденции в этом направлении общеизвестны. Здесь представляется целесообразным обратить внимание на тот факт, что к настоящему времени завершено строительство гигантского газопровода «Сила Сибири» длиной более двух тыс. км, а с учетом китайского отрезка три тыс. км. в китайскую провинцию Хэйлунцзян,

предусмотренное этим соглашением и по которому из России в Китай будет транспортироваться 38 млрд кубометров газа в год. 2 декабря 2019 года президенты России В.В. Путин и Китая Си Цзиньпин торжественно дали старт функционированию трубопровода и газ начал поступать в Китай.

Разумеется, «Сила Сибири» является частью проекта руководства России по снижению зависимости России от европейских газовых рынков и выходу на стремительно растущие рынки Азии. Как считает американское издание Bloomberg, запуск российского трубопровода «Сила Сибири», призванный обеспечить всевозрастающие потребности (*«ненасытный энергетический аппетит»*) Поднебесной в голубом топливе, приведет к заметным изменениям на мировом энергетическом рынке. По мнению издания, он станет для Москвы страховкой, которая, укрепит ее позиции на переговорах с европейскими странами по поставкам газа, снизит зависимость России от европейского газового рынка [16]. Назвав «Силу Сибири» «крупным достижением в энергетической инфраструктуре и политической инженерии», The Wall Street Journal пишет: этот газопровод представляет собой *«физическую связь, свидетельствующую о новой эпохе сотрудничества между двумя мировыми державами, которые каждая по отдельности бросают вызов США»* [12]. В этом русле важно учесть, что «Газпром» сообщил о планах заключения еще одного 30-летнего рамочного соглашения на поставку по еще одному трубопроводу дополнительно 30 млрд куб газа из Западной Сибири в провинцию Синьцзян. Газопровод предполагается построить через территорию Монголии.

В этом русле одним из ключевых факторов, радикально меняющих геополитическую ситуацию на Евразийском пространстве являются некоторые начинания Китайской Народной Республики. Речь идет, прежде всего, о проекте Си Цзиньпина «Один пояс, один путь» («и дай, и лу»), который предполагает перестройку экономики евразийского пространства на двух новых основах: «гунчжэн» – справедливость и «хэли» – рациональность [3].

Особую значимость этому проекту придает объявленный Д. Трампом односторонний выход из Транс-тихоокеанского партнерства и Трансатлантического партнерства. Пекином выдвинута идея создания «сообщества с общим будущим для человечества», в основе которой лежит провозглашенный Си Цзиньпином лозунг: «Ветер перемен дует с востока!». Данная идея составляет как бы основу проекта глобальной транспортной и инвестиционной инфраструктуры «Один пояс, один путь», объединяющей две его части – «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века».

Осуществляя этот проект через всю Евразию, Китай стремится стать мировым лидером в создании глобальных инфраструктурных сетей железных и автодорог, соединяющих с Китаем морские порты и аэропорты, экономические и финансовые центры ведущих регионов как самой Евразии, так

Африки и Латинской Америки. В этот проект, рассчитанный на десятилетия, Си Цзиньпин намерен инвестировать до одного трлн. долл. О серьезности намерений Пекина свидетельствует тот факт, что договоры об участии в его реализации, по данным Института китайских исследований, подписаны с более чем 100 странами. В этом направлении несомненным успехом стал форум «Один пояс, один путь», состоявшийся в Пекине 25-27 апреля 2019 года. К началу форума численность его партнеров с самыми разными статусами достигла 124 государства, а в первый день работы эта цифра возросла до 126. При этом следует учесть, что на первом форуме проекта в 2017 году их насчитывалось вдвое меньше. Обращает на себя внимание также тот факт, что в нем приняли участие главы государств 37 стран и полторы сотни делегаций со всех регионов земного шара, а также тогдашний директор-распорядитель МВФ Кристин Лагард и Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш.

О серьезности намерений Пекина свидетельствуют визит Си Цзиньпина в конце марта 2019 года в Европу и его результаты. В ходе визита в Рим Си и премьер-министр Италии Дж. Конте подписали Меморандум о взаимном понимании в рамках инициативы «Один пояс, один путь», в соответствии с которым руководство КНР обязалось инвестировать средства в портовые инфраструктуры Триеста, Генуи и Палермо, что призвано обеспечить более благоприятные условия для доставки китайских товаров на европейские рынки. К тому же еще до этой акции Пекину удалось по сути дела установить контроль над греческим морским портом Пирей.

Вслед за визитом в Рим Си Цзиньпин по приглашению президента Франции Э. Макрона посетил Париж, где состоялась встреча руководителя Китая, Макрона, канцлера ФРГ А. Меркель и тогдашнего председателя Еврокомиссии Ж.-К. Юнкера. Хотя Макрон относится с осторожностью к вступлению Франции в проект «Один пояс, один путь», тем не менее, между Францией и Китаем были заключены довольно крупные контракты, включая соглашение о покупке Пекином 300 самолетов «Аэробус» стоимостью 30 млрд. евро [17]. Особую значимость это соглашение приобретает в контексте обнаружившегося в тот период казуса, связанного с американской компанией «Боинг», вызванного двумя катастрофами одного из новейших типов ее самолетов. Оценивая этот акт, LeMonde констатировала: «подписанная руководителями Франции и Китая декларация звучит как манифест против Трампа» [17]. Совершенно обоснованно полагая, что «Китай играет долгую игру», тайваньская газета TaipeiTimes в своей редакционной статье писала: «такая сделка представляет собой не просто экономический шаг, а составную часть реорганизации системы международной торговли», результатом которой может стать превращение Китая в супердержаву [8].

Пекин стремится инвестировать средства в такие ключевые сферы, как энергетика, технологии, сельское хозяйство и порты, что, в свою очередь,

вызывает озабоченность и тревогу у политической и экономической элиты, и руководства западных стран, прежде всего, Вашингтона. Особую тревогу на берегах Потомака вызывают во всевозрастающей степени расширяющиеся телекоммуникационные сети, примером чего может служить в частности китайская гигантская корпорация Хуавей, против которой президент США по накатанной объявляет санкции.

Оценивая эти процессы и тенденции, немецкая газета *Handelsblatt* писала: «Долгое время наблюдали за укреплением Китая, сначала в экономической и политической сферах, а теперь он предпринимает усилия по разрушению единства Европы, экономически привязывая к себе малые центрально-европейские страны, Грецию, Португалию, целенаправленно скупая высокотехнологичные компании, при этом игнорируя центральные органы ЕС» [11]. Обращает на себя внимание тот факт, что в последние годы КНР удалось существенно расширить экономическое присутствие в Восточной Европе, добиваясь активов в Чехии, Венгрии, Польше, в том числе выгодных контрактов на строительство атомных электростанций. В энергетической сфере Пекин контролирует важнейшие инфраструктурные проекты в Болгарии, Чехии, Польше, Румынии, Словакии. С учетом этих и подобных им тенденций стали говорить даже о некоем «похищении Европы» Китаем.

В принципе не отвергая продвигаемый Си Цзиньпином проект «Один пояс, один путь», целый ряд стран Европы, прежде всего, Париж и Берлин, как и США, выступают против приобретения Китаем стратегического преимущества на своем информационном и телекоммуникационном рынке. Эту позицию озвучил в частности один из членов французского правительства, поставив риторический вопрос: «Неужели мы захотим отдать это в руки чужой державы?» В этом вопросе руководством Евросоюза во главу угла ставится вопрос о том, что отношения с Китаем должны строиться не с отдельно взятыми его членами, а исключительно через ЕС.

По свидетельству вышеупомянутой немецкой газеты *Handelsblatt*, сопротивляясь напору ринувшихся к входу Елисейского дворца китайских журналистов во время встречи Макрона с Си Цзиньпином, Меркель и Юнкера в марте 2019 года, одна из сотрудниц дворца, заявила: «Китайцы пока не хозяева в Париже» [11]. Кто знает, как, в конечном счете, повернутся события в этом направлении. Как утверждает в газете, Си Цзиньпин, заявил на встрече: «За 40 лет мы достигли того, на что Европе понадобилось 300 лет» [11].

Проект «Один пояс, один путь» представляет собой попытку подвести под глобализацией, основанной на потоках финансового капитала, технологий, информации, идеологии, культуры, образов жизни, форм политической самоорганизации народов и т.д. материальную базу путем формирования инфраструктуры широкомасштабных сетей транспортных коммуникаций. Примерно шестью сухопутными и морскими маршрутами проект охваты-

вадет значительную часть современного мира. Речь идет о целой сети множества взаимосвязанных транс-евразийских коридоров, альтернативных и в то же время дополняющих друг друга маршрутов. Дополнением к проекту «Один пояс, один путь» со временем может стать расширение и совершенствование Североморского пути.

Не вызывает сомнений тот факт, что одной из главных целей данного проекта является вытеснение США с Евразийского пространства. В этой связи своего рода дополнением к данному проекту является стремление Пекина вытеснить американцев из жизненно важного для него геополитического пространства Восточной Азии и Тихого океана и занять там их место. Одна из главных целей проекта особенно через Пакистан и Центральную Азию состоит также в решении проблемы большой зависимости от узкого Малаккского пролива, через который осуществляются экспортно-импортные связи с мировыми в том числе углеводородными рынками. О значимости пролива свидетельствует тот факт, что через него Китай получает более 80% приобретаемой им нефти.

Не вызывает сомнений тот факт, что реализация подобных проектов в обход морских путей, находящиеся под контролем Вашингтона, может привести к более или менее существенному ослаблению позиций США. Поэтому Вашингтон не может безучастно смотреть на расширение евразийской торгово-экономической зоны. Но фактом является то, что Евразии США мало что могут предложить, кроме попыток давления, принуждения и угроз бесконечных санкций. Об обоснованности данного тезиса свидетельствует обеспокоенность части американской интеллектуальной и политического истеблишмента неуклонно расширяющимися и укрепляющимися позициями Китая на евразийском континенте. «Чтобы не допустить глобального усиления Китая, – пишет, например, американский аналитик Р. Мерри, – необходимо принять меры, призванные помешать ему установить свое господство в Евразии». Для этого считает он, «Западу следует предоставить Москве гарантии, что расширению НАТО раз и навсегда положен конец и признать, что Грузия, Белоруссия и Украина входят в естественную зону российского влияния, и их никогда не примут в НАТО» [14].

При всех возможных оговорках следует отметить, что эти процессы и тенденции на огромном евразийском пространстве становятся серьезным препятствием на пути защиты Вашингтоном здесь своих интересов. Но учитывая эту реальность, нельзя забывать тот очевидный факт, что США как могущественная экономико-технологическая и военно-политическая держава, в силу своей имперской природы, просто так не может отказаться от своих позиций, интересов, амбиций в каком бы то ни было регионе современного мира. Поэтому естественно, что Вашингтон не собирался и не собирается уходить из региона и предпринимает меры для сохранения и даже расширения здесь своего присутствия. Еще в 2005 году у Белого

дома возникла идея формирования так называемой «Большой Центральной Азии» с целью объединения государств Центральной Азии и Афганистан, а за ней Большой Южной Азии. В администрации президента Буша-мл. был создан департамент Южной и Центральной Азии, главной целью которого была провозглашена интеграция этих двух регионов.

Одной из попыток закрепления позиций Вашингтона стал визит госсекретаря США Дж. Керри в пять постсоветских государств Центральной Азии в ноябре 2015 года. В ходе визита в Самарканде состоялась встреча в формате С5+1 (Узбекистан, Туркмения, Киргизия, Казахстан, Таджикистан и США). Однако было бы не совсем корректно утверждать, что в данном случае в американском направлении удалось достичь сколько-нибудь значимых подвижек в свою пользу.

В этом же русле можно рассматривать визит в США в мае 2018 года нового президента Узбекистана Ш. Мирзиёев. В ходе переговоров с президентом США Д. Трампом между двумя государствами бы заключен целый ряд соглашений на сумму 4,8 млрд. долл. [4]. Свое продолжение контакты представителей двух стран получило на VIII Центрально-Азиатском торговом форуме, состоявшемся 17-19 октября в Ташкенте и организованном по инициативе Американского агентства по международному развитию (USAID). На форуме представители США заявили о готовности Вашингтона предоставить центрально-азиатским государствам беспопшлинного доступа на американский рынок нескольких тысяч наименований своих товаров.

Следует отметить, также тот факт, что Запад в целом и США в особенности предпринимали и продолжают предпринимать попытки разработки собственных альтернативных проектов «нового шелкового пути». Так, на саммите НАТО, состоявшемся в апреле 2008 года в Бухаресте, обсуждался проект строительства железнодорожной магистрали, призванной соединить страны Центральной Азии с Европой, по территории Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, России, Украины и Беларуси. Подобный же проект Вашингтон предложил в 2011 году. В последующие годы США разработали еще один проект «Нового Великого шелкового пути», призванный соединить Афганистан и Центральную Азию с странами Южной Азии и отсюда проложить коридор в Европу. Нынешнее руководство США не отказалось от попыток противодействовать реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь». Так, Администрация Д. Трампа при каждом удобном случае обрушивается на нее с критикой, призывая все вовлеченные страны оказывать сопротивление ее реализации. Под такую критику Вашингтон пытается подвести материальную базу в лице так называемой «Сети голубая точка» (Blue Dot Network) – инфраструктурного проекта, разработанного Американской корпорацией частных зарубежных инвестиций (OPIC), Министерством иностранных дел и торговли Австралии (DFAT) и Японским банком международного сотрудничества (JBIC)

под руководством Вашингтона, который призван обеспечить «устойчивое развитие инфраструктуры в Индо-Тихоокеанском регионе и во всем мире». Он рассматривается Администрацией Трампа в качестве альтернативы китайскому начинанию «Один пояс, один путь». Однако сколько-нибудь значимых успехов на этом направлении не наблюдается. Названные и ряд других подобных им начинаний постигли судьбу печально известного трубопровода «Набукко», которого в свое время так упорно продвигали западники. Тем более, они вряд ли способны предложить те астрономические объемы средств, которых Пекин готов вложить в реализацию своего проекта.

В этом плане представляется не случайным тот факт, что Вашингтон еще при президенте Б.Х. Обаме в силу комплекса факторов геополитического характера как бы начал определенный разворот от Большого Ближнего Востока и Большой Центральной Азии к Южной и Юго-Восточной Азии. Наметилась тенденция к некоторому ограничению присутствия США в этом регионе, концентрируя главное внимание на Азиатско-тихоокеанском регионе в качестве приоритетного объекта внешнеполитической стратегии. С этой точки зрения немаловажное значение имеют те кардинальные изменения, которые произошли на пространстве Большого Ближнего Востока в результате стратегии экспорта демократической революции, так называемой «Арабской весны» и развязанных Вашингтоном агрессивных войн. По сути дела, потерпев поражение в Ираке, Афганистане, Сирии, США вызвали в регионе беспрецедентный накал антиамериканизма. Что касается Ирака, то в этой стране, как представляется, при всех прочих благоприятных условиях жизнеспособным и эффективным может быть только антиамерикански ориентированное правительство. Практически снизив статус Ирака с первоклассной региональной державы до третьестепенного государства, разобщенного этнонациональными, религиозными и иными противоречиями, Вашингтон, по сути дела, вывели на первые роли в регионе своего заклятого врага в лице хомейнистского Ирана. В феврале 2020 года Вашингтон подписал соглашение с талибами о полном выводе американских войск из Афганистана в течение предстоящих 14 месяцев. На этом основании некоторые американские и европейские авторы говорят даже о пост-американском или пост-западном Большом Ближнем Востоке [10; 7]. При всем том, нельзя представлять дело таким образом, будто американцы собрались уйти с Ближнего Востока. Империя так просто не отдаст свои позиции. Американские военные базы сохраняются в Турции (Инджирлик), Бахрейне, Катаре, Кувейте, Омане, Ираке, Афганистане, ОАЭ, Джибути, Египте, Йемене, Иордании, Марокко. Очевидно, что эти базы в основном располагаются, как говорится, по евразийскому лимитрофу, в то время как по становому хребту хартленда, включающего Китай, Центральную Азию, Кавказско-Каспийский регион, Большой Ближний Восток, позиции США неуклонно сокращаются.

В этом контексте следует рассматривать политику администрации Д. Трампа, которая в докладе о стратегии США, опубликованном Пентагоном 1 июня 2019 года, вместо традиционного понятия «Азиатско-тихоокеанский регион» ввела понятие «Индо-тихоокеанский регион». В нем регион от западного побережья США до западного побережья Индии объявляется «самым критически важным регионом для будущего США» [9]. Новая Индо-тихоокеанская стратегия США направлена на сдерживание Китая путем создания своего рода дуги от Индии до Японии. В ней речь идет о мерах по защите свободы навигации в Южно-Китайском море.

Оценивая место и значимость китайской инициативы «Один пояс, один путь», можно утверждать, что речь идет о грандиозном и амбициозном проекте, реализация, которого может стать одним из новых знаковых факторов, могущих поставить окончательную точку в наметившихся процессах постепенного выдавливания США с евразийского геополитического пространства. Более того, она способна кардинально изменить экономическую карту не только Евразийского континента, но и современного мира в целом. С геополитической точки зрения особо важное значение проекта «Один пояс, один путь» состоит в том, что его реализация способна внести в тех или иных формах и масштабах разлад в отношениях внутри коллективного Запада, между США, с одной стороны, и государствами Евросоюза, с другой стороны, а также между самими государствами-членами Евросоюза. Иначе говоря, эти и комплекс других связанных с ними факторов наращивают процесс формирования своего рода евразийской оси, которая становится фактором, коренным образом, преобразующим геополитический облик современного мира, как бы легитимируя конец либерального/однополярного и создавая условия для завершения уже набирающего темпы формирования нового полицентрического миропорядка.

Вполне может быть, что проект в полной мере не удастся реализовать. Более того, он может дополнить перечень одного из неосуществимых проектов. Но в современном мире порой невозможное становится возможным, а возможное невозможным, о чем свидетельствуют те процессы и тенденции, которые уже стали реальностью на огромном евразийском пространстве и становятся серьезным препятствием на пути защиты Вашингтоном здесь своих интересов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. Москва: Международные отношения, 1998.
2. *Гаджиев К.С.* Большие трещины на «Великой шахматной доске» // *Мировая экономика и международные отношения.* 2017. № 1.
3. *Головченко С.А.* Америка пошла на Китай войной, зная ее исход. 19 июня 2018 // <https://svpressa.ru/politic/article/203129>

-
4. *Кадомцев А.* Большая игра в Центральной Азии – соперничество продолжается. 25.10.2018 // <https://interaffairs.ru/news/show/20839/>.
 5. *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? М., 2002.
 6. *Тарасов С.* Россия, Индия и Иран создают свой «Шелковый путь». Портал Regnum. Информационное агентство. 1 ноября 2018 // <https://regnum.ru/news/2511787.html>.
 7. *Apps P.* Towards a post-American Middle East // <https://www.reuters.com/article/apps-mideast-idUSL5N27134E>
 8. China is playing the long game // Taipei Times. March 28, 2019.
 9. *Güller M.A.* AsyaYüzyılı' ve G3 // Cumhuriyet. 18 Şubat 2019.
 10. *Haass R.N.* The Post-American Middle East // The Project Syndicate. Dec 18, 2019 // <https://www.project-syndicate.org/commentary>
 11. *Hanke Th.* Europa entdeckt neues Selbstbewusstsein gegenüber China // Handelsblatt. 26 März, 2019.
 12. *Kantchev G.* China and Russia Are Partners – and now have a \$55 billion pipeline to prove it // The Wall Street Journal. December 1, 2019.
 13. *Mackinder H.J.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. New York, 1919.
 14. *Merry R.W.* Great Power Game is On and China is Winning // American Conservative. May 22, 2019 // <https://www.theamericanconservative.com/articles>.
 15. *Shepard W.* Watch Out, China: India Is Building A 'New Silk Road' Of Its Own // Forbes. January 28, 2017.
 16. *Tanas O., Shiryayevskaya A., Murtaugh D.* How Russia-China Gas Pipeline Changes Energy Calculus // Bloomberg. November 25, 2019.
 17. Union européenne-Chine: le bon virage de Paris // Le Monde. 27 mars, 2019.

K.S. GADGIEV

*Doctor of Sciences (history), Professor,
Chief Researcher at the National Research
Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

THE PROJECT “ONE BELT, ONE WAY” IN THE GEOPOLITICAL DIMENSION

The article attempts to identify and analyze the place and role of the Chinese project “One belt, one path” in those tectonic shifts that occur in the geopolitical realities of the modern world. The main attention is concentrated on substantiating the thesis that its key goal is to bring up the material base on the Eurasian continent under globalization, which covers, first of all, financial,

technological, informational, ideological and other spheres. It is shown that, providing for the creation of a kind of Eurasian axis from a number of transport corridors to connect Asia with Europe, the project is designed to oust the United States from the Eurasian continent as a competitor to China and its possible allies. It is concluded that its implementation may become one of the factors for changing the geopolitical image of not only the Eurasian continent, but also the modern world as a whole.

Key words: *China, Russia, USA, Asia, Europe, Eurasia, Eurasian space, globalization, geopolitics, project, transport corridor, world order.*

*кандидат политических наук,
доцент кафедры международных отношений
и права Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса,
Россия, г. Владивосток*

*доктор исторических наук, профессор
кафедры международных отношений и права
Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток*

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОДХОДОВ К ПРОБЛЕМАМ ЛОКАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Данная статья продолжает цикл статей авторов, посвященных актуальной теме – анализу научных подходов к исследованию цивилизаций. Задача авторов сформулировать основные отличия концепций, точки соприкосновения, а также предложить альтернативную классификацию для исторических парадигм. Предложенный ранее авторами цикл статей ставит задачей провести анализ основных методологических подходов исследования цивилизаций. В данной статье авторами рассматриваются структурно-разработанные подходы в таких рамках, как западно-скептические, культурологические, биологические или естественные, а также упаднические подходы.

Ключевые слова: *русская локальная цивилизация, западно-скептический подход, культурологический подход, биологический или естественный подход, упаднический подход.*

В целом, для дальнейшего исследования всей совокупности проблематики локальных цивилизаций, необходимо рассмотреть еще одну группу подходов, в той или иной мере касающихся данного вопроса. Это такие подходы, как:

- западно-скептические;
- культурологические;
- биологические или естественные;
- упаднические.

Ранее авторы рассмотрели западно-ориентированные подходы [2. С. 358-365; 3. С. 2603-2612], которые имеют глубокие научные и религиозные традиции. Прежде всего, они заявляют о преимуществах и неоспоримой универсальности западноевропейского типа развития цивилизаций. Однако для понимания всей глубины проблемы, необходимо исследовать и другие подходы. Поэтому вторая категория научно-исследовательского подхода авторами определена как **западно-скептическая**. Так, О. Шпенглер [11] говорит о «Душевном принципе» русской цивилизации как стремление заключить мир в братский союз, что кардинально противостоит западному: «не свое» надо подчинить, завоевывая» [4. С. 33]. Ученый выделяет три этапа развития русской культуры. В Московскую эпоху старорусская партия неизменно билась против друзей западной культуры, а «с основанием Петербурга (1703) следует псевдоморфоз, втиснувший примитивную русскую душу вначале в чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, а затем – XIX столетия» [7. С. 197]. России грозит участь стать объектом в истории чужой культуры, у которого более нет души, а стало быть, и собственной истории. Взгляд, который достаточно точно описывает ситуацию происходит в плане «отчужденности» России в культурном плане, объясняющий разрыв произошедший в русской истории. О разрыве говорит также и С.Ф. Хангтингтон [12] «Россия же была разорванной страной на протяжении нескольких столетий, она является еще и стержневым государством основной цивилизации, если же Россия примкнет к Западу, православная цивилизация перестанет существовать» [21. С. 213]. Как и О. Шпенглер, С.Ф. Хангтингтон исследует фазы взаимоотношений России с западной цивилизацией:

1. До царствования Петра Великого.
2. Петр создал разорванную страну.
3. Большевицкая революция ознаменовала начало третьей фазы взаимоотношений России с Западом.
4. 1990-1995 год период становления Демократической России.

Особенностью классификации стадий у С.Ф. Хангтингтона является то, что «разрыв» времен Петра в его концепции длится во времени, он как бы цикличен, и именно этот разрыв создает жесткий антагонизм Запада и России уже в 90-е годы. Но что примечательно: такого антагонизма с Советской Россией исследователь не связывает.

Еще один выдающийся «скептик» Н.Я. Данилевский [1] утверждает, что «Начала цивилизации не передаются от одного культурно-исторического типа другому» [6]. Различные же формы воздействия одного культурного типа на другой не только возможны, но и фактически неизбежны. Однако при этом, собственно, ключевым моментом является цикличность цивилизационного процесса. По мнению Н.Я Данилевского, европейская цивилизация уже пережила наивысшую точку в своем развитии и, следовательно,

не может претендовать на место доминирующей цивилизации. Такой взгляд является квинтэссенцией западно-скептических подходов.

Также как Н.Я. Данилевский, К. Леонтьев [13] выдвигает теорию трех стадий развития цивилизации. Это стадии юности, зрелости и старости. Любая цивилизация имеет временные пределы своего существования. Максимальный возраст цивилизации – 1000-1200 лет. По его мнению, цивилизация является последней стадией развития любой культуры. Для К. Леонтьева цивилизованность – это болезнь и разложение общества, а запад как общество стремится к самоубийству через цивилизацию. Для него все формальные признаки цивилизации, универсализация процессов – это остановка, неподвижность и смерть для общества. В 21 веке подобная идея приобретает новое звучание и особую актуальность в связи с процессами глобализма и универсализации культур. По мнению К. Леонтьева отсутствие формообразующей религии, которая пронизывала бы весь духовный строй славянских народов, где часть из них – православные, а часть являются католики, существует лишь племенная общность «славянства», но нет общей национальной идеи «славизма». Все это является прямым свидетельством того, что «славянской цивилизации» в общем понимании этого словосочетания не существует. В этом плане К. Леонтьев не только приверженец западно-скептического подхода, но также критически относится к понятию «славянская цивилизация». Довольно спорным представляется выделять как признак цивилизации исключительно религиозную принадлежность. Вероятнее цивилизации формируются не только на основании общего мировоззрения, но также общего исторического опыта и родственных культур. Поэтому данный тезис исследователя представляется не обоснованным и спорным.

В целом для «скептиков» характерно противопоставление «старых» и «новых» обществ, и попытки обосновать данный подход с точки зрения стадий.

В этом ключе стадийный взгляд на исследование цивилизаций можно сравнить их с еще одной разновидностью подходов – **культурологическим**. Ученые этого направления старались переосмыслить само понятие цивилизации и соотношение этого термина с термином «общество». Так, Ф. Бродель [14] считал, что общество никогда не может быть отделено от цивилизации, и наоборот: оба понятия касаются одной реальности. Для У. Мак-Нила [14] «цивилизация» – это определенный способ социальной организации, которая появляется в тот момент, когда корпус авторитетных текстов (догматы, своды правил) становится нормативным среди образованных людей (чаще всего это духовенство) [22]. Такая цивилизация может расширяться в пределах границ, определяемых признанием авторитетности этих текстов, и может существовать до тех пор, пока содержащиеся в них нравственные нормы будут твердо храниться теми, кто их изучает и распространяет. По большому счету У. Мак-Нил интуитивно приблизил-

ся к понятию «мягкая сила» [15], так как распространение мировоззрения и собственного образа жизни для любой цивилизации является основным инструментом выживания как системы. Данный тезис ставит на первое место именно развитие невоенных методов поглощения более развитыми цивилизациями более слабых, что является практически прямой задачей таких обществ.

Интересные взгляды Л.И. Мечникова [16] на проблему цивилизаций, который создает географическую теорию цивилизаций. По его мнению естественной среде свойственно изменяться под воздействием труда многих поколений людей, являющихся творцами культурных преобразований на земле. Люди используют для преобразования свои способности и технические достижения. Влияние природных факторов (геосферы, гидросферы, атмосферы) считает превалирующим в развитии обществ, особенно выделяет водные пути и артерии как главный фактор в развитии цивилизаций на ранних этапах, в этом схож с Дж. Маккиндером. В связи с обоснованием зависимости развития обществ от природных условий Л.И. Мечников выделил три периода и соответствующие им эпохи в истории развития всемирной цивилизации: речной период, средиземноморский период, океанический период, который охватывает Новое время [15. С. 56].

Б. Поршневу [5] отмечает, что существует принципиальный разрыв между человеком и всеми другими животными. Антропогенез не является восходящим процессом постепенного очеловечивания обезьяноподобных предков, а крутой вираж над пропастью, в ходе которого в природе появилось, а затем исчезло нечто, принципиально отличное и от обезьян, и от людей [10. С. 122]. Мышление человека – это не развитие способов обработки информации, существующих у других животных, а принципиальное новобразование. Мышление человека первично коллективно и изначально осуществлялось сетью мозгов, связанных речевыми сигналами. Лишь по мере развития общества формируется индивидуальное мышление. Труд человека принципиально отличается от труда пчелы и бобра тем, что человек сначала думает, а затем делает. Этот труд свойствен только *Homo sapiens*. Человек – это не биосоциальное, а полностью социальное существо, по мнению ученого. В таком случае задачей любой локальной цивилизации кроме распространения мировоззрения и образа жизни становится еще и «форматирование» социальных институтов для создания человека определенного склада, что также является формой как информационной борьбы, так и следствием все усиливающейся глобализации. Но при этом возникает вопрос о самом «образце форматирования». Насколько возможна универсализация модель такого взаимодействия и воспитания? Какой именно цивилизационный образец наиболее подходит для всех? Особенно остро встают эти вопросы в эпоху деградации традиционных обществ и ценностей, а также практическом разложении «образа западного человека» последние три десятилетия.

Предвосхищает такое развитие событий Л. Гумилев [17]. В своих трудах он пишет о «волнах пассионарности», спад в его теории сменяется подъемом и не смотря на явно идеалистическое видение и попытку конструировать собственный образец «сверхчеловека» аналогичного «сверхчеловеку» Ф. Ницше, Л. Гумилев точно подмечает волновой характер развития локальных цивилизаций. В современном мире также спорна идея связи группового самосознания и ландшафта, постоянные перемещения людей и их групп является зафиксированным научным фактом даже для самых архаичных обществ. Идея же «суперэтноса» соотносится с современным понятием «цивилизации». В связи с этим Ф.Ф. Арместо [23] отмечает, что термин «цивилизация» является синонимом «общества» и «культуры», то есть определенной целостности в конкретном обществе людей, будь то культурное, ментальное, или экономическое единство.

Окружающая среда предоставляет цивилизации свои ресурсы, и подчиняет ритму своей жизни. Именно поэтому одни общества развивались в рамках своей, скажем так, экосистемы, другие же третировались тяжелыми и жесткими условиями. «Цивилизация», как считает Ф.Ф. Арместо, может сколько угодно существовать во времени и пространстве, развиваться в любую сторону, если постарается соблюдать баланс между собственной организационной сопряженностью и окружающей средой, с которой тоже можно производить модификации. Более сложная по сравнению с остальными культурологическими теориями, теория Ф.Ф. Арместо представляется наиболее современной, но также имеет слабое место в плане отсутствия обозначенной конкретики, тем более что, если говорить о современном этапе развития обществ строгой привязки к географическим факторам и условиям среды утверждать нельзя.

Об условиях среды ведутся споры и в рамках **биологических или естественных подходов**. К. Лоренц [18] в своих работах утверждал, что, человек, приспособленный эволюцией для выживания в небольшом коллективе (что видно уже из того, что трудно запомнить более двух-трех десятков людей и поддерживать с ними близкие отношения), в условиях мегаполиса не может без дополнительной психической нагрузки сдерживать свою природную агрессивность. Основные тенденции в человеческом обществе: опустошение жизненного пространства; высокий темп жизни, навязанный всеобщей конкуренцией; возрастание нетерпимости к дискомфорту; генетическое вырождение; разрыв с традициями; индоктринируемость; угроза ядерного оружия. Так как К. Лоренц являлся зоологом, то его подход носит характер анализа именно с позиций зоологии и близок к некоторым социал-дарвинистическим теориям. Н. Элиас [19] рассматривал социальное развитие как стихийную силу, которой противостоит человеческий вид. По его мнению, люди до сих пор противостоят общественному развитию настолько же беспомощно, пытаясь понять его, как люди средневековья противостоя-

ли стихиям природы. Через это становится понятным то, что имманентная динамика и саморегуляция процесса цивилизации и образования государства, ускорившаяся в период перехода от средневековья к Новому времени, продолжается вплоть до настоящего времени.

Решающее значение для развития западноевропейской цивилизации имели данные «фигурации»: феодализм, конкуренция, монополия и монархия. Процесс цивилизации, т.е. одновременное протекание двух процессов на уровне индивида – изменение его поведения (меняется баланс между принуждением индивида другими и самопринуждением в сторону увеличения последнего); на уровне общества – изменение «фигурации», которую люди образуют друг с другом. Изъян такого подхода в том, что противостояние «стихий» осуществляется частями данной стихии, и общественное развитие даже если принять на веру тезис о его «внешнем» влиянии процесс, напрямую зависящий от групп людей, из которых он состоит, а индивиды в отличие от природы совершенно точно являются носителями осознанности. Кроме того, термин «фигурации», явное переинчивание термина «формация» К. Маркса, что неоправданно в контексте подобных теорий.

По сравнению с биологическими, **упаднические теории** отказываются от идеи эволюции цивилизационных систем и предполагают такое образование в природе, как цивилизация неестественным, а, следовательно, обреченным на уничтожение. Д. Даймонд [20] выделяет пять пунктов, по которым можно определить, как скоро то, или иное сообщество ждет скорый коллапс: разрушение среды обитания; изменение климата; враждебные соседи; дружественные торговые партнеры; отношение общества к окружающей среде. Аналогия с К. Лоренцом очевидна, но как представитель упадническо-скептического подхода Д. Даймонд считает, что данные проблемы человечества приведут к падению цивилизационных образований с невозможностью их реставрации.

Российский ученый С. Нефедов [8] в статье «Монгольские завоевания и формирование российской цивилизации», рассматривает особенности исключительно «русской цивилизации» и делает вывод о том, что завоеватели (монголы) установили в русских княжествах государство китайского образца, делая упор на их лингвистическую схожесть различных политических терминов как доказательство влияния монголов на Русь. Если учесть тот факт, что так называемое «татаро-монгольское иго» в истории России мифологизировано и находится в четко очерченной норманской теории, то суждения С. Нефедова являются весьма и весьма спорными и не отвечают исторической правде. Но если же допустить взгляд ученого на завоевания монголов и установление в русских княжествах государство китайского образца, то тем самым ученый отказывает «русской цивилизации» в самостоятельности происхождения и вписывая Россию в «китайский цивилизационный круг» [9. С. 122]. Данная точка зрения на генезис «русской

цивилизации» представляется надуманным, имел место скорее культурный обмен и влияние того, что можно назвать «мягкой силой», но даже условное норманское влияние можно считать более существенным фактором, чем монгольское влияние, прошедшее больше по касательной линии, чем проникнув в глубины генезиса цивилизационных структур в России. Яркий пример монгольского влияния страна-сосед Казахстан, и цивилизационные отличия с Россией там выражены максимально ярко.

Некоторые из вышеописанных подходов близки друг к другу по доводам. Например, подходы С. Хантингтона и Х.Дж. Маккиндера, которые выводят взаимосвязь судьбы цивилизации с географией, считают ключевой территорией центр евразийского континента, а также являются западно-ориентированными исследователями. Взгляды С.Ф. Нефедова сходны со взглядами И. Валерстайна, так как у обоих исследователей подчеркивается ведущая роль европейской цивилизации и периферийность условно «азиатских» систем. Стадиальность по разным основаниям выводят такие ученые как С. Хантингтон, Г. Рюккерт, К. Леонтьев, К. Лоренц, Д. Даймонд. А высказывания на счет того что европейская цивилизация не имеет преимуществ перед остальными, последовательно доказывают Н.Я. Данилевский, Г. Рюккерт, К. Леонтьев.

Исходя из вышерассмотренных подходов можно сделать вывод что, локальная цивилизация – это особый образ жизни общества, зачастую определенный географическими рамками. Кроме того, это мировоззрение доминирующей культуры, которая с помощью методов универсализации навязывает свою доминанту и ассимилирует более слабые, используя в качестве основного возможного действия закон подобия, порядок против хаоса разнообразия, расстановку отношений в виде концепта: «мы и варвары». Задача каждой успешной локальной цивилизации в таком контексте, создать наилучший универсальный образец жизни, распространить его на наибольшее количество примыкающих сообществ. Основным инструментом выступает культурная экспансия, корпоративные принципы существования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи». Электрон. текстовые дан. // <http://www.vehi.net/danilevsky/rossiya/index.html>.
2. Вопросы политологии. 2020. № 2.
3. Вопросы политологии. 2019. Том 9. № 12 (52).
4. Горелов А.А., Горелова Т.А. «Закат Европы» О. Шпенглера и возможность заката мира // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1.
5. Горина Е.Н. Л.И. Мечников о роли географического фактора в развитии общества // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. 2008. Т. 8. Вып. 2.

6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Литература и жизнь. Электрон. текстовые дан. // http://dugward.ru/library/danilevskiy_n_ua/danilevskiy_n_rossiya_i_evropa.html#vrajd.

7. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / Шпенглер О; пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. Москва: Мысль, 1998.

8. Научная библиотека Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Электрон. текстовые дан. // http://library.khsu.ru/cgi-bin/irbis64r_12/cgiirbis_64.exe.

9. Нефедов С. Монгольские завоевания и формирование российской цивилизации // Вопросы истории. 2006. № 2.

10. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Б.Ф. Поршнев; науч. ред. О.Т. Вите. СПб.: Алетейя, 2007.

11. Словарь академик. Электрон. текстовые дан. // https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1384/A0.

12. Словарь академик. Электрон. текстовые дан. // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/364200>.

13. Словарь академик. Электрон. текстовые дан. // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/8546>.

14. Словарь академик. Электрон. текстовые дан. // https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8037/8C.

15. Словарь академик. Электрон. текстовые дан. // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1571557>.

16. Словарь академик. Электрон. текстовые дан. // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/82530/0%92>.

17. Словарь академик. Электрон. текстовые дан. // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/111442>.

18. Словарь академик. Электрон. текстовые дан. // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/978228>.

19. Словарь академик. Электрон. текстовые дан. // https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/9462/A1.

20. Словарь академик. Электрон. текстовые дан. // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/894309>.

21. Столкновение цивилизаций / Хантингтон С.; автор предисл. Н. Ютанов. Москва: Издательство АСТ, 2003.

22. Цивилизации. Электрон. журн. Москва: Наука, 1993. Выпуск 2 // https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Mac_Civil.php.

23. Электронная библиотека Royallib.com. Электрон. текстовые дан. // https://royallib.com/book/fernandesarmesto_felipe/tsivilizatsii.html.

A.A. NIKOLENKO

*Graduate Institute of law and administration
of the Vladivostok State University of Economics
and service Vladivostok State,
Vladivostok, Russia*

A.A. TUSHKOV

*Professor, Department of International
Relations and Law, Vladivostok State University
of Economics and Service,
Vladivostok, Russia*

ON THE ISSUE OF METHODOLOGICAL BASES OF RESEARCH OF APPROACHES TO THE PROBLEMS OF LOCAL CIVILIZATIONS

This article continues the series of articles by authors on a topical topic – the analysis of scientific approaches to the study of civilizations. The task of the authors is to formulate the main differences of concepts, points of common ground, as well as to propose an alternative classification for historical paradigms. The article series proposed earlier by the authors aims to analyse the basic methodological approaches of the study of civilizations. This article explores structurally-developed approaches within the framework of Western-sceptic, cultural, biological or natural, as well as decadent approaches.

Key words: *Russian local civilization, Western-skeptic approach, cultural approach, biological or natural approach, decadent approach.*

РЕЛИГИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭРИХА ФРОММА: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

В статье обсуждаются теоретические и методологические проблемы изучения религии в творчестве Эриха Фромма. Анализируются социально-психологические аспекты темы религии в работах Э. Фромма. В статье делается акцент на психоаналитический подход (социокультурный вариант Э. Фромма) к религиозной проблематике.

Ключевые слова: религия, религиозность, методология, личность, психоанализ, психоаналитический подход, нарциссизм, социальная ситуация.

Целый ряд работ Фромма посвящен социально-психологическим аспектам религии, наиболее известные из них – «Психоанализ и религия» [13], «Дзен-буддизм и психоанализ» [8], «Догмат о Христе» [7], «Вы будете как боги. Радикальная интерпретация Ветхого Завета и его традиций» [6]. Для понимания концепции Фромма в целом и его взглядов на религию большое значение имеют также работы «Бегство от свободы» [5], «Забытый язык» [10], «Искусство любить» [12], «Душа человека» [9], «Анатомия человеческой деструктивности» [4], «Ради любви к жизни» [14].

Фромм считал, что до появления психотерапии только религия была ответственной за душевное и духовное здоровье человека.

В мировых религиях тысячелетиями накапливались знания, которые очень ценны для современной психологии. Задача священника в значительной степени совпадает с теми, которые сегодня решают психологи и психотерапевт: «... В настоящее время две профессиональные группы занимаются душой человека – священники и психоаналитики» [13. С. 225]. Психология и психотерапия приняла у религии эстафету заботы о духовном здоровье человека, психоанализ претендует на заботу о душевном здоровье человека. Если для Фрейда и Юнга религия – только объект исследования, то Фромм нередко видел в ней партнера психотерапии и в исследовательском плане, и в плане врачевания.

Понимание религии Фромма весьма широко: «...под «религией» я понимаю любую систему взглядов и действий, которой придерживается какая-то группа людей и которая дает индивиду систему ориентации и объект поклонения» [13. С. 236]. Всякое служение каким бы то ни было идеалам – есть религиозность, независимо от того, поклоняются ли идолам, богам, святым или вождям, классу, нации, партии, успеху, богатству, силе. Религиозность характеризует природу человека [1; 2; 3]. Любой Человек является религиозным, а религия – неизбежно присущей всем историческим эпохам.

Невроз – одна из разновидностей религии, считал Э. Фромм. Если Фрейд, считал религию коллективным неврозом, то Фромм трактовал невроз «как личную форму религии или, точнее, как регрессию к примитивным формам религии, находящимся в конфликте с официально признанными формами религиозной мысли» [13. С. 241].

Фромм различает религии на авторитарные и гуманистические. В авторитарной религии центральная идея – идея, согласно которой человек должен повиноваться внешней силе, господствующей над ним. Главная добродетель здесь – послушание, а главный грех – неповиновение. По мнению Фромма, повиновение могущественной власти представляет для человека один из способов избавиться от чувства одиночества и собственной ограниченности. Актом подчинения человек утрачивает независимость и цельность как индивид, но обретает чувство безопасности и защищенности благодаря внушающей страх и благоговение силе, частью которой как бы становится [13. С. 246].

Гуманистическая религия сосредоточена на человеке и его способностях, ориентируя индивида на самостоятельность, веру в собственные силы, реализацию своего потенциала; она утверждает ценность человеческой личности, ее право на счастье и свободу. Религиозное переживание есть переживание единства со всем сущим, основанное на родственном отношении к миру, осознанном при помощи мысли и любви. Гуманистическая религия развивает способность любить ближнего и самого себя, чувство солидарности со всеми живыми существами. Целью человека в такой религии является достижение величайшей силы, а не величайшего бессилия, добродетелью – самореализация, а не покорность.

Религиозность, по мнению Фромма, не обязательно связана с теизмом, и идею Бога рассматривал как символическую. Безбожие не означает безрелигиозность. Религия – выражение стремления решить ключевые проблемы человека в мире, поскольку изначально человек находится в такой психологической ситуации, которая неизбежно ставит перед ним определенные вопросы, и вынуждает к поискам ответов. Религия – отражение тенденций этого процесса, и методология выбора решений, по мнению Фромма.

Социально-психологические аспекты теории религии невозможно понять без категории отчуждения, которую Фромм заимствовал в ранних

работах К. Маркса. «Переживание отчужденности порождает тревогу, и в конечном счете тревога всегда происходит от этого. Быть отчужденным – значит, быть отрезанным от мира, не имея возможности воспользоваться своими человеческими силами. Поэтому быть отчужденным – значит быть беспомощным, неспособным активно воздействовать на окружающий мир, на вещи и людей; это значит, что мир может посягнуть на мои права, а я не смогу защититься. Таким образом, отчужденность является источником внутреннего беспокойства. Кроме того, это порождает стыд и чувство вины... Осознание человеческой разобщенности без воссоединения любовью – вот источник стыда. И здесь же источник чувства вины и тревоги [12. С. 114-115].

Главная и самая глубокая потребность человека – это потребность преодолеть свою отчужденность и одиночество. Но достичь этой цели невозможно. Одиночество можно преодолеть, лишь совсем уйдя от внешнего мира, и чувство одиночества – исчезнет постольку, поскольку исчезнет сам внешний мир, от которого был отчужден индивид.

Форм преодоления отчуждения и одиночества Фромм называл всевозможные *оргастические* состояния, подчинение группе, творческую деятельность и любовь. Но наряду со зрелыми формами любви есть ее незрелые формы, которые Фромм называл *симбиотической связью*, и выделял в ней следующие разновидности: нарциссизм, некрофилию и инцестуозную фиксацию, в совокупности они образуя так называемый синдром распада. Противоположный ему – синдром роста (любовь к ближнему, биофилию, стремление к независимости и свободе).

Как гуманистические, так и авторитарные религии обнаруживают в той или иной степени обе тенденции. Фромм приводит множество примеров из Ветхого Завета. Ветхий Завет, полагал Фромм, не считает, что человек порочен в своей основе. Неповиновение Богу со стороны Адама и Евы не рассматривается как грех, и нигде нет указаний на то, что именно оно погубило человека. Напротив, неповиновение является предпосылкой того, что человек осознал самого себя, стал способен на самостоятельные действия. Первый акт неповиновения в конечном счете является первым шагом на пути к свободе.

Главное в учениях мировых религий – это преодоление нарциссизма человека. Особенно ярко этот принцип выражен в буддизме.

Учение Будды исходит из того, что освобождение человека от страданий – путь преодоления собственных иллюзий и осознание своей действительности, болезни, старения, смерти и невозможности достижения целей своих страстей. Только преодолев свой нарциссизм, человек способен быть полностью живым. Лишь отказавшись от иллюзии своего несокрушимого «Я» и от всех других объектов своей алчности, человек сможет открыть себя миру полностью и вступить в отношение с ним.

В иудаизме и христианстве, считал Фромм, цель, сводимая к преодолению нарциссизма, формулируется по-разному. В заповедях Ветхого Завета говорится о необходимости преодолеть свой нарциссизм хотя бы настолько, чтобы другой человек был так же важен, как и собственная личность («... возлюби ближнего своего, как самого себя»). Но заповеди Ветхого Завета идут дальше и требуют любить «другого» человека («...люби его, как себя; ибо и вы были пришельцами в земле Египетской». «Другой», пришелец – это как раз тот, кто не принадлежит к твоему роду, твоей семье, твоему народу. В «другом» открывается человеческое существо. В любви к «другому» исчезает нарциссическая любовь, ибо она означает, что я люблю человеческое существо в его бытии как таковом, в его ином-нежели-мое бытии, а не потому, что оно такое, как мое. Новый Завет выражает такую же мысль «любите врагов ваших».

Только человек, преодолевший свой нарциссизм и может сказать «я есть ты», тогда он способен любить людей и мир.

Близкое знакомство Эриха Фромма с М. Хоркхаймером, Г. Маркузе, В. Райхом повлияло на его увлеченность идеями Маркса, что получило свое отражение на проблемы социальной психологии религии. Как результат, в 1930 г. выходит работа «Догмат о Христе» [7]. Фромм считал, что религиозные идеи – результат сложного взаимодействия культуры и экономических, социальных структур. В этой работе Фромм выступает как социальный психолог, психоаналитик, занимающийся проблемами истории, теории и психологии религии.

Работа Фромма «Догмат о Христе» посвящена узкой проблеме социальной психологии, психоистории, вопросу формирования религиозных взглядов людей, статусу взаимоотношений Бога-Отца и Бога-Сына – Иисуса Христа от первых христианских общин до Никейского Собора (IV в.). «Это исследование ставит целью определить, в какой степени изменение в определенных религиозных идеях является выражением психического изменения участвующих в нем людей и в какой степени эти изменения обусловлены условиями их жизни....будет сделана попытка понять эти идеи с точки зрения внутреннего мира людей и их образа жизни и показать, что эволюцию учения можно понять только познанием бессознательного, на которое воздействует внешняя реальность и которое определяет содержание сознания» [7. С. 20].

Теодор Райк незадолго до этого опубликовал работу «Догма принуждения» (1927). Фромм полемизирует с Теодором Райком, который в своей работе пытается исследовать людей не в реальной жизненной ситуации, а рассматривает массу людей как одно целое, как индивида, интерпретирует идеологии не как произведенные человеком, а реконструирует человека, исходя из идеологии.

Первоначально христианство возникает, по мнению Э. Фромма, как религия беднейших слоев Иерусалима, страдающих как от гнета наместников Римской империи, так и местной знати. Христианские верования – это, с точки зрения Э. Фромма, своеобразная идеологическая компенсация изменений, которые не произошли в обществе. «Чем безнадежнее становилась борьба против Рима на политическом уровне, чем более сдавал свои позиции средний класс и становился все более склонен к компромиссу с Римом, тем решительнее становились низшие классы... движение перемещалось на уровень религиозных фантазий и мессианских идей» [7. С. 36].

Идея о мессии – Христе, который вознесся на небо и вернется с тем, чтобы покарать неверных, становится все более популярной. Э. Фромм подчеркивает, что «концепция Иисуса, которой придерживались ранние христиане, гласила, что он был человеком, избранным Богом и возвышенным Им как «мессия, а позднее как «Сын Бога»» [7. С. 48]. Бог избрал Христа за его страдания и наделил своими качествами. В фантазиях отражается мечта о том, что человек за какие-то неординарные качества может быть избран и сам будет вести высший суд. Мировоззренческие изменения отражают, по мнению Э. Фромма, не только определенные социально-экономические условия. Также в них воплотилась одна из сторон комплекса Эдипа. «Отличительная черта ранней христологии – это ее усыновительный характер. Вера в то, что человек станет рядом с Богом, была выражением бессознательного чувства враждебности испытываемого низами к патриархальным верхам и соответственно к Богу-Отцу» [7. С. 53].

Изменения социально-экономической ситуации во II в.н.э. приводит к переменам и в христианстве. Оно перестает быть исключительно религией бедных. Из общины обездоленных и притесняемых христианство превращается в важный социальный институт – церковь, который приобретает значительное общественное влияние. Изменяются эсхатологические ожидания, составлявшие центр веры. «Вера в безотлагательное установление царства постепенно все больше исчезала Надежда на реальное, историческое освобождение было замещено верой в уже свершившееся спиритуальное освобождение» [7. С. 60-61]. Теологические изменения носили социологический характер, обусловленный изменениями социальной функции христианства. Христианство – государственная религия, а не религия восстаний и мятежей.

Изменения коснулись догмата о Христе. Они тесно связаны с социально-психологической ситуацией верующих масс. Идея замещения человеком Бога постепенно трансформируется в иную концепцию божественного, в концепцию высшего неприкосновенного существа. Импульс ненависти по отношению к Отцу замещается покорной любовью. «... Безнадежно свергать отца, более удобным психологическим выходом было подчиниться ему, любить его и удостаиваться любви от него» [7. С. 66]. Но сама ненависть

от этого не исчезает. Человек направляет существующий как элемент Эдипова комплекса импульс ненависти на себя. Э. Фромм отмечает самоуничтожительный характер христианства.

Кроткая сыновья любовь приводят к тому, что Бог-отец в христианстве начинает постепенно становиться все более женственным. «Строгий, могущественный Отец превратился в предоставляющую приют и защиту мать; когда-то мятежный, затем страдающий и пассивный сын превратился в маленького ребенка... появилась божественная фигура Великой Матери и стала доминирующей фигурой средневекового христианства» [7. С. 69]. Это способствовало становлению культа пресвятой девы Марии. В психоаналитических интерпретациях истории развития религии Фромм опирается во многом на работы своего учителя Шандора Радо, преподающего в Психоаналитическом институте.

В заключении работы Э. Фромм делает следующий вывод: «Главное значение веры ранних христиан в страдающего человека, ставшего Богом, заключалось в подразумеваемом желании свергнуть Бога Отца или его земных представителей. Фигура страдающего Христа возникла из идентификации страдающих масс... Изменение экономической ситуации и социального состава христианской общины видоизменяло психологическую позицию верующих. Догмат: представление о человеке, ставшем Богом, превратилось в представление о Боге, ставшем человеком. Отца же не надо свергать; виноваты не правители, а страдающие массы. Агрессия направлена уже не против власти, а против личности самого страдающего ...» [7. С. 87].

Методология исследования, раскрывающая внутренние пружины формирования религиозного сознания весьма показательна не только для Э. Фромма, но и для всего нарождающегося движения в психоанализе – социокультурного психоанализа (неофрейдизма). Хочется отметить методологический дуализм Фромма. Ученый подходит к объяснению фактов истории и теории религии как с позиций психоанализа, так и с помощью обращения к причинам социально-экономического порядка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Зенько Ю.М.* Психология и религия. СПб.: Алетейя, 2002.
2. *Смирнова Е.Т.* Введение в религиозную психологию. Самара: Бахрах-М, 2003.
3. *Угринович Д.М.* Психология религии. М.: Политиздат, 1986.
4. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.
5. *Фромм Э.* Бегство от свободы / общ. ред. и послесл. П.С. Гуревича. М.: Прогресс, 1990.
6. *Фромм Э.* Вы будете как боги // Новая Философия. Догмат о Христе и другие эссе по религии, психологии и культуре. Сборник. М.: АСТ, 2013.

7. Фромм Э. Догмат о Христе. М.: Олимп: АСТ, 1998.
8. Фромм Э. Дзэн-буддизм и психоанализ. М.: Айрис-Пресс, 2004.
9. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.
10. Фромм Э. Забытый язык. Душа человека. М.: АСТ-ЛТД, 1998.
11. Фромм Э. Иметь или быть? / Величие и ограниченность теории Фрейда. М.: АСТ, 2000.
12. Фромм Э. Искусство любить. Душа человека. М.: Республика, 1992.
13. Фромм Э. Психоанализ и религия. Иметь или быть? 2-е изд., доп. М.: Прогресс, 1990.
14. Фромм Э. Ради любви к жизни. М.: АСТ, 2000.

P.V. AGAPOV

*Candidate of sociological sciences,
associate professor of the Department of History
and Theory of Sociology of the Sociology Faculty
of Moscow State University M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

RELIGION IN THE WORKS OF ERICH FROMM: SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE PROBLEM

The article discusses the theoretical and methodological problems of studying religion in the work of Erich Fromm. It analyzes the socio-psychological aspects of the theme of religion in the works of E. Fromm. The article focuses on the psychoanalytic approach (socio-cultural version of E. Fromm) to religious issues.

Key words: *religion, religiosity, methodology, personality, psychoanalysis, psychoanalytic approach, narcissism, social situation.*

DOI 10.35775/PSI.2020.55.3.004

УДК 32.323

О.Г. РУМЯНЦЕВ

кандидат юридических наук,

*Президент Фонда конституционных реформ,
народный депутат России (1990-1993 гг.),*

*ответственный секретарь Конституционной
комиссии Съезда народных депутатов*

Российской Федерации,

Россия, г. Москва

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8977-4050>

О НЕКОТОРЫХ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 г. В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

До реформы-2020 Конституция, при известных изъянах содержания и процедуры принятия, воспринималась многими как основа консенсуса и дальнейшего развития. Конституционная реформа изменила текст Конституции на треть, а дух ее и общественное восприятие – почти полностью. Требуется анализ состояния и перспектив реформирования отношений государства и общества, как и соответствия предпринятого замаха нарастающим вызовам и явно усиливающемуся общественному запросу социально-политического развития России как обновленной передовой нации. С принятием новой редакции Конституции вряд ли исчезнут причины объективного обострения противоречий, острой политической дифференциации в обществе и субъективные трудности в управлении процессом нарастающего размежевания. Потенциал консенсуса середины десятилетия подходит к концу. Нужны глубинные стимулы к новой и долгосрочной консолидации общества и государства.

Ключевые слова: *гражданское общество, конституционный строй, конституционная реформа, поправки к Конституции Российской Федерации, единая система государственной и публичной власти, политическая институциональная инженерия, Конституционная комиссия.*

До реформы-2020 Конституция, при известных изъянах содержания и процедуры принятия, воспринималась многими как вынужденная основа консенсуса и дальнейшего развития. Конституционная реформа изменила текст Конституции на треть, а дух ее и общественное восприятие – почти полностью.

В сложившейся ситуации требуется анализ дальнейших отношений государства и общества, соответствия предпринятого замаха нарастающим вызовам и общественному запросу социального и политического развития России как обновленной передовой нации.

Это не менее сложно, чем избранный способ спасения корпоративной системы, сложившейся в конкретно-исторических условиях конца 1993 г. как временная. Вполне возможно, что сделана ставка на заложенный командой Ельцина мощный самовозрастающий авторитарный потенциал внутреннего ядра Конституции в целях укрепления специфического российского конституционализма и преодоления кризиса.

Конституция стала средством решения оперативной задачи, демонстрации того, в чьих руках находится и будет пребывать инициатива. Для основного закона перетягивание каната «*привлекательности инициативы и самих конституционных поправок*» выглядит недостаточно фундаментально, а тактические баллы получены со стратегически неприятным довеском в виде углубления раскола в обществе – уже по вопросу Конституции.

Поправки – после всех этапов быстрой кампании – постарались дать ответ на насущные потребности конституционного строя. Вместе с тем, обойденными красноречивым молчанием остались давно требуемый разворот к народовластию, возврат обществу права голоса и многообразия форм общественного участия, народный и конституционно регламентированный парламентский контроль за действиями публичной власти, развитие политических институтов, включая гарантии свободных выборов и реформу партийно-политической системы.

Именно институты и организации гражданского общества являются аккумуляторами, выразителями, представителями и участниками процессов согласования многообразных интересов, саморегулирования общественных отношений, инициирования, обсуждения и участия в контроле за выполнением принятых нормативно-правовых актов различного уровня.

Необходима целостная эко-среда и архитектура многообразных, встроенных в систему принятия решений некоммерческих организаций, представляющих интересы регионов и территориальных сообществ, производителей и потребителей, предпринимателей и работников, экспертов и практиков, весь политический спектр; способная заместить собою миллионы чиновников и госслужащих.

В принципе, в конституционных поправках 2020 г. есть две группы положительных новаций, продвигающих нас в правильном направлении. В части изменений в организации и функционировании властного механизма сделан шаг вперед; впрочем, анализ состоявшейся корректировки формы правления – предмет отдельной статьи.

Первую порцию поправок Президента Администрация дополнила ко второму чтению обширным нормативным материалом, посвященным поддерж-

ке различных сторон жизнедеятельности и институтов гражданского общества. Появились важные и в большинстве своем нужные нормы об условиях экономического роста, труде, социальном партнерстве, культуре, воспитании, семье, детях, браке, образовании, языке и др.

Похоже, что 28 лет спустя ее содержание частично реабилитировали. В этой части я не разделяю «вкусовую» критику принятых норм со стороны ряда своих коллег. Многие поправки содержательно находятся в русле опубликованных нами ранее предложений, а значит, труд и Конституционной комиссии и, позже, независимых конституционалистов отчасти оказался не напрасным. Увы, не хватило духа поддержать гражданское общество структурно – в виде самостоятельной знаковой главы 2 (4) «Гражданское общество», как мы это и предлагали сделать и в 1990-1993 гг. (4), и в 2013 г. (1) [2. С. 108-134; 3. С. 10-22; 4. С. 244-251].

Реверансы в сторону общества, впрочем, меркнут на фоне сохранения неизменной самой системы, требующей внесения далеко не тюнинговых, но именно системных изменений. Налицо фатальная подчиненность надстройки базису, как и предопределяли классики исторического материализма.

В современной России определенно рулит неподконтрольный обществу экономический и политический монополизм; эгоизм правящего узкого сословия намертво предопределяет надстройку, включая и правовые узоры на ней. Он требует вовсе не соблюдения прекраснотных основ конституционного строя, а жестких прагматических действий в интересах фактических бенефициаров сложившейся системы отношений производства, присвоения и распределения.

Базис определяет сохранение авторитарного механизма принятия решений, неопременного культа силы, отсутствия институциональных механизмов выявления, представления и согласования групповых и классовых, а теперь еще и кастовых (дожили!) интересов.

Политэкономическое измерение конституционного процесса отражено во «властной» части поправок, поданных через призму основной политэкономической задачи: исключения рисков для закрепления итогов приватизации и последующих переделов собственности для гарантированной передачи состояний и статусов по наследству.

Понятно, что ключевым трендом поправок-2020 стала дальнейшая централизация верховной власти. Для конституционного принципа разделения властей по горизонтали и разграничения полномочий по вертикали прогноз может быть негативным. В рамках выстраиваемой «единой системы государственной и публичной власти» созданная за последние годы единая вертикаль дополняется единой горизонталью власти.

Обновленная система верховного единовластия выглядит почти как система самовластия. Президентская власть распространилась на все государственные органы, фактически расширены властные полномочия главы

государства за счет полномочий других ветвей власти, становящихся под единое начало словно в строй. Сокращается пространство для состязательного совместного диалога, взаимного поиска и осуществления баланса ветвей власти.

С принятием либо неприятием этого, на мой взгляд, и будет в дальнейшем связано основное противоречие отношений общества и государства, а также перспективы развития собственно конституционного строя.

Конфликт верховной власти со значительной частью образованного класса нарастает. По итогам поспешной и достаточно односторонне проведенной кампании стал очевидным кратный рост числа скептиков и пессимистов среди представителей образованного класса.

Весьма вероятным последствием нынешней кампании могут стать обесценивание Конституции и углубление кризиса доверия общества к государственной власти. Прежде всего, Конституции грозит своего рода десакрализация в глазах тех, кто не согласен воспринимать ее в качестве средства достижения прикладных целей политической целесообразности, отличных от высокой задачи построения подлинно конституционного строя.

Как и в 1980-х гг. наблюдается уход значительной части образованного общества (а вовсе не маргинализованной ее части) в латентную сферу, формирование «второго» общества, параллельного официальному миру. Это явление однажды уже послужило основой и движущей силой, социальной базой перестройки в СССР и череды властных трансформаций в странах государственного социализма в конце 1980-х гг. [5; 6. С. 6-31].

К соотношению понятий «общество» и «народ». В Конституции отдается предпочтение понятию «народ», которое открывает Преамбулу и встречается в различных значениях 11 раз (из них 6 раз в смысле народа всей России и 5 раз в смысле народов, проживающих на территории государства). Народ как историческая и культурная общность людей с единством языка, истории, территории, и – в идеале – как политическая нация закреплен Конституцией в качестве носителя суверенитета и единственного источника государственной власти (ч.1 ст. 3).

Но из практики конституционных, общественных, политических и социально-экономических процессов длительного периода 1994-2020 гг. выяснилось, что от столь возвышенно и абстрактно понимаемого народа ничего не зависит. После кажущегося сегодня отнюдь не случайным изъятия из проекта Конституции главы «Гражданское общество» понятие «общество» оказалось наиболее пострадавшим (оно вообще в Конституции не употребляется, хотя 8 раз встречаются сочетания со словом «общественный» – 5 «общественные объединения», 3 «общественная безопасность» и «общественный порядок»). Наша концепция Конституции, между тем, всегда опиралась на понимание договора общества с государством как официальным представителем общества (2).

Именно общество является социальным коллективным актором. Как социальная общность и совокупность институтов и организованных интересов, общественных отношений, оно должно рассматриваться в качестве отправной платформы, ключевой опоры и главного адресата конституционного строя. Именно общество призвано играть ведущую роль равноправного партнера, а если нужно – то и оппонента государства (в случае узурпации последним властных полномочий). Государство подотчетно обществу и обязано, в свою очередь, охранять демократический конституционный строй, законность и правопорядок, обеспечивать необходимые социальные, экономические и политические условия и механизмы для нормального воспроизводства и дальнейшего саморазвития институтов, членов общества и всего народа в целом.

Своеобразным политологическим индикатором последствий реформы-2020 может стать сужение и даже исключение многообразия, конкурентности из целого ряда сфер общественной жизни через некоторые новые «идеологические» поправки к Конституции (о вере в Бога, запрете на умаление значения подвига народа при защите Отечества и др.). В жизни политической плюральности также не становится больше, ввиду красноречивого умолчания о насущных и востребованных конституционных гарантий политической самоорганизации общества в легальных конституционных форматах.

По мнению моей коллеги по Конституционной комиссии Т.Г. Морщаковой, некоторые поправки с содержащимися в них неопределенностями при последующем отражении их в нормах УК и КОАП РФ могут иметь последствием дальнейшие нежелательные для образованного класса ограничения свободы слова, литературного, художественного, научного творчества.

Является ли вообще образованный класс приоритетным адресатом месседжей верховной власти в новых российских условиях? Судя по всему – и это подтверждают независимые социологи – в ходе кампании-2020 задача Администрации Президента состояла не в убеждении в разумности поправок, а в подавлении апатии и недоверия и без того лояльной и конформистской части населения.

Словно нарочито некоторые элементы конституционной реформы выстроены на почти оруэлловском новоязе, где слова теряют свой изначальный смысл и означают нечто противоположное. Отдельные действия примечательно расходятся с заявленными позициями (3). Налицо симптомы растущего разрыва в общественном сознании между правом и правдой, несоответствие действий государственной власти социокультурным нормам и общественному пониманию должного.

Наконец, еще одна серьезная проблема – слабой легитимности Конституции Девяносто третьего (5) – могла бы быть решена в ходе обновления Конституции, что неоднократно предлагал автор этих строк. Но нет. Голосование по указу Президента выглядит как калька с механизма, использовав-

шегоса Ельциным для «принуждения к согласию» фактически в чрезвычайном положении в ходе принятия Конституции, оставившем на Конституции отметину сомнительной легитимности. Она теперь может углубиться – несмотря на 14,8 млрд рублей, выделенных на подготовку и проведение голосования (по словам Э.А. Памфиловой «*легитимность стоит дорого*» (5)).

Уровень политической поддержки верховной власти снижается. В преддверии сезона выборов различных уровней, вплоть до высших, отсутствие перспективы «политических качелей» (не путать с «*каруселями*») может привести к превышению критического порога недовольства ограничениями прав и свобод, ухудшением условий саморазвития общества и роста благосостояния.

Когда происходящая при вольном или невольном содействии пандемии COVID-19 посадка перегретой мировой экономики завершится, наступит период с новыми потребностями в росте, творчестве, созидании и развитии на базе новых отношений общества и государства.

Задействованная в ходе реформы политическая институциональная инженерия и пиар «новой системы принятия решений» отражают стремление хеджировать риски, связанные со сменой верховной власти, сохранить влияние после «большого трансфера» (подстраховаться от «внутреннего оппонента») и закрыться от «внешнего противника» (условная национализация элиты, ограничение иностранного влияния, попытки сплотить народ вокруг персонификатора государственного суверенитета).

С принятием новой редакции Конституции сами по себе вряд ли исчезнут причины объективного обострения противоречий, острой политической дифференциации в обществе и субъективные трудности в управлении процессом нарастающего размежевания. Потенциал оправданного, на мой взгляд, консенсуса середины десятилетия подходит к концу. Нужны глубинные стимулы к новой и долгосрочной консолидации общества и государства.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Предложения Конституционного клуба и ФКР (2013 г.) Инициативные проекты новых глав Конституции Российской Федерации: Глава 2. Гражданское общество; Глава 2. Референдум и свободные выборы. Избирательная система; Глава 5. Парламентский контроль – см. в: Румянцев О.Г. 20-летие Конституции Российской Федерации: уроки истории, перспективы развития // Современный конституционализм: вызовы и перспективы: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14-15 ноября 2013 г.). М.: Норма, 2014. С. 108-134; также в: Журнал Конституционного правосудия. № 2 (38). С. 10-22; «Конституционный вестник» № 5 (23), апрель 2020 г. С. 244-251.

(2) Приведу фрагмент из проекта Конституции Российской Федерации (на 21 февраля 1991 г.):

«Статья 113.

Государство является официальным представителем общества и выражает его волю в рамках Конституции. Государство, его органы и должностные лица служат всему обществу, а не какой-либо его части. Государство, его органы, институты и должностные лица ответственны перед обществом и гражданином.

Статья 114.

Государство обязано:

1) защищать и гарантировать права человека и гражданина;
2) охранять демократический конституционный строй, законность и правопорядок;

3) защищать суверенитет, независимость и территориальную целостность Российской Федерации;

4) Разрабатывать и осуществлять политику, направленную на свободное развитие хозяйственной инициативы и действенную социальную защиту». См.: Румянцев О.Г. Конституция Девяносто третьего. История явления. Документальная поэма в семи частях от Ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990-1993 годов. Издание 3-е, испр. и доп. М.: «Издательство РГ», 2018.

(3) – Сама конституционная реформа последовала на фоне неоднократных заверений предыдущих лет о неизменности Конституции;

– Законопроект 2020 г. о поправке включил в себя после расширения предмета поправок десятки не связанных между собою предложений и изменений, что вряд ли позволяет считать их одной «поправкой», как описано в наименовании принятого «закона о поправке к Конституции», вопреки требованиям соответствующего профильного федерального закона;

– Преамбулу, согласованную Конституционной комиссией и воспринятую, с небольшими изменениями, Конституционным совещанием в 1993 г., по мнению руководства РГ, «можно менять по процедурам, которые предусмотрены для глав с третьей по восьмую», благо от этого в итоге отказались, критику услышав; но и появление ряда норм в ст. 67 выглядит не очень уместным;

– На фоне заявленной цели реформы – обновляемости, сменяемости власти ключевой поправкой и венцом реформы становится персонифицированная поправка возможности для действующего главы государства выдвигаться третий раз подряд, всего – на пятый и шестой сроки президентских полномочий;

– Сам способ одобрения изменений в Конституцию всероссийским голосованием, которое не является референдумом, но иной, не высшей формой непосредственного народовластия в ходе которой правится высший, основной закон.

(4) С сентября 1990 г. в нашем проекте изначально была важная глава «Гражданское общество», следовавшая сразу за главой 2 О правах и свободах человека и гражданина. Сначала за излишнюю буржуазность ее атаковала фракция коммунистов в Верховном Совете России при постатейном рассмотрении проекта Конституции на весенней (1992 г.) сессии; а осенью того же года уже Мэр Петербурга А.А. Собчак, продвигая т.н. «проект РДДР», упирал на излишнее многословие проекта и неправовую природу норм о гражданском обществе. В 1993 г. глава вновь нашла свое место в проекте Конституции, но не прошла через зауженное Администрацией Ельцина горнило Конституционного совещания.

(5) РТ. 2020. 4 марта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, документы, материалы / Под общ. ред. О.Г. Румянцева. В 6-ти тт., 10-ти кн. В: Том 2:1991 г. М.: ФКР, «Волтерс Клувер», 2006-2010.

2. Румянцев О.Г. 20-летие Конституции Российской Федерации: уроки истории, перспективы развития // Современный конституционализм: вызовы и перспективы: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14-15 ноября 2013 г.). М.: Норма, 2014.

3. Румянцев О.Г. 20-летие Конституции Российской Федерации: уроки истории, перспективы развития // Журнал Конституционного правосудия. 2014. № 2 (38).

4. Румянцев О.Г. Конституционная реформа – 2020 в Российской Федерации: пристрастная оценка // Конституционный вестник. 2020. № 5 (23), март-апрель.

5. Румянцев О.Г. О самостоятельном движении общественных инициатив (Неформальные объединения и их роль в перестройке общественной жизни в СССР). М., 1988 (препринт научного доклада / ИЭМСС АН СССР; № 310).

6. Румянцев О.Г. Становление гражданского общества в Восточной Европе (политические неформалы в странах государственного социализма) // Современный социализм и проблемы перестройки. Сборник научных работ / отв. ред. В.Р. Евстигнеев. М., 1989.

7. Румянцев О.Г. Конституция Девяносто третьего. История явления. Документальная поэма в семи частях от Ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990-1993 годов. Издание 3-е, испр. и доп. М.: «Издательство РГ», 2018.

O.G. RUMYANTSEV
*Candidate of Sciences (law),
President of the Constitutional Reform Foundation,
People's Deputy of Russia (1990-1993), Executive
Secretary of the Constitutional Commission of the Congress
of People's Deputies of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

ON SOME POLITICAL SCIENCE ASPECTS OF THE 2020 CONSTITUTIONAL REFORM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Prior to the 2020 reform, the Constitution, with certain flaws in its content and adoption procedure, was perceived by many as the basis for consensus and further development. The constitutional reform changed a third of the text of the Constitution and has almost completely changed its spirit and public perception of it. It is necessary to analyze the state and prospects of reformatting relations between the state and society, and also the correspondence of the undertaken swing to the growing challenges and clearly increasing public demand for the socio-political development of Russia as a renewed advanced nation. With the adoption of the new version of the Constitution, it is difficult to assume that the reasons for the objective aggravation of contradictions, acute political differentiation of society and subjective difficulties in managing the process of increasing division will disappear. The potential for a mid-decade consensus is coming to an end. We need deep incentives for a new and long-term consolidation of society and the state.

Key words: *civil society, constitutional system, constitutional reform, amendments to the Constitution of the Russian Federation, unified system of state and public power, political institutional engineering, Constitutional Commission.*

DOI 10.35775/PSI.2020.55.3.005

УДК 32.323

Ю.А. ПУСТОВОЙТ

*кандидат политических наук,
доцент кафедры политических наук и технологий
Сибирского института управления – филиала
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Новосибирск*

К.А. АНТОНОВ

*доктор социологических наук,
руководитель Новосибирского филиала
Фонда развития гражданского общества (ФОРГО),
Россия, г. Новосибирск*

«А И Б СИДЕЛИ НА ТРУБЕ»: КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОТЕСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ХОДЕ «ТАРИФНОЙ ВОЙНЫ» В НОВОСИБИРСКЕ (2016-2017 гг.)

Статья рассматривает историю протеста против повышения тарифов в г. Новосибирске с декабря 2016 г. по середину апреля 2017 г. В ходе сетевого противостояния и серии митингов, повышенный тариф был отменен. В центре внимания – процесс конструирования протестной идентичности в ходе противостояния двух групп: городского режима, определяемого в концептуальной перспективе К. Стоуна, и протестного сообщества, размытого на первых этапах борьбы рыхлого и неструктурированного объединения, в итоге ставшим вполне эффективным коллективным субъектом. Теоретической базой анализа служит теория фреймов И. Гофмана, трансформация, прояснение и слияние фреймов в подходе Д. Сноу и модель экстраординарных событий Дж. Голдстоуна. Эмпирические данные получены из наблюдений, анализа СМИ, контент-анализа социальных сетей и серии интервью, взятых у организаторов и участников протестной кампании. Авторы выделяют четыре ключевых этапа проведения протестной кампании, описывают организационные проблемы протестующих и способы их разрешения, показывают изменения основных фреймов: «мы – они», «выгода – идеалы», «друг – враг». В выводах подводятся итоги противостояния, рассматриваются ошибочные решения, ставшие источником конфликта, постулируется адекватность используемых теоретических моделей как языка описания и делается предположе-

ния о появлении нового неидеологического типа протестной идентичности, ориентированного на решения локальных проблем и выделен комплекс условий, способствующих эффективности таких сообществ.

Ключевые слова: городской режим, фрейм, протестные сообщества, митинги, протест, Сибирь.

Одно из расхожих толкований известной в социологии теоремы Тома-са звучит так: «восприятие ситуации как реальной, делает реальными ее последствия». Авторы не удержались от использования в заголовке, разумеется, гипертрофированной метафоры «тарифная война», что, конечно, не является индикатором их брутальности и тяги к использованию концентрированного и летального насилия, но показывает, как воспринимаются различные формы в общем-то обыденного, политического противостояния в региональных СМИ и, судя по комментариям к материалам, нашим интервью и беседам в повседневных разговорах [12]. Тем не менее, несколько месяцев в третьем по численности городе Российской Федерации ординарное административное решение привело к серии митингов, которые закончились отставкой губернатора, сменой собственника крупнейшего предприятия Сибири в области теплового и энергоснабжения, отказом от роста тарифов на 15% и индексацией на 4%, появлением нового городского сюжета, имеющего как мифологическую составляющую, так и элементы организационного политтехнологического опыта.

В этом материале, мы не рассматриваем подробно роль кампаний и их руководства, занимающихся производством и реализацией тепловой и электрической энергии, и их взаимоотношениями с предприятиями ЖКХ и местными муниципальными властями и сложившуюся после череды скандалов отставок и выборов конфигурацию власти в регионе и городе. Оба этих безусловно важных, сюжета оказываются вне нашего рассмотрения только по причине их масштабности и отсутствия доступа к необходимым данным. Что, кстати, является очень показательным, так как в совсем нетеплой Сибири труба центрального отопления – не только сверхэффективный актив, но и один из серьезнейших элементов властной архитектуры и конфигурации объединения различных политических и социальных акторов. Отрубите от тепла хотя бы пару-тройку детских садов зимой, и хозяйственная проблема сразу станет остро политической.

В центре нашего внимания процесс конструирования протестной идентичности в ходе противостояния двух групп. Первую, имеющую властные полномочия, мы обозначим как городской режим в том значении, которое придавал этому понятию К. Стоун, «совокупность договоренностей или отношений (формальных и неформальных), с помощью которых осуществляется управление общностью» [11. С. 163]. Вторую, как протестное сообще-

ство – совокупность индивидов, объединенных общей реакцией неприятия той или иной ситуации. Нам интересен процесс формирования в нем протестной идентичности, готовности действовать и вкладывать свои индивидуальные ресурсы для участия в мероприятиях, успех которых, как минимум, неочевиден, а само участие содержит элементы социального риска. Оппортунистическая стратегия (М. Олсон) в этом случае более рациональна: в случае победы тарифы снизят для всех, в случае поражения – нет потерянного времени и приобретения сомнительной репутации «скандалиста и бузотера» со всеми вытекающими из нее последствиями. Что делает протест эффективным?

В качестве основной теоретической рамки мы ориентируемся на теорию фреймов И. Гоффмана в той версии, которую предлагают Д. Сноу и его коллеги, где фрейм рассматривается как «интерпретативная схема, позволяющая индивидам «локализовать, воспринимать, определять и присваивать наименования» событиям в их жизненном пространстве и мире в целом. Наделяя события смыслом, фреймы существуют для того, чтобы организовывать опыт и направлять действие, не важно индивидуальное или коллективное... согласование фрейма является необходимым условием для участия в движении, каким бы не была его природа и интенсивность» [18. С. 188].

Отметим, что несмотря на определенные методологические трудности (как минимум три подхода при концептуализации отношений событийного и политического) в использовании фрейм-анализа для анализа политического, рассмотренных в работах В. Вахштайна [5], есть несколько удачных, на наш взгляд, работ, позволяющих в этой исследовательской перспективе объяснить трансформацию обывателей в активистов (Клемент К. и др. [10]), механизмы перехвата протеста как результат несовместимости культурных стандартов (Агапов М. [1]) и даже падение избирательной активности в маленьком голландском городке (Яноу Дв. и др. [20]). В нашем исследовании акцент в большей степени сделан на схемах интерпретации событий участниками (фрейм как глагол), а не на понимании фрейма как жесткого каркаса, матрицы события (существительного, упаковывающего сообщение о сообщении). Фрейм, как жесткий каркас ситуации, как привычная практика латентен, достаточно не поддается внешнему воздействию и означает, что в кризисной ситуации вероятность того, что индивид будет действовать по привычной схеме (в наших условиях – подчинится) намного выше, чем вероятность того, что он будет ее менять. Тем не менее, мы видим, что смена установок произошла и новосибирское протестное сообщество, по крайней мере, на этом этапе противостояния добилось своего результата. Соответственно возникает необходимость рассмотреть совокупность условий, при которых такой рефрейминг возможен.

Прежде чем мы перейдем к анализу процессов слияний индивидуальных фреймов во фрейм коллективный, необходимо рассмотреть содержа-

ние и элементы понятия протестной идентичности. Последнюю мы понимаем, как представление человека и (или) группы о себе, принятом через тот или иной комплекс фреймов, принимаемые роли и социальные позиции. [17. С. 43]. Современная специфика групповой протестной идентичности рассмотрена в авторитетной работе Дж. Голдстуна, утверждающего, что в ее основе легитимация индивидуального недовольства существующим порядком, конкретные выгоды, получаемые от результативных групповых действий и рассмотрение сообщества как источника справедливости и защиты. Последнее является результатом действий государства, объявившего своих оппонентов врагом [6. С. 76]. Таким образом, важнейшими фреймами, конгнитивными интерпретационными схемами, подводящими новое неизвестное действие под старый и знакомый опыт, будут оппозиции: «мы – они», «выгода – идеалы», «друг – враг». Рассмотрим в этой оптике комплекс событий, происходивших в Новосибирске с декабря 2016 г. по апрель 2017 г. Эмпирической базой здесь будут собственные наблюдения, последующая рефлексия происходящего одного из авторов материала, анализ публикаций, серия биографических интервью и бесед с организаторами и участниками событий.

На первом, предварительном этапе, который длился с 15 ноября, совещания в мэрии Новосибирска до 7 декабря начала обсуждения активных действий против повышения тарифов. Для этого этапа характерны согласованные организационно безукоризненные в рамках официальных нормативных стандартов действия областной (постановление губернатора В. Городецкого и городской администрации, руководства «СИБЭКО», «Горводоканала», большинства (36 проголосовавших «за», четыре против, один не голосовал) повышение тарифов членов Совета депутатов Новосибирска (голосование 2 декабря 2016 г.). Это голосование отлично показывает разделение «мы – они», где городской режим (понимаемый, как сговор Ж. Тироля [19]) противопоставляется не участвующим в нем депутатам. Со стороны официальной власти доминируют «немеркантильные» фреймы: «износ водопровода 70%, и деньги нужны ради обеспечения безопасности», и «мужественные, сожалующие о непростом решении профессионалы выступают против «бизнеса и тех, кто может заплатить», как охарактеризовал противников повышения гендиректор «СИБЭКО» Р. Власов (фрейм – друзья – враги) [13]. 4 декабря в социальной сети (Facebook) на странице В. Козодоя (вице-губернатора по внутренней политике при снятом в 2014 г. губернаторе В. Юрченко) и далее (6 декабря) начинается обсуждение идеи о проведении митинга против повышения тарифов, которое заканчивается созданием инициативной группы, где, как отмечает «Тайга – инфо», заметную роль играют бывшие чиновники разного уровня [2]. Митинг запланирован на 24 декабря, субботу на площади Ленина. Формируются два значимых фрейма. Митинг имеет общегражданский характер (без партийно-политической символики), основан на единственном требовании к мэрии и городскому совету отменить необоснованное повышение тарифов на 15%.

На втором, мобилизационном этапе (от создания инициативной группы до (включительно) проведения митинга 24 декабря 2016 г.) происходит трансформация основных конфликтных фреймов и их прояснение. Трансформация, в оптике Д.А. Сноу, означает то, что нечто, считающееся ранее приемлемым, становится проблемным и переопределяется, как несправедливость, прояснение – четкое определение основных ценностей, как ключевых элементов, стимулирующих активность и обеспечивающих поддержку. Они основаны на стереотипных представлениях о противниках и целях взаимодействия, о возможности изменений и необходимости, и правильности борьбы [18]. На этом этапе активисты объявили о максимальном расширении состава инициативной группы, заручились публичной поддержкой части депутатов, стали публиковать материалы, показывающие финансовую непрозрачность компании СИБЭКО, по разным поводам подали в суд иск и на Горсовет Новосибирска, на администрацию. Прокуратура Новосибирской области начала проверку индексации тарифов ЖКХ, новосибирские профсоюзы на своей конференции выступили против повышения тарифов. Официальная власть (здесь как режим) утверждает повышение ЖКУ, переносит митинг с площади Ленина на набережную Оби, обещает усилить контроль над расходами и тратами «СИБЭКО», объясняет, что на самом деле новосибирцы платят не так уж много, повышение будет в пределах 100-150 рублей в месяц, что не катастрофично для средней семьи, но позволит избежать аварий, а малоимущим, разумеется будет оказана адресная поддержка. В общем здесь достаточно просмотреть заголовки ведущих региональных СМИ, чтобы оценить и рост активности, и растущую неопределенность дальнейшего развития ситуации [3]. С одной стороны, немногочисленные активисты, формирующие фрейм: горожане против сговора местной власти с бизнесом, повышающих тарифы для закупки «Лексусов», с другой ответственные и дальновидные чиновники, депутаты и бизнесмены против тех, кто планирует митинг и ведет к «разрушению самодержавия» [9]. Митинг прошел 23 декабря в 30 градусный мороз и стал основой тиражируемых фреймов «300 спартанцев», сетевого праздника дня гражданина Новосибирска и резолюции, направленной федеральным, региональным и городским властям с требованием отменить действующее постановление об индексации тарифов.

Именно на этом этапе была отработана схема выработки решений и мобилизации, которую, с учетом возраста аудитории (35-50 лет), организаторы разместили, создав соответствующую страницу, на платформе Facebook. Девять ключевых пользователей (обозначаемых как «пэры»), каждый из которых имел аудиторию, близкую к лимиту (5 тысяч человек) ежедневно, по взаимной договоренности размещали оригинальные посты или делали репосты коллег и иных участников сети («лордов»), актуализируя те или иные мнения по проблеме. В их функции входило: распространять инфор-

мацию, проводить анализ событий и предоставлять слово экспертам, агитировать и призывать к участию в мероприятиях и комментировать действия властей, организовывать дискуссию. Пост снабжался комментарием другого пэра, рассчитанным на свою целевую аудиторию, что позволяло охватить не менее 40 тысяч. Проведенный контент-анализ показывает, что со середины декабря 2016 г. по середину апреля 2017 г. каждый пост репостился 35-50 раз. Добавим к этому, что многие участники сети так же создавали свои микросети и вели свои дискуссии, генерируя новые ветки обсуждений, и в целом в сумме было создано 275 постов. Понятно, что данные, которыми мы располагаем скорее занижены и часть участников событий не обозначала в сети свое присутствие, что, например, выяснилось в ходе опросов участников митингов. Посты и фото с первого митинга (около 40 репостов) с людьми, пришедшими на митинг в «минус 30 градусов», не только обеспечили сочувствие горожан и вызвали серьезный эмоциональный отклик, но и зафиксировали символическую победу, лишив местную власть морального авторитета. Митинг с участием А. Навального 19 апреля уже набирал 310 репостов.

На третьем этапе, этапе, который мы очерчиваем с 23 февраля (первого митинга) до пятого митинга 19 марта (с приглашением политиков федерального уровня, кандидатов на пост Президента РФ, на который приехал только А. Навальный) происходит соединение фреймов и смена ведущего фрейма. От первоначальных социально-экономических заявлений инициативной группы требования преобразовались в персонально-политический призыв к губернатору «уйти в отставку». Соединение фреймов означает, что связываются индивидуальные и групповые идеологически совместимые, но структурно не связанные фреймы между собой. В этом случае происходит объединение различающихся между собой по разным основаниям сторонников с последующей выработкой общего видения ситуации и готовности к совместному действию.

Инициативная группа за этот срок сумела: организовать и провести несколько митингов. 28 января прошли два митинга (основной и «альтернативный» (ядро – действующий с 2011 г. комитет «Пенсионеры за достойную жизнь»), проведенные разными группами с интервалом в один час на одном и том же месте. Причем, если первый шел под лозунгом «В поддержку федеральных властей, установивших рост тарифов в 4%», то на втором лозунги речи были более радикальные. Здесь значим не столько сам «конфликт» и взаимные обвинения активистов, интерпретирующих друг друга как «чиновников», «либералов», «навальнистов», «крымнашистов», «сливателей протеста» и т. д., сколько действительный рост числа участников, отсутствие единого идеологического фрейма, постоянный «перехват» лидерства. 25 февраля прошел неожиданно многочисленный митинг, организованный «альтернативщиками», после чего инициаторы протеста предложили объ-

единить усилия и проводить совместные акции. Кроме этого, расширяется репертуар протестных действий (лазерное шоу 26 января). Рок музыканты организуют концерт против повышения тарифов (31 января). ОНФ начинает публиковать материалы об аукционах и закупках «СИБЭКО» (7 февраля). Протест, публично выступая в различных СМИ, поддержали предприниматели, для которых повышение тарифов означало повышение себестоимости (16 января идею озвучивает Алексей Клоц, директор «Трэвэлс кофе»). Состоялась научно-практическая конференция под скучным названием «ЖКХ, энергосистема и конкурентоспособность регионов» (28 февраля), организованная активом акций протеста и руководством «СИБЭКО», где произошло уточнение позиций и выяснилось, что в основе роста тарифов – просчеты в планировании и завышенные объемы теплоснабжения. Публикация в интернет-издании «Сибкрай. Ру» (9 февраля) публикует мнение депутатов Госдумы Игнатъева и Савельева (резко выступившими против повышения тарифов) и далее показывает серьезные расхождения мнений депутатов областного Законодательного собрания (9 марта). Проходит выступление депутата Горсовета В. Илюхина против роста тарифов на официальном телеканале (13 марта). Появляется спонтанная «низовая» инициатива по сбору подписей за отзыв депутатов Горсовета, проголосовавших за повышение тарифа (15 марта). Происходит поддержка митинга А. Навальным, разместившим призыв к митингу новосибирцев на своем канале (17 марта).

Действия сторонников повышения тарифов не выглядят особенно эффективными. Неудачная попытка дискредитации отдельных персон оргкомитета в «традиционных» СМИ (15-17 января). Нет однозначной поддержки в Полпредстве СФО (поручение прокуратуре проверить обоснованность повышения на 15% направлено 20 января). Депутаты областного Законодательного собрания и председатель Горсовета Асанцев начинают резко проявлять озабоченность возможностями бюджета компенсировать малообеспеченным гражданам рост тарифов (20-24 января). Хотя губернатор ищет выход через создание межотраслевого совета потребителей, который должен следить за действиями монополистов в сфере ЖКХ (31 января), но суровые январские платежи (в которых не было еще, разумеется, повышения тарифов, но был существенный январский перерасчет декабря) оказали большее действие на рост протестных настроений горожан [16]. В целом на этом этапе инициатива перешла к активистам, и общественное мнение уверенно склонялось на их сторону. Об этом свидетельствуют рост числа и участников протестных акций, число публикаций в СМИ различной социально-политической направленности в поддержку требований, усиливающаяся полемика между представителями различных ветвей и эшелонов власти.

Четвертый этап начинается после пятого митинга и заканчивается отменой губернатором решения о максимальной индексации тарифов (19 апреля 2017 г.). Митинговая активность усилилась и стала вписываться в федераль-

ную повестку (митинг против коррупции «Он вам не Димон», 26 марта). «Пенсионеры за достойную жизнь» развернули кампании пикетов за отставку депутатов, голосовавших за повышение тарифов (23 марта). В ситуацию вмешался полпред в СФО С. Меняйло, комитет по строительству и ЖКХ законодательного собрания обратился к губернатору с предложением отменить повышение на 15% и вернуть рекомендованные правительством 4%. Хотя на второй конференции «СИБЭКО» по-прежнему твердо отстаивали повышенный тариф, с ними дискутировали по поводу его обоснованности не только общественники, но и уже восемь депутатов Горсовета (включая двух вице-спикеров). В итоге, как и было сказано решение о 15% повышении было отменено, и 6 октября 2017 г. губернатор В. Городецкий сложил с себя полномочия.

Выводы: Первое. Непосредственной причиной протеста было полное игнорирование режимом (в нашем случае, верхним эшелоном корпорации и региональной власти) социально психологических факторов. Местная власть после принятия решения, без какого бы то ни было публичного обсуждения перестала соответствовать идеализированному «образу власти» как эффективной (так и не предложив прозрачный механизм контроля средств) и справедливой (значительное повышение тарифов было связано населением с роскошными приобретениями и символическими расходами). Призыв к другим «потерпеть» при миллионных вложениях в хоккейный клуб был воспринят большинством как несправедливость и оскорбление.

Второе. Переоценка собственных ресурсов было серьезной ошибкой действующей коалиции. Опираясь на представления о том, что горожане могут выступать как субъект принятия решения, а не как привычный и вполне управляемый объект публичного дискурса, властные группы задействовали привычные механизмы пропаганды в подконтрольных СМИ. Тактика протестующих была более эффективна: отсутствие единого центра принятия решений, своевременное информирование о возникающих проблемах, открытая дискуссия по всем актуальным вопросам, отсутствие постоянных лидеров и «заявителей», все эти шаги делали из рыхлой и расколотой социально-политически и идеологически массы, полноценного коллективного субъекта способного к самоорганизации и проведению публичных «уличных» мероприятий.

Третье. Этот новый коллективный, фрагментированный субъект, сконструированный в процессе сетевого общения, с одной стороны, был лишен привычной «базовой», универсальной идеологической идентичности, с другой, входящие в нее группы и индивиды, хоть и не обладали установленной иерархией, властными, финансовыми и медиа-ресурсами, в процессе взаимодействия сформировали идентичность иного типа. Концентрируясь вокруг проблемы местного значения, акторы, способные самостоятельно принимать решение о «входе» и «выходе», представили собой некоторое

«аффинити» (скорее эмоциональное «против») сообщество, где идеологические и социальные разногласия не мешали, а с учетом взаимодополнения жизненного опыта, скорее помогали общению и выдвиганию новых и новых аргументов против планов местной администрации. Кстати, в полном соответствии с принципами М. Гранветтера [8], где наличие слабых связей (не длительных социальных контактов), при организации обмена значимой информацией становится важнее, чем сильных (примером которых может служить дружба, построенная на долгом контакте и доверии). Обычная иерархическая вертикаль, действующая в политических и экономических системах управления, не учитывает в таких случаях того, что ее отдельные элементы (среднее звено управления, рядовые сотрудники и т.д.) имеют свой взгляд и интересы на проблему, вскрытую протестующими.

Четвертое. Рассмотренный нами сюжет еще раз подтвердил универсальные этапы и решающее значение согласования фреймов в процессе мобилизации. На ранних стадиях решающую роль играет процесс трансформации фрейма (альтернативное видение ситуации) и далее происходит его прояснение и соединение [18. С. 216]. Наличие сплоченного авангарда активистов, имеющих нежесткие, но централизованные связи с более широкими кругами сторонников при противопоставлении рыхлому и нерешительному режиму, обычно оказывает решающее действие на ход и итоги противостояния. При достижении промежуточных успехов все новые и новые группы «прицепом» включаются в протест, что в целом укладывается в модель рационального выбора [6. С. 89]. Таким образом, сообщества строятся вокруг символов (одного из значимых фреймов), и растут при положительном подкреплении, победах, поднимающих самооценку участников и распадаются при неудачах и групповых фрустрациях [17. С. 47.].

Пятое. Рассмотренный кейс невозможно понять вне других двух контекстов. Первый – политическая борьба, связанная с отставкой губернатора Новосибирской области В. Юрченко, и последующей борьбой за пост мэра города Новосибирска [7; 4]. Здесь значима не сама интерпретация событий и позиций участников, а значение того факта, что элитарные группы, обладающие сопоставимыми ресурсами, находились в серьезном конфликте минимум с 2014 (возможно с 2010) г. В этой перспективе протесты против тарифов и отставка губернатора – завершение той политической истории, которая связана с борьбой элитарных групп, ориентированных на В. Юрченко или В. Толоконского и В. Городецкого. Второй контекст связан со сделками, арестами и скандалами вокруг «СИБЭКО», которые завершились исчезновением компании в 2018 г. и появлением для жителей города в качестве поставщика услуг ООО СТК, входящего в «Сибирскую генерирующую компанию». Пока тариф в Новосибирске остался на прежнем уровне (наименьший среди 85 городов с населением свыше 250 тысяч человек), но при худшей аварийной статистике по шести сибирским реги-

онам и появлению бирюзовых озер около золоотвалов ТЭЦ, перешедшей на бурый (более дешевый) уголь [15].

В целом можно сделать вывод о том, что «улица» может быть существенным элементом политики как борьбы за власть (politics), но не решает проблем политического и экономического управления (polisy). Управляемые выборы, блокировка низовых инициатив, отказ от реальной конкуренции и широкого обсуждения вопросов политического управления, поддержание только лояльных в политическом плане общественных организаций хотя и создают некоторую иллюзию стабильности, но не способствуют артикуляции конфликтных актуальных проблем и выработке технологий их разрешения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аганов М.Г.* Перехват протеста: фрейм-анализ публичной акции // Социология власти. 2013. № 4.
2. Активисты договорились о митинге против повышения тарифов в Новосибирске. ТАЙГА.ИНФО. 07.12.2016 // <https://tayga.info/131465>
3. В поисках справедливого тарифа. ТАЙГА.ИНФО. 20.12.2016 // <https://tayga.info/131741>.
4. Василий Юрченко: «Локоть не хотел идти на выборы». ТАЙГА.ИНФО. 09.07.2019 // <https://tayga.info/147515>.
5. *Вахитайн В.С.* Фрейм-анализ как политическая теория // Социология власти. 2013. № 4.
6. *Голдстоун Дж.* К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5.
7. *Голунов И., Тагаева Л.* Новосибирск: победа коммуниста и владельцев барахолки. Rtpublic. 07.04.2014 // <https://republic.ru/posts/l/1080504>.
8. *Грановеттер Марк.* Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. № 4 // <https://cyberleninka.ru/article/n/sila-slabyh-svyazey>.
9. Директор СибЭКО назвал общественный контроль над тарифами «разрушением самодержавия». NSK.SIBNOVOSTI.RU. 12.12.2016 // <http://nsk.sibnovosti.ru/society/342696-direktor-sibeko-nazval-obschestvennyy-kontrol-nad-tarifami-razrusheniem-samoderzhaviya>.
10. *Клемент К.М., Мирясова О.А., Демидов А.* От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010.
11. *Ледяев В.Г.* Социология власти: теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2012.
12. *Мазур А.* Уроки тарифной войны в Новосибирске. ТАЙГА.ИНФО. 22.04.2017 // <https://tayga.info/133858>.
13. «Откуда брать деньги населению?»: новосибирские власти одобрили повышение тарифов ЖКХ. ТАЙГА.ИНФО. 02.12.2016 // <https://tayga.info/131398>.

14. Повышение тарифов на ЖКУ в Новосибирске на 15%. ТАЙГА.ИНФО. 22.04.2017 // <https://taiga.info/story/3542?page=6>.

15. Попов А. «Нам нужно еще больше платить СГК за отопление»: сибиряк – о тарифах на тепло и рвущихся трубах. NGS/RU. 14.10.2019 // <https://news.ngs.ru/more/66269509/>.

16. Протест вышел из-под контроля. ТАЙГА.ИНФО. 09.02.2017 // <https://taiga.info/133025>.

17. Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011.

18. Сноу Дэвид А., Рочфорд Мл. Э. Берк, Водэн Стивен К., Бенфорд Роберт Д. Процессы согласования фрейма, микромобилизация и участие в общественном движении // Социология власти. 2013. № 4.

19. Тимаев К. Скрытый сговор. Ведомости. 30.10.2014 // <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/10/30/skrytyj-sgovor>.

20. Яноу Двора, Ван Хульст Мерлин, Ткачева К., Вахштайн В. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. 2011. № 1-2.

YU.A. PUSTOVOIT

*Candidate of Sciences (political sciences),
Associate Professor at the Chair of political science
and technology of the Siberian Institute of Management,
branch of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,*

Novosibirsk, Russia

K.A. ANTONOV

*Doctor of Sociological Sciences,
Head of Novosibirsk Branch of Civil Society
Development Foundation,
Novosibirsk, Russia*

“A AND B WERE SITTING ON THE TUBE”: CONSTRUCTION A PROTEST IDENTITY DURING “THE TARIFF WAR” IN NOVOSIBIRSK (2016-2017)

The article considers the history of the protest against tariff increases in Novosibirsk from December 2016 to mid-April 2017. The enhancing tariffs were canceled during the network confrontation and series of rallies. The focus is on the process of designing protest identity during the confrontation between two groups: the urban regime defined in K. Stone's conceptual perspective, and the protest community, blurry at the first stages of the struggle, friable and

unstructured association, which eventually became a quite effective collective entity. Gofman's frame theory, transformation, clarification and fusion of frames in Snou's approach, and Goldstone's model of extroordinate events are the theoretical basis of the analysis. Empirical data are derived from observations, media analysis, content analysis of social networks and series of interviews from organizers and participants of the protest campaign. The authors highlight four key stages of the protest campaign, describe the organizational problems of protesters and the ways to solve them, show changes in the main frames: «we – them,» benefit – ideals, «friend – enemy.» The conclusions summarize the results of the confrontation, consider the erroneous solutions that have become the source of the conflict, postulate the adequacy of the theoretical models used as a language of description and make assumptions about the emergence of a new non-ideological type of protest identity, oriented towards solving local problems and conditions of efficiency of such communities.

Key words: *city regime, frame, protest communities, rallies, protest, Siberia.*

НОВЫЕ МЕДИА КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Важным элементом политического процесса является информационно-коммуникационная деятельность субъектов политики.

В современном обществе новые медиа (4) являются инструментами формирования политических процессов и средствами влияния на политическое сознание социума. Политическая практика показывает, что новые медиа становятся важными инструментами политической борьбы, их активно используют различные политические силы. Признание новых медиа субъектами политических процессов в современном российском обществе не вызывает сомнений.

Ключевые слова: *политический процесс, средства массовой информации, новые медиа, социальные сети, аккаунты, политическая информация, оппозиция, митинги, протестные акции, блогеры.*

В современной России все больше людей становятся пользователями глобальной сети Интернет. Российское общество, используя новейшие информационно-коммуникационные технологии, становится объектом воздействия разных общественно-политических сил, которые, применяя различные методы и способы политической агитации, пропаганды и связей с общественностью (PR), способны влиять на изменение сознания социума.

Важным компонентом любого политического процесса является информационно-коммуникационная деятельность субъектов политики. Политический процесс часто отождествляют с политикой или воспринимают его как динамическую характеристику политической системы общества. Можно, разумеется, рассматривать политический процесс как борьбу за власть или проявление субъектами своих социально-политических интересов.

Содержание политического процесса может быть связано с формированием общественного мнения по проблеме, затрагивающей интересы власти и общества, разработкой какой-либо концепции развития, проведением выборов и т.д. В то же время политический процесс обусловлен тем, что в период его развития необходим баланс различных политических сил, который требует равновесия и согласия между социальными группами, институтами и отдельными гражданами. Природа же политического процесса определяется разными формами и методами коммуникации, происходящими в обществе, где власть и разнообразные группы интересов нуждаются в информационном обмене. Таким образом, без коммуникаций политический процесс невозможен, а власть зарождается в процессе информационно-коммуникативной деятельности субъектов политики.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [1; 2; 4; 5; 7; 8; 10; 11; 13].

Однако проблему нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

В современном обществе политический процесс требует передачи социальной информации с помощью новых информационно-коммуникационных технологий. Данную функцию выполняют различные средства массовой информации. В политической истории партийная пресса всегда занимала особое место субъекта политической социализации, влияющего на электоральное сознание и поведение человека.

Поскольку средства массовой информации в политической жизни общества являются важнейшим инструментом реализации политических интересов различных социальных институтов и групп, то и политический процесс в современном российском обществе представляет собой специфическую информационно-коммуникационную деятельность субъектов и объектов политики, целью которой является реализация индивидуальных и групповых политических интересов.

Современные средства массовой информации представляют собой коммуникационные организации, которые с помощью технических средств публично и открыто передают информацию своей целевой аудитории.

Выделим основные важнейшие функции средств массовой информации в политическом процессе:

- информационно-коммуникативная (передача и распространение политической информации);
- аксиологическая (ценностная ориентация человека в мире политики);
- управленческая (политическая организация активности масс);
- представительская (лоббирование интересов различных социальных групп).

Влияние современных информационно-коммуникационных технологий приводит к трансформации социально-политических институтов и отношений между ними, их воздействие на общество меняет политическое сознание личности. Управление информацией и коммуникационными технологиями является важной задачей политической власти. В то же время СМИ могут исказить политическую картину, преувеличивать или преуменьшать значения того или иного общественно-политического события.

Современные средства массовой информации способны манипулировать обществом, давая интригующие двусмысленные или размытые заголовки, используя различные визуальные приемы, фото- и видеоматериалы, тем самым влияя на восприятие политических событий и явлений, происходящих в обществе. СМИ, формируя общественное сознание посредством активной агитации и пропаганды, во многом определяют состояние политической культуры общества, в силу чего «четвертая власть» по своему воздействию на общественное мнение мало в чем уступает другим ветвям власти.

Переход традиционных СМИ (газеты, телевидение, радио) к новому цифровому формату передачи сообщений сконструировал новые формы и способы передачи информации, в частности появились мультимедийные, интерактивные электронные издания и другие высокотехнологичные интернет-ресурсы.

Особенностью отличия «новых» СМИ от «старых» являются три родовых качества Интернета: гипертекст, конвергентный контент, а также интерактивное взаимодействие с пользователями [3. С. 66].

Под новыми медиа мы понимаем совокупность информационно-коммуникационных площадок в сети Интернет. Это высокотехнологичные интернет-ресурсы, обладающие «конвергентностью» (3), к ним в первую очередь относятся различные интернет-СМИ, социальные сети, мессенджеры, блоги, видеоигры (2) и другие онлайн-ресурсы, которые являются техническими средствами передачи и обмена социальной информацией. Новые медиа характеризует скорость передачи информации, открытость, интерактивность, активность, они имеют своих регулярных подписчиков, в их содержании преобладает мультимедийность.

Современные СМИ имеют свои «представительства» в социальных сетях и мессенджерах, во многих функционирует SMM-редакции (6). Присутствие новых медиа существует на различных интернет-площадках с разной целевой аудиторией, где используется мультимедийный контент и устанавливается обратная связь с потребителем информации. Оперативность новых медиа, креативность в создании информационных поводов охватывают масштабные аудитории в политическом сегменте Интернета. Популярны аккаунты социальных сетей, являясь посредниками между властью и гражданским обществом, превращаются в субъектов политики, привлекая к себе все больше политических союзников.

Современный пользователь не только генерирует контент, но и сам его сертифицирует, выделяет то, на что обращают внимание его единомышленники, группы и сообщества, где он состоит в соответствии со своими предпочтениями [12. С. 170].

Так, социальные сети все больше играют особую роль в жизни общества, служат организационными ресурсами различных политических акций, митингов и протестов, они привлекают большое количество граждан, особенно молодое поколение, участвовать в активной политической жизни общества. Снижая роль традиционных СМИ, новые медиа охватывают и более старшее поколение граждан, которые присутствуют в онлайн-пространстве.

Коммуникации современного политического процесса уже невозможно представить без социальных сетей и мессенджеров (1). Социальные сети сегодня – это миллионы людей, объединенных в виртуальном мире. Появляется все больше пользователей Интернета, для которых виртуальная жизнь становится важнее реальной, поскольку привлекает анонимность и защищенность пользователя, чего нет в реальном мире. Социальные сети в современном обществе дают ощущение удовлетворения потребностей человека, в том числе и в мире политики. Активные пользователи социальных сетей и мессенджеров сами создают политические тексты, аудио-, видео- и фотоматериалы, которые порой не уступают по качеству и содержанию материалам профессиональных журналистов.

Мгновенность передачи информационных сообщений целевой аудитории делает новые медиа более привлекательными и доступными в различных обстоятельствах. Новые медиа можно понимать, как коммуникацию «большинства с большинством».

Обозреватели политических информационных ресурсов, популярные блогеры, специалисты по связям с общественностью, отдельные аккаунты в социальных сетях и мессенджерах становятся важными субъектами формирования общественного мнения и все больше оказывают свое влияние на сознание российского общества. Современные информационно-коммуникационные технологии способствуют появлению новых политических лидеров и общественных движений в онлайн-пространстве.

Среди российских пользователей социальных сетей и мессенджеров сложилось мнение, что Интернет – это площадка, где есть возможность обсуждать социально-политические и экономические проблемы в обществе и критиковать власть. Любой информационный повод, связанный с негативными действиями представителей власти, сегодня активно обсуждается в социальных сетях. В сети Интернет появляются политические лидеры, онлайн-активисты, порой не имеющие «традиционного» имени (5).

Появилось такое социальное явление, как «гражданская журналистика», где уже не профессиональные журналисты, а блогеры активно освещают

и анализируют политические события и являются для определенной части российского общества важным источником политической информации. Количество политических блогеров и анонимных популярных аккаунтов на различных площадках в сети Интернет растет в геометрической прогрессии. Увеличивается количество текстов и мультимедийных материалов оппозиционной направленности. В настоящий момент самыми популярными интернет-площадками стали Фейсбук, Ютуб и Инстаграмм. Даже на страницах популярной сети Одноклассники среди людей старшего поколения можно встретить острые политические дискуссии, в которых пользователи поднимают социально-политические проблемы, включая международные отношения. Особенно остро обсуждаются в социальных сетях российско-украинские отношения между гражданами двух некогда братских стран.

В настоящий момент можно выделить два основных типа популярных политических блогеров. Первые – это общественно-политические деятели, в большей части представляющие либеральную оппозицию, ориентированную на запад. Вторые – это блогеры представляющие органы законодательной и исполнительной власти, региональные лидеры и чиновники. Представители органов муниципальной власти, некоторые депутаты и чиновники также активно присутствуют в онлайн-пространстве, где открыто коммуницируют с населением своего муниципалитета. Информационной активностью и паблик-рилейшнз политических блогеров, состоящих на государственных и муниципальных должностях в органах власти, занимаются штатные пресс-службы (пресс-секретари), которые ведут официальные страницы на различных площадках социальных сетей и мессенджеров. Здесь стоит отметить, что современная целевая аудитория чувствует, когда в социальных сетях работают специалисты по связям с общественностью, а не сам политический лидер. Создать свое авторское медиа становится стратегической задачей как современных политических лидеров, находящихся на государственной службе, так и активных представителей гражданского общества.

Последнее время в блогосфере существует мода на политику и протестные движения среди молодежи. Социально-политические и экономические проблемы в обществе, коррупция среди определенной части недобросовестных чиновников вызывает общественный резонанс. В блогосфере стремительно создаются информационные поводы. Увлечение многими блогерами политикой вызвано и тем, что увеличивается число просмотров и подписчиков.

В онлайн-пространстве различные оппозиционные силы создают многочисленные сетевые группы, которые координируют и управляют массами людей в период протестных акций. Возникает ситуация недостаточного государственного контроля протестными акциями в интересах общественной безопасности. Особенность современного управления протестными мероприятиями заключается в том, что они координируются не конкретными по-

литическими партиями или движениями, а оппозиционными блогерами или популярными анонимными аккаунтами в социальных сетях и мессенджерах в онлайн-пространстве. Российская молодежь, которая участвует в политических протестных акциях, наиболее подвержена технологиям влияния новых медиа.

Социально-политическая активность популярных блогеров или анонимных аккаунтов в социальных сетях и мессенджерах может не только предотвращать политические конфликты, но и усиливать их, «подогревать» общественное мнение, провоцировать социальные конфликты, активизировать протестную активность населения. Стоит отметить, что оппозиционные медиаресурсы дают другую информационную картинку политических событий в отличие от государственных СМИ. Российская оппозиция стала достаточно активно и эффективно использовать новые медиа, технологии подачи различных материалов, привлекая к себе все больше сторонников, особенно среди молодых людей. Существуют риски массовых беспорядков, которые могут быть организованы через социальные сети российской радикально настроенной оппозицией [9].

Среди популярных блогеров, появляются политики нового формата, которые получили свою известность и популярность как «борцы» с коррупцией и недобросовестной властью. Данные блогеры, как правило, занимаются популизмом и не имеют опыта работы в органах государственной и муниципальной власти, а также опыта управления трудовыми коллективами. Но, к сожалению, в условиях современного общества знание технологий связей с общественностью, умение создавать информационные поводы, ярко писать и критиковать власть открывают им возможность стать субъектами публичной политики.

Можно отметить зависимость интереса молодых людей к политическим процессам и популярность «модных» блогеров. Если в России будут сохраняться протестные настроения среди молодежи, то политизация интернет-пространства будет активно возрастать. Интерес популярных блогеров к политике привлекает внимание и определенных политических сил, которые в перспективе будут видеть в топовых блогерах не только канал передачи социально значимой информации, но и политического лидера, вовлекая тем самым массы молодых людей. Модный блогер и его френды имеют возможность управлять молодежными массами.

Существует на медиаплощадках и такая форма общения, как троллинг, чаще всего это происходит в комментариях социальных сетей и популярных общественно-политических интернет-СМИ. Понятие «тролль» обозначает мифическое существо из сказок и легенд многих народов мира. Данная форма общения используется как социальная провокация или издевательство над собеседником. Троллинг может быть агрессивным, где намеренно унижают или оскорбляют своего оппонента.

Как правило, тролли заводят фейковые аккаунты в социальных сетях, у них нет традиционного имени и точных о себе данных на странице. Это могут быть не только психически больные люди, целями которых является оскорбление, унижение и хамство в Интернете. Существуют профессиональный троллинг по заказу, который может использоваться в политтехнологических целях. Например, вброс фейкового сообщения, сознательный обман или клевета вызывают бурное обсуждение в социальных сетях. Троллинг занимает особую роль в информационной войне, его все чаще стали использовать как в политической борьбе внутри страны, так и в международных конфликтах. Используя технологию троллинга, субъекты политических процессов могут привлекать внимание и мирового сообщества.

Влияние новых медиа на политические процессы разнообразно и неоднозначно. В то же время воздействие социальных сетей на человека определяется в первую очередь его субъективными ценностями. СМИ в современном российском обществе являются важнейшим средством воздействия на политическую элиту и население. Если Российское государство не будет контролировать свои СМИ, то их будут контролировать другие государства [6. С. 166].

Таким образом, в современном российском обществе новые медиа являются важными инструментами конструирования политических процессов и действенным орудием воздействия на сознание социума. Политическая практика показывает, что происходит активная политизация интернет-площадок. Новые медиа, становясь инструментами политической борьбы за власть, играют важную роль в формировании политического сознания и поведения, формируя тем самым политическую культуру российского общества. Признание новых медиа важными субъектами политических процессов в современном российском обществе не вызывает сомнений.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) В настоящий момент популярными мессенджерами являются WhatsApp, Viber, Telegram.

(2) Видеоигры могут иметь политическую тематику.

(3) Конвергенция (от лат. *Convergo* – сближаться, сходиться к одному центру) – сближение, слияние на цифровой основе различных медийных платформ, типов СМИ.

(4) Новые медиа – это высокотехнологичные интернет-СМИ, социальные сети, мессенджеры, блоги и другие онлайн-ресурсы, которые являются техническими средствами передачи и обмена информацией в онлайн-пространстве.

(5) Сталингулаг, СерпомПо, Караульный и др.

(6) SMM – маркетинг в социальных медиа, или socialmediamarketing.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Альашхаб Кутейба* Особенности отражения сирийского военного противоборства в медиа Сирии, России и стран Запада // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 10 (55).
2. *Аникин Д.А., Бубнов А.Ю.* Политика памяти в сетевом пространстве: интернет как медиатор памяти // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 1 (53).
3. Интернет – СМИ: Теория и практика: учебное пособие для студентов вузов / под ред. М.М. Лукиной. М., 2010.
4. *Курбонова З.М.* Роль медиации в урегулировании политических конфликтов // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 9 (54).
5. *Медведев Н.П.* Выборы Президента Украины: манипулятивные избирательные технологии и трансформация института выборов // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 1.
6. *Панарин И.Н.* Информационная война и коммуникации. М., 2014.
7. *Петров Д.Ю.* Политические коммуникации в условиях развития современных информационных технологий // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 8 (53).
8. *Родионова М.Е.* «Черный PR» в избирательных кампаниях Европы и России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 1 (58).
9. Сайт информационно-аналитической системы «Медialogия» // <http://www.mlg.ru/>.
10. *Сулейманова Ш.С.* Роль СМИ и национальных общественных объединений в реализации стратегии национальной политики // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 7 (52).
11. *Толочко А.В., Фоменко С.С., Врачев В.А.* Коммуникационное пространство современной молодежи в контексте формирования информационных технологий: социально-политический анализ // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 1 (53).
12. *Чумиков А.Н.* Государственный PR: связи с общественностью для государственных организаций и проектов: учебник / А.Н. Чумиков, М.П. Бочаров. М., 2012.
13. *Яланузьян М.С.* Интернет как политический инструмент XXI века // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 7 (52).

A.A. ARTEMYEV

*Lecturer at the Department of political
science of the Military University of the Ministry
of defense of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

S.N. PYKHIN

*Adjunct of the Department of political
science of the Military University of the Ministry
of defense of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

NEW MEDIA AS A TOOL OF INFLUENCE POLITICAL PROCESSES IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

An important element of the political process is the information and communication activities of political actors. In modern society, new media are tools for shaping political processes and influencing the political consciousness of society. Political practice shows that new media are becoming important tools of political struggle, and they are actively used by various political forces. The recognition of new media as subjects of political processes in modern Russian society is beyond doubt.

Key words: *political process, mass media, new media, social networks, accounts, political information, opposition, rallies, protest actions, bloggers.*

DOI 10.35775/PSI.2020.55.3.007

УДК 32

А.Р. БАКШЕЕВА

*специалист отдела финансового
обеспечения АНО «Агентство по развитию
человеческого капитала на Дальнем Востоке»,
Россия, г. Москва*

Т.А. ГУСАРСКАЯ

*старший преподаватель кафедры
политического анализа и управления
Российского университета дружбы
народов (RUDN University),
Россия, г. Москва*

В.П. БЕЛЯЕВА

*заместитель директора
по учебно-воспитательной работе
Государственного бюджетного
общеобразовательного учреждения
города Москвы «Школа № 97»,
Россия, г. Москва*

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

В статье поднимаются вопросы теории и практики государственного контроля за госзакупками. С каждым годом в законодательство о закупках вносится существенное количество изменений, принимаются подзаконные акты (более 130), ужесточается наказание за нарушение в сфере госзакупок, изменяются механизмы контроля, расширяются полномочия контрольных органов, законодательство стремится регламентировать все стороны процессов закупок в рамках Закона о контрактной системе. Вместе с тем приводящиеся экспертно-аналитические мероприятия и публикуемые результаты мониторингов и отчетов различных органов власти показывают низкие показатели конкурентности и эффективности государственных закупок. В этих условиях встает вопрос об эффективности функционирования, как самих закупок, так и системы контроля за ними. В этой связи, особое внимание автора уделено вопросам функцио-

нирования системы государственного контроля за закупками в настоящее время и на основе проведенного анализа выявлены соответствующие проблемные точки. Очевидно, что существуют особенности осуществления государственного контроля, которые пока что не позволяют в должном объеме обеспечить снижение показателей уровня коррупции в госзакупках и которые рассматриваются в данной статье. Между тем система государственных закупок аккумулирует значительные экономические ресурсы и способна оказать существенное влияние на развитие государства и общества в целом. Вопросы повышения эффективности ее функционирования являются первостепенной задачей целенаправленной политики государства в системе контрактных отношений как залога развития экономики страны и реализации национальных программ.

Ключевые слова: *антикоррупционная политика, государственная власть, государственный контроль, государственные закупки, общественный контроль.*

Государственные закупки являются одним из ключевых элементов социально-экономического развития страны, контрактная система стала основополагающим институтом государственного регулирования экономики, оказывающего существенное влияние на ее динамику и структуру.

При этом, как правоохранительные органы Российской Федерации, так и занимающиеся антикоррупционной проблематикой общественные организации, выделяют систему государственных закупок, как одну из наиболее коррумпированных сфер экономических отношений [1].

С каждым годом количество закупок, бюджеты государственных заказчиков, количество заключенных контрактов растут. Об этом свидетельствует мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок за 2018 год, проведенный Счетной палатой.

Так, согласно мониторингу объем средств бюджетов всех уровней, которые обращаются в рамках контрактной системы в сфере закупок, с 2014 года вырос на 36,2% и составил в 2018 году почти 8 трлн рублей; количество заказчиков, участвующих в государственных и муниципальных закупках, составляет порядка 150 тысяч организаций (в 2018 году – 149427 заказчиков, в 2017 году – 151487 заказчиков); объем заключенных контрактов за период 2014-2018 гг. вырос на 29,2%, в среднем ежегодный прирост объема контрактов составил 6,8%, в 2018 году – 8,8% [8].

Мониторинг, осуществляемый Счетной Палатой Российской Федерации в сфере государственных закупок, выявляет тенденцию роста соответствующих нарушений законодательства Российской Федерации при проведении процедур закупок в период с 2015 по 2019 гг. более чем в 5 раз и составляет порядка 250-270 млрд. рублей [6].

Можно сказать, что высокий уровень коррупции в сфере государственных закупок обусловлен отсутствием реальной конкуренции. Проводимые в этой связи исследования позволяют констатировать, что на протяжении последних 5 лет уровень конкуренции в закупках остается неизменным, а показатели относительной экономии за последние два года снижаются. По-прежнему преобладает доля закупок у единственного поставщика, более 50% [3].

При этом сокращение практики заключения договоров с единственным поставщиком является одним из основных направлений государственной политики по развитию конкуренции, определенных в Национальном плане развития конкуренции в Российской Федерации на 2018-2020 гг., утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2017 года № 618 [11].

Несмотря на то, что с каждым годом объемы товарно-денежных отношений растут и в систему государственных закупок включаются все новые участники, что обуславливает рост количества заключенных контрактов, тем не менее, уровень конкуренции продолжает оставаться неизменным, эффективность расходования бюджетных средств и процент относительной экономии снижаются, а масштабы коррупции остаются значительными. Так по оценке TRANSPARENCY INTERNATIONAL по итогам 2019 года в индексе восприятия коррупции Россия занимает 137-е место в мире, тогда как в 2015 году была на 119 месте [10].

Говоря о коррупции, Э. Кампос и С. Прадхан подчеркивают, что: «Коррупция является одной из «самых острых социальных проблем, стоящих перед правительствами. Она подрывает экономику, порождает цинизм и лицемерие в обществе, а порой угрожает существованию самих правительств» [12].

Действительно одним из самых опасных проявлений коррупции является коррупция в госзакупках, так как с помощью закупок реализуются приоритетные направления развития экономики и государственные программы [2; 4; 7].

Коррупция в госзакупках подрывает исполнение национальных проектов – гарантии устойчивого развития страны и благополучия ее граждан в будущем, является угрозой национальной безопасности. Совершенно очевидно, что борьба с коррупцией в данной области является первоочередной задачей государства и общества, контроль государственных закупок, приобретает особое место в контрактной системе как механизм снижения коррупционных проявлений, регулирования правоотношений в сфере закупок, пресечения нарушений.

Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), которая определяет коррупционные риски публичных должностных лиц, как сложившуюся при определенных условиях и ненадлежащем контроле совокупность возможностей совершить коррупционные правонарушения. По мнению ФАТФ, возможность осуществления такого рода нарушений зависит от полномочий должностного лица в следующих сферах:

- доступ к бюджетным средствам;
- принятие решений о заключении публично-частных контрактов;
- контроль над процедурами согласования, включая выдачу лицензий и концессий [9. С. 14].

Согласны с предложенным определением и российские ученые-правоведы, которые также акцентируют внимание на том, что коррупционные риски зачастую обусловлены «ненадлежащим надзором и контролем» [5].

На сегодняшний день госзакупки являются едва ли не самым контролируемым процессом, при этом эффективность данного контроля ввиду вышеизложенного ставится под сомнение. Тем не менее, предпринимаются попытки по совершенствованию системы контроля, расширению полномочий контрольных органов.

Одной из проблем контроля госзакупок является то, что процедура закупок для государственных и муниципальных нужд представляет собой обширный процесс, начиная с формирования потребности заказчика в определенном товаре, работе или услуге, и заканчивая исполнением государственного контракта. Она затрагивает различные субъекты гражданских правоотношений, осуществляется в определенный временной период, имеет различные этапы осуществления, включает в себя значительное количество заинтересованных лиц, между которыми в ряде случаев могут выстраиваться потенциально коррупционные аффилиации. Таким образом, коррупциогенный фактор и потенциальный конфликт интересов могут возникать на любом этапе закупочного процесса.

Федеральные органы исполнительной власти, в рамках имеющихся контрольно-надзорных функций и полномочий, например, Федеральная антимонопольная служба, Федеральная служба по финансовому мониторингу, Федеральное казначейство, Генеральная Прокуратура Российской Федерации и др., реализуют комплекс проверочных мероприятий в отношении заказчиков и исполнителей контрактов в системе государственных закупок, а также соответствия закупочных процедур законодательству. При этом такая проверка осуществляется как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Контроль в госзакупках также осуществляет Министерство финансов, которое наделено полномочиями по выработке политики и нормативно-правовому регулированию в сфере закупок. В сферу вопросов Минфина в госзакупках входят: установление условий допуска иностранных товаров, работ, услуг, условия заключения контрактов с единственными поставщиками, условия определения порядка применения закрытых способов определения поставщиков, установления требований к электронным площадкам, условия работы единой информационно системы (совместно с Казначейством).

Таким образом, особенностью контроля госзакупок является наличие широкого круга органов власти, осуществляющих свои контрольные функции, полномочия которых зачастую дублируются.

Закупки продолжают оставаться весьма сложной, постоянно изменяющейся областью, так как Закон о контрактной системе был принят сравнительно недавно, с внушительным количеством серьезных видоизменяемых поправок, среди должностных лиц заказчиков наблюдается низкий уровень соответствующей квалификации и подготовки, в некоторых случаях в особенности в регионах дело не обходит стороной и должностных лиц контрольных органов.

Особенностью государственного контроля в госзакупках можно выделить также то, что деятельность контрольных органов во многом направлена на устранение последствий уже совершенных правонарушений в госзакупках, а не на их профилактику.

В заключение отметим, что на сегодняшний день представляется необходимым оптимизировать контрольные полномочия органов власти, минимизировать их дублирование, выработать единую политику при принятии решений контрольными органами, расширить практику применения плановых проверок, выработать единые подходы к проведению контрольных мероприятий, создать механизм согласованности действий контрольных органов, единой правоприменительной позиции. Необходимо постоянно повышать квалификацию всех должностных лиц, сделать механизм консультаций для государственных заказчиков и заинтересованных лиц более доступным.

Изложенные особенности государственного контроля в госзакупках лишь малая часть существующих на сегодняшний день уязвимых и проблемных аспектов контрактной системы. Совершенно очевидно, что нужно более действенно выстраивать систему государственного контроля в данной сфере с помощью системных, риск -ориентировочных подходов, так как уровень коррупции продолжает расти, встает острая необходимость в эффективной реализации государственной политики, направленной на выполнение национальных проектов и программ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бурда М.А., Иванова М.М.* Антикоррупционная политика современной России: особенности формирования новых подходов государственного управления // *PolitBook*. 2019. № 2.

2. *Клюковская И.Н., Борисова О.В.* Эффективность правотворческого направления антикоррупционной политики: критерии оценки, проблемы реализации и направления совершенствования // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2017. № 3.

3. Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2018. Отчет Счетной палаты Российской Федерации // <http://www.ach.gov.ru/promo/goszakupki-2018/index.html#results>.

4. Понделков А.В, Воронцов С.А. Основные направления государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции // Вестник ПАГС. 2015. № 1 (46).

5. Правовые акты: антикоррупционный анализ: Научно-практическое пособие / И.С. Власов, А.А. Колесник, Т.О. Кошаева и др.; отв. ред. В.Н. Найдено, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Научно-исследовательский центр ФСБ России. М.: КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010.

6. РБК. Счетная палата выявила рост нарушений в госзакупках в 5 раз за 2 года // <https://www.rbc.ru/economics/12/04/2019/5cb072fc9a79475d2c90d07b>.

7. Рудакова А.Э. Репутационный капитал политического актора как государственная закупка // Проблемы постсоветского пространства. 2015. № 4 (6).

8. Система закупок в России 2018. Экспертный доклад // <https://fcs.hse.ru/data/2019/04/01/1190217413/doklad-2018.pdf>.

9. Типологический отчет ФАТФ: Конкретные факторы риска, связанные с отмыванием доходов от коррупции / пер. с фр.: Международный учебно-методический центр по финансовому мониторингу // <https://eurasiangroup.org/Korruptsiya.pdf>

10. Трансперенси Интернейшнл Россия // <https://transparency.org.ru/research/v-rossii/rossiya-v-indekse-vospriyatya-korruptsii-2019-28-ballov-i-137-mesto.html>.

11. Указ Президента Российской Федерации от 21.12.2017 г. № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42622>.

12. Campos E., Pradhan S. Multi-faceted corruption: identifying vulnerabilities at the level of economic sectors and public administration. Alpina Publishers, 2010.

A.R. BAKSHEEVA

*Specialist of the Financial Support
Department of ANO «Agency for Human
Capital Development in the Far East»,
Moscow, Russia*

T.A. GUSARSKAYA

*Senior Lecturer, Department of Policy
Analysis and Management, Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia*

V.P. BELYAEVA

*Deputy director for teaching
and educational work, the State Budgetary
Educational Institution of Moscow «School № 97»,
Moscow, Russia*

FEATURES OF IMPLEMENTATION OF STATE ANTI-CORRUPTION POLICY IN MODERN RUSSIA: MECHANISM OF STATE CONTROL IN CONTRACT SYSTEM OF PUBLIC PROCUREMENT

The article raises issues of theory and practice of state control over public procurement. Every year, a significant number of amendments are made to the procurement legislation, by-laws are adopted (more than 130), penalties for violations in the sphere of public procurement are increased, control mechanisms are changed, the powers of control bodies are expanded, the legislation seeks to regulate all parties to procurement processes within the framework of the Law on the Contract System. At the same time, the expert and analytical activities and published results of monitoring and reports of various authorities show low indicators of competitiveness and efficiency of public procurement. In this context, the question arises as to the effectiveness of the operations, both of the procurement itself and of the system for monitoring them. In this regard, the author's special attention is paid to the functioning of the system of State control over procurement at present and, on the basis of the analysis carried out, the relevant problem points have been identified. It is obvious that there are peculiarities of state control, which do not yet allow to ensure proper reduction of indicators of corruption in public procurement, which are considered in this article. Meanwhile, the public procurement system accumulates significant economic resources and has the potential to have a significant impact on the development of the State and society as a whole. Issues of improving the efficiency of its functioning

are the primary task of the targeted policy of the State in the system of contract relations as a guarantee of the development of the economy of the country and the implementation of national programs.

Key words: *anti-corruption policy, state power, state control, public procurement, public control.*

DOI 10.35775/PSI.2020.55.3.008

УДК 32.323

Е.В. БУЛАХ

*кандидат политических наук, доцент,
преподаватель кафедры политологии Дальневосточного
Федерального Университета, Восточный
институт – Школа региональных и международных
исследований, Россия, г. Владивосток*

А.Р. КНЯЗЕВА

*бакалавр кафедры политологии
Дальневосточного Федерального Университета,
Восточный институт – Школа региональных и
международных исследований, Россия,
г. Владивосток*

В.Г. ЦОЙ

*бакалавр кафедры политологии
Дальневосточного Федерального Университета,
Восточный институт – Школа региональных и
международных исследований, Россия,
г. Владивосток*

ТРАЙБАЛИЗМ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ: ОСТАТОЧНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО КОЛОРИТА ИЛИ НОВЫЕ ФОРМЫ¹

В представленной статье затронуты явления, содержание которых или качество участников, позволяет классифицировать их как трайбализм. Основываясь на реакции региональных и федеральных СМИ, авторами предпринята попытка констатировать наличие процесса образования в регионе локальных замкнутых групп, влияющих на государственную политику в целом и на политику в субъектах РФ: бизнес-кланы, этнические группы трудовых мигрантов, переселенцы. В работе проведен анализ самых активных региональных СМИ, которые последние пять лет реагировали на информационные поводы по данной тематике. Опираясь на полученные данные, авторами были построены диаграммы, дающие обоснование актуальности данного явления на Дальнем Востоке на сегодняшний день.

Ключевые слова: *трайбализм, государственная политика, род, община, бизнес-кланы, трудовые мигранты, переселенцы, староверы, регион, локальные замкнутые группы, Дальний Восток, СМИ.*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00081.

Нарастающий кризис социокультурной идентичности становится одной из основных проблем современного общества. Политологи, социологи, психологи обращают внимание на проблематику диссонансного коллективного поведения. Сплачиваясь вокруг лидеров харизматического типа, способных влиять на окружающих при помощи различных манипулятивных технологий, индивиды попадают под эффект «стадного инстинкта», что способствует формированию соответствующей модели поведения, основанной на эмоциональной, а не на рациональной основе. В результате групповая политическая поляризация является следствием процесса исторической трайбализации [2].

Может ли общество демократического государства, где принцип равенства является основополагающим [10], мириться с проявлениями трайбализма. Как воспринимать подобные факты социального взаимодействия: как пережиток или как результат неизбежной трансформации организационной формы первичной группы – рода. Родовое объединение как фундаментальный принцип взаимодействия позволял выжить и обеспечить воспроизводство населения на начальном историческом этапе человечества.

Подобная организационная форма взаимодействия была характерна и для племен, населявших территории в границах современной России. «Род и племя» в славянской культуре играли основополагающую в буквальном смысле слова морально-нравственную роль. Идеологема «Какого ты рода племени» имеет архаические (родоплеменные) черты, в славянском эпосе сочетание род-племя употребляется наряду с сочетаниями отец-мать, а также со словами земля, имя, отчество. В понятие род-племя в былинах входят значения: «родина», «родители», «происхождение», «имя», «ряд поколений, принадлежность к роду, племени» [11].

Но в то же время, где есть племя, там есть деление на роды, кланы и т.д. Ведь племя подразумевает собой превосходство над другими родами, значимостью своих корней [1].

Под воздействием основных антропогенных факторов, в процессе эволюции, род приобретает иной вид, он трансформируется в более многочисленное сообщество – в общину. Различие между общинами видится в характере связи, в отличии от кровного родства для родовой, соседская держится на территориальной общности [5].

Неизбежные процессы видоизменения общины из родовой в соседскую на фоне разделения труда и появления первых экономических отношений, сокращения свободных, но пригодных для жизни земель, подробно описаны А. Кауфманом и Р. Качоровским. Новые общинные правила, нормы и традиции, формирование устойчивых уникальных моделей социального поведения обеспечили появление признаков государственности.

Политический фактор трайбализма обусловлен тем, что община как форма социальной организации всегда лежит в основе политической системы

и одновременно, противостоит ей. Основное отличие между государством и общиной в том, кому принадлежит власть. Если в общине источником политической воли является весь народ, то в государстве власть отделена от народа, в пользу незначительной группы. Политический фактор трайбализма в прошлом определен преимущественно наследственным характером передачи власти, что обеспечивает формирование элитарных семейных родов и кланов в противовес другим акторам политической системы архаичного общества.

Концепция трайбализма сегодняшнего дня тесно связана с концепцией «племенной культуры» Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Они в ходе своих исследований пришли к выводу о наличии тенденции к дроблению современного общества на более мелкие локальные образования [7]. Несмотря на преобладание процессов глобализации актуальность проблемы трайбализма в современном обществе растет, явление утратило свое классическое представление и стало обратной стороной унифицированного общества. Взаимопроникновение и взаимозависимость культур провоцирует проблему самоопределения индивида в обществе. Следовательно, в условиях глобализации, трайбализм можно определить, как стремление индивидов объединяться в локальные группы по территориальному, культурному, политическому, религиозному и иным принципам, оказывая порой неосознанное сопротивление общемировым тенденциям отторжения индивидуализма и гомогенизации.

В наши дни трайбализм можно определить, как некую форму групповой обособленности, которая, обладая качествами внутренней замкнутости и исключительности, сопровождается враждебным настроением по отношению к другим группам или социума в отношении участников данной группы.

На сегодняшний день исследование проявлений трайбализма через частоту упоминаний и качество содержания материала в официальных СМИ, при освещении политической тематики, используя такие категории как род, община, племя, клан, родство, семья, близкий и т.д., сопряжено с определенными нюансами. Сложность размещения информации подобного рода, связана с возможной административной и уголовной ответственностью за распространение информации, порочащей честь и достоинство человека, за экстремизм или разжигание межнациональной розни. СМИ обходят эти темы, если нет проверенных данных, таких как обращения граждан или юридических лиц в органы правопорядка, суд, либо по итогам проверки прокуратурой.

Представленное исследование основано на материалах центральных и ТОП-20 СМИ Дальневосточного федерального округа, выделенных по степени цитируемости в соцмедиа [16]. Соответственно данный материал, на который представлены ссылки, может быть признан достоверным, но это обстоятельство ограничивает количество интерактивных источников, которые затрагивает данную тематику.

В представленном исследовании последовательность местных СМИ изменена со степени цитирования на принадлежность к субъекту ДФО:

Название	URL	Регион
ИА «Амур.инфо»	amur.info	Амурская область
ИА «Порт Амур»	portamur.ru	
2×2.su	2×2.su	
ОТВ-Прим	otyprim.ru	Приморский край
PrimaMedia	primamedia.ru	
ИА «Восток-Медиа»	vostokmedia.com	
NewsVL.ru	newsvl.ru	
Vladnews	vladnews.ru	
АСТВ.ru	astv.ru	Сахалинская обл.
Сахалин.инфо	sakhalin.info	
Zabmedia	zab.ru	Забайкальский край
ИА «Чита.Ру»	chita.ru	
РИА «Биробиджан»	riabir.ru	Еврейская авт.обл.
Время Биробиджана	vremya-bir.ru	
ИА «Байкал-daily»	baikal-daily.ru	Республика Бурятия
Ариг Ус online	arigus.tv	
ИА MagadanMedia	magadanmedia.ru	Магаданская область
Кольма.RU	kolyma.ru	
SakhaLife.ru	sakhalife.ru	
DVNAB.ru	dvnovosti.ru	Хабаровский край

Блоки по территориальной принадлежности, позволят отметить в каком из субъектов региона, наиболее часто наблюдаются явления, которые можно классифицировать как трайбализм.

По итогу запросов на официальные электронные ресурсы СМИ о частоте упоминания категорий «род», «община», «племя», «клан», «родство» и в предложенных на общих ресурсах переходах к категориям «семейный клан», «семейный бизнес», можно выделить следующие направления в исследовании возможного проявления трайбализма.

Образование в регионе локальных замкнутых групп, влияющих на государственную политику в целом или на политику в субъектах РФ, чаще всего происходит:

- При формировании бизнес-клана из членов семьи и близких политика (высокопоставленного чиновника, депутата, общественного лидера) (Диаграмма 1);
- В условиях возможной нелегальной трудовой миграции (Диаграмма 2);
- При недостаточном государственном внимании к противоречиям между коренными жителями и переселенцами (Диаграмма 3).

Данные направления исследования не противоречат озвученным предположениям. Французский социолог Мишель Маффесоли, анализируя пост-

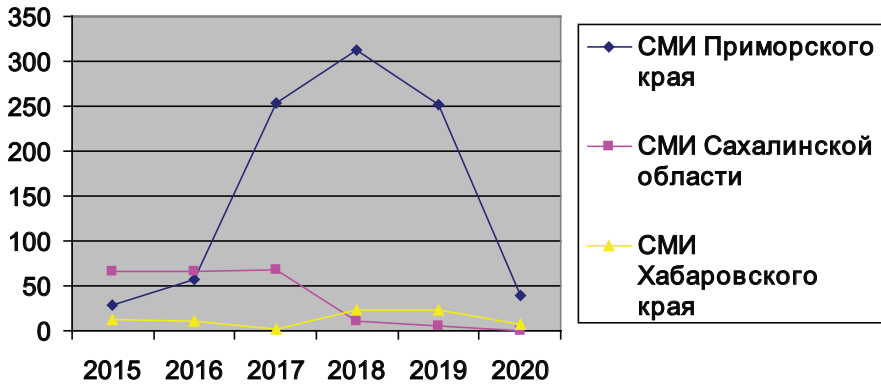

Диаграмма 1

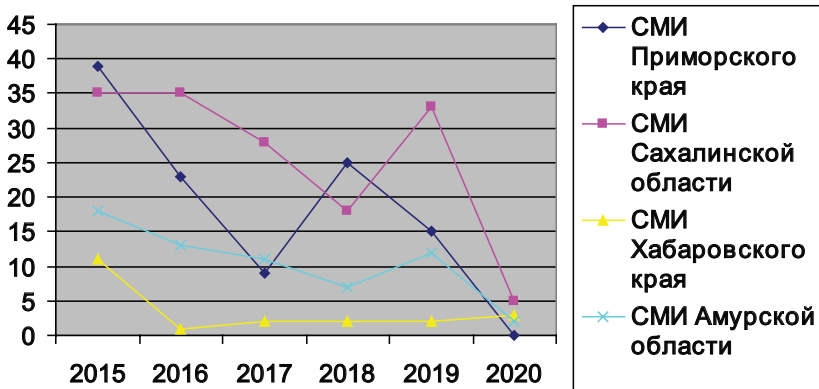

Диаграмма 2

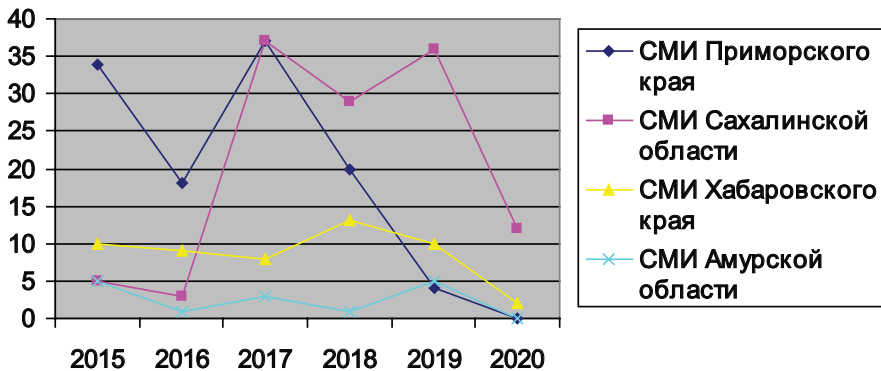

Диаграмма 3

модерновую социальную действительность, делает вывод, что подобное общество нельзя воспринимать как родоплеменное общество в традиционном понимании. По его мнению, современное общество больше похоже на некую совокупность пазлов социальностей и отдельных практик интеракции. М. Маффесоли утверждал, что трайбы формируются на основе коллективных иррациональных чувствах, то есть на эмоциях населения, а солидарность внутри них носит кратковременный и нестабильный, зависимый от внешних факторов характер. Стремление сосуществовать вместе, т.е. коллективное бессознательное, активизируется тогда, когда общество чувствует нестабильность, следовательно, оно стремится поддерживать картину реальности [7].

В данном исследовании для проведения наиболее эффективного анализа, нами были отобраны самые крупные региональные СМИ из ТОП-20 СМИ, упомянутого нами ранее, которые в течении 5 лет упоминали в своих материалах выделенные нами группы более 15 раз. Данный критерий позволил нам сосредоточить свое внимание на 4-х региональных СМИ: СМИ Приморского края, СМИ Сахалинской области, СМИ Хабаровского края, СМИ Амурской области.

К самым популярным темам региональных и федеральных СМИ можно отнести тему, затрагивающую материальное благополучие родственников и близких высокопоставленных чиновников, членов представительных органов и иных региональных политиков. Данная тема интригующе заманивает читателей ссылками на рейтинги Forbes. В опубликованном шестом списке богатейших женщин России значатся супруга действующего главы Приморья Ирина Герасименко и жена бывшего губернатора региона Лариса Белоброва.

Затрагивая членство в списках Forbes, журналисты средств массовой информации пытаются привлечь внимание общественности к теме формирования закрытых семейных бизнес-кланов. Рейтинги данной темы в СМИ держатся на традиционном обывательском интересе к уровню благосостояния публичных лиц и членов их семей, а также на поиске площадок для политических дискуссий в предвыборный период, в особенности тогда, когда политический оппонент пытается подчеркнуть искренность намерений фигуранта продолжить работу на благо региона. Журналистские расследования о росте доходов бизнес-кланов на фоне общего ухудшения социально-экономических показателей региона традиционно востребованы.

Пик интереса официальных СМИ к данной тематике совпадает с фактами выявления злоупотреблений властными полномочиями и с последующими организационными выводами. Все это происходит в рамках государственной политики по противодействию коррупции. Отставка, арест и весь последующий период процессуальных действий, очередное появление на политической арене акторов недавних разбирательств, все это вызывает определенный интерес общества к клану фигуранта.

Можно ли общественные отношения с участием семейных бизнес-кланов классифицировать как трайбализм. По всем показателям, подобные социальные группы подходят под характеристики групп, в отношении которых проявляется социальное отторжение или которые сами являются факторами проявления трайбализма. Спорным вопросом для классификации данных групп как трайбы остается вопрос о количественном составе, они традиционно малочисленны. Обычно, это супруг или супруга, родители, братья и сестры, дети фигуранта, реже встречаются давние друзья и прежние коллеги. Факт включения в группу внуков как активных участников, в исследовании не выявлен. Очевидно, это показатель краткосрочности этапа формирования новой бизнес-элиты.

Самым упоминаемым во всех СМИ, включая центральные, стал клан экс-губернатора Приморского края Сергея Дарькина. На примере информационного сопровождения процесса формирования и деятельности бизнес-семьи бывшего губернатора, а позже зама федерального министра, можно продемонстрировать сложившуюся практику медиа освещения факта обособления клана и рождения общественной нетерпимости к людям, законность дохода которых, вызывает определенное сомнение.

Напомним, что до избрания на пост губернатора Приморья Сергей Дарькин являлся руководителем банка «Приморье» и ЗАО «Ролиз» (рыбодобывающая компания), но затем пакеты акций в этих структурах перешли к его супруге Ларисе Белобровой. После назначения Дарькина губернатором Приморья Лариса Дмитриевна стала членом Попечительского совета Православной гимназии г. Владивостока, членом Правления Приморского отделения Общероссийского благотворительного фонда «Российский детский фонд» [13].

«Коммерсант» еще в 2009 году отмечал, что на фоне самого Дарькина его супруга – актриса краевого театра Лариса Белоброва, выглядит значительно более обеспеченной [8]. До замужества с экс-губернатором она унаследовала приличное состояние и недвижимость от убитого предпринимателя, известного на Дальнем Востоке как криминальный авторитет «Карп».

За весь период губернаторства Сергея Дарькина с 2001 по 2012 гг. и последующей работы заместителем министра регионального развития, положение дел его супруги Ларисы Белобровой значительно улучшились, она заняла в списке Forbes 14 место. В 2015 году она занимала только 17-ю строчку в топ-25 богатейших женщин России по версии Forbes. Суммарный доход актрисы составлял 125 миллионов долларов [6].

Следующий информационный блок, это отмеченное Конкурентом активное возвращение в региональный бизнес всей семьи. Судебное разбирательство в Арбитражном апелляционном суде, который привлек общественное внимание к теме бизнес-кланов. В СМИ сообщили об отмене решения первой инстанции и о прекращении производства по делу о дарении доли

ООО «Парус». В разбирательстве по делу о крабовой компании фигурируют Анна Хмарук, дочь экс-губернатора Приморского края Сергея Дарькина, Савелий Пономаренко, давний член бизнес-команды Дарькина, а также отмечено присутствие бывшего вице-губернатора Сергея Передрия.

Чем занимаются родственники и близкие первых лиц в субъектах Дальнего Востока, было отражено в общем обзоре [23]. Большое количество публикаций на данную тему появилось по факту пристального внимания правоохранительных органов к семейному бизнесу экс-члена Совета Федерации и экс-мэра Владивостока С. Пушкарева, в котором участвовали родители, брат и другие близкие [18].

Интерес для СМИ всегда представлял семейный клан Николаевых в состав которого входят родители и их дети, один Владимир – экс-мэр Владивостока, вторая Виктория – действующий депутат Государственной Думы [9].

В состав указанных бизнес-групп входят и другие близкие для указанных политиков лица, но факт значительного роста благосостояния данных обособленных мини сообществ в период осуществления государственных функций одним из членов семьи, является причиной негативного общественного восприятия данных кланов.

На сегодняшний день в Приморье реализуется государственная программа «Безопасный край» на 2015-2020 годы, которая предусматривает реализацию мероприятий, направленных на профилактику терроризма и экстремизма. Программа базируется на основном принципе безопасного социально-экономического пространства – национальной и религиозной толерантности. Данный принцип является основным ввиду миграционной привлекательности Дальнего Востока и Приморского края. Однако реакция СМИ, когда дело касается трудовых ресурсов региона, формулирует свои мысли в заголовках статей так: «Мигрантов на Дальнем Востоке все больше, а контроля все меньше» [4]. Свои и чужие, это основной контекст обсуждения тем о формировании регионального рынка труда.

Учитывая важность наличия постоянного трудоустройства для сокращения оттока населения с Дальнего Востока, Правительство России установило новые квоты на прием трудовых мигрантов. В ряде отраслей добавились ограничения – например, касающиеся строительной сферы и в сфере автомобильных пассажироперевозок. Между тем ситуация с мигрантами на Дальнем Востоке неоднозначная. С одной стороны, никуда не делось привычное обывательское недовольство от засилья неславянского типа приезжих, с другой стороны, урезание потока иностранной зарубежной силы в ДФО сказался на снижении показателей в различных сферах региональной экономики, многие предприниматели давно сетуют о нехватке рабочих рук. В Приморье сокращается численность легальных иностранных работников, что связано с рядом внешнеполитических факторов, но число нелегалов, по данным Росстата, выросло в несколько раз [3].

Стабилизация ситуации, требует комплекса мер в рамках межнациональной, миграционной и в других сферах внутренней и внешней политики России, мер социально-экономического характера. Первые шаги Приморья в виде созданного Фонда правовой поддержки мигрантов недостаточны, уже очевидно, что центры предварительного тестирования необходимо создавать в тех странах, откуда можно ожидать наибольший приток мигрантов.

Миграция на Дальний Восток, это устойчивая тенденция последних двух веков. Тихоокеанское побережье России не является территорией традиционного проживания европеоидов. По данным Союза коренных малочисленных народов Приморского края, исходя из результатов всероссийской переписи населения на 2010 г., такие общества представлены удэгейцами (793 чел.), нанайцами (383 чел.) и тазами (253 чел.). Всего их 1429 человек [12].

Осуществление региональной политики, позволяет констатировать факт практического отсутствия примеров трайбализма во взаимоотношениях между родовыми кланами коренных народов и давно осевшим переселенцами из центральноевропейской части России.

Исследовательский интерес могут иметь факты внимания центральных и региональных СМИ к взаимоотношениям жителей севера Приморского края и переселенцев-соотечественников из Латинской Америки, отношения между которыми еще нельзя в полной мере назвать дружественными [19].

Миграционная политика, государственная поддержка и содействие добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом, осуществление которых определено Указом Президента Российской Федерации от 22.06.2006 г. №637 [21] и соответствующей государственной программой, дает первые результаты: количество переехавших семей и планирующих переехать растет.

Краевой проект «Староверы из Южной Америки в Приморье – сохранение традиций и адаптация в новых условиях», обеспечен краевым бюджетом и президентским грантом. Специалисты Дальнереченского и Красноармейского муниципальных районов, совместно с департаментом внутренней политики Приморского края, выступили связующим звеном между переселенцами и краевой администрацией, но данные структуры не обеспечили условий для должной связи староверов с местными жителями.

Одно из освещаемых в СМИ событий стало интересно тем, что по мнению потерпевших и местных свидетелей, это итог уже сложившейся непримиримости в отношениях между селянами и староверами. Русские староверы, перебравшиеся в Приморье из Южной Америки, пострадали от поджигателей в селе Любитовка [20]. Следовательно, реальность сегодняшнего дня, это притеснения не со стороны власти, а со стороны общества. Нынешние переселенцы рождены в Бразилии, Уругвае, Боливии, Аргентине, поэтому речь староверов, это своеобразная смесь языков. Почти все знают испанский и португальский, а в их русском – много давно неиспользуемых слов [19]. По

материалам местных и центральных СМИ, можно предположить о процессе формировании закрытых групп переселенцев, в отношении которых проявляется нетерпимость местных, основанная на культурном отличии.

По итогу проведенного разведывательного исследования на тему: «Наш край – общий дом», путем экспресс-опроса, были получены предварительные, но очень интересные результаты, подтверждающие жизнеспособность гипотезы о возможном проявлении трайбализма на фоне взаимоотношений местных селян и переселенцев. Из 250 жителей села Любитовка Приморского края, 20 респондентов старше 18 лет вошли в фокус-группу. Отбор шел независимо от социального положения и пола, опрос проведен в общественных местах (отделение почты, школа, магазин).

При ответе на вопрос «Что отличает переселенцев от вас», респонденты вообще не использовали варианты: «религиозные взгляды»; «национальность»; «языковой барьер» (Таб. № 1). Это очень важное обстоятельство, учитывая тот факт, что старообрядчество – это особый феномен социально-культурного раскола, произошедшего в следствии церковных реформ в середине 17 века.

Выделение в анкете деловых качеств у переселенцев, является признанием местными неких достоинств у новых соседей. Удивительная организованность, ответственность и постоянство уже являлись поводом для переосмысления отношения к старообрядцам. Изменение государственной политики в отношении староверов произошло со сложившейся напряженной геополитической ситуацией в азиатско-тихоокеанском регионе. Россия могла потерять слабо освоенное тихоокеанское побережье богатое лесными и рыбными ресурсами, пустующими плодородными землями, на которых все чаще стали появляться японские промышленники-концессионеры.

Практически не поддающиеся чуждому культурному влиянию и ассимиляции, староверы всегда, отличались трудолюбием, неприхотливостью быта и ярко выраженным православным духом.

Привлекательные социально-экономические элементы миграционной политики, объявленная в местах возможного расселения религиозная толерантность, а также слухи о несметных природных богатствах неосвоенных дальневосточных земель, привлекли староверов из центральных районов России и Западной Сибири [14].

Усердие, с которым староверы обживают «новые земли» отмечены местными (Таб. № 1). Только один из опрошенных ответил «Нет» на вопрос о возможной готовности работать вместе.

Ответы на вопрос «Готовы ли вы к брачно-семейным отношениям ваших детей», свидетельствуют о том, что большинство местных за ассимиляцию, а подобная практика не в новинку для самих староверов (Таб. № 1). Дореволюционная власть, регулярно подсеяла в уже обустроенные старообрядцами деревни переселенцев из разных частей России, которые были мало приспособлены для проживания в условиях Дальневосточной природы.

Таблица 1

Что отличает переселенца от Вас	Религиозные взгляды	Национальность	Деловые качества	Языковой барьер	Обособленность
	-	-	20%	-	80%
Готовы ли Вы к совместной работе	Уже работаем вместе	Да	Нет	Работали, больше нет	Возможно
	30%	60%	5%	-	5%
Возможны ли брачно-семейные отношения Ваших детей	Уже породнились	Да	Нет	Не думали	Пусть дети сами решают
	5%	35%	-	10%	50%

Результаты опроса дают надежду на возможное сотрудничество и обмен опытом между вновь формирующимися партнерами. Трайбализм на Дальнем Востоке России отходит от традиционного представления, приобретая новые формы. На сегодняшний день обособленные группы образуются посредством влияния на них политико-экономических факторов. Приморский край стал самой привлекательной территорией для старообрядческих семей, которые возвращаются на Дальний Восток России благодаря государственной программе. В ближайшее время в регион планируют переселиться еще 53 семьи, насчитывающих более 200 человек, из разных стран зарубежья, следовательно, оценка причин и возможных последствий от данной проблемы должны найти отражение в последующих исследованиях. Необходимо детальное рассмотрение мнения местных жителей, выделивших в анкете «обособленность», вне опроса, они высказывают недоумение на несоизмерный со своим, уровень материальной поддержки староверов и по поводу простоты предоставления им земель в пользование. А сейчас, отмечают журналисты «PrimaMedia», староверы говорят – сей, молись, жди! Родина переселенцам в Приморье пока не мать, а мачеха.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Атамурзаева Б.М.* Роль и значение трайбализма и регионализма в формировании и развитии государственной структуры Кыргызстана // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 10-1 // <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-znachenie-tra>.
2. *Буряк В.В.* США: политический трайбализм и его импликации // Наука через призму времени. 2018. № 11 (20).
3. В России число мигрантов достигло рекордных показателей // ОБЩЕСТВО // <https://fedpress.ru/news/77/society/2333818>.
4. Восток не резиновый. Мигрантов на Дальнем Востоке все больше, а контроля все меньше // ЭКОНОМИКА // <https://fedpress.ru/article/2334910>.
5. *Данилова Л.В., Данилов В.П.* Община // БСЭ. 3-е изд. М., 1974. Т. 18.

6. Дочь Дарькина спасла свою долю в крупной компании // KONKURENT.RU // <https://konkurent.ru/article/21426>.

7. Еловая Т., Миненков Г. «Низовое общество» как проблема современной социальной теории / Т. Еловая, Г. Миненков // Перекрестки: Журнал исследований восточноевропейского Пограничья. 2012. № 3-4.

8. К Ларисе Белобровой пришли за имуществом // Элита России // https://fb.ru/info_mob/50313.html.

9. Команда Владимира Николаева возвращается в мэрию Владивостока // ZRPRESS.RU // https://www.zrpress.ru/politics/primorje_13.02.2019_93114_komanda-vladimira-nikolaeva-vozvrashaetsja-v-meriju-vladivostoka.html.

10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

11. Мазай Н.И. Род как исконное понятие русской культуры // Успехи современного естествознания. 2005. № 2 // <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=7991>.

12. Народы. Союз коренных малочисленных народов Приморского края // <http://xn--mtbkifbug5i.xn--plai/narody>.

13. Насколько первая леди Приморья богаче Анджелины Джоли // Элита России // http://www.great-country.ru/rubrika_articles/ros_elite/110718-05.html.

14. О старообрядческой цивилизации в Приморье. Места поселений старообрядцев в северной части Приморского края (состояние на 1932 год) // ДВГИ ДВО РАН // <http://www.fegi.ru/PRIMORYE/RELIG/panich2.htm>.

15. Приморье теряет важных гастарбайтеров // KONKURENT.RU // <https://konkurent.ru/article/18259>.

16. Рейтинг СМИ Дальнего Востока по цитируемости в соцмедиа // Brand analytics // <https://br-analytics.ru/blog/far-east-massmedia-ratings/>.

17. Семенов Ю.И. О стадияльной типологии общины // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.

18. Спецпроект «Дело Пушкарева» // VLADNEWS // <https://vladnews.ru/special/arest-pushkareva>.

19. Староверы живут по-своему, но принимают правила современного мира // Сетевое издание «Вести.Ру» // <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2966730>.

20. У семьи староверов в Приморье сожгли едва купленные постройки // Родина // https://rg.ru/2018/12/10/reg-dfo/ljubitovka_pozhar.html

21. Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. N 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (ред.12.11.2019) // Президент Российской Федерации В. Путин. Москва, Кремль 25 февраля 2016 года № 82.

22. Фестиваль коренных малочисленных народов впервые пройдет в Приморье // VLADNEWS // https://vladnews.ru/2019-04-22/150212/festival_korenyh.

23. Чем занимаются родственники губернаторов Дальнего Востока // VLADNEWS // https://vladnews.ru/2011-02-02/22144/zanimayutsya_rodstvenniki.

E.V. BULAKH

*Candidate of political sciences,
associate professor, Far Eastern Federal
University, Eastern Institute – School of Regional
and International Studies, Vladivostok, Russia*

A.R. KNYAZEVA

*Student, Far Eastern Federal
University, Eastern Institute School of Regional
and International Studies,
Vladivostok, Russia*

V.G. TSOY

*Student, Far Eastern Federal
University, Eastern Institute School of Regional
and International Studies,
Vladivostok, Russia*

TRIBALISM IN THE RUSSIA'S FAR EAST: RESIDUAL MANIFESTATIONS OR NEW FORMS OF REGIONAL IDENTITY

The article examines the phenomena whose content or participants' quality allows us to classify them as tribalism. Based on responses regional and national media, this study attempts to state the existence of the formation process of local closed groups that affect state and regional policy of the Russian Federation: business clans, ethnic groups of labor migrants, settlers. This study analyzes the most active regional media that have responded to this topic over the past five years. Based on the data obtained, the authors constructed diagrams that substantiate relevance of this phenomena in the Russia's Far East.

Key words: *tribalism, state policy, kind, community, business clans, labor migrants, settlers, old believers, region, local closed groups, Far East, media.*

ПОЛИТИКА ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ И БЕЖЕНЦЕВ В СТРАНАХ ЕС

В статье анализируются современные правовые и иные средства решения проблем интеграции граждан третьих стран в государствах Европейского Союза и ряде развитых стран Запада. Миграционный кризис в Европе 2014-2015 годов, и угроза его повторения сегодня препятствуют эффективному функционированию созданной в ЕС системы регулирования миграционных потоков. Перед институциональными структурами ЕС, а также перед европейскими странами стоит вопрос поиска новых моделей и подходов к решению проблем вынужденной миграции.

Ключевые слова: миграционный кризис, беженцы, Европейский Союз, адаптация, интеграционная политика, этническое многообразие, модели интеграции, мультикультурализм, ассимиляция.

Европейские страны, принимавшие беженцев и мигрантов, многие годы проводили последовательную политику интеграции и адаптации, оказывая им на государственном уровне социальную поддержку и помощь, внедряя языковые и образовательные программы, приобщая иммигрантов к европейским ценностям (верховенству права, правам человека и основным свободам). Однако массовый неконтролируемый наплыв в 2014-2015 гг. мигрантов и лиц, ищущих убежище, из Сирии, Афганистана, Ирака и других стран на европейский континент обернулся для Европейского Союза серьезными последствиями/испытаниями и вынудил руководство ЕС приступить к реформированию ряда направлений миграционной политики и политики убежища.

Общая правовая система убежища ЕС, включающая стандарты и механизмы распределения по странам лиц, ищущих убежище (Дублинский регламент и директивы), была разработана в 2013 г. Однако резко возросшее количество прибывших в поисках международной защиты в Европу (в первую очередь, Италию и Грецию) мигрантов с иными нравами, обычаями и моделями поведения, не свойственными европейскому населению, высветило низкую эффективность этой системы, по сути, вызвав коллапс

интеграционных моделей. Иммигранты «новой волны» обострили не только внутривнутриполитическую обстановку в странах приема, но и усугубили разногласия между большинством стран-членов ЕС. Ситуация в правовом отношении осложнялась также и тем, что определенная часть прибывших являются не беженцами, а экономическими мигрантами, претендующими на статус беженца в целях обосноваться в странах Европы и получать социальные выплаты.

В условиях кризиса Комиссия ЕС приступила к реформированию законодательства об убежище, критериях получения статуса беженца или дополнительной защиты. В мае 2016 г. был разработан проект реформы Дублинского регламента (Дублин IV). В его основу был положен неизменный принцип «первой страны въезда», согласно которому, претендент на убежище мог получить статус беженца лишь в первой из стран прибытия. Но предлагалась и новелла – «корректирующий механизм» в случаях массового прибытия мигрантов, – система квот распределения мигрантов по странам Евросоюза. Этот механизм встретил резкое сопротивление со стороны ряда государств-членов. Вышеградская группа, куда входили Чехия, Польша, Венгрия и Словакия, выступили против введения обязательных квот на расселение мигрантов.

Президент Франции Э. Макрон предложил идею создания центров размещения мигрантов для аутсорсинга прошений об убежище в ЕС, которую поддержали лидеры государств ЕС, не имея, однако, намерения создавать такие центры на своей территории.

Звучали требования закрытия границ, восстановления пограничного контроля между странами Шенгена, немедленной депортации иммигрантов, которым отказано в убежище, и прекращения в принципе приема беженцев. Как отмечает чл.-корр. РАН С.В. Рязанцев, – «европейская система предоставления убежища столкнулась не только с техническими сложностями идентификации и адаптации беженцев, но и с концептуальным вызовом, подрывающим основы ее существования, базирующимися на соблюдении прав человека и идее мультикультурализма» [10. С. 4].

Миграционный кризис явился дестабилизирующим фактором для самого Евросоюза как политического и социально-экономического интеграционного образования.

В настоящее время Европа вновь столкнулась с угрозой потенциального миграционного кризиса. С марта 2020 г. Турция, где находится 4 млн беженцев (преимущественно выходцев из Сирии), открыла для них свои границы, нарушив/прекратив, таким образом, неформальные договоренности 2016 г. с ЕС об урегулировании миграционной проблемы, согласно которым Анкара должна была сдерживать лиц, желающих попасть на территорию Евросоюза.

Концентрация огромного числа беженцев на границе Евросоюза (на греко-турецкой границе) грозит нелегальным вторжением большого количества мигрантов. ЕС не выработал общий подход к данной проблеме, однако на повестке дня стоит вопрос усиления безопасности сухопутных и морских границ. Как отмечают исследователи, «прикрываясь защитой прав человека в отношении мигрантов, Брюссель готов развернуть на границах дополнительные подразделения FRONTEX и обеспечить их необходимыми техническими средствами... ЕС в большей степени готов идти на непосредственные меры защиты от мигрантов, нежели на активное финансирование сирийцев, которые, терпя трудности, все же не покинули свою страну» [6].

Примечательно, в этой связи, что хотя Директива Совета ЕС 2001 г. о временной защите в случае массового прибытия мигрантов до сих пор является действующей, даже в самый разгар/пик миграционного кризиса она ни разу не применялась. Причиной тому называется расплывчатый, нечеткий характер ее положений и сохраняющееся напряжение внутри Совета между государствами-членами по вопросу распределения расходов и бремени ответственности [13].

Иммиграционная политика любого принимающего иностранцев государства состоит из двух взаимосвязанных составных частей: контроль за соблюдением правил въезда и пребывания на территории иностранцами и, так называемая, «политика интеграции» – политика в отношении находящихся в стране иностранцев, подлежащих интеграции.

Директивами ЕС устанавливаются единые для государств-членов условия въезда и пребывания иностранцев на территории Евросоюза. Однако, по мнению ряда исследователей, эти директивы предоставляют слишком большую свободу усмотрения государствам-членам, позволяя ужесточать иммиграционную политику, осложнять доступ мигрантов на рынок труда и к системе социального обеспечения, осложнять воссоединение семей и получение более защищенного и стабильного правового статуса [2. С. 133].

Вопросы интеграции иностранных граждан изначально не входили в сферу компетенции Европейского Союза. Однако начиная с 1999 г. в ЕС начинает осуществляться добровольная передача части полномочий по интеграции мигрантов с национального на наднациональный уровень. В настоящее время в области интеграции ЕС обладает ограниченной компетенцией. При этом право Евросоюза не содержит норм, предписывающих гармонизацию его норм с нормами законодательства государств-членов в этой области. Однако институциональные структуры ЕС рассматривают интеграцию иностранцев в качестве своих социально-политических приоритетов.

В июле 2011 г. Европейская комиссия приняла «Европейскую повестку дня в области интеграции выходцев из третьих стран». В июне 2016 г. был представлен План действий по интеграции граждан третьих стран, включающий сферу деятельности и конкретные инициативы, направленные на по-

мощь государствам-членам в интеграции около 20 млн выходцев из всего мира, легально находящихся на территории ЕС [13].

Указанный документ содержит обновленные подходы к содержанию и механизмам реализации интеграционной политики [12]. Важным положением документа является тезис, касающийся вопросов общей социальной политики и адресованный всем слоям населения: о широком включении мигрантов в общественную жизнь и отказе от практик дискриминации, защите прав человека и европейских ценностей.

В странах иммиграции использовались различные национальные модели государственного управления этническим многообразием [3. С. 72-75]. Основными из них длительное время являлись два вида: мультикультурализм (политика сосуществования различных этнокультур и толерантности) и ассимиляция (направленная на стирание этнокультурной неоднородности). В рамках концепции мультикультурализма государственная политика направлена на достижение равноправия в социально-экономической области, предоставление иммигрантам определенных политических прав, принятие их культурного своеобразия и признание равноправия всех этнокультур без искусственного смешения или поглощения. Ярким представителем этого направления являлась Германия, где реализуются меры, направленные на скорейшую интеграцию иммигрантов в общество. Особое внимание уделяется обучению немецкому языку детей совместно с родителями в языковых школах для мигрантов. Практикуется так называемая «политика открытых дверей» – приглашения мигрантам от местного населения пожить в их домах.

Впервые мультикультурализм в качестве государственной политики возник в Канаде, которая выдвинула идею «интеграции без ассимиляции». От приезжих требовалось соблюдать законы страны, им разрешалось говорить на своих языках, проживать своими группами и не становиться похожими на канадцев.

В настоящее время этой концепции придерживаются такие страны Европы, как Дания, Нидерланды, Норвегия и Швеция. В них проводится активная политика искоренения дискриминации по национальной или конфессиональной принадлежности. Осуществляется вещание на телеканалах и создаются сайты на языках национальных меньшинств и мигрантских сообществ, имеются мусульманские школы и учителя, владеющие языками стран исхода мигрантов, оборудуются помещения для отправления различных религиозных культов.

Концепции мультикультурализма противостоит интеграционно-адаптационная модель – модель ассимиляции (этнического и культурного «растворения» приезжих в принимающем социуме). В научной литературе она нередко критикуется за обнаруживающееся на практике дискриминационное отношение к представителям мигрантских сообществ, цель которого – побудить мигрантов поскорее влиться в новое общество и раствориться в нем

по завершении процессов заимствования культурно-этических, языковых и социально-бытовых особенностей коренного населения [4. С. 23].

Активную политику ассимиляции проводила Франция, куда начиная с середины прошлого века устремились потоки иммигрантов из Алжира, Марокко, Туниса, Турции и Сенегала. Владение французским языком позволило иммигрантам из бывших колоний легче адаптироваться в стране приема, чему также способствовало их компактное расселение в пригородах крупных городов. Однако, как считают исследователи, – «программа принудительной ассимиляции вроде логичная, но в то же время опасная: опыт Франции показывает, что именно из ассимилировавшихся иностранцев получают самые агрессивные криминальные элементы без корней и моральных ограничений» [1. С. 27].

Частично использовали модель ассимиляции и Соединенные Штаты Америки, пытавшиеся ускоренно интегрировать и «растворять мигрантов в плавильном котле». Однако это привело лишь к созданию изолированных сообществ мигрантов, живущих замкнуто и изолированно в чайна-таунах и других этнических гетто.

В настоящее время можно утверждать, что в условиях серьезных вызовов, сопряженных с массовой иноконфессиональной миграцией, резким ростом этнической разнородности общества и объемов мусульманского населения в странах ЕС, несущих угрозы исламизации, обе модели оказались несостоятельными.

Государства ЕС, обеспечивавшие высокий уровень жизни и социальных пособий, всегда привлекали мигрантов со всего мира. Однако в современных условиях увеличение расходов на содержание, расселение, обустройство, социально-культурные и иные нужды и потребности значительного числа беженцев и вынужденных мигрантов, а также на функционирование институциональной составляющей интеграционной политики несут угрозу социально-политическому климату европейских стран. Так, например, Германия – крупнейшее сегодня государство-реципиент мигрантов, тратит на социальные нужды примерно 1 трлн евро, что составляет примерно 30% ВВП (по сравнению с 20% в среднем по странам ОЭСР). В настоящее время в Германии начинают осознавать, что распухшие социальные «блага», так притягивающие мигрантов со всего мира, в конечном счете обернутся для страны жесточайшим кризисом [8]. Показательно в этой связи, что резолюция, внесенная недавно в Бундестаг партией «Зеленых» о принятии в Германии 5 тыс. детей-беженцев, скопившихся на греко-турецкой границе, была отклонена: против проголосовали даже социал-демократы.

Не увенчались успехами и попытки правительства Германии реализовать программу помощи по обучению сирийских беженцев в Германии по таким направлениям, как строительство, овладение техникой и санитарным делом для будущих потребностей Сирии в период ее восстановления. В програм-

ме приняли участие 217 беженцев, и ее стоимость составила в 2016-2017 гг. 5 млн евро [9]. Так как обучающиеся не владели немецким языком, потребовались переводчики, а также иные расходы, что еще более удорожало программу. При этом программа оказалась малоэффективной: по ее окончании лишь двое из 217 прошедших обучение беженцев смогли найти применение полученным знаниям в немецких учреждениях, несмотря на нехватку персонала в домах престарелых и больницах. Однако руководство Бундесвера потребовало продолжения проекта.

Многие политики и в Германии, и в других странах ЕС считают, что экономические и социокультурные издержки политики интеграции «гуманитарных мигрантов» непомерны для принимающего общества и ставят под сомнение саму идею социального государства европейского образца. Выдвигаются предложения, что разделять бремя интеграционных программ (обучения языку, основам правовых знаний, нормам и культуре поведения, начальной профессиональной подготовки) вместе с правительствами стран-реципиентов должны также и различные сегменты общества, в первую очередь, крупный бизнес.

Испытывает ЕС проблемы и с интеграцией мигрантов в рынок труда. По данным статистической службы Eurobarometer, уровень безработицы среди первого поколения мигрантов по сравнению с коренным населением во Франции составляет 17%, в Швеции – 15%, в Испании – 9% [7].

Главными акторами миграционной политики являются национальные государства, однако, все более заметную роль – особенно в сфере интеграции мигрантов и борьбы с дискриминацией – играют неправительственные организации (НПО). Содействие государствам в решении миграционных вопросов оказывают тысячи НПО самого разного профиля: от крупнейших правозащитных организаций, таких как Amnesty International и Human Rights Watch, до небольших организаций со скромным бюджетом и малым числом сотрудников. Значительное число НПО специализируются на помощи беженцам.

Следует также отметить такого агента общественного действия, как католическая и протестантская церковь, которая финансирует помогающие мигрантам и беженцам организации, активно лоббирует необходимость усиления гуманистической направленности миграционной политики в целом и действий государств в отношении беженцев [5. С. 92-93].

Таким образом, сегодня следует говорить о сдвиге от государствоцентричной к полицентричной, многоакторной модели управления плюралистическим обществом, предполагающей координацию действий всех его участников – как органов власти, так и негосударственных субъектов, представляющих частный сектор и гражданское общество, включая ассоциации мигрантов – в продвижении интеграции коллективными усилиями [11. С. 103].

Хотя органы ЕС имеют ограниченную компетенцию в сфере управления интеграцией мигрантов, они активно содействуют распространению

новых интеграционных моделей. В 2014 г. Европейской комиссией был создан Фонд по вопросам убежища, миграции и интеграции, поддерживающий ряд проектов, среди которых «Платформа по информации и сотрудничеству в сфере миграции». Евросоюз поддерживает также такие инструментальные механизмы, как Европейский портал по вопросам интеграции и Европейская сеть по интеграции.

В заключение следует отметить, что Европейскому Союзу так и не удалось выработать согласованную позицию для долгосрочного решения проблем вынужденной миграции. В качестве «рецепта от катастрофы» и разрешения миграционного кризиса известный финансист Джордж Сорос рекомендовал Евросоюзу выделять дополнительные средства на развитие проблемных регионов – в частности, Африки [7].

По мнению бывшего вице-премьера и главы МВД Италии Маттео Сальвини, необходимо тратить больше средств на лагерь беженцев и инфраструктуру в тех странах, откуда прибывают беженцы и мигранты, а также привлекать к этой работе волонтеров из НПО [7]. Однако попытки заинтересовать страны Африки – Ливию, Мали, Нигерию, Тунис, Чад и др. в размещении миграционных центров для аутсорсинга прошений об убежище в Европе до настоящего времени не увенчались успехом. Отказываются североафриканские страны и заключать соглашения с Евросоюзом о реадмиссии (возвращении мигрантов).

Современные реалии (распространение коронавирусной эпидемии, парализующей европейскую экономику, предрекаемая массовая безработица в странах ЕС, бюджетный дефицит, угроза нового массового наплыва беженцев) ставят под вопрос ранее спланированный курс Европейской комиссии в области иммиграционной политики и заставляют государства ЕС искать собственные сценарии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ахмедова М., Бурмистров П., Вишневецкая Ю.* Смерть мульти-культу. Почему европейская модель оказалась на грани краха // Русский репортер. 28 октября-4 ноября 2010. № 42.
2. *Васильева Т.А.* Миграционная политика, гражданство и статус иностранцев в странах западной демократии. М.: Институт права и публичной политики, 2010.
3. *Воронина Н.А.* Законодательство об адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации: тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. Июль-сентябрь 2019. № 3 (83).
4. *Корсаков К.В.* Модели общественной интеграции, адаптации и аккультурации трудящихся-мигрантов в современном мире // Миграционное право. 2019. № 2.

5. Малахов В.С. Глобальное управление в сфере миграции: теория, институты, политика // Мировая экономика и международные отношения, 2019. Том 63. № 10.

6. Моисеев Д. ЕС на миграционный шантаж Турции поддаваться не намерен // Российская газета. 06 марта 2020.

7. Независимая газета. 31 мая, 5 июня 2018.

8. Никифоров О. Почему немецкая экономика утратила конкурентоспособность // Независимая газета. 06 марта 2020.

9. Никифоров О. Вскрылись новые прегрешения бывшего министра обороны ФРГ // Независимая газета. 17 сентября 2019.

10. Рязанцев С.В. Миграционный кризис и формирование мусульманских общин в Европе: тенденции и последствия. М.: ФГБУН ИСПИ РАН, 2016.

11. Цапенко И.П. Перспективные технологии интеграции мигрантов // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Том 63. № 10.

12. Action Plan on the Integration of Third Country Nationals/COM (2016) 377 final. Brussels, European Commission. 07.06.2016.

13. Fiches techniques sur l'Union européenne. Politique d'Asile. 2019 // www.europarl.europa.eu/factsheets/fr.

N.A. VORONINA

*Candidate of Sciences (law),
Senior researcher at the Sector of Human Rights,
Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia*

POLICY OF INTEGRATION OF MIGRANTS AND REFUGEES IN THE EU COUNTRIES

The article is devoted to the analysis of modern legal and other means of resolving of integration problems of third country nationals in the EU states and in a number of developed countries of the West. European migration crisis of 2014-2015 and a threat of its recurrence today interfere with efficient functioning of the system of regulation of migration flows, created in the EU. The institutional EU structures as well as European countries face the issue of finding new models and approaches to the solution of problems of forced migrants.

Key words: *migration crisis, refugees, European Union, adaptation, policy of integration, ethnic diversity, models of integration, multiculturalism, assimilation.*

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В данной работе произведен теоретический анализ и оценка роли общественно-политических организаций в современных условиях сложившейся системы международных отношений. Раскрыто определение и функциональное содержание общественно-политических организаций, определен их международно-правовой статус в условиях современности. Статистически описана история появления и развития организаций, выявлены преимущества и недостатки их деятельности, а также очерчены перспективы развития.

Ключевые слова: общественно-политическая организация, конфликт, урегулирование конфликта, международные отношения, функции общественно-политической организации, международно-правовой статус.

В настоящий момент достаточно актуальной представляется проблема урегулирования политических конфликтов, вызванная процессом оформления новой системы международных отношений и геополитической картины мира. Видоизменение мирового политического порядка сопровождается перераспределением ролей в вопросах регулирования конфликтных ситуаций. Главным актором в формирующемся мировом порядке по-прежнему остается государство, а наиболее распространенными методами разрешения конфликтных ситуаций являются переговоры, посредничество и использование услуг медиаторов. В двадцатом веке особую нишу в этой системе заняли общественно-политические организации.

Актуальность заявленной темы обусловлена не только изменяющимся миропорядком, но и проблемой теоретического осмысления роли общественно-политических организаций в урегулировании политических конфликтов. Ряд авторов, исследующих данную проблематику, при попытке оценить значение общественно-политических организаций определяют одни и те же функции, давая им разные названия [1. С. 63; 6. С. 55; 7. С. 115].

В результате выделяемые функции фактически совпадают с конечными целями деятельности организаций, принимающих участие в урегулировании конфликтных политических ситуаций, что лишает исследование научной ценности. Как правило, значение общественно-политических организаций в подобных исследовательских работах сводится к функциям поддержания и сохранения мира в зонах потенциального конфликта, а также к содействию ответственным за наведение порядка субъектам и органам.

Общественно-политические организации представляют собой добровольные объединения граждан, создаваемые для реализации их общих интересов и по их инициативе. В контексте политической сферы их возникновение и развитие стало неотъемлемой частью международных отношений, а сами общественно-политические организации в условиях современности наделены функционалом полноценных международных акторов [4. С. 263].

Тенденция увеличения роли общественно-политических организаций в урегулировании политических конфликтов наметилась еще в девятнадцатом веке, когда стали появляться первые такие объединения. Например, «Британское Международное Общество Борьбы против Рабства» появилось в 1823 году [2. С. 20].

Процесс увеличения численности различных неправительственных организаций был запущен после окончания Второй мировой войны. Особенно интенсивный рост числа общественно-политических организаций приходится на время создания ООН. В соответствии со статистическими данными, в 1905 году во всем мире было зафиксировано сто тридцать четыре неправительственных организации, в 1958 году их количество достигло тысячи, а в конце восьмидесятых годов – четырех тысяч. На сегодняшний день в мире зарегистрировано около двадцати семи тысяч неправительственных организаций с разной направленностью работы [9. С. 231].

Определение функций общественно-политических организаций, выполняемых в процессе урегулирования политических конфликтов, позволяет дать объективную оценку их роли в современных условиях сложившейся системы международных отношений. К основным функциям общественно-политических организаций в урегулировании политических конфликтов относятся следующие:

- превентивная – заблаговременное предупреждение конфликта;
- реабилитационная – нивелирование последствий конфликтной ситуации;
- примирение конфликтующих сторон;
- наблюдение и оценка степени соблюдения прав человека [5. С. 180].

Однако в условиях современных процессов перераспределения рычагов влияния в политической сфере очевидной становится несостоятельность и неполнота данной классификации. В связи с этим следует изучить более широкую классификацию функций общественно-политических организаций в урегулировании политических конфликтов:

– нейтральное посредничество – может быть реализовано при наличии трех условий: во-первых, в конфликте должно быть представлено не меньше двух сторон, во-вторых, стороны должны обоюдно осознавать необходимость разрешения конфликта, в-третьих, все участники конфликта должны признавать нейтральное положение организации, настраивающей между ними диалог.

– налаживание коммуникации – зачастую именно общественно-политические организации оказываются единственными акторами в зоне конфликта, располагающими полной информационной картиной о происходящих событиях, восстановленной при общении с гражданским населением. Например, коммуникативная функция успешно реализовывалась российским неформальным объединением «Братьями сербов» в девяностые года двадцатого века, когда разразился югославский конфликт.

– «взаимодействие» с общественным мнением – данная функция тесно связана с налаживанием коммуникаций и включает в себя несколько аспектов: влияние на общественное мнение посредством распространения имеющейся достоверной информации о конфликте в медийных и иных информационных каналах; воздействие на властные структуры, ответственные за принятие решений в создавшейся конфликтной ситуации.

– координация – в международной практике урегулирование политических конфликтов, как правило, производится силами сразу нескольких типов акторов, например, во время обострения военно-политической ситуации в Судане «коридор спокойствия» был установлен силами целого ряда общественно-политических организаций и ЮНИСЕФ [8. С. 15].

– помощь гражданскому населению – в качестве примера может послужить гуманитарная деятельность организации «Американский комитет Друзей на службе обществу», реализуемая в Югославии на протяжении нескольких лет в союзе с такими неправительственными объединениями как «Одинокий волк» (Смедерево), «Цент мирного разрешения конфликтов» (Белград) и другими.

На практике описанные функции общественно-политических организаций, выполняемые в процессе урегулирования политических конфликтов, реализуются в таких формах деятельности как сбор информации о реальном положении дел, доставка гуманитарной помощи, помощь в установлении официальных и неофициальных контактов, поиск пропавших без вести лиц, посещение лагерей беженцев. Реже общественно-политические организации берут на себя ответственность за внедрение образовательных программ, нацеленных на коррекцию конфликтного поведения сторон и поиск согласия между ними. Немногие организации занимаются созданием специальных дискуссионных площадок, семинаров и форумов, дающих возможность обсудить проблемы конфликтующих сторон.

Анализируя перспективы и роль общественно-политических организаций в урегулировании современных политических конфликтов, не следует преувеличивать их возможности. Зачастую преимущества, которыми наделены такие организации, в определенных политических обстоятельствах становятся недостатками.

Во-первых, нередко в решение одного локального конфликта вовлекается слишком большое количество организаций. Подобная ситуация наблюдалась в 1994 году, когда обострилась военно-политическая ситуация в Руанде, где были задействованы около сотни неправительственных организаций. В результате стороны не могли выработать единой программы воздействия на конфликт.

Во-вторых, если организация действует на уровне локальных общин, возрастает вероятность упущения целостности картины конфликта. В-третьих, зачастую представители добровольных общественно-политических организаций не обладают должным уровнем профессиональной подготовки.

В перспективе общественно-политические организации должны стремиться к определению своего международно-правового статуса. Эта необходимость вызвана усилением роли таких организаций при решении международных конфликтов и вопросов мирового сотрудничества. Особенно остро данный вопрос стоит в ситуациях, связанных с разрешением вооруженных конфликтов.

С одной стороны, необходимо унифицировать и узаконить порядок действий общественно-политических организаций, разрешенных при осуществлении гуманитарных миссий, которые связаны с защитой прав человека. С другой стороны, следует разработать комплекс мер, ограничивающих активность общественно-политических организаций, чья деятельность способствовала нарушениям прав человека [3. С. 58].

На данный момент данное противоречие не имеет никакого оформленного решения – принято считать, что степень законности и компетентности деятельности общественно-политической организации при урегулировании политических конфликтов определяется мерой соответствия такой деятельности принципам уважения прав человека. В последние годы данная проблема все чаще обсуждается на международных дискуссионных площадках.

В частности, предлагается создать для общественно-политических организаций собственную систему отчетности, что особенно важно при урегулировании вооруженных конфликтов. Подобная инициатива была реализована в рамках проекта «Сфера», была создана Гуманитарная хартия, содержащая наиболее важные области ответственности таких организаций.

Таким образом, в условиях современной геополитической картины мира, характеризующейся многоплановостью и сложностью, возникающие политические проблемы требуют комплексного воздействия на них. Деятельность общественно-политических организаций может быть крайне по-

лезной, поскольку при конкретных общественно-политических обстоятельствах их возможности при решении конфликтных ситуации оказываются значительно шире функционала ответственных за мирное урегулирование проблем государственных органов. Однако по-прежнему остается нерешенным ряд вопросов, связанных с регулированием деятельности общественно-политических организаций, особенно при их включенности в вооруженные военные конфликты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Барановский В.Г.* Международные организации как механизмы регулирования международных отношений // *Современные международные отношения*. М.: РОССПЭН, 1999.
2. *Генюш С.В.* Экспертная дипломатия: гражданское общество на службе внешней политики // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2012. № 5.
3. *Гутурова А.Н.* Международные неправительственные организации: понятие, виды и роль в современном мире // *Известия Юго-Западного государственного университета*. 2017. № 4.
4. *Джантаев Х.М.* К вопросу об определении понятия «международная неправительственная организация» // *Актуальные проблемы современного международного права: материалы XI ежегодной международной научно-практической конференции*. М.: РУДН, 2014.
5. *Каншаова Н.Р.* Международные неправительственные организации как институт гражданского общества: концептуальные подходы исследования // *Современная наука и инновации*. 2016. № 1.
6. *Наумов А.О.* Международные неправительственные организации и проблемы глобального управления // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2013. № 39.
7. *Стецко Е.В.* Неправительственные организации: формирование политического бренда // *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 6.
8. *Харрофф-Тавель М.* Деятельность Международного Комитета Красного Креста в обстановке насилия внутри страны. М.: МККК, 1995.
9. *Шевчук Д.А.* *Мировая экономика*. Ростов н/Д.: Феникс, 2007.

E.V. KRYUKOVA
*Candidate of political science,
associate Professor, State University
of management, Moscow, Russia*

THE ROLE OF SOCIO-POLITICAL ORGANIZATIONS IN THE SETTLEMENT OF POLITICAL CONFLICTS: OPPORTUNITIES AND PROSPECTS

In this work, a theoretical analysis and assessment of the role of socio-political organizations in the current conditions of the current system of international relations is made. The definition and functional content of socio-political organizations are disclosed, their international legal status in modern conditions is determined. The history of the appearance and development of organizations is statistically described, the advantages and disadvantages of their activities are identified, and development prospects are outlined.

Key words: *socio-political organization, conflict, conflict resolution, international relations, functions of socio-political organization, international legal status.*

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПРОГРАММАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ (НА ПРИМЕРЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ)

В статье рассматривается образовательная политика современной России в контексте государственного управления и влияния на нее отдельных политических партий левого толка. В этой связи приведены ключевые элементы административно-правового регулирования рассматриваемой сферы, в том числе и в рамках реализации профильного национального проекта «Образование». Анализируя вопросы образовательной политики в программах политических партий автором акцентировано внимание на политической программе партий левого толка, имеющих свое представительство в российском парламенте. Такой выбор обусловлен традиционной значимостью для левых проблематики поддержания уровня социальных благ, в том числе и общедоступного образования, для максимально широкого круга лиц. При этом, отмечается такая особенность российской партийной системы, как доминирующая политическая партия, активно взаимодействующая с органами исполнительной власти и, таким образом, являющейся значимым актором политических процессов в области формирования государственной политики в сфере образования.

Ключевые слова: *образовательная политика, образование, политические партии, партийная система, государственное управление, национальный проект.*

Образовательная политика является одним из фундаментальных направлений развития современной России, повышения ее конкурентоспособности в контексте глобальных политических процессов. Эпоха цифровизации, а также развитие инновационных подходов в современном образовании в совокупности с внутригосударственной трансформацией управленческо-

го процесса требуют совершенствования сложившегося образовательного концепта. Анализируя современное российское образование, отметим ряд особенностей его трансформации, среди которых можно выделить развитие инструментов рыночной экономики в образовательной среде, усиление адресности выделения государственной поддержки, «укрупнение» учебных заведений, интеграции в международный образовательный процесс.

Вместе с тем, существенное значение приобретает способность российской системы образования конкурировать с системами образования иных государств – общепризнанных лидеров в образовательной сфере [5. С. 137]. На актуальность конкурентоспособности российского образования обратил внимание и Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем послании Федеральному Собранию Российской Федерации в феврале 2019 года [7].

Необходимо отметить, что в современной российской политической системе институты государственной власти являются доминирующим акторами формирования и реализации образовательной политики и основой образовательного концепта, который в рамках государственно-административного регулирования базируется на ряде стратегических документов и нормативных правовых актах.

При этом, роль негосударственных акторов в сфере образования в настоящее время не велика и не имеет видимых предпосылок к возможному росту. Более того, в контексте высшего образования мы можем наблюдать достаточно явную тенденцию к снижению количества негосударственных учебных заведений [9. С. 498].

Наиболее значимым документом стратегического государственного планирования в образовательной сфере является национальный проект «Образование», утвержденным президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам в целях реализации поручений, предусмотренных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 [4. С. 7-25; 14].

В качестве основной цели вышеназванного национального проекта декларируется Обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение Российской Федерации в число десятку ведущих стран мира по качеству общего образования. В свою очередь, достижение поставленной цели требует решения целого ряда задач: внедрение новых технологий обучения, развитие системы выявления и поддержки талантливых обучающихся, формирование цифровой образовательной среды, профессиональный рост педагогических работников, модернизацию профессионального образования, усиление роли наставничества, увеличение количества иностранных студентов, возможности профессиональной переподготовки российских граждан и др. [6; 11].

В целях реализации данного национального проекта, в рамках решения поставленных задач, органы государственной власти, как на федеральном,

так и на региональном уровне осуществляют необходимую корректировку федеральных и отраслевых нормативных правовых актов. В этой связи существенно повышается роль субъектов законодательной инициативы, в том числе и политических партий, имеющих свое парламентское представительство на федеральном и региональном уровне.

Ряд современных российских политологов, характеризуя российский партийный политический ландшафт, акцентирует внимание на наличии «доминирующей» политической партии, в качестве которой указывается Единая Россия [1. С. 22-36; 8. С. 254-257; 12. С. 184-193; 13. С. 154].

При этом мы акцентируем внимание, что в рамках такого рода доминирования, а также провозглашенной поддержки Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, политическая партия «Единая Россия» становится в определенной мере инструментом реализации политических инициатив исполнительной власти.

В свою очередь, в контексте деятельности оппозиционных политических партий необходимо учитывать, такую функцию политической партии, как представление своего видения путей и методов решения проблем, назревших в обществе, в том числе, в сфере образования [16].

В этой связи, рассмотрим программные документы оппозиционных парламентских политических партий «левого спектра» – Коммунистической партии Российской Федерации (далее – КПРФ) и партии «Справедливая Россия» (далее – СР).

Анализ информационных материалов, размещенных на официальном интернет-сайте КПРФ, позволяет вывести общий тезис программных идей КПРФ – образование для всех. Вместе с тем в программе партии, размещенной на официальном сайте, не содержится раздела, напрямую связанного с образовательной политикой. Однако в своеобразном «перечне первоочередных мер по реализации стратегических целей партии» можно тезисно отметить следующие направления:

- воссоздание сети дошкольного образования;
- увеличение финансирования науки;
- обеспечение ученых достойной заработной платой и всем необходимым для исследовательской деятельности;
- восстановление высоких стандартов всеобщего бесплатного среднего и высшего образования [3].

Кроме того, отдельное внимание КПРФ акцентирует на том, что: «КПРФ – это партия будущего, а будущее принадлежит молодежи» [3]. В данном случае мы можем говорить об использовании образовательной проблематики в программе партии, как фактора повышения лояльности в молодежной среде путем обеспечения права доступа к высшему образованию для всей российской молодежи.

Вместе с тем отметим, что КПРФ, ориентируясь на «советский» образовательный концепт, становится антагонистом так называемого «экономизма»

государственной политики в сфере образования, связанного с отдельными механизмами рыночной экономики, которые приводят к его элитарности [2].

В связи с этим, достаточно очевидным представляется общий посыл программного документа КПРФ в части формирования подхода к образованию, как к одному из фундаментальных и общедоступных социальных благ, доступ к которому не может быть ограничен какими-либо материальными, или иными цензами и условиями. При этом КПРФ, по аналогии с партией «Единая Россия», также отмечает значимость государства, как ведущего актора формирования и последующей реализации образовательной политики.

В программе политической партии «Справедливая Россия» сфере образования посвящена отдельная часть в первом разделе «Социальная безопасность». Концептуальной программной идеей СР является лозунг «Инвестиции в образование – это инвестиции в человеческий капитал [10].

В рассматриваемом программном документе политической партии, как и в программе КПРФ критикуются принципы «экономизма», которые, по мнению партийных идеологов, присущи современной российской образовательной политике и заключается в усилении роли субъективных количественных показателей эффективности учебных заведений, их объединении и сокращении не эффективных. Отдельно акцентируется внимание на увеличивающиеся в российском обществе разрывы относительно стартовых возможностей граждан к образовательным ресурсам, в том числе, за счет увеличения доли платных школ и вузов, роста доли платных образовательных услуг за счет сокращения бесплатного государственного образования или за счет снижения его качества. По мнению партии, образовательная политика современной России не должна отказываться от успешных и эффективных международных практик, вместе с тем учитывая национальные образовательные традиции. В таком формате глобальной задачей образовательной политики становится не только восстановление высоких стандартов отечественного образования, но закрепление России, как одного из лидеров общемировых образовательных стандартов [10].

Необходимо отметить, что в качестве инструментария такого «образовательного прорыва» предлагается набор достаточно линейных механизмов, зачастую основанных на принципах левого политического популизма, в том числе:

- увеличение бюджетных расходов на образование до 7% ВВП;
- увеличение заработной платы и иных социальных выплат для работников сферы образования;
- увеличение размера стипендий для обучающихся;
- увеличить количество бюджетных мест в ВУЗах;
- восстановление количества учебных заведений (школ, детских садов) в селах и деревнях;
- восстановление системы профессионального образования;

- отмена обязательного ЕГЭ и обязательного формата «болонской» системы для ВУЗов;
- введение системы госзаказа вузам по подготовке и направлению специалистов на предприятия, определяющие обороноспособность страны, национальную безопасность и экономическую независимость [10].

Предлагаемые СР подходы к формированию и реализации образовательной политики в качестве одной из основных задач ставят необходимость формирования единого комплекса школьного, профессионального и высшего образования, интегрированного с системой государственного управления и, следовательно, соответствующей государственной поддержкой.

Базисом такого конструкта должна выступать система качественного и общедоступного образования, в рамках которой особую значимость приобретают механизмы материальной и социальной поддержки работников образовательной сферы и обучающихся, а также доступности получения образовательных услуг. Превалирование государства, как основного актора образовательной политики в современной России позволит, по мнению партии, обеспечить условия роста интеллектуального капитала государства, который впоследствии будет инвестирован в различные отрасли экономики и тем самым обеспечит экономический подъем страны.

Рассмотрение образовательной политики в программах парламентских политических партий левого толка в рамках настоящего исследования обусловлено возрастающей актуальностью в политической повестке общественного запроса на социальную справедливость, соблюдение государством определенного уровня социальных гарантий и равного доступа всех членов общества к социальным благам, к которым можно отнести и образование.

Такая тенденция обусловлена тем, что неолиберальная политико-экономическая модель общественных отношений, реализуемая в настоящее время, как «модернизационный вектор изменений» [15. С. 13-21] не находит положительного восприятия в подавляющей части российского общества, подвергается критике со стороны достаточно широкого пласта политических сил и определенной части представителей науки и тем самым создает определенные риски для стабильности политической системы современной России.

При этом понимание ведущей роли государства в области формирования и реализации образовательной политики поддерживается не только партией власти, но и существенной частью российской оппозиции левого толка, что находит свое отражение в программных документах рассмотренных политических сил.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бурда М.А. Протестное голосование, как форма политического участия в современной России (на примере Владимирской области) // PolitBook. 2019. № 1.

2. Зюганов Г.А. Образование – важнейшее поле борьбы за Россию // <https://kprf.ru/dep/87160.html>

3. Коммунистическая Партия Российской Федерации. Программа партии // <https://kprf.ru/party/program>

4. Леонидова Г.В., Головчин М.А. Национальный проект «Образование» и возможность его влияния на развитие человеческого капитала // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102).

5. Нестерчук О.А. Государственная политика развития конкурентоспособности подготовки профессиональных кадров в современной России. М.: РГСУ, 2018.

6. Паспорт национального проекта «Образование» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16)) // <https://base.garant.ru/72192486/>

7. Путин В.В. Послание Федеральному собранию // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863/work>

8. Сковиков А.К. Политические партии и молодежь: диалог взаимодействий в развитии гражданского общества // Евразийский юридический журнал. 2015. № 5 (84).

9. Сковиков А.К. Модернизация института образования в контексте сохранения суверенитета Российской Федерации // Политика развития, государство и мировой порядок Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов / под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунуова, Л.Н. Тимофеевой. М.: Аспект-Пресс, 2018.

10. Справедливая Россия. Программа партии // <http://31.44.80.183/files/pf59/075833.pdf>

11. Стратегия – 24. Национальный проект «Образование» // <https://strategy24.ru/rf/education/projects/natsionalnyu-proekt-obrazovanie>

12. Тимошенко В.И., Салыков Д.Н. Становление партий и партийной системы современной России // PolitBook. 2017. № 3.

13. Толочко А.В. Российская многопартийность: между обществом и государством. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2018.

14. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102468157>

15. Шабров О.Ф. Модернизация в эпоху постмодерна // Власть. 2017. Т. 25. № 11.

16. Huntington S.P. The third wave: Democratization in the late 20-th century. University of Oklahoma press, 1993. Vol. 4.

G.V. GALKINA
*Graduate student of Department
National and Federal Relations, Russian
Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian
Federation, Moscow, Russia*

**EDUCATION POLICY
IN THE PROGRAMS OF POLITICAL PARTIES
(ON THE EXAMPLE OF THE COMMUNIST
PARTY OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND FAIR RUSSIA PARTY)**

The article looks at the education policy of modern Russia in the context of public management and influence of certain left-wing political parties. In this regard, the key elements of administrative and legal regulation of the sphere are presented, including in the framework of the realization of the profile national project "Education". The author focuses on the political program of left-wing parties having their representation in the Russian Parliament by analyzing the issues of education policy in the programs of political parties. This choice based on traditional importance of the problem of maintaining the level of social benefits for the left, including publicly available education for the widest range of people. At the same time, the author notes such a feature of the Russian party system as the dominant political party, which actively interacts with the Executive authorities and acts as important actor in political processes in the field of forming state education policy.

Key words: *education policy, education, political parties, party system, public management, national project.*

РОЛЬ АССОЦИАЦИИ «АРКТИЧЕСКИЕ МУНИЦИПАЛИТЕТЫ» ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение. В статье рассматривается взаимодействие между органами государственной власти, органами власти субъектов Федерации и муниципалитетами посредством исследования роли Ассоциации «Арктические муниципалитеты» при реализации политики в Арктике.

Цель работы: проанализировать действенность работы и оценить роль Ассоциации «Арктические муниципалитеты» при реализации государственной политики в Арктическом регионе Российской Федерации.

Задачи: проанализировать степень участия Ассоциации при осуществлении государственной политики в Арктической зоне России и предложить конкретные меры по совершенствованию деятельности Ассоциации «Арктические муниципалитеты».

Методы: системный и исторический подходы, сравнительный анализ.

Результаты: раскрыты цели, задачи и предмет деятельности Ассоциации «Арктические муниципалитеты». Проанализирована активность и действенность работы Ассоциации.

Выводы: в круг полномочий Ассоциации не входят вопросы обеспечения экологической безопасности Арктики. Проблемой является отсутствие официальных докладов о проделанной работе в свободном доступе. Автор считает необходимым передать круг вопросов по вопросам обеспечения экологической безопасности в компетенцию органов местного самоуправления в лице Ассоциации, а также привлечь коренные народы Севера к процессу принятия решений на местном уровне путем их представительства в Ассоциации.

Ключевые слова: Арктика, муниципалитеты, государственная политика, межмуниципальное сотрудничество, Ассоциация «Арктические муниципалитеты», развитие арктических территорий, арктическая зона Российской Федерации.

На данный момент быстрое и успешное социально-экономическое развитие Арктического региона является для России приоритетной задачей. Для решения данной задачи большое значение имеет эффективное взаимодействие между органами государственной власти, органами власти субъектов Федерации и муниципалитетами. Важным является межмуниципальное сотрудничество органов местного самоуправления районов, входящих в состав Арктической зоны Российской Федерации.

Одним из основных документов, нацеленных на улучшение качества жизни местного населения и социально-экономических условий деятельности в Арктике, является Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. В ней отражена значимость сотрудничества арктических и приарктических территорий, в том числе и на уровне муниципалитетов [4].

В настоящее время наблюдается тенденция к возрастанию роли межтерриториальных связей на уровне арктических муниципалитетов. Основным межмуниципальным институтом в российской Арктике является Ассоциация «Арктические муниципалитеты» (далее – Ассоциация).

Инициатива создания Ассоциации исходила от главы муниципального образования «Северодвинск» Гмырина М.А. Он и стал ее председателем. Ассоциация была зарегистрирована в феврале 2015 года.

Данный орган был создан для организации сотрудничества и содействия устойчивому социально-экономическому развитию территории Арктической зоны РФ. Цели и функции Ассоциации закреплены в ее Уставе и сводятся к помощи органам местного самоуправления арктических территорий в реализации эффективной муниципальной политики в области социально-экономического развития российской Арктики.

Всего в состав Ассоциации входят более 122 городских округов, городских и сельских поселений от Кольского полуострова до Чукотки. Они представляют интересы более 918 тысяч человек, что составляет более 38% населения Арктической зоны России [2].

Первое заседание Ассоциации прошло 11 февраля 2016 года в Северодвинске, на котором был определен вектор развития Ассоциации [2].

Первым международным общественным мероприятием, на котором приняли участие представители арктических муниципалитетов, считается IV Международный арктический форум «Арктика – территория диалога», который состоялся 29-30 марта 2017 года в г. Архангельск, в рамках которого прошел Форум арктических муниципалитетов. По итогу Форума была принята резолюция, которая была направлена в Правительство РФ и Федеральное Собрание РФ. Многие вопросы рассматривались комитетами Государственной думы РФ и Совета Федерации РФ [9].

В марте 2019 года прошел II Форум арктических муниципалитетов в рамках V Международного арктического форума «Арктика – территория

диалога». По итогам II Форума арктических муниципалитетов была принята резолюция, в которой говорится о необходимости разработки и принятия Федерального закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации», в частности, и осуществления особого правового регулирования деятельности в Арктике, в целом. В настоящее время Ассоциацией арктических муниципалитетов подготовлены законодательные инициативы, в том числе Закона об Арктике, и предложения по изменению действующих законов, в частности, Водного кодекса РФ [8].

Ассоциация заключает и соглашения о сотрудничестве. 14 апреля 2018 года было заключено Соглашение о сотрудничестве и совместной деятельности между Ассоциацией «Арктические муниципалитеты» и Ассоциацией торгово-промышленных палат северных (приполярных) территорий и зоны Арктики РФ [6]. Стоит отметить, что соглашение не предполагает сотрудничества в экологической сфере.

Следует принять во внимание и то обстоятельство, что Ассоциация не публикует официальных докладов о проделанной работе, в связи с чем достаточно сложно сделать заключение об эффективности ее деятельности.

Таким образом, деятельность Ассоциации направлена на решение вопросов местного значения и социально-экономического развития Арктической зоны России посредством участия в реализации федеральных целевых программ, сотрудничества с федеральными и региональными органами власти, продвижения законотворческих инициатив в Федеральном Собрании РФ. При этом мало внимания уделяется вопросам обеспечения экологической безопасности и защиты окружающей среды Арктики.

В то же время на уровне законодательства арктических субъектов принят ряд законов в области природопользования. Например, в декабре 2016 г. парламент Республики Саха (Якутия) разработал Экологическую доктрину Республики Саха (Якутия) [3. С. 14-15]. В законе США о национальной политике в области окружающей среды и в законе Канады о живой природе говорится о передаче субъектам максимума полномочий по всем вопросам охраны окружающей среды.

Так как Российская Федерация является самой большой страной в мире, следует учитывать, что муниципальные образования более компетентны в вопросах защиты окружающей среды региона, так как им известны все местные особенности и проблемы. В связи с этим, считаем, что следует делегировать арктическим муниципальным органам власти в лице Ассоциации «Арктические муниципалитеты» максимум полномочий по вопросам обеспечения экологической безопасности Арктической зоны РФ. Благодаря этому Российская Федерация сможет проводить более эффективный мониторинг состояния природной среды в Арктике и решать возникающие экологические проблемы более эффективно, качественно и быстро. Для этого следует сформировать критерии отнесения объектов, подлежащих государ-

ственному экологическому контролю органами власти, и предусмотреть передачу части контрольных функций от субъектов Федерации, входящих в Арктическую зону РФ, Ассоциации.

Следует обратить внимание, что посредством участия представителей коренных народов Севера в осуществлении политики муниципалитетами, входящими в состав Арктической зоны РФ, проще учитывать мнение коренных народов Севера, численность которых достаточно велика. Об этом пишут и в своей Концепции социальных инноваций в Арктической зоне Российской Федерации Сморчкова В.И. и Харламьева Н.К. [5. С. 30-39]. В Соединенных Штатах Америки коренное население Аляски привлекается к процессу принятия решений, затрагивающих их интересы [7]. В стратегии Финляндия среди главных направлений значится участие представителей народов Севера в формировании арктической политики [1. С. 66].

Данный опыт участия коренных народов Севера в формировании и реализации арктической политики можно перенести и на нашу страну, например, участием их представителей в Ассоциации «Арктические муниципалитеты».

Таким образом, Ассоциация «Арктические муниципалитеты», несмотря на отсутствие компетенций в области обеспечения экологической безопасности в Арктическом регионе РФ, призвана сыграть значительную роль в формировании системы мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований Арктической зоны, повышению эффективности управления как главного условия устойчивого развития региона. При этом федеральным органам власти следует прислушиваться к инициативам, исходящим от Ассоциации, а самой Ассоциации «Арктические муниципалитеты» необходимо уделять большее внимание решению экологических проблем арктических территорий Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Антюшина Н.М.* Арктический вызов для национальной и международной политики. М.: Ин-т Европы РАН: Рус. сувенир, 2012.

2. В ассоциации «Арктические муниципалитеты» – новый участник / Официальный сайт Администрации Северодвинска // <http://severodvinsk.info/pr/14824/>

3. *Жирков А.Н.* От истоков – к будущему // Современное состояние и перспективы социально-экономического развития Республики Саха (Якутия): Аналитический вестник. 2017. № 29 (685).

4. *Сивоброва И.А.* Ассоциация арктических муниципалитетов: межрегиональное объединение внутри одного региона // Российский институт стратегических исследований. Аналитика. 2015 // <https://riss.ru/analytcs/10742/>

5. *Сморчкова В.И.* Социальные инновации в Арктических муниципалитетах как фактор устойчивого развития / В.И. Сморчкова, Н.К. Харламьева // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2015. № 1 (4).

6. Соглашение о сотрудничестве и совместной деятельности между Ассоциацией «Арктические муниципалитеты» и Ассоциацией торгово-промышленных палат северных (приполярных) территорий и зоны Арктики РФ / Официальный сайт Ассоциации «Арктические муниципалитеты» // <http://www.aamun.ru/documents/>.

7. Соединенные Штаты Америки / Официальный сайт Арктического Совета // <http://www.arctic-council.org/index.php/ru/about-us/member-states/united-states-of-america>.

8. Стольников В. Инициативы арктических муниципалитетов // <https://www.if24.ru/initiativy-arkticheskikh-munitsipalitetov/>

9. Шевцова Н. Здесь, у надежды на краю // Северный рабочий. 2018 // <http://nworker.ru/2018/02/26/15663.html>.

D.N. VORONCHIKHINA

*Aspirant, Department of Russian Politics,
Political Science Faculty, St. Petersburg State
University, St. Petersburg, Russia*

A ROLE OF THE ARCTIC MUNICIPALITIES ASSOCIATION IN THE IMPLEMENTATION OF STATE POLICY IN THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Introduction: *The article examines the interaction between public authorities, the authorities of the subjects of Federation and the municipalities through a study of the role of the Association «Arctic municipalities» in the implementation of policy in the Arctic*

Aims: *To analyze the effectiveness of the work and to evaluate the role of the Association «Arctic Municipalities» in the implementation of the public policy in the Arctic region of the Russian Federation.*

The tasks are: *To analyze the degree of participation of the Association in the implementation of the public policy in the Arctic zone of Russia and to propose specific measures to improve the activities of the Association of Arctic Municipalities.*

The following methods were used: the systems and the historical approaches, the comparative analysis.

Results: *The purpose, objectives and the subject of the Association of Arctic Municipalities are discovered.*

Conclusions: *The Association doesn't resolve the issues of the ensuring of the environmental safety of the Arctic. The problem is the lack of official reports on the work done in the public domain. The author considers that it necessary*

to transfer the range of issues on the environmental safety to the competence of local authorities in the person of the Association, as well as to involve the indigenous peoples of the North in the decision-making process at the local level through their representation in the Association.

Key words: *the Arctic, municipalities, the public policy, the inter-municipal cooperation, the Association of Arctic Municipalities, the Arctic development, the Arctic zone of the Russian Federation.*

DOI 10.35775/PSI.2020.55.3.013

УДК 32.327

А.Н. МИХАЙЛЕНКО

*доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры международной безопасности и
внешнеполитической деятельности России
Факультета национальной безопасности
Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Москва*

КАК РАСКРЫВАТЬ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ?

Под внешнеполитическим потенциалом можно понимать способность и готовность страны использовать резервные возможности и раскрывать новые имеющиеся в мире возможности для реализации ее национальных интересов. Наиболее подробно разработано в науке понятие экономического потенциала. Выделяются также трудовой, экспортный, оборонный, кадровый, институциональный и другие виды потенциала. Реализация внешнеполитического потенциала касается как использования известных, но не задействованных ранее по различным причинам резервов, так и раскрытия новых возможностей, возникающих в связи с внутри- и внешнеполитическими изменениями. Страны мира активно реализуют внешнеполитический потенциал, находя новые смыслы в мировой политике, внедряя новые институциональные формы международного взаимодействия, шире используя прогнозирование и другие современные методы. России следует стремиться к лидерской позиции в реализации своего внешнеполитического потенциала.

Ключевые слова: прорыв, потенциал, экономический потенциал, экспортный потенциал, интеграционный потенциал, возможность, способность, готовность, инициатива.

Сегодня ставится задача добиться прорыва в развитии России. Президент страны В.В. Путин, обращаясь с Посланием к Федеральному Собранию 15 января 2020 года, заявил, что «перед Россией стоят прорывные исторические задачи, и в их решении значим вклад каждого» [19]. Прорывы, в том числе во внешней политике, являются предметом изучения в различ-

ных странах. Исследователи отмечают, что Кэмп-дэвидские соглашения, объединение Восточной и Западной Германии в 1989 году, распад Советского Союза и некоторые другие события были прорывами в мировой политике, они существенно изменили обстановку в мире [38]. Откуда берутся такие прорывы во внешней политике? Что они могут дать нашей стране? Необходимо искать содержательные ответы на эти вопросы.

Согласно нашей гипотезе, одним из источников прорыва в развитии нашего Отечества может быть реализация ее внешнеполитического потенциала. Это означает раскрытие новых и использование не задействованных ранее возможностей в отношениях России с зарубежными странами. Для доказательства этой гипотезы нужно исследовать понятие потенциала, его классификацию, способы использования и раскрытия. Представляет интерес зарубежный опыт работы с внешнеполитическим потенциалом. На этой основе можно предложить некоторые рекомендации относительно возможностей использования внешнеполитического потенциала России для реализации ее национальных интересов. Именно эти вопросы и являются предметом исследования в данной статье. Ее можно рассматривать как продолжение предыдущих статей автора о понятии потенциала [15. С. 17-30; 14. С. 74-87].

Понятие потенциала. В научных статьях и монографиях понятие потенциала используется довольно широко, однако его сущность и содержание рассматриваются редко. Между тем, от точности его понимания довольно много зависит в его отделении от близких по значению понятий силы и мощи. Этимологически они действительно очень близки. Слово «потенциал» происходит от лат. *potentialis* «мощный», далее из *potentia* «сила, мощь», далее из *potēns* «могущий», *part. praes. act.* от *posse* «мочь, быть в состоянии» из прилагательного *potis* «могущественный, могущий» [20]. Но эта близость значений должна подталкивать к дальнейшим исследованиям. Аристотель различал акт и потенцию, действительность и возможность. Различие между ними содержит в себе пространство развития. Потенция есть способность вещи быть завтра не тем, что она есть сегодня [28. С. 17].

Сущность потенциала проявляется в изменениях во внешней политике. Любое крупное изменение можно представить, как результат реализации какого-то потенциала. Именно поэтому ученые изучают потенциал крупных международных изменений [43. Р. 232-238]. Профессор Университета штата Огайо Ч. Германн выявляет следующие причины изменений в международной политике: сдвиги в позиции главы государства, трансформации в позиции государственной бюрократии, реструктуризация внутри страны и, наконец, внешнеполитические шоки [34. Р. 3-21]. В качестве примера первой причины автор приводит решение президента Египта А. Садата добиваться мирного урегулирования с Израилем после войны 1973 года. Это далеко не единственный пример влияния первого лица страны на ее внешнюю политику. Примечателен пример Ботсваны: новый президент страны, как

отмечает В. Сибилев, фактически открывает страну для мира [22. С. 28-33]. Данное изменение может представить интерес для Москвы: доля России и Ботсваны в производстве необработанных алмазов составляет свыше 50% мировой добычи. Есть и другие возможности развития отношений между двумя странами.

В качестве второй причины Ч. Германн представляет сопротивление столичной бюрократии возможным изменениям. Д. Трамп предвидел такое сопротивление и обещал в своей предвыборной кампании «осушить Вашингтонское болото». Автор данной статьи уже писал о т.н. «глубинном государстве» в одной из своих недавних работ [16]. Третью причину Ч. Германн иллюстрирует Вьетнамским синдромом, Уотергейтским скандалом и другими серьезными изменениями во внутривнутриполитической жизни американцев. Наконец, в качестве иллюстрации четвертой причины можно привести резкие перипетии отношений в треугольнике США – Индия – Пакистан в последние годы. Ч. Германн классифицирует изменения по их глубине на четыре вида: корректировки; изменения программы; изменения проблемы/цели и, наконец, изменение международной ориентации.

Для внешней политики особое значение имеет анализ четвертой причины изменений в мире. Изменения могут касаться локального, регионального или глобального пространства. Примером мегатенденции, касающейся глобального пространства, может служить цифровизация международных отношений. Этот процесс затрагивает все страны, и более успешно решают свои национальные интересы те из них, которые первыми раскрывают вновь возникающий потенциал. Иллюстрацией в этом плане может служить деятельность посольства США в Бразилии в начале прошлого десятилетия [44]. Прибывший в 2012 году в качестве американского посла в эту страну Б. Скотт потребовал выявить основных блогеров в двенадцати крупнейших бразильских городах. Он установил с ними прямую связь, передавал им необходимую информацию, раскрыл их потенциал и, таким образом, резко усилил влияние США в Бразилии. Россия, которая находится на четвертом месте в глобальном рейтинге цифровой дипломатии, имеет все возможности для подобных достижений.

В региональном разрезе резким изменением может оказаться возникновение нового государства. В одном из российских внешнеполитических документов в связи с визитом в Москву Министра иностранных дел и международного сотрудничества Южного Судана А.Д. Ачуила говорится о том, что «существует потенциал для расширения торгово-экономического сотрудничества, в том числе в таких сферах, как энергетика, строительство, развитие автомобильной, железнодорожной и трубопроводной инфраструктуры, сельское хозяйство» [10]. Этот потенциал открывается для использования в связи с тем, что Южный Судан, который только в 2011 году стал суверенным государством, постепенно формирует свою систему внешнеэкономических связей.

Проведенный анализ литературы показывает, что потенциал часто связывается с понятиями возможности, способности и готовности к изменениям. Согласно Философскому словарю, «... возможность становится действительностью тогда, когда стихийно возникает или сознательно подготавливается полный комплекс условий существования определенного явления» [27. С. 75]. Например, условием лидерства России в мировой энергетике является наличие гигантских запасов нефти, газа, угля на территории России, высококонкурентная позиция Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» на мировой арене и другие объективно существующие сегодня обстоятельства, эффективное использование которых создает предпосылки для лидерских позиций в мире.

Говоря по-другому, возможность выражает объективную тенденцию развития, заложенную в существующих явлениях, наличие условий возникновения объекта (предмета, явления) или по крайней мере отсутствие таких обстоятельств, которые исключали бы его возникновение [27. С. 74]. Следовательно, задача субъекта внешнеполитической деятельности состоит в том, чтобы быть способным определить, что нужно и что нельзя для реализации возможности. В этом смысле группа авторов говорит о том, что «рациональным способом решения задачи оценивания военного потенциала является выработка оценочного суждения о способности страны в решении основных целей своей военной политики, например, стратегического ядерного сдерживания» [6. С. 53-68].

Однако только способности недостаточно для реализации потенциала, для этого необходима также готовность субъекта внешнеполитической деятельности. Главным источником развития стран мира сегодня нередко считается не физический ресурс, а кадровый потенциал [32. С. 68-74]. Эти проблемы рассматриваются в исследованиях проактивного поведения М. Кранта [36. Р. 435-462], в концепции личной инициативы М. Фриза и Д. Фэя [37. Р. 133-187] и других теоретических подходах. По Фризу проактивность проявляется в ряде качеств работника, в частности, в долгосрочности и перспективности видения процессов развития, умении предвидеть будущие проблемы и пути их разрешения, способности предлагать альтернативные пути достижения цели, готовности сигнализировать о потенциальных проблемах и перспективных возможностях. Все эти качества можно было бы включить в перечень компетенций, необходимых российским дипломатам.

А.Н. Бережной предлагает под экономическим потенциалом понимать способность системы к эффективному использованию базовых и функциональных внутренних ресурсов, и реализации ее возможностей во внешних условиях. По его мнению, содержательными характеристиками экономического потенциала являются имеющиеся у региона ресурсы, возможности и готовность к социально-экономическим трансформациям [3. С. 7-14]. Как

мы видим, и в этом подходе фигурирует упомянутая выше связка «возможность – способность – готовность». У каждой страны имеется огромное количество возможностей в проведении ее внешней политики, осуществления необходимых для реализации ее национальных интересов изменений. Однако, как пишет А. Сушенцов, далеко не всегда потенциалы конвертируются в значимые внешнеполитические достижения [24]. Имеющиеся возможности следует реализовать, а для этого требуется способность и, далее, готовность дипломата находить с помощью указанных выше компетенций эти инновационные элементы.

Под готовностью понимается осознанная установка на предстоящую деятельность, обусловленная высоким уровнем развития мотивационных, познавательных, эмоциональных и волевых процессов личности или коллектива, который обеспечивает успех предстоящей деятельности [9]. Согласно другому определению, готовность – это активно-действенное состояние личности, установка на определенное поведение, мобилизованность сил для выполнения задачи, включающая в себя знания, умения, навыки, настроенность и решимость совершить эти действия [8]. Наконец, в соответствии с еще одним определением готовность состоит в противодействии возникающим в процессе выполнения действия препятствиям [11]. Все эти черты должны проявляться в ежедневной деятельности дипломата.

Что же означает триада «возможность – способность – готовность» во внешнеполитической практике? Ответ на этот вопрос можно найти в мысли председателя российского Совета по внешней и оборонной политике Ф. Лукьянова. Он констатирует, что в последние годы Россия добилась заметных успехов на мировой арене. Объясняя причины этих внешнеполитических достижений, он отмечает «... способность к молниеносной реакции на перемены и чутье на открывающиеся возможности. К этому же относится умение видеть ошибки других и их использовать» [13]. Как видим, и этот автор устанавливает связь между возможностями и способностью их реализации. В терминах данной статьи речь как раз и идет об эффективном использовании имеющегося внешнеполитического потенциала России в конкретных условиях.

Таким образом, под внешнеполитическим потенциалом можно понимать способность и готовность страны использовать резервные возможности и раскрывать новые имеющиеся в мире возможности для реализации ее национальных интересов.

Классификация потенциала. Исследователи предлагают различные классификации потенциала. Наиболее полно разработано в литературе понятие экономического потенциала. Очевидно, это объясняется тем, что экономический потенциал поддается исчислению. Кроме того, в экономике проще определить долю резервных, не задействованных в данный момент мощностей того или иного производства. Так, Д.В. Трошин упоминает в ка-

честве составляющих экономического потенциала трудовой, экспортный, оборонный, кадровый потенциал [26. С. 50].

Отдельного упоминания заслуживает интеграционный потенциал. По мнению А.А. Никулиной, интеграционный потенциал выражается «... в дополнительных экономических выгодах и преимуществах для интегрирующихся стран, достижение которых невозможно (или менее эффективно) без интеграционного взаимодействия» [18]. А.В. Храмова связывает потенциал с интеграционной деятельностью в рамках Евразийского экономического союза, в частности, с потенциалом объединения и возможностями евразийской экономической интеграции [30. С. 193-199]. Она упоминает такие разновидности интеграционного потенциала, как географический, ресурсный, транзитный, военный, интеллектуальный.

Интересную мысль высказывает А.С. Владыцкий, согласно которому «имеющийся у нашей страны интеграционный потенциал, при эффективном его использовании и дальнейшем наращивании, будет способствовать развитию и реализации интеграционных инициатив на постсоветском пространстве» [4. С. 12]. Другими словами, потенциал сам по себе не реализуется, необходима инициатива, направленная на его реализацию. Инициатива является формой проявления готовности субъекта внешнеполитической деятельности к реализации потенциала. Выдвижение инициативы предполагает понимание наличия внешнеполитического потенциала и способов его реализации. Оно может рассматриваться как проявление готовности дипломата к реализации внешнеполитического потенциала России.

Если есть интеграционный потенциал, то должен быть и дезинтеграционный [7. С. 209-225]. В чем он может состоять в сфере международных отношений? Наглядный пример современной политики в этом отношении дает Brexit. Можно бережно дезинтегрировать неработающие формы связей Великобритании с Евросоюзом, оставив и даже укрепив при этом перспективные. А можно до основания разрушить наработанные отношения, но это уже будет не дезинтеграция, а именно разрушение. Первый путь с точки зрения реализации потенциала выглядит гораздо более благоприятным, чем второй. По какому пути пойдут британские и европейские политики, пока неясно.

Достаточно часто в классификации потенциала приводится понятие экспортного потенциала [23. С. 3-22]. В.В. Котилко и В.С. Вишнякова определяют, что «экспортный потенциал – это способность экономики страны, отдельных отраслей или предприятий, производить необходимое количество конкурентоспособной продукции на экспорт» [12. С. 42]. По мнению указанных авторов, экспортный потенциал включает в себя финансовый, производственный, маркетинговый потенциалы и конкурентоспособность. Понятие необходимого количества продукции (а во внешней политике это необходимые действия) требует дополнительного обсуждения. Как и кем определяется эта необходимость? За поверхностной изнанкой этого вопроса стоит гораздо более глубокое соотношение свободы и необходимости.

Если существует экспортный потенциал, то имеется и его противоположность – импортный потенциал. Изучение литературы показало, что этот вид потенциала слабо изучен. Между тем, обращает внимание диадность понятия потенциала. В физике имеются понятия положительного и отрицательного потенциалов электрического поля. Выше уже отмечалось наличие интеграционного и дезинтеграционного потенциалов. И. Тарасова пишет о том, что существует созидательный и деструктивный потенциал использования сетевых ресурсов на евразийском пространстве и во всем мире [25. С. 152-159]. Изучение диадности внешнеполитического потенциала, в том числе импортного потенциала внешнеэкономических связей, может привести к выявлению более общих связанных с этим понятием закономерностей.

В науке долгое время особое внимание уделялось ресурсному потенциалу, например, ресурсам полезных ископаемых или земельным ресурсам, и в меньшей степени – нематериальным видам потенциала, например, институциональному, человеческому или инновационному. Эта классификация представляет интерес с той точки зрения, что использование потенциала в основном касается его ресурсной части, а раскрытие потенциала – нематериальной, прежде всего, человеческого и инновационного потенциалов. В этом плане представляет интерес рассмотрение данных двух составляющих работы с потенциалом – использование имеющихся резервов и раскрытие новых аспектов возможного сотрудничества стран мира.

Использование и раскрытие потенциала. Об использовании потенциала говорят довольно часто. Это вполне объяснимо, ведь использование потенциала – это задействование известных, по различным причинам не пускавшихся ранее в деловой оборот резервов. Примером в данном случае может служить украинская газотранспортная система. Согласно ее техническим возможностям, по ней из России в европейские страны может поставляться около 180 млрд м³ газа в год. Однако эти возможности используются далеко не полностью. Своего максимума прокачка газа достигла в 2008 году, составив почти 120 млрд м³ российского газа. В предлагаемом понимании потенциал ГТС как разница между возможностью и реальностью в данном случае составлял тогда 60 млрд м³. В 2018 году по ГТС было прокачано менее 87 млрд м³, ее потенциал увеличился до 93 млрд куб. м. [5]. Идет серьезная политическая борьба между Россией, США и другими странами по вопросу об этом потенциале в форме газопровода «Северный поток – 2».

При использовании потенциала речь, как правило, идет об экстенсивном развитии. В упомянутом выше случае говорится о расширении торгово-экономического сотрудничества двух стран. Такое расширение может быть довольно масштабным и значимым. И все же использование потенциала редко приводит к качественному скачку в отношениях между странами, выходу их на действительно новый уровень, который и характеризуется как прорыв. Для этого необходимо раскрыть новый, а не использовать уже известный

потенциал. Поэтому в данной статье мы в основном сосредоточимся на способах раскрытия нового внешнеполитического потенциала.

Раскрытие потенциала означает создание чего-то нового, не существовавшего ранее. Возьмем для иллюстрации институциональный потенциал. 23-24 октября 2019 года в Сочи прошли первый Саммит и Экономический форум Россия – Африка. Это событие можно назвать новым этапом в развитии отношений Москвы со странами африканского континента. Без организационной основы эти отношения вряд ли будут в дальнейшем успешно продвигаться. Кроме общеконтинентального Форума, России необходимо искать и другие институциональные формы взаимодействия с африканскими странами, как на субрегиональном, так и двух-, трехстороннем уровнях, т.е. раскрывать институциональный потенциал. Потребность в нем высока, поскольку африканские государства очень разные, и всех под одну гребенку грести вряд ли удастся.

Развитие институционального внешнеполитического потенциала может принимать различные формы. В Государственном департаменте США еще в 70-е годы прошлого века был учрежден т.н. Канал несогласных (Dissent Channel), по которому дипломат или группа дипломатов могла сообщить о своем несогласии с официально проводимой государственной политикой. Этот канал неоднократно использовался американскими дипломатами для доведения своего мнения до руководства Госдепа [39. Р. 36-40]. В Центральном разведывательном управлении США существует подобная практика т.н. «красных групп», которые изнутри изучают недостатки в деятельности ЦРУ и предлагают рекомендации по их устранению [41]. На наш взгляд, такое пристальное внимание к нестандартной позиции оправдано, поскольку позволяет выявлять имеющиеся внешнеполитические противоречия и вытекающие из них возможности на ранних стадиях их возникновения.

Одним из направлений раскрытия потенциала является уточнение содержания уже имеющихся в мировой политике понятий и создание новых. Очевидный пример в том смысле – история возникновения и развития объединения БРИКС. Идею объединения этой группы стран предложил еще в 2001 году аналитик из банка «Голдман сакс», который в ходе исследования выявил сходные тенденции в развитии Бразилии, России, Индии и Китая. Сходность тенденций развития предполагает общность национальных интересов. Только после этой аналитической работы политики данных стран предприняли организационные усилия, которые увенчались созданием БРИКа в 2006 году. Позже к объединению присоединилась Южно-Африканская Республика, и оно приобрело нынешнюю форму. Тем не менее, почти пять лет этот потенциал был не востребован.

Уточнение существующих понятий и создание новых означает возникновение новых смыслов. Такое теоретическое развитие, будь то шаг или рывок, приводит к новому целеполаганию в практической деятельности. При-

мером в этом плане может служить политика России в отношении Африки. Директор Института Африки РАН, член-корреспондент РАН, член Президиума РАН И.О. Абрамова отмечает, что еще 10 лет назад Россия хотела стать частью Европы и рассматривала Африку как побочный продукт нашей внешней политики и экономики [1]. Ни у кого в голове и мысли не было искать потенциал развития российско-африканских отношений. Сегодня же, в условиях объявленного «поворота на Восток» становится ясно, что и другие стратегические направления – Юг и Север – не должны пренебрегаться. И когда это становится очевидно, то ставятся новые цели развития данных направлений.

Новые смыслы не возникают на пустом месте, одним из источников их возникновения является изучение ошибок прошлого. П.П. Яковлев считает, что «история Латинской Америки заходит на новый круг, в регионе накопился значительный потенциал перемен, созданы интеллектуальные предпосылки для того, чтобы сделать верные выводы из ошибок прошлого. Третье десятилетие XXI в. должно стать переломным в социально-экономическом развитии» [33. С. 101]. Действительно, работа над собственными и чужими ошибками может стать источником значительных достижений. Отметим также связь в мысли данного автора между потенциалом и переломом в развитии. Перелом можно рассматривать как синоним прорыва, рывка в развитии. Вместе с тем перелом – это резкий поворот, изменение направления развития. Обоснование таких резких поворотов требует нахождения скрытого потенциала и способов его раскрытия.

Прошлое дает возможность оценивать те или иные внешнеполитические действия как ошибку. Что же касается настоящего, то чаще всего поиск потенциала связан с необходимостью разрешения накопившихся проблем. Их нерешенность означает, что старые подходы уже недостаточно эффективны, и требуются новые. В качестве иллюстрации обратим внимание на имеющиеся сегодня серьезные проблемы в развитии Союзного государства России и Белоруссии. В этой связи премьер-министр России М. Мишустин на встрече с белорусским коллегой С. Румасом в конце января 2020 года заявил, что «нам необходимо в полной мере раскрыть потенциал договора и обеспечить максимальную гармонизацию национальных законодательств» [17]. На этом примере можно вывести такую закономерность: чем острее внешнеполитическая проблема, тем выше потребность в раскрытии имеющегося в ее зоне потенциала.

При решении внешнеполитических проблем важнейшее значение имеет применяемый при этом набор средств и методов. Не пренебрегая традиционными средствами и методами, отметим возрастающее значение новых систем управления знаниями, работы с данными и искусственным интеллектом. Без современных информационных технологий сегодня в дипломатии невозможно сделать ни шагу, о чем свидетельствует передовой опыт

ЕС [35; 45]. Поэтому России необходимо обратить внимание на дальнейшее развитие цифровой дипломатии, которая представляет собой и мощный инновационный канал взаимодействия с широкой зарубежной аудиторией, и источник разнообразной информации. При этом оценка эффективности цифровой дипломатии должна включать в себя не только присутствие МИДа и российских посольств в зарубежных социальных сетях, но и оказание влияния в них.

Еще один важный аспект в раскрытии внешнеполитического потенциала затрагивают В. Хейфец и Л. Хадорич. Анализируя состояние латиноамериканского интеграционного объединения УНАСУР, они отмечают, что «у рассматриваемого интеграционного объединения, по крайней мере пока, есть определенный потенциал» [29. С. 91]. Что же нужно сделать для раскрытия и реализации этого потенциала? Указанные авторы пишут о «вакууме лидерства» в УНАСУРе, об «эрозии регионального лидерства» [29. С. 89, 90]. Мы полностью согласны с тем, что раскрытие и реализация потенциала является лидерской функцией. Одно из важнейших свойств лидера как раз и состоит в том, чтобы видеть перспективу чуть дальше, чем ее видят остальные. Таким образом, раскрытие потенциала непосредственно связано с развитием лидерских качеств политиков и дипломатов, а для этого, среди прочего, целесообразно изучить теорию лидерства.

Зарубежная практика использования и раскрытия внешнеполитического потенциала. Существует довольно много примеров успешной реализации зарубежными странами имеющегося у них внешнеполитического потенциала. Одним из них могут служить современные монголо-японские отношения [2. С. 267-271]. Япония является главным международным донором Монголии, на нее приходится примерно треть объема помощи, оказываемой этому государству странами-донорами. И это не случайно, такую линию проводят японские стратеги. Токио выявил конкурентные преимущества монгольской экономики, в частности, сельскохозяйственного сектора. Монголия для Японии становится посредником и в северокорейском вопросе, необходимым партнером в обеспечении безопасности в регионе. В свою очередь, интерес к развитию приоритетных отношений с Японией имеет и Монголия. Наряду с притоком японских инвестиций и современных технологий усиливается роль Японии во внешней политике Монголии как основного «третьего соседа».

В постоянном поиске внешнеполитического потенциала находится Китай. Проявлением этой перспективной деятельности является выдвижение ряда крупных, чаще всего внешнеэкономических, инициатив. С точки зрения Пекина, Юго-Восточная Азия обладает потенциалом для обеспечения его национальной безопасности и экономического роста. Юго-Восточная Азия богата природными, в том числе энергетическими, ресурсами. Регион имеет объемный рынок для экспорта китайской продукции. ЮВА, особенно

ее менее развитые страны, весьма рентабельна для вложений китайского капитала. Наконец, ряд стран ЮВА географически, экономически и политически вписан в китайскую Инициативу пояса и пути. Цель этой Инициативы, выходя за рамки чисто инфраструктурного значения, состоит в усилении влияния Китая в мировой политике [21. С. 40-49].

Прорывы во внешней политике, раскрытие потенциала тесно связаны с прогнозной деятельностью. Можно рассматривать прогнозы как часть деятельности по раскрытию потенциала. Зарубежные авторы обращают внимание на то, что все больше международных и неправительственных организаций, включая коммерческие компании, обращаются к прогнозированию. В частности, в таких международных организациях, как ЮНЕСКО, ЮНИДО, ОЭСР и ВЭФ, созданы структурные подразделения или проекты, нацеленные на прогнозирование. Корпорация RAND создала Средиземноморский форум форсайта, а известная американская аналитическая структура Атлантический Совет – Инициативу форсайта, стратегии и риска [40]. Для раскрытия внешнеполитического потенциала России необходимо более активно использовать результаты прогностической деятельности государственных и частных структур.

В раскрытии потенциала основную роль играет человек, поэтому в зарубежных странах уделяется огромное внимание человеческому потенциалу, в частности, потенциалу дипломата. В ряде стран мира в штате посольств введена должность «атташе по инновациям». Великобритания направила почти 100 таких атташе в более чем 30 стран мира [40]. Их основная задача – способствовать повышению британской конкурентоспособности, в основном, в экономической сфере. Но на инновационного дипломата можно посмотреть и шире. Обеспечить инновационное сотрудничество и означает найти новые сферы сотрудничества, соответствующие перспективам современного мирового развития. При такой постановке вопроса все российские дипломаты для обеспечения прорыва в развитии страны должны быть инновационными.

За рубежом разрабатываются рекомендации, каким образом находить и реализовывать эти инновации в международных отношениях. Так, британские специалисты рекомендуют на этом пути двигаться по четырем направлениям: а) изучение и информирование; б) влияние и продвижение; в) возвращение и установление контактов; г) активация и масштабирование [42]. Каждое из рекомендованных направлений детализируется. Например, содержанием последнего из них является совместная разработка или определение внешних ресурсов для развития новых направлений сотрудничества. Эти рекомендации можно было бы использовать в деятельности российских официальных и общественных дипломатов.

В развитие этой тенденции некоторые страны практикуют создание инновационных офисов, как, например, Швейцария, которая с начала 2000-х

создала сеть инновационных хабов Swissnex в Сан-Франциско, Бостоне, Шанхае, Бангалоре, Рио-де-Жанейро и других городах. Управление хабами осуществляет Государственный секретариат по образованию, исследованиям и инновациям при содействии МИД Швейцарии. Деятельность хабов координируется с работой примерно 20 офисов по науке и технологиям при швейцарских дипломатических представительствах [31. С. 148]. В России подобные функции могли бы взять на себя Министерство науки и высшего образования, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций и Российский экспортный центр.

Заключение. Подводя итог, под внешнеполитическим потенциалом можно понимать способность и готовность страны использовать резервные возможности и раскрывать новые имеющиеся в мире возможности для реализации ее национальных интересов. Наиболее разработано в науке понятие экономического потенциала. Выделяются также трудовой, экспортный, оборонный, кадровый, институциональный и другие виды потенциала. Обращает внимание диадность потенциала: интеграционный и дезинтеграционный, экспортный и импортный, конструктивный и деструктивный и другие.

Реализация внешнеполитического потенциала касается как использования известных, но не использованных ранее по различным причинам резервов, так и раскрытия новых возможностей, возникающих благодаря внутри- и внешнеполитическим изменениям. Прорывные решения в развитии страны в большей степени связаны с раскрытием нового потенциала, чем с использованием резервов. В этом плане наиболее важным является инновационный и человеческий потенциал. Страны мира активно реализуют внешнеполитический потенциал, находя новые смыслы в мировой политике, внедряя новые институциональные формы международного взаимодействия, шире используя прогнозирование и другие современные методы. России следует стремиться к лидерской позиции в реализации своего внешнеполитического потенциала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Абрамова И.О.* Россия в схватке за Африку не должна проиграть // *Международная жизнь.* 2019. № 12.
2. *Базаров В.Б.* Современные монголо-японские отношения // *Власть.* 2019. № 5.
3. *Бережной А.Н.* Потенциал экономики региона: проблематика терминологии // *Социально-экономические явления и процессы.* 2015. Т. 10. № 5.
4. *Владыцкий А.С.* Геополитическая стратегия Российской Федерации на постсоветском пространстве: интеграционный вектор. Дисс. канд. полит. н. М.: МГЛУ, 2017.
5. Газотранспортная система Украины. Справка // <https://ukraina.ru/exclusive/20190807/1024538073.html>.

6. Горгола Е.В., Гладышевский В.Л., Цырендоржиев С.Р. О реалистичной оценке экономических потенциалов субъектов международных отношений в достижении военно-политических целей государства // Вооружение и экономика. 2017. № 3 (40).

7. Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Интеграционный и дезинтеграционный потенциал практик взаимодействия социума и мигрантов // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2010. Выпуск 9. М.: Новый Хронограф, 2010.

8. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологический словарь-справочник. М., 2001.

9. Коджастирова Г.М., Коджастиров А.Ю. Педагогический словарь. М., 2000.

10. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с рабочим визитом в Российскую Федерацию Министра иностранных дел и международного сотрудничества Южного Судана А.Д. Ачуил 27 января 2020 года // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4005299.

11. Кондаков И.М. Психологический словарь. М., 2000.

12. Котилко В.В., Вишнякова В.С. Оценка экспортного потенциала России и зарубежных рынков // Государственный советник. 2016. № 4 (16).

13. Лукьянов Ф. Стоит ли стесняться? // Российская газета. 15 октября 2019.

14. Михайленко А.Н. Потенциал российско-китайского экономического сотрудничества // Обозреватель-Observer. 2015. № 11 (310).

15. Михайленко А.Н. Тенденции постсоветской интеграции: от потенциального к актуальному // Свободная мысль. 2011. № 12.

16. Михайленко А.Н., Кожухов А.В. Антинаркотическая безопасность в системе международных отношений: учебное пособие. М.: РГ-Пресс, 2019.

17. Мишустин оценил потенциал договора о Союзном государстве с Белоруссией // Известия. 31 января 2020.

18. Никулина А.А. Сравнительный анализ влияния политического процесса на интеграционную стратегию государства на примере Российской Федерации и Республики Казахстана. Дисс... канд. полит. н. СПб., 2019.

19. Послание Президента Федеральному Собранию 15 января 2020 года // <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>.

20. Потенциал // <https://ru.wiktionary.org/wiki/BB>

21. Рогожина Н., Рогожин А. Экономическое присутствие Китая в Юго-восточной Азии – условие проведения политики «мягкой силы» // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Том 63. № 4.

22. Сибилев В. О переломном этапе развития Ботсваны и перспективах российско-ботсванского партнерства // Международная жизнь. 2019. № 12.

23. Спартак А.Н., Лихачев А.Е. Экспортный потенциал России в инновационных сегментах мирового рынка // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 10.

24. Сушенцов А. С – Стратегия // Россия в глобальной политике. Январь-февраль 2020.

25. Тарасова И. К информационному аспекту в молодежной политике на постсоветском пространстве // *Международная жизнь*. 2020. № 1.
26. Трошин Д.В. Экономическая безопасность России: количественный макроанализ: монография. Москва: Новые технологии, 2018.
27. Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М.: Политическая литература, 1963.
28. Философский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1983.
29. Хейфец В.Л., Хадорич Л.В. Союз южноамериканских наций: туманные перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Том 63. № 2.
30. Храмова А.В. Потенциал Евразийского экономического союза как глобального геополитического субъекта международных отношений // *Научные ведомости БелГУ. Серия История. Выпуск 35. Политология*. 2015. № 13 (210).
31. Шакиров О.И., Соловьев Д.Б. Реформы дипломатических ведомств на фоне новых внешнеполитических вызовов / под ред. М. Комина; Центр перспективных управленческих решений. Серия «Исследования по вопросам государственного управления». М.: ЦПУР, 2020.
32. Эсаулова И.А. Управление инновационным потенциалом персонала: поведенческий подход // *Управленец*. 2015. № 4 (56).
33. Яковлев П.П. Латинская Америка: возможен ли рывок в развитии? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Том 63. № 3.
34. Charles F. Hermann. Changing Course: When Governments Choose to Redirect Foreign Policy // *International Studies Quarterly*. 1990. № 34.
35. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions A European strategy for data. Brussels, 19.02.2020 // https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/communication-european-strategy-data-19feb2020_en.pdf
36. Crant J.M. Proactive Behavior in Organizations. *Journal of Management*. 2000. Vol. 26. No 3.
37. Frese M. & Fay D. Personal initiative (PI): An active performance concept for work in the 21st century. *Research in Organizational Behavior*. 2001. Vol. 23.
38. Hutchings R. and Suri J. (Eds.). *Foreign Policy Breakthroughs: Cases in Successful Diplomacy*. Oxford University Press, 1 edition. August 6, 2015.
39. Jones David T. Advise and Dissent: The Diplomat as Protester // *Foreign Service Journal*. April 2000.
40. Jos Leijten. Exploring the future of innovation diplomacy // *European Journal of Futures Research*. 2017.
41. Neal Katyal. Washington Needs More Dissent Channels // *The New York Times*. July 1, 2016.
42. Nesta. *Innovation Policy Toolkit: Tradecraft for Innovation Diplomats*. Nesta, London, 2015.

43. *Neta Crawford*. “The Potential for Fundamental Change in World Politics”. *International Studies Review*. June 2018. Vol. 20. No. 2

44. *Networked Foreign Policy for the 21st Century*. How leaders can drive change in the digital age // <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/files/publication/LEAD-Research%20Series%20-%20Diplomatenstudie%20EN%20151109sw%20WEB.pdf>.

45. *White Paper*. On Artificial Intelligence – A European approach to excellence and trust 19 February 2020 // https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf.

A.N. MIKHAYLENKO

*Doctor of Political Sciences, Professor,
professor of International security and Russian
foreign policy chair at the Department of national
security, Institute of law and national security, Russian
Presidential Academy of National Economy and
Public Administration, Moscow, Russia*

HOW TO DISCOVER RUSSIA'S FOREIGN POLICY POTENTIAL?

Foreign political potential can be understood as the ability and willingness of a country to use the reserve opportunities and open up new opportunities in the world for the realization of its national interests. The concept of economic potential is most developed in science. Labor, export, defense, personnel, institutional and other types of potential are also distinguished. Realization of the foreign policy potential concerns both the use of reserves known but not previously used for various reasons, and the discovery of new opportunities connected with domestic and foreign policy changes. The countries of the world are actively realizing their foreign policy potential, finding new meanings in world politics, introducing new institutional forms of international interaction, using forecasting and other modern methods more widely. Russia should strive for a leadership position in realizing its foreign policy potential.

Key words: *breakthrough, potential, economic potential, export potential, integration potential, opportunity, ability, readiness, initiative.*

DOI 10.35775/PSI.2020.55.3.014

УДК 32.327

А.И. МУРАВЫХ

*доктор экономических наук,
профессор кафедры государственного
управления и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Москва*

Е.Г. НИКИТЕНКО

*генерал-майор, кандидат исторических наук,
профессор кафедры государственного управления и
национальной безопасности Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Россия, г. Москва*

ЗАПАД ПРОТИВ ОБНУЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТСКИХ СРОКОВ В РОССИИ

В статье рассмотрены различные аспекты политики сдерживания России, проводимые коллективным Западом во главе с США. Анализируется применение «информационного коронавируса» и «нефтяного оружия» в целях ослабления президентской вертикали власти в России. Акцентируется внимание на особой значимости проведения общенародного голосования по конституционным поправкам 22.04.2020 года в условиях мощного противодействия со стороны внешних и внутренних оппонентов.

Ключевые слова: *политика сдерживания, власть, президент, конституция, голосование, нефть, вирус.*

Коллективный Запад во главе с США и его проамериканским лобби в России предпринимают отчаянную попытку исключить даже возможность пребывания у власти действующего Президента РФ В.В. Путина после 2024 года. Ностальгическая мечта Запада о беспомощной и насквозь «толерантной» к нему России 90-х годов, казалось бы, начала уже сбываться. После пенсионной реформы и ряда действий правительства Медведева Д.А. авторитет Президента РФ стал значительно снижаться, помимо этого по мере истечения президентского срока проявляется синдром «хромой утки». Однако В.В. Путин резко меняет ситуацию. Происходит формирование нового правительства «профессионалов» с жесткой ориентацией на выполнение майских указов Президента РФ [7]. Организуется работа по приня-

тию существенных конституционных поправок патриотического характера, включающих обнуление президентских сроков. Возможность В.В. Путину сохранить властные полномочия по истечению текущего президентского срока позволяет держать в «тонусе» российскую и западную власть имущую элиту, и последовательно реализовывать поставленные цели. В.В. Путин неуклонно проводит курс на эволюционное развитие России без резких революционных скачков, сопряженных с огромными социальными издержками, – «Россия свой «план по революциям» выполнила». Осуществлять этот курс приходится в условиях кризисной почти предвоенной внешней обстановки и реальных внутренних угроз. Поэтому в стратегическом плане намечено развитие демократических начал всех институтов власти, а на ближайшую перспективу жизненно необходимо обеспечить усиление института президентской власти в Российской Федерации. Об этом В.В. Путин на пленарном заседании Государственной Думы (10.03.2020) прямо заявляет: «Считаю и глубоко убежден в том, что сильная президентская вертикаль для нашей страны, для России, абсолютно необходима». В своем выступлении В.В. Путин также отметил, что «в мире, конечно же, – об этом тоже мы говорим всегда, знаем об этом – есть и те, кто хотел бы сдерживать Россию, и для этого готов использовать любую возможность» [5].

Политика сдерживания России. Причины и основные методы реализации «политики сдерживания» по отношению к России рассмотрены в работах авторов [1; 2; 3]. Мягкая формулировка «политика сдерживания» не соответствует ее содержанию и осуществляется весьма жесткими методами. Как остановить опережающее США экономическое развитие Китая и нейтрализовать растущее в мире военно-политическое и идеологическое (традиционные ценности) влияние РФ? Каким образом можно сдерживать реализацию внешней и внутренней политики Президента РФ? Критической угрозой экономическому развитию и национальной безопасности США является мировой процесс дедолларизации, который в 2019 году начали воплощать в жизнь Россия и Китай при расчетах за поставки энергетических ресурсов в национальных валютах.

В Стратегии национальной безопасности США (2017 г.) были выделены три приоритетные сферы сдерживания России и Китая: военно-политическая, экономическая и информационно-коммуникационная.

Для осуществления своих целей, как отметил В.В. Путин, антироссийские силы будут использовать любые возможности. На наш взгляд, США весьма успешно используют ситуацию, связанную с появлением и распространением коронавируса COVID-19. Системно применяются испытанные информационные и «нефтяные» средства поражения противника. Контроль мирового финансового и медиа пространств при наличии грандиозной военной машины позволяет США проводить операции глобального масштаба.

«Инфекционный черный лебедь». Можно без преувеличения сказать, что появление и распространение коронавируса (COVID-19) буквально «встряхнуло» международное сообщество, породив масштабные негативные последствия в экономической, политической и социальной сферах. В спокойной дружественной международной среде это катастрофическое явление было бы локализовано и нейтрализовано в основном медицинскими и организационными средствами с минимизированным ущербом. В реальной жизни коронавирус «протестировал на прочность» современное сообщество, обнажив существующие в нем противоречия. Поражает беспрецедентно мощное информационное сопровождение проблемы коронавируса, сеющее панику планетарного масштаба. В тоже время медицинские показатели опасности данного явления, на сегодняшний день, не представляют ничего чрезвычайного, например, при сравнении с пандемией свиного гриппа. Очевидно, что «информационный вирус» может значительно превосходить по силе своего воздействия реальный вирус, недаром его называют нематериальным оружием массового поражения.

Интересен вопрос о естественном или искусственном происхождении коронавирусной инфекции. Ряд ученых, изучив генетическую структуру коронавируса, считают маловероятной его появление в результате природной мутации ранее существующего вируса. Версия искусственного происхождения COVID-19 в качестве биооружия, на наш взгляд, имеет право на существование. Наибольшую выгоду от ситуации с коронавирусом получают США, для которых сохранение мирового господства, а значит и выживание, в первую очередь зависят от нейтрализации угрозы «фонтанирующего» развития Китая. Трудно найти более подходящее место и время для спецоперации, чем предновогодний многомиллионный Ухань – крупнейший логистический центр Китая. Рядом находится биологическая лаборатория, на которую можно будет списать возникновение вируса, если будет доказан искусственный способ получения COVID-19. Велики прямые экономические потери Китая, исчисляемые сотнями миллиардов долларов США, но еще ощутимее нанесенный стране общий имиджевый ущерб на мировом уровне, в частности, произошла значительная потеря ее инвестиционной привлекательности. «Инфекционный черный лебедь» существенно влияет на мировую экономику и может послужить триггером глобального финансово-экономического кризиса, поскольку «китайские цепочки производства» охватывают практически все отрасли мировой экономики. США принципиально важно переложить ответственность за мировой кризис со спекулятивного финансового капитала и в целом с капиталистической системы хозяйствования на Китай. Когда Д.Трамп пишет в твиттере по теме, связанной с коронавирусом, то называет его не иначе, как «китайский вирус». Возникающие в стране экономические трудности можно объяснить американскому избирателю негативным воздействием на экономику «китайского вируса».

«Естественное» непредсказуемое появление какого-либо вируса не является для США неожиданностью – у них заранее наготове глобальный информационный вирус, который только и ждет момента своего применения, «правильно» и бурно размножаясь в контролируемой американцами глобальной информационной среде, провоцируя осложнения в экономической, а затем в социальной и политической сферах.

«Нефтяное оружие» США. «Информационный коронавирус» вызвал значительное снижение мирового потребления энергоресурсов, прежде всего уменьшение спроса на нефть и нефтепродукты. Как следствие стали снижаться мировые цены на нефть, которые формируются в основном такими странами как США, РФ и Саудовская Аравия. Отметим стартовые условия по добыче «черного золота» на начало 2020 года: США – 13,1 млн. баррелей в сутки, РФ – 11,3 млн. баррелей, Саудовская Аравия – 9,7 млн. баррелей. США решают использовать сложившуюся ситуацию в свою пользу, задействовав испытанное «нефтяное оружие», которое в конце 80-х годов помогло развалить СССР. Как и раньше, они составляют негласное соглашение с Саудовской Аравией с целью «наказать» РФ и получить собственные преференции. Первый ход в этой американской «многоходовочке» заключался в предложении РФ снизить добычу нефти в рамках ОПЕК + под благовидным предлогом мирового снижения нефтепотребления, вызванного эпидемией COVID-19. Такое решение вопроса позволит американским компаниям занять освободившуюся долю нефтяного рынка. Речи о снижении собственного наибольшего в мире уровня нефтедобычи, конечно же, не идет. В случае отказа РФ от столь заманчивого предложения, который США, на наш взгляд, заранее просчитали, делается второй ход. Саудитам предлагается повысить внешнюю «управляемость» РФ, значительно нарастив нефтедобычу и предложив ЕС демпинговые цены на нефть. Данную операцию планируется провести в течение непродолжительного срока с учетом бюджетного «запаса прочности». Саудовскую Аравию очень сильно раздражает в целом растущее влияние России на Ближнем Востоке и Северной Африке и, в частности, амбициозные планы «Роснефти» в этом регионе. За счет демпинговых цен нужно «выбить» Россию с западных рынков нефти, и как задача-максимум – вытеснить РФ, насколько возможно, с китайского рынка нефти, разрушая тем самым начатый процесс дедолларизации. Казалось бы, данная операция невыгодна США, ведь их сланцевые нефтедобывающие компании понесут существенные убытки. Но, во-первых, исполнение фьючерсных сделок по нефти несколько отнесено во времени, во-вторых, нельзя исключать негласную и явную (налоговые послабления) поддержку государства. Таким образом, крупные «сланцевые» компании могут некоторое время сохранять финансовую устойчивость. Дешевая нефть позволяет США оперативно пополнить свои стратегические запасы. Большим предвыборным плюсом для Д. Трампа станет снижение цен на бензин. В Америке говорят, что избира-

тель решает вопрос за кого голосовать при заправке своего автомобиля. Есть также предположение, что эффективная американская вакцина против коронавируса появится незадолго до президентских выборов.

В отношении России «нефтяное оружие», согласно планам США, спровоцирует обвал национальной валюты, что самым негативным образом скажется на благосостоянии широких слоев населения. Третий американский ход – традиционное усиление антироссийских санкций под любым надуманным предлогом, например, обвинив Россию в обвале мировых цен на нефть. Наиболее сильное давление будет оказано на китайские компании, покупающие российскую нефть. Необходимо также осуществить мощное будирование проамериканского лобби в России, которое должно отрабатывать «30 американских серебряников». Желаемый результат заключается в том, что запуганное коронавирусной инфекцией и раздраженное экономическими неурядицами население сорвет голосование по конституционной реформе. Тем самым нельзя будет легитимизировать поправку об отмене президентских сроков, что сильно дестабилизирует политическую обстановку в России. Представляется, что вышеназванный планируемый результат является одной из главных целей всей американской операции. Особо отметим, что в американской «многоходовочке» важную роль играет временной фактор, а именно – оптимальный срок проведения операции при минимальных издержках и максимальном результате [4].

Весьма показательно, как американская пропагандистская машина, российские прозападные СМИ и блогеры выворачивают ситуацию с обвалом мировых цен на нефть с точностью до наоборот. Самый крупный в мире добытчик нефти – США не снижают уровень нефтедобычи, Саудовская Аравия увеличит поставки нефти на мировой рынок почти на 30%, предлагает ЕС демпинговую цену нефти – 25 долларов за баррель. Россия «виновата» лишь в том, что осталась в рамках прежнего соглашения с ОПЕК+. В России проамериканское лобби старательно раскручивает тему ответственности российского руководства за обострение экономической ситуации в стране, вызванного его неговорчивостью со странами ОПЕК.

Американские методы политического сдерживания. Наиболее одиозным и циничным проявлением «политического сдерживания» стало убийство силами США иранского генерала Касема Сулеймани и одного из руководителей иракской армии. Касем Сулеймани являлся одним из первых должностных лиц суверенного государства (Иран – член ООН). Международное преступление было совершено открыто в мирное время на суверенной иракской территории, а затем сопровождалось циничными комментариями президента Д. Трампа в твиттере, который и отдал приказ на уничтожение представителей руководства иностранных государств. Это международное преступление классифицируется как государственный терроризм, направленный против мира и безопасности человечества. Государственный террористический акт

преследовал классическую террористическую цель – устрашение. В данном случае речь идет об устрашении международных акторов, включая Россию, которые недостаточно хорошо понимают интересы американского гегемона. Казалось бы, мировое сообщество должно было «взорваться» гневной реакцией на столь вопиющий преступный акт и ответить серьезными санкциями против США. Однако практически все международное сообщество, включая основной правовой институт современной цивилизации – ООН, решило оставить без внимания это преступление против человечества, демонстрируя истинную приверженность к западным ценностям. Мировой гегемон в очередной раз добивается своих целей и «приручает» мировое сообщество к жизни по американским «понятиям».

Современная внешняя политика США лишена каких-либо демократических обрамлений. В целях устрашения потенциальных противников демонстративно выпячивается на всеобщее обозрение силовая составляющая внешней американской политики. Экономические и персональные санкции стали дежурным средством США в экономической и политической борьбе, уничтожив само понятие добросовестной конкуренции. В случае неповиновения компании из санкционного списка блокируются ее долларовые счета. В глобальных масштабах США осуществляют криминальный вид деятельности, нарушая общий принцип недопустимости неосновательного обогащения. Согласно этому принципу недопустима ситуация, когда в результате дозволенных по правовой форме, но порочных по сути действий, наносится ущерб юридическим или физическим лицам. В более жесткой формулировке американские санкции определяются как инструмент рейдерского захвата чужой доли рынка. Аналогичная ситуация неосновательного обогащения возникает в финансовой сфере, при которой практически необеспеченная мировая резервная валюта (доллар США) позволяет осуществлять США неэквивалентный экономический обмен с другими странами.

Президент США Д. Трамп похвально в твиттере доходами от эксплуатации захваченных нефтяных месторождений суверенной страны, что с позиций сегодняшних западных ценностей считается большой заслугой. Хорошо управляемые СМИ любому инакомыслию могут прикрепить ярлык пропаганды или развязать с оппонентами «фейковую» войну. Одним из главных векторов внешней политики США является генерирование хаоса в различных регионах мира, что подтверждается организацией многочисленных цветных революций (более, чем в 30 странах). В такой ситуации неопределенности проще создать образ американского «островка стабильности», широко открытого для иностранных инвестиций и активов национальных элит других государств. Если бы Россия обладала вышеназванным букетом демократических завоеваний, то ее бы назвали на Западе криминальной страной и империей зла.

22 апреля 2020 года – точка бифуркации России. Трудно описать возникший недавно всплеск «благородного» негодования мирового и отече-

ственного либерального сообщества. Возможность пойти на президентские выборы В.В. Путину в 2024 году подрывает, по их мнению, демократические основы современной цивилизации. Кровавая американская демократизация ранее процветающей Ливии или акт государственного терроризма США не вызывают у либеральной общественности такой негативной реакции. Казалось бы, российской оппозиции надо идти «классическим» демократическим путем: предложить своего достойного кандидата и его программу обеспечения безопасности и развития России. Достаточно широко представить эту программу можно, как минимум, в либеральных СМИ и неконтролируемом интернет-пространстве. Сейчас больше половины этого пространства заполнено нелицеприятной критикой власти, которую можно, хотя бы частично, заместить конструктивными предложениями, если, конечно, способность к созиданию еще не потеряна. Многократно повторяется, как молитва, тезис о несменяемости власти. Нужна сменяемость Президента РФ ради сменяемости? Эксперимент поставлен на Украине. Можно ознакомиться с преимуществами украинского пути в Европу под присмотром нацбатальонов с достоинством и без коррупции [6].

Обнуление президентских сроков в РФ одновременно обнуляет затянувшиеся ожидания Запада на «уход» Путина В.В. и смену его обновленной политики, повышающей независимость, безопасность и конкурентоспособность России. Поэтому именно сейчас будут усилены все возможные меры давления на Россию, пока проводимые В.В. Путиным нововведения не обрели устойчивость и не заработали в полную силу. Очевидно, что первоочередной задачей для Запада и застоявшейся пятой колонны в России станет срыв общенародного голосования по поправкам в Конституцию РФ 22 апреля 2020 года. «Информационный вирус COVID-19» будет массово размножаться в социальных сетях и прозападных СМИ, которые сделают ставку на критику власти, скрывающей размеры бедствия и не принимающей адекватные меры. Курс рубля может резко снизиться на непродолжительное время. Нельзя исключать рост цен на бензин в период перед голосованием. Все факторы, вызывающие недовольство и раздражение людей действующей властью, будут использованы. Есть вероятность организации террористического акта, поскольку международные террористы выжидают момент нанесения наиболее ощутимого удара по России.

Главное в этой сложной обстановке проявить выдержку и уверенно идти по намеченному маршруту, и тогда американская операция против обнуления президентского срока в России сойдет на нет. Альтернативы Президенту РФ В.В. Путину в наше кризисное время объективно не существует. Инстинкт самосохранения российского общества, даже у его либеральной части, должен проявиться. Обновление Конституции РФ наряду со стабилизацией и укреплением президентской вертикали власти жизненно необходимы для обеспечения национальной безопасности и социально-эконо-

мического развития России. Всенародное голосование по конституционным поправкам – это судьбоносный момент для будущего России, возможно и не только для нашей страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Муравых А.И., Никитенко Е.Г.* Точка бифуркации мирового сообщества и России // Вопросы политологии. 2018. № 6.
2. *Муравых А.И., Никитенко Е.Г.* Системно-синергетическая (интегральная) война (часть 1) // Вопросы политологии. 2019. № 3.
3. *Муравых А.И., Никитенко Е.Г.* Системно-синергетическая (интегральная) война (часть 2) // Вопросы политологии. 2019. № 4.
4. *Патрушев Н.П.* Видеть цель. Российская газета. 12.11.2019 г. № 8012.
5. Пленарное заседание Государственной Думы 10.03.2020.
6. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. М., 2019.
7. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204. «О национальных целях и стратегических задачах развития».

A.I. MURAVYKH

D.Sc. (economics), professor, Department of Public administration and National safety of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

E.G. NIKITENKO

Major General, Cand. Sc. (History), professor, Department of Public administration and National safety of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

THE WEST IS AGAINST ZEROING OUT PRESIDENTIAL TERMS IN RUSSIA

The article deals with various aspects of the policy of containment of Russia, conducted by the collective West led by the United States. The article analyzes the use of «information coronavirus» and «oil weapons» in order to weaken the presidential vertical of power in Russia. Attention is focused on the special significance of holding a national vote on the constitutional amendments of 22.04.2020 in the face of strong opposition from external and internal opponents.

Key words: *containment policy, power, President, Constitution, voting, oil, virus.*

DOI 10.35775/PSI.2020.55.3.015

УДК 32.327

С.Л. СЕРГЕЕВА

кандидат политических наук,

доцент кафедры политологии и

политического управления

Школы политических исследований

Института общественных наук

Российской академии народного хозяйства

и государственной службы

при Президенте РФ, Россия, г. Москва

П.В. ГАПОНОВ

соискатель кафедры политологии и

политического управления

Школы политических исследований

Института общественных наук

Российской академии народного хозяйства

и государственной службы

при Президенте РФ, Россия, г. Москва

ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ НА ОСНОВЕ МУНИЦИПАЛЬНО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Развитие муниципально-частного партнерства (МЧП) пережило свое «второе рождение» после 2015 года, когда в соответствующее федеральное законодательство были внесены существенные изменения. В статье анализируются ключевые проблемы в процессе реализации проектов муниципально-частного партнерства (МЧП), которые возникли после вышеописанных изменений. Законодательные изменения позволили начать новый этап как во взаимоотношениях муниципальной власти, так и органов местного самоуправления с частным бизнесом. Однако необходимо признать, что темпы развития МЧП в России, с учетом огромной и постоянно растущей долговой нагрузки на муниципальные образования, остаются достаточно скромными. С учетом того факта, что текущая международно-политическая ситуация не позволяет надеяться на какой-либо существенный объем иностранных инвестиций в региональную российскую экономику, представляет необходимым дальнейшее совершенствование механизмов партнерства государственных органов власти и частно-

го сектора с целью как повышения уровня экономического развития, так и улучшения непосредственной среды обитания большинства городских и сельских жителей, в особенности за пределами более финансово и экономически успешных мегаполисов. Исходя из этого, представляется важным проанализировать опыт развития механизмов МЧП в формате Европейского союза, который обладает историческим опытом развития в данной сфере. В данной статье анализируются ключевые механизмы, которые используют страны ЕС для более эффективного взаимодействия и развития совместных инфраструктурных и других социально-значимых проектов, а также управленческие принципы, на которых организуются подобные проекты. Представляется, что часть таких инструментов, в особенности методики со-финансирования, принципа «funding gap», то есть учета и финансирования «кассовых разрывов», а также внедрения независимого арбитража в процессе реализации совместных проектов, являются крайне актуальными для российского опыта реализации МЧП и должны быть тщательно проанализированы с целью последующей адаптации и внедрения в российскую экономическую, юридическую и политическую практику.

Ключевые слова: муниципально-частное партнерство, МЧП, государственно-частное партнерство, ГЧП, местное самоуправление, европейская хартия самоуправления, Cohesion Program Regulation, public-private partnership, PPP, funding gap.

Муниципально-частное партнерство – в российской научной литературе также часто встречается терминология «государственно-частное партнерство» – это один из наиболее часто используемых механизмов, применяемых для привлечения частных инвестиций в экономику малых форм местного самоуправления различных европейских стран. В Российской Федерации, в силу целого ряда причин, анализ которых требует написания отдельной (и не одной) аналитической работы, технология муниципально-частного партнерства долгое время не функционировала полноценно. Только после внесения важных изменений в Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 года, принципы муниципально-частного партнерства стали постепенно внедряться в экономическую, юридическую и управленческую практику различных муниципальных образований России [12].

Как представляется, обосновывать особую важность внедрения механизма муниципально-частного партнерства (здесь и далее – МЧП) не представляется необходимым ввиду ее явной актуальности – на сегодняшний день абсолютное большинство местных муниципальных образований, за исключением городов федерального значения и городов – центров феде-

ральных округов, находятся в крайне сложной финансово-экономической ситуации, которая характеризуется в первую очередь, крайне низкой долей собственных финансовых средств, имеющихся в распоряжении самого муниципалитета, во-вторых, как следствие этого – высокой закредитованностью, и, в-третьих, как показывает практика, долговая нагрузка большинства муниципальных образований демонстрирует тенденцию к мало контролируемому росту [5. С. 2-33]. В этих условиях привлечение инвестиций из частного бизнеса внутри самой России представляется в качестве одного из главных «драйверов роста» экономики российских муниципалитетов, особенно небольших и малоизвестных за пределами собственных федеральных округов, что делает малореальным на сегодняшний день привлечение каких-либо серьезных иностранных инвестиций.

Примечательно, что хронологическим «родоначальником» новой версии закона об МЧП в России стал город Улан-Удэ. Местные, локальные положения о муниципально-частном партнерстве и его функционировании были внесены в Устав муниципального образования города Улан-Удэ решением городского Совета депутатов еще в 2007 году [11].

Здесь сразу стоит отметить, что в наибольшей степени в России на данный момент развито участие частного сектора в том, что в государственных отчетах называется «культурно-досуговая деятельность». Как правило, частные компании более-менее охотно участвуют в проведении тех или иных фестивалей или городских праздников, естественным образом используя гарантированно большое стечение людей как субъектов собственной рекламной акции или компании, что в любом случае как минимум повысит узнаваемость бренда компании или ее репутацию.

Во всех остальных сферах, особенно таких стратегически важных (и более важных для населения, чем фестивальная деятельность) как тепло- и водоснабжение, а также предоставление концессий на право строительства и последующей коммерческой эксплуатации дорог, присутствие частного сектора как правило, весьма невелико, за исключением такого сомнительного с точки зрения полезности для городского хозяйства и транспорта вида деятельности как получение разрешений на частные маршрутные перевозки. Без сомнения, в условиях полного отсутствия какого-либо транспорта, система относительно отлаженных маршрутных перевозок воспринимается как благо для населения, однако на практике это приводит к возрастанию коррупционных рисков в сфере выдачи лицензии на пассажирские перевозки. Более того, впоследствии активное развитие такого рода транспорта может приводить к явной и системной передаче приоритета развития местного транспорта от муниципального (троллейбусы, муниципальные автобусы, трамваи) к частному, как правило, низкокачественному, маршрутному. В таких случаях приводятся аргументы в дешевизне, доступности и простоте организации таких перевозок, что в свою очередь приводит к увеличению

дорожно-транспортных происшествий, неэффективному прокладыванию сети маршрутов, которая часто дублирует сама себя, но обслуживается при этом разными частными предпринимателями, каждый из которых ставит понятной целью только личный коммерческий интерес, а также постепенной дезорганизации муниципальной транспортной системы в целом и последующей ее деградации, и ликвидации [7. С. 160-166].

Помимо этого, большое влияние оказывает и локально-политическая ситуация в регионе – как правило, большинство проектов, реализуемых в формате МЧП – долгосрочные, и в случае смены руководства муниципалитета в процессе реализации договора, нет никаких серьезных гарантий того, что реализация проекта не будет свернута или существенным образом пересмотрена, что в свою очередь также связано с целым рядом коррупционных рисков. При этом, в ФЗ № 224 прямо указано, что длительность договора о МЧП не может быть менее трех лет подряд.

Наконец, существует комплексная правовая проблема, которая также обуславливает сложность реализации проектов на основе МЧП в России – это нечеткость и обтекаемость формулировок в российском законодательстве, в особенности в федеральной его части. Так, Федеральный закон № 224 «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации» описывает большое количество форм реализации МЧП в принципе – это собственно государственно-частное или муниципально-частное партнерство, а также публично-частное партнерство, концессию, инвестиционный договор, участие в капитале и целую массу слабо описанных иных форм, как например залог муниципального имущества, долгосрочная аренда этого имущества.

Вместе с тем, в настоящее время происходит трансформация российского законодательства в рамках функционирования органов местного самоуправления РФ. Центр местного самоуправления Института управления и регионального развития РАНХиГС при Президенте РФ подготовил очередную обзор изменений законодательства за период с 01 декабря 2019 года по 15 января 2020 года. Изменения были внесены в Федеральный закон от 27.12.2019 № 485-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» и Федеральный закон «О защите конкуренции» и иные правовые акты РФ – 29 федеральных законов, Постановлений Правительства РФ, Приказов Минюста России, Приказов Росстата РФ и т.д.

Основные темы выпуска № 1 (177):

Подписан Федеральный закон о запрете создания и функционирования унитарных предприятий на конкурентных рынках;

Руководить штабами территориальной обороны вместо глав муниципальных образований будут должностные лица местного самоуправления, возглавляющие местную администрацию;

Подписан Федеральный закон, направленный на повышение «прозрачности» госзакупок в рамках контрактной системы;

Подписан закон об «электронных трудовых книжках»;

Временно исполняющие обязанности глав регионов получили право назначать представителей в Совет Федерации;

С 1 января 2020 года устанавливается порядок медицинского освидетельствования лиц, поступающих на службу в ФССП России на наличие или отсутствие у них заболеваний, препятствующих поступлению на службу в органы принудительного исполнения;

Уточнены полномочия Казначейством России по осуществлению контроля в финансово-бюджетной сфере;

Уточнены правила субсидирования кредитования производства высокотехнологичной продукции гражданского и двойного назначения организациями оборонно-промышленного комплекса;

С 1 января 2020 года госзаказчики будут обязаны проводить обязательное общественное обсуждение госзакупок по новым правилам;

Скорректировано содержание правовых актов, устанавливающих порядок предоставления грантов в форме субсидий;

Росстатом утверждена обновленная статистическая форма N 1-администрация, по которой подаются сведения о муниципальных образованиях;

Минфином России даны рекомендации по применению КБК в 2020 году организациями бюджетной сферы, участвующими в реализации пилотного проекта ФСС РФ «прямые выплаты»;

Предоставление земельных участков под видом их перераспределения может быть расценено в качестве способа обхода закона;

Минтрудом России обобщена практика применения мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов и т.д. [9; 13].

Следует указать, что до вступления в силу вышеуказанного законодательства в 2019-2020 гг. существовали серьезные проблемы в рамках реализации форм МЧП в современной российской практике по целому ряду причин, в первую очередь – отсутствие юридического регулирования – это предоставление муниципальных гарантий некоему частному хозяйствующему субъекту, а также создание совместно управляемых юридических лиц – эти нормы, несмотря на присутствие в федеральном законодательстве де-факто не работают. При этом, как минимум есть принципиально важная разница между МЧП и публично-частным партнерством – последнее является более широким, зонтичным понятием, определяющим вообще любое привлечение бизнеса к решению задач местной власти, в то время как конкретно МЧП – исключительно долгосрочное (не менее трех лет согласно российскому законодательству) системное взаимодействие представителей местной власти или органов местного самоуправления по решению масштабных задач в области доступа населения к разнообразным услугам,

а также привлечению длительных инвестиций в экономику муниципальных субъектов в целом. На практике можно сказать, что организация 2-3 дневного фестиваля, приуроченного к какой-либо местнозначимой дате или событию – это пример публично-частного партнерства, а вот организация ремонта или строительства платной автодороги на муниципальной земле с последующей сдачей ее в концессию на 25 лет – это и есть пример хорошо сработавшего МЧП.

При этом, как уже было указано выше, далеко не все формы МЧП вообще осуществляются в России на практике, а из осуществленных проектов абсолютно большая часть принадлежит концессионным договорам (самая распространенная форма), инвестиционным соглашениям и капитальному строительству через конкретное инвестирование в бюджет, в то время как остальные формы взаимодействия либо не используются вообще (муниципальные гарантии и совместно управляемые юридические лица), либо используются весьма ограниченно, как правило – в конкретных, специфических условиях тех или иных регионов.

Еще одной глобальной, всероссийской проблемой, которая оказывает огромное влияние на процесс внедрения любых проектов МЧП, является специфика кадастрового учета в России, и реальное положение дел в государственных земельных и имущественных кадастрах в целом. На сегодняшний день в едином, государственном Кадастре недвижимого имущества отсутствует огромное количество объектов, разбросанных по всей России без исключения. Попадание таких земель либо объектов недвижимости в сферу применения любого договора МЧП провоцирует целый ряд проблем – от отсутствия сведений о проложенных коммуникациях, что критически важно для любых строительных или ремонтных работ, до отсутствия четких географических рамок территорий, которые могут быть использованы частным партнером. Все это в конечном итоге может привести к срыву соглашения о МЧП, причем как естественному, так и коррупционно-мотивированному, когда часть администрации, зная о наличии «подводных камней» в сфере соглашения, сознательно оказывает давление на частных партнеров, с целью получения собственной выгоды.

В целом же, по состоянию на конец 2017 календарного года в Российской Федерации на муниципальном уровне реализовывалось всего 1975 проектов – в данном случае статус «реализующегося» присваивался проекту в том случае, если соответствующий юридически оформленный договор МЧП между государственной и частной сторонами был подписан и вступил в законную силу. В целом можно говорить о явной тенденции к росту интереса по отношению к возможности реализации МЧП, так как на конец 2013 года количество реально действующих проектов не превышало 300 [3. С. 68]. Очевидна тенденция увеличения проектов МЧП в современной России.

Однако объективная невозможность привлечения серьезных иностранных инвестиций малыми муниципалитетами Российской Федерации, об-

условленная в том числе и внешнеполитической конфронтацией, а также политикой иностранных санкций, которые служат не столько экономическим, сколько политическим «пугалом» для любого иностранного инвестора. Представляется важным проанализировать совокупность методов, техник и инструментов, которые используют даже малые и слаборазвитые страны с целью привлечения инвестиций от собственного частного бизнеса. В этой связи наиболее репрезентативным и полезным для использования в России представляется опыт стран Европейского Союза, что обусловлено в том числе и развитой системой местного самоуправления в этих странах, одной из главных целей которой является развитие отстающих регионов, которое впоследствии обеспечивает развитие всего государства в целом. Это очень лаконично выражено в положении № 6 преамбулы Европейской Хартии самоуправления – *«существование территориальных общностей с подлинными компетенциями делает государственное управление эффективным и в то же время обеспечивает участие граждан в управлении государством»* [2].

В странах Европейского Союза на сегодняшний день принцип муниципально-частного партнерства (в английском языке для этого применяется термин «Public-private partnership» или его аббревиатуры – PPP, 3P, P3) используется для решения целого ряда весьма важных вопросов местного значения, начиная от традиционного благоустройства территории и организации местных праздников, заканчивая отраслями крайне важными для населения – это и энерго-, водо-, и тепло-снабжение, и содержание и организация местных дорог, и даже организация местного публичного транспорта.

Говоря в целом о странах ЕС, можно отметить первую принципиальную разницу в практических подходах к реализации МЧП – если в России в общем объеме договоров об МЧП безусловно лидирует транспортная отрасль (и как было сказано выше, существует ряд обоснованных претензий к реализации таких соглашений), то в ЕС сфера МЧП в первую очередь концентрируется на областях здравоохранения, а также образовательных услуг, но не транспортных концессий. Так например, в Федеративной Республике Германия по данным на конец 2019 года система здравоохранения представлена тремя практически равновеликими секторами – 31% учреждений является собственностью государства (с учетом как федеральной, так и собственности того или иного земельного правительства, что практически идентично системе распределения государственной собственности в России), 36% учреждений принадлежат некоммерческому сектору – в первую очередь это церковно-приходские больницы, а также учреждения Красного Креста, и 31% медицинских учреждений являются частными [8]. При этом, еще в 1995 году только 4% лечебных учреждений принадлежали частному сектору, и этот рост обусловлен во многом активным применением механизма МЧП в области здравоохранения [10. С. 99-102].

Как правило, в случае если государственная клиника стабильно и в течение долгого периода времени показывала крайне низкие результаты с точки зрения ликвидности, и объем бюджетных дотаций на нее рос с каждым годом, то такое учреждение за символическую плату передавалось в управление (де-факто – в концессию) частному сектору, фактически – по договору об МЧП. Однако, в таком договоре прописывались четкие обязательства о необходимости обеспечивать в клинике полный объем медицинских услуг в рамках системы государственного медицинского страхования, а также прописывался определенный срок, в течении которого учреждение должно было выйти на уровень собственной финансовой ликвидности. В случае неисполнения всех этих обязательств, договор МЧП расторгался и, как правило, вскоре находился новый инвестор. Кроме явных преимуществ в области экономии государственного бюджета, такая система позволяла убрать или сократить до минимума риски пациента, обращающегося за лечением в рамках медицинского страхования, чаще всего такие пациенты вообще не интересовались принадлежностью больницы, поскольку с их точки зрения разницы или не было, или же она была минимальной.

В России, а также в большинстве стран СНГ, в связи с полным отсутствием такой практики, частные медицинские учреждения, как правило, создаются изначально в формате исключительного частного бизнеса, может вообще не оказывать услуг в формате системы обязательного медицинского страхования (или оказывать в минимальном формате), так как создается с полного его основания без какого-либо участия со стороны государства и, следовательно, никак к государственной системе здравоохранения не относится. Это в конечном итоге провоцирует, во-первых, социальную конфликтность, так как формирует «медицину для бедных» – ОМС, и «медицину для богатых» – систему частных клиник и полисов ДМС, разница в качестве предоставляемых услуг, между которыми все сильнее увеличивается разрыв по мере того, как муниципальные клиники, обеспечиваемые только хронически дефицитными государственными бюджетами, вынуждены все больше экономить как на качестве своих услуг, так и на зарплатах персонала.

В целом, по данным Европейского центра экспертизы (European Partnership Expert Center – ЕРЕС), в странах Европейского Союза за период 2005-2017 годов в среднем за год осуществлялось более 100 инфраструктурных проектов на условиях партнерства государственных органов и частного бизнеса в той или иной сфере. При этом, среднегодовой объем проектов, созданных в результате такого партнерства в указанный период, составил около 20,3 млрд. евро. При этом, структура использования подобных совместных проектов год от года стабильна среди ЕС – не переменным лидером является Великобритания, на втором месте также стабильно находится Франция, на третьем – Германия, а на четвертом и пятом, как правило,

Нидерланды и Польша соответственно. На данный момент Польша – единственная из стран бывшего социалистического лагеря, активно перенимавшая проектную методику совместного партнерства, и активно применяющая ее в собственных инфраструктурных проектах между частным бизнесом и институтами местного самоуправления [6. С. 59-65].

Количество методик и инструментов ЕС, направленных на расширение участия частного сектора в различных государственных экономических проектах любого уровня, на сегодняшний день только увеличивается. Так, например, Европейским парламентом была принята и утверждена программный документ под названием Cohesion Program Regulation (CPR), рассчитанный на период 2015-2030 г.г., ныне успешно действующий. Данная программа направлена на стандартизацию процесса экономического партнерства между государственными институтами и частным сектором, а также позволяет обращаться за со-финансированием самых масштабных проектов из единого бюджета ЕС. Такими проектами, согласно определению, прописанному в CPR, являются дороги общеевропейского значения, различные энергетические коммуникации (от энергосетей до нефте- и газопроводов) а также объекты телекоммуникации, поддерживающие и развивающие общеевропейское покрытие сети Интернет, телефонной и иных видов связи.

При этом, стоит особо отметить и главный принцип со-финансирования проектов, применяемых в большинстве случаев европейскими фондами, который выражается в определении «funding gap» (буквально с англ. «финансирование разрыва», в данном случае под разрывом понимается экономический термин «кассовый разрыв», описывающий ситуацию, когда участнику проекта нужно оплатить некоторые расходы на проект до того, как он получит гарантированную прибыль) [14. Р. 101]. В данном случае принцип «funding gap» используется для финансирования крупных инфраструктурных объектов до момента, когда они будут закончены или выйдут на плановую мощность, и тем самым смогут быть рентабельными самостоятельно, без необходимости как со стороны государственных органов, так и частного инвестора постоянно вкладывать в проект исключительно собственные средства. Стоит отметить, что подобный «funding gap» является очень частой проблемой в реализации проектов МЧП в России, но качественных инструментов его преодоления, кроме дополнительного кредитования, на данный момент найдено не было.

Также подобный принцип со-финансирования решает другую частую проблему функционирования МЧП, которая проявляется в российской повседневной практике – это проблема распределения ответственности и полномочий между двумя сторонами. При применении принципа со-финансирования появляется равноудаленная третья сторона, которая может при необходимости взять на себя функции независимого арбитра по отношению к двум основным участникам процесса, что позволяет решать

множество возникающих спорных ситуаций, которые в современной российской практике решаются либо административным давлением, либо преждевременным завершением проекта МЧП [4. С. 110-114]. Кроме того, при некоторых обстоятельствах, именно серьезная поддержка третьей независимой стороны в ряду случаев позволяет поддержать жизнеспособность проекта в случае если частный партнер финансово не может выполнять возложенные на него обязательства. Такой принцип позволяет как поддерживать проект до восстановления финансовой состоятельности частного партнера (если это объективно временное состояние), либо поддерживать проект в ситуации срочной замены и поиска другого частного партнера.

Таким образом, многообразие применения различных техник, инструментов и механизмов в процессе реализации методик государственно-частного и муниципально-частного партнерства, применяемого на сегодняшний день странами Европейского союза, представляется крайне актуальным для изучения и последующей адаптации с целью применения в российской повседневной экономической и политической практике развития МЧП.

Вместе с тем, Президент РФ В.В. Путин в своем Ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ 15 января 2020 г. особо подчеркнул необходимость увеличения роли местного самоуправления в рамках нового качества государственного управления и публичной власти в современной России в целом: «Считаю необходимым закрепить в Конституции принципы единой системы публичной власти, выстроить эффективное взаимодействие между государственными и муниципальными органами. При этом полномочия и реальные возможности местного самоуправления – самого близкого к людям уровня власти – могут и должны быть расширены и укреплены [1]. Безусловно, расширение и укрепление реальных полномочий органов местного самоуправления, а также эффективное взаимодействие между органами государственной и муниципальной власти будут способствовать усилению государственно-частного и муниципально-частного партнерства в реализации масштабных проектов, позволят начать новый этап во взаимоотношениях муниципальной власти и органов местного самоуправления с частным бизнесом в современной России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ежегодное Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ 15 января 2020 г. // <http://kremlin.ru>.
2. Европейская хартия местного самоуправления ETS № 122. Страсбург, 15 октября 1985 г. // <http://base.garant.ru/2540485/>
3. *Есин В.В.* Сферы применения муниципально-частного партнерства и государственно-муниципально-частного партнерства // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 9.

4. Жигляева А.В. Проблема неконтролируемого роста долга российских регионов и муниципальных образований // Вопросы науки РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2017. № 15.

5. Кабанова И.Е. Муниципально-частное партнерство: специфика, правовое регулирование, примеры и проблемы реализации // Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации: Изменение баланса интересов государственной власти и местного самоуправления / под ред. Е.С. Шугриной. М., 2017.

6. Криворотько Ю. Финансирование государственно-частного партнерства в странах Европейского Союза: новые подходы для стран ЕАЭС // Банкаускі веснік. 2017. № 4.

7. Липенков А.В. Исследование простоев маршрутных транспортных средств в ожидании дополнительных пассажиров на остановочных пунктах // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 2.

8. Министерство здравоохранения ФРГ // <https://www.bundesgesundheitsministerium.de>.

9. Обзор изменений законодательства за период с 01 декабря 2019 года по 15 января 2020 года Центра местного самоуправления Института управления и регионального развития РАНХиГС при Президенте РФ // <http://131fz.ranepa.ru/post/1368>.

10. Панова Т.В. Опыт развитых европейских стран в использовании форм и моделей ГЧП в здравоохранении // Экономика и управление народным хозяйством. 2015. № 10.

11. Устав городского округа «Город Улан-Удэ» (Приложение к решению Улан-Удэнского городского Совета депутатов от 25.04.2019 № 542-52) // <https://ulan-ude-eg.ru/upload/iblock/e8f/Ustav-goroda.pdf>.

12. Федеральный закон № 224-ФЗ от 13.07.2015 «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/

13. Федеральный закон от 27.12.2019 № 485-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон» «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» и Федеральный закон «О защите конкуренции» // Обзор изменений законодательства за период с 01 декабря 2019 года по 15 января 2020 года Центра местного самоуправления Института управления и регионального развития РАНХиГС при Президенте РФ // <http://131fz.ranepa.ru/post/1368>.

14. Rao P.K. Development finance. Heidelberg, Springer, 2003.

S.L. SERGEYEVA

*Candidate of Political Sciences,
associate professor of political science and
political management of School of political researches
of Institute of social sciences of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

P.V. GAPONOV

*Post-graduate student of political science
and political management department, School
of political researches of Institute of social sciences
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian
Federation, Moscow, Russia*

PRACTICE OF IMPLEMENTING PROJECTS BASED ON MUNICIPAL-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE EUROPEAN UNION: A COMPARATIVE ANALYSIS

Process of development of the municipal-private partnership experienced its “rebirth” after 2015, when significant changes were made to the relevant Russian federal legislation. The article analyzes the key problems in the implementation of municipal-private partnership projects, which arose after the above changes. Legislative changes give the possibility to start a new level, in the relationship of municipal authorities and local governments with private business. However, it is necessary to recognize that the pace of development this kind of process in Russia, remains fairly modest, given the huge and constantly growing debt burden on municipalities. Taking into account the fact that the current international political situation does not allow Russian economy to hope for any substantial amount of foreign investment in the regional Russian economy, it is necessary to further improve the partnership mechanisms between state authorities and the private sector. Proceeding from this, it seems important to analyze the experience of the development of the PPP mechanisms in the format of the European Union, which has more historical development experience in this field. This article analyzes the key mechanisms that EU countries use for more effective interaction and the development of joint infrastructure and other socially significant projects, as well as the management principles on which such projects are organized. It seems that some of these tools, especially the co-financing methodology, the principle of “funding gap”, that is, accounting and financing “cash gaps” as well as the

introduction of independent arbitration in the implementation of joint projects, are extremely relevant for should be carefully analyzed for the purpose of subsequent adaptation and introduction into Russian economic, legal and political practice.

Key words: *municipal-private partnership, MPP, public-private partnership, PPP, local government, European Charter of Local Self-Government, Cohesion Program Regulation, public-private partnership, PPP, funding gap.*

АНАЛИЗ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ В ПАРЛАМЕНТ ФИНЛЯНДИИ В ХОДЕ ЧЕТЫРЕХ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ЦИКЛОВ¹

Сегодня все большую популярность набирают исследования, анализирующие выборы в различных государствах и результаты их пространственного распределения, которые способны отразить социально-политические процессы с учетом территориального фактора. Это позволяет строить определенные прогнозы касательно политического курса страны в отношении других государств, например, соседей по границе, что является особенно актуальным для Российской Федерации. В статье проводится обзор системы выборов в парламент Финляндии и анализируются результаты последних четырех электоральных цикла с целью выявления результатов распределения голосов избирателя в зависимости от избирательного округа. Рассматриваются основные партии, участвующие в выборах за последние 4 года. В конце статьи приводятся итоги пространственного распределения результатов выборов в парламент по итогам выборов в 2007, 2011, 2015, 2019 гг. Можно сделать вывод о том, что для Финляндии свойственна средняя регионализация партийной системы с небольшими отклонениями, что позволяет достаточно четко проследить предпочтения избирателей, учитывая территориальный фактор.

Ключевые слова: Финляндия, парламент, выборы, пространственный анализ, электоральный цикл, региональное распределение.

В последнее время набирают интерес исследования, посвященные региональной специфике электоральных процессов. В фокусе отдельной дисциплины – электоральной географии – встает вопрос о том, как место

¹ Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10004 «Трансформации электорального поведения в регионах зарубежных стран, пограничных с Российской Федерацией: сравнительный пространственный анализ»).

жительства избирателя влияет на его политические предпочтения. Предполагается, что такие факторы, как, например, удаленность от столицы, близость к границе, экономико-географический профиль территории, его историческая память или культурный ландшафт оказывают прямое воздействие на ход и результаты выборных кампаний [4]. Опора на статистику выборов позволяет проводить исследования с использованием комбинации количественных и качественных методов, что усиливает аналитические и прогнозистические способности, позволяет выявлять неочевидные каузальные связи между предпочтениями избирателей и социально-политическими факторами, оказывающими на них воздействие и проецирующиеся во вне в виде определенных итогов голосования. Уже можно выделить отдельные исследования, анализирующие результаты парламентских и президентских выборов в локально-страновом контексте, которые способны отразить более фундаментальные процессы, происходящие в обществе [1; 3]. В продолжение данной традиции, статья фокусируется на динамике электоральных циклов соседней с Россией Финляндии, чтобы оценить, насколько региональные диспропорции являются значимыми для ее внутривыборной жизни.

Финляндия – страна с одной из наиболее развитых демократических систем в мире, что обеспечивается, в том числе, ее электоральной системой, гарантирующей открытое волеизъявление граждан, защиту гражданских прав и свободу СМИ [13]. Экспертная организация Freedom House подтверждает статус Финляндии как свободной демократии, присвоив в 2018 году ей рейтинг 1 из 7 возможных позиций [11].

Выборы в финский парламент «Эдускунта» – важнейшее событие в общественно-политической жизни Финляндии. «Эдускунта» занимает исключительное положение в системе государственной власти страны: издает законы, принимает решения по государственному бюджету, одобряет международные соглашения. Он олицетворяет волю финского народа, который избирает 200 его членов в ходе свободного голосования каждые 4 года. На парламентских выборах страна делится на выборные округа, в каждом из которых избирается определенное количество депутатов.

В Финляндии раньше других европейских стран было принято всеобщее избирательное право, позволяющее голосовать также женщинам (в 1906 г.) [6. С. 5]. Голосовать на выборах могут граждане Финляндии, которым исполнилось 18 лет. Право голоса имеют и граждане, проживающие за границей. Избирательная система Финляндии почти не изменилась с момента обретения страной независимости. Выборы в парламент проводятся в 15 многомандатных избирательных округах методом пропорционального представительства [11]. Для распределения мест в законодательном органе используется метод Д'Ондта, означающий, что граждане голосуют за общенациональные списки партий с дополнительным определением избирателем приоритетности кандидата из партийного списка. Количество депутатов от каждого округа определяется его населением [12].

Профессор С. Чернышов пишет, что подобное голосование за партию (или избирательный блок) и за конкретного кандидата подразумевает, «что каждому кандидату в депутат в списке для голосования присваивается номер, и избиратель отмечает в бюллетене не только партию, за которую он голосует, но и номер кандидата от этой партии, которому он отдает предпочтение. Таким образом, голос избирателя не только позволяет определять число полученных партией мест в парламенте, но и позволяет решать, кто в партийном списке становится депутатом, чтобы не создавать преимуществ для тех кандидатов, которые указаны в списках партий первыми» [8].

Характерные для Финляндии особенности распределения итогов голосования в парламент рассматриваются на примере четырех основных политических партий, занимающих ведущие позиции на протяжении нескольких электоральных циклов [10]:

1. Социал-демократическая партия (SDP). Основана в 1899 году в городе Турку как Рабочая партия Финляндии. Одна из крупнейших «левых» партий. «Ядро» ее электората составляют госслужащие и средний класс. Особое влияние данная партия имеет в южных индустриальных городах.

Свое название партия получила в 1903 году после съезда в городе Форса. В 1918 году партия возглавила Финляндскую революцию, сформировав революционное правительство в Хельсинки. СДП практически распалась после поражения в революции, но была реорганизована во главе с Вяйне Таннером (председатель партии в 1918-1926 гг., 1957-1963 гг.). Представители партии неоднократно занимали пост президента Финляндии: Мауно Койвисто (1982-1994), Марти Ахтисаари (1994-2000), Тарья Халонен (2000-2012). Целью социал-демократов является создание общества, основывающегося на свободе, равенстве и солидарности. Партию поддерживают более 40 тысяч ее членов, которые взаимодействуют в 65 подразделениях по сей стране. В 2007 году СДП получила 21,4% голосов и соответственно 45 мест. На парламентских выборах 2011 года партия набрала 19,1% и получила 42 места в парламенте. В период выборов 2015 года – 16,5% (35 мест), в 2019 – 17,7% (40 мест).

2. «Истинные финны» (PS). Относительно молодая партия, основанная в 1995 году в Хельсинки. Устав партии определяет ее основную цель – объединить на христианско-социальной основе группу населения, чьи интересы в социальной и экономической сферах и общественный статус не получили должного внимания со стороны государства.

С момента своего создания партия постепенно наращивала электоральный потенциал. Если на выборах в 2007 году она получила 4,1% голосов (всего 8 мест), то уже в 2011 году «Истинных финнов» поддержали 19,1% избирателей, что позволило получить 39 мест в парламенте. Итоги парламентских выборов в 2015 году оказались менее результативными (17,6% голосов), а число ее представителей в парламенте снизилось до 38 депутатов. Однако «Истинные финны» получили четыре министерских портфеля,

причем два из них ключевые – министерства обороны и министерства иностранных дел. Стоит также отметить, что лидер партии, Тимо Сойни, два раза принимал участие в выборах президента Финляндии. В 2006 году его поддержали 3,4% избирателей, в 2012 году – 9,4%. В 2017 году в партии произошел раскол, часть депутатов покинула парламентскую фракцию и основала новую организацию – «Новая альтернатива» – впоследствии изменившая название на «Синее будущее». Данная партия придерживается националистических и консервативных взглядов, выступает за снижение уровня налогообложения и контроль иммиграции. В результате выборов в апреле 2019 года «Истинные финны» получили 17,5% голосов и соответственно 39 мест в парламенте (3).

3. Национальная коалиционная партия Финляндии (КОК). Была основана в 1918 году в результате объединения Партии младофиннов (1894-1918) с Финской партией (1863-1918). Партия позиционируется как консервативная, представляет интересы предпринимателей и патриотов, популярна среди военных и в крупных городах. В начале 1920-х годов Коалиционная партия сосредоточилась на сопротивлении коммунизму и предотвращении распространения коммунистической идеологии. Необходимо отметить тот факт, что программа партии не раз обновлялась и реформировалась, впоследствии перейдя к динамическому консерватизму. Партия исповедует правоцентристский либеральный консерватизм, ее представители выступают за сохранение национальных традиций, языка и культуры Финляндии. основополагающие принципы – обеспечение школьного образования для всех, гендерное равенство, бережное отношение к окружающей среде.

В ходе выборов в 2007 и 2011 гг. партия была в числе лидеров, получив 22,3% и 20,4% голосов (50 и 44 места в парламенте) (3). Председатель партии Юрки Кааиянен в этот период стал премьер-министром Финляндии. В 2015 году Коалиционная партия получила гораздо меньше голосов, набрав только 18,1% голосов (38 мест). Однако кандидат от партии Саули Ниинисте был избран президентом Финляндии в 2012 году и переизбран в 2018 году. В 2019 году на выборах партии сохранила результаты предыдущего голосования, получив 17% голосов и 38 мест в парламенте.

4. Финляндский центр (KESK). Учреждена в 1906 г., до 1965 г. называлась Аграрный союз, а до 1998 года – Партия центра. В основе идеологии – центристский социальный либерализм. Партия насчитывает более 280 тыс. членов. С момента основания и до 1995 г. входила в состав правительства, после чего перешла в оппозицию. Выступает за активную экологическую политику и сохранение природных ресурсов, поддерживает сельское хозяйство и увеличение рабочих мест. «Ядро» партии – сельское население, представители малого и среднего предпринимательства. В 2007 г. заняла первое место с результатом в 23,1% (51 место в парламенте), в 2011 году – четвертое

место с 15,8% (35 мест). В 2015 году партии вновь удалось одержать победу (21,1%), получив 49 мест в законодательном органе. Однако в 2019 году Финляндский центр постигла неудача, партия набрала всего 13,8%, потеряв 8 мест по сравнению с предыдущими выборами (3).

Можно заключить, что предпочтения избирателей менялись на протяжении четырех электоральных циклов (табл. 1). Если в 2007 и 2015 гг. на первом месте была партия «Финляндский центр», то в 2011 г. – «Национальная коалиционная партия», в 2019 г. – Социал-демократическая партия. Любопытно, что в 2019 году голоса избирателей распределились практически поровну между тремя лидирующими партиями (SDP, PS и КОК).

Таблица 1

**Результаты парламентских выборов в Финляндии трех партий
в ходе четырех последних электоральных циклов (1)**

	2007	2011	2015	2019
Социал-демократическая партия Финляндии (СДП)	21,4% 45 мест	19,1% 42 места	16,5% 35 мест	17,7% 40 мест
Истинные финны	4,1% 8 мест	19,1% 39 мест	17,6% 38	17,5% 39
Национальная коалиционная партия	22,3% 50 мест	20,4% 44 места	18,1% 38 мест	17% 38 мест
Финляндский центр	23,1% 51 место	15,8% 35 мест	21,1% 49 мест	13,8% 31 место

Анализ регионального распределения результатов парламентских выборов за четыре электоральных цикла. По итогам выборов в 2007 г. «Национальная коалиция» заняла второе место, уступив меньше 1% партии «Финляндский центр». Анализ показывает, что за «Центр» регионы голосовали с четко выраженной региональной привязкой: по мере удаления к северу (Лапландия и Оулу) росла и поддержка партии (диапазон 33-43%, в зависимости от округа). «Национальная коалиционная партия» в южных регионах набрала от 23-30% голосов, в остальных от 11 до 20%. Социал-демократическая партия получила наибольшую поддержку (около 28% в среднем) в центральных регионах (Хяме, Сатакунта и Кюми). Результаты партии «Истинные финны» в 2007 году оказались скромными, партия получила не больше 6% голосов избирателей, что объясняется ее относительной новизной в партийном «ландшафте».

Далее проанализируем результаты выборов 2011 года. Подавляющее число сторонников «Национальной коалиционной партии» традиционно проживает на юге, поэтому наилучших результатов удалось добиться в южных регионах – Уусимаа (28,4%), Хельсинки (27,3%), Исконная Финляндия (23,0%). Весомый вклад в победу также добавили избиратели из Варсинайс-

**Региональное распределение результатов выборов
в парламент Финляндии в 2007 году (1)**

Регионы	ФЦ	СДП	НКП	Левый альянс	Зеленые	Христ. дем.	ШНП	ИФ
Helsinki	6,9	21,2	30,2	6,8	20,1	2,5	6,0	2,9
Uusimaa	12,4	20,2	28,7	6,7	10,9	4,1	9,5	6,0
Varsinais-Suomi	15,9	21,9	27,5	10,6	9,4	4,7	5,1	2,5
Satakunta	24,7	29,5	21,4	12,1	3,5	2,4		5,2
Häme	20,3	28,0	24,7	8,3	6,1	7,7		2,2
Pirkanmaa	16,3	23,8	25,1	9,6	8,7	6,2		4,9
Kymi	23,8	28,0	23,6	7,1	4,9	6,6		5,4
Etelä-Savo	37,4	27,6	18,9	1,7	7,0	3,6		3,2
Pohjois-Savo	35,8	19,5	17,1	11,2	4,0	8,1		3,4
North Karelia	35,7	31,5	11,8	2,6	11,7	3,1		2,8
Vaasa	32,5	12,7	14,1	4,7	1,5	7,0	20,6	6,0
Central Finland	33,2	24,5	14,8	7,4	6,9	7,9		2,6
Oulu	43,2	12,8	14,0	16,1	6,1	3,2		3,5
Lapland	43,1	15,1	11,9	23,1	3,2	1,0		1,8

Суоми, Хяме и Пирканмаа. В северных же регионах вроде Северной Карелии (10,5%), Оулу (11,9%), Лапландии (12,5%) партия не получила серьезной поддержки.

Социал-демократы снова показали лучшие результаты в центральных округах: Северной Карелии (26,4%), в Кюми, Сатакунте, Хяме – партия получила по 24% голосов избирателей. «Северная группа» округов (Оулу, Лапландия, Вааса) осталась за «Финляндским центром».

«Истинные финны» продемонстрировали на этих выборах сенсационный результат, увеличив количество голосов на 15% и заняв третье место. Более 23% голосов за националистов отдали в регионах Сатакунта, Кюми и Северной Карелии, которые на прошлых выборах отдали предпочтения «ФЦ» и «СДП». Еще в шести округах – более 20%. Только урбанизированный, «богатый», юг и шведско-говорящий запад проголосовали несколько сдержаннее: Хельсинки – 12,9%, Вааса – 17%. Некоторые эксперты полагают, что подобный «прорыв» является скорее единичным случаем, поскольку националистам удалось удачно сыграть на общественных настроениях, однако, это не приведет к значительному расширению электоральной базы [2].

**Региональное распределение результатов выборов
в парламент Финляндии в 2011 году (1)**

Регионы	НКП	СДП	ИФ	ФЦ	Левый альянс	Зеленые	ШНП	Христ. Демокр.
Helsinki	27,3	17,5	12,9	4,5	10,4	16,7	5,8	2,4
Uusimaa	28,4	19,3	18,8	6,4	5,1	9,1	8,3	2,8
Varsinais-Suomi	23,0	19,6	18,1	11,6	9,6	7,3	5,5	2,9
Satakunta	17,6	24,0	23,7	16,1	10,9	3,8		3,4
Hame	22,4	24,1	20,6	13,2	6,9	4,5		6,8
Pirkanmaa	22,3	21,6	21,1	10,4	8,3	8,3		5,0
Kymi	17,9	24,6	23,3	16,8	5,7	4,2		6,6
South Savo	14,1	24,0	20,5	26,8	2,2	7,1		4,5
North Savo	16,4	18,3	20,8	25,4	8,4	5,5		3,9
North Karelia	10,5	26,4	23,1	26,2	4,2	5,4		2,8
Vaasa	14,1	14,0	17,2	22,7	3,7	1,4	19,4	6,6
Central Finland	15,0	21,2	18,1	21,9	9,0	6,5		6,4
Oulu	11,9	11,0	20,2	33,4	14,5	4,9		2,7
Lapland	12,5	11,8	20,5	32,2	16,7	3,4		1,6

По результатам выборов в 2011 г. победителем стала Национальная коалиционная партия. Наиболее высокую явку показал столичный регион, Хельсинки (70,54%), в то время как самая низкая наблюдалась на отдаленных территориях – Аландских островах и в Лапландии. Явка на парламентских выборах в автономии обычно значительно ниже общестрановой, на прошедших выборах была зарегистрирована на уровне 41,18%, однако в 2007 г. – 45,86%. Очевидно, что в юго-западной части страны электоральная активность выше, чем в северо-восточной. Урбанизированные западные территории отличаются значительно большей плотностью населения, концентрацией промышленных предприятий, научных центров, университетов. Как следствие, их социально-экономические показатели жизни выше, чем на востоке, что вероятно влияет и на гражданскую активность.

Перейдем к анализу результатов выборов 2015 года. Партия «Центра» традиционно достигла наилучших результатов в северных и северо-восточных регионах (42% в Оулу и Лапландии, 32,5% в Северной Карелии), получив наименьшую поддержку в южных регионах (например, всего 7,2% в Хельсинки). Результаты выборов в отношении «Истинных финнов» распределились практически равномерно, только в Сатакунте за партию про-

**Региональное распределение результатов выборов
в парламент Финляндии в 2015 году (1)**

Регионы	Христ. Демокр.	ФЦ	Зеленые	Левый альянс	НКП	СДП	ШНП	ИФ
Helsinki	1,8	7,2	18,8	9,8	26	15,5	6,8	11,3
Uusimaa	2,6	11,5	10,0	4,4	24,0	16,6	10,2	18,0
Varsinais-Suomi	2,4	16,2	8,7	10,3	21,0	15,5	5,0	19,3
Satakunta	2,9	20,6	2,7	9,6	15,0	22,6	0,3	25,0
Häme	6,1	17,8	5,1	6,0	21,5	22,1		19,5
Pirkanmaa	4,9	16,6	10,3	7,8	19,7	19,5		17,8
Kaakkois-Suomi	4,5	25,2	6,4	3,0	15,9	22,2	0,3	21,1
North Karelia	6,3	32,5	6,7	5,9	11,5	16,0		19,7
Vaasa	5,7	27,4	2,5	2,9	11,9	11,8	20,7	15,9
Keski-Suomi	4,4	26,9	9,0	6,7	13,1	19,0		19,3
Oulu	1,1	42,7	6,2	11,8	10,9	9,0	0,6	16,2
Lappi	1,1	42,9	2,6	13,7	10,1	10,8	0,5	16,5

голосовали 25% избирателей, что является максимальным результатом. Партии не удалось развить успеха ни в северных округах (потери в более чем в 15% поддержки в Лапландии и Оулу), ни в центральных (например, в Хяме, Пирканмаа). Наибольшую долю голосов «НКП» вновь получила в южной части страны: в Хельсинках, Уусимаа, Варсинайс-Суоми. Максимальный результата социал-демократической партии также зафиксирован в стабильно их поддерживающих Сатакунте и Хяме с показателем 22,6%.

Можно отметить, что отличительной чертой парламентских выборов 2015 года является тот факт, что ни одна партия в итоговом подсчете не набрала более 20% голосов, хотя явка избирателей была 72%, что является одним из самых высоких показателей за предыдущие годы.

В заключении рассмотрим парламентские выборы 2019 года. Наибольшее число голосов (17,7%) и мандатов получила «Социал-демократическая партия», «НКП» и «ИФ» получили примерно одинаковые результаты, 17,0% и 17,5% соответственно. Партия «Финляндский центр» набрала всего 13,8%, потеряв 18 мандатов, что является худшим результатом за 100 лет [10]. Как пишет Н. Плевако, парламентские выборы 2019 г. демонстрируют «политическую фрагментацию» страны, так как ни одна из партий не набрала больше 20%, что ставит вопрос о достижении договоренностей между партиями для формирования общего курса действий [7].

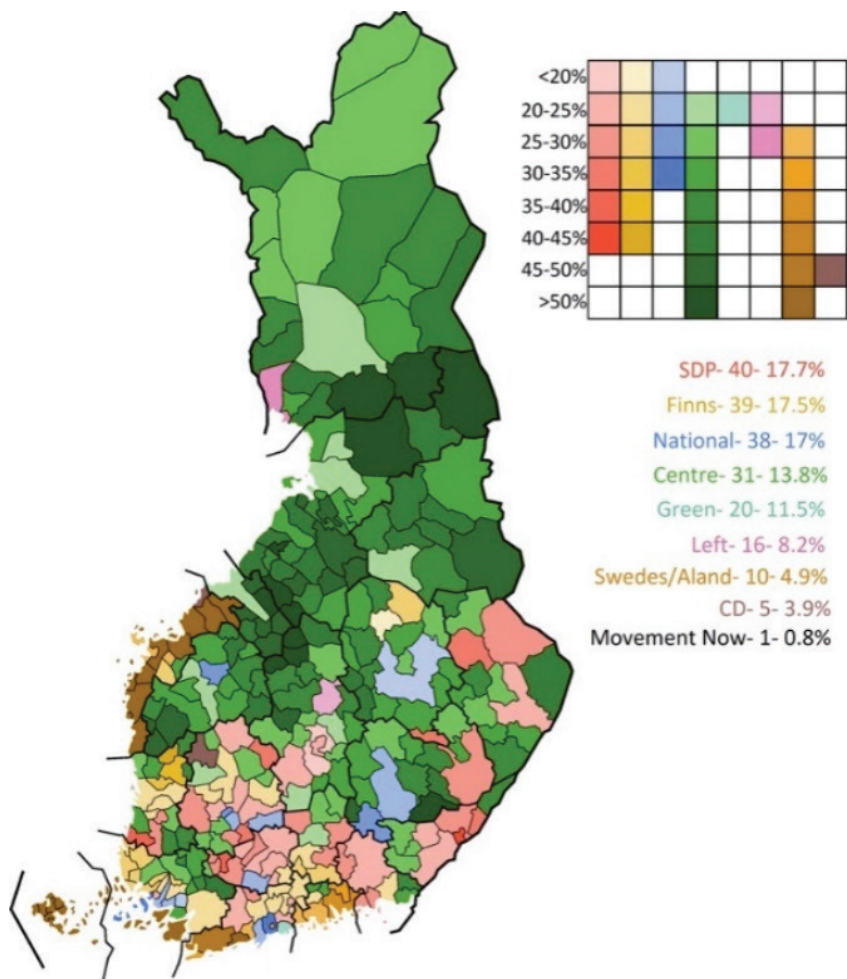

Рисунок 1. Региональное распределение результатов выборов в парламент Финляндии в 2019 году (2)

Говоря о пространственном распределении результатов голосования, то можно отметить, что оно вновь схоже с предыдущими исходами: северные регионы снова проголосовали за «Финляндский центр», а «Юг», напротив, отдал предпочтение социал-демократической партии.

Приведенный обзор показывает, что в распределении результатов парламентских выборов в Финляндии на протяжении четырех электоральных циклов прослеживается довольно определенная приверженность в выборе партий, в зависимости от территориального положения региона.

Подобная тенденция прослеживается на протяжении всех четырех рассматриваемых электоральных циклов. Север, например, регионы Лапландия и Оулу традиционно поддерживают «ФЦ», где она стабильно получала от 30 до 40% голосов избирателей на протяжении четырех электоральных циклов. Южные же регионы (Хельсинки, Уусимаа, Варсинайс-Суоми) сохраняют тенденцию и выражают максимальную поддержку «НКП» или «СДП».

Можно сделать вывод о том, что для Финляндии свойственна средняя регионализация партийной системы с небольшими отклонениями, что позволяет достаточно четко прослеживать предпочтения избирателей, учитывая территориальный фактор. Несмотря на определенные неожиданности, которые могут проявиться в ходе выборов, как например, результаты партии «Истинные финны» в 2011 г., подобные изменения являются скорее исключениями, зависимыми от текущей социально-политической конъюнктуры, а не от фундаментальных условий вроде территориальной принадлежности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Составлено автором на основании данных новостного мониторинга и электоральной статистики // https://www.stat.fi/til/vaa_en.html.

(2) Electoral geography // <https://www.electoralgeography.com/new/ru/countries/f/finland/finlyandiya-parlamentskie-vybory.html>.

(3) Parliamentary elections. Statistics Finland // https://www.stat.fi/til/vaa_en.html

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Виноградов В.В.* Украинская дихотомия: Запад и Восток в электоральных циклах // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. № 3 (29).

2. *Карпов А.В.* Методы пропорционального представительства: особенности представления в терминах рационального выбора / Сборник трудов четвертой международной конференции по проблемам управления. М.: ИПУ РАН, 2009.

3. *Окунев И.Ю., Журнова Л.* Этнический раскол в электоральном поведении Латвии // Observer. 2019. № 11 (358).

4. *Окунев И.Ю.* Основы пространственного анализа: монография / И.Ю. Окунев. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020.

5. *Павликова М.М., Кряжева О.Л.* Парламентские и президентские выборы в Финляндии: динамика развития медиатизированной публичной сферы // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 6 (21).

6. Партии, лидирующие на парламентских выборах в Финляндии // РИА Новости. 2019 // <https://ria.ru/20190415/1552696723.html>

7. *Плевако Н.* Парламентские выборы Финляндии 2019 // Научно-аналитический Вестник ИЕ РАН. 2019. № 4 // <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2019/an162.pdf>

8. Чернышов С.И. Партийная система Финляндии // Вопросы политологии. 2012. № 2 (6).

9. Freedom in the World 2018 // <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2018/finland>

10. Jääskeläinen A. Finnish election system: overview. Publication of the Ministry of Justice. 2010.

11. Parliamentary elections in Finland in 2019. Statistics Finland // http://www.stat.fi/til/evaa/2019/evaa_2019_2019-04-24_tie_001_en.html

12. Parliamentary elections in Finland. Office for Democratic Institutions and Human Rights. 2011 // <https://www.osce.org/odihr/81121?download=true>.

13. Schoultz A.V. Electoral systems in context: Finland, The Oxford Handbook of Electoral Systems, Oxford University Press, 2018.

A.S. TETERYUK

*Lecturer at Political Science Department,
Researcher at Center for Spatial Analysis in
International Relations, Moscow State Institute
of International Relations of the Ministry,
of Foreign Affairs, Moscow, Russia*

ANALYSIS OF THE REGIONAL DISTRIBUTION IN THE PARLIAMENT OF FINLAND IN THE FOUR ELECTORAL CYCLES

Nowadays, studies on elections in different states and analysis of their spatial distribution, which can reflect socio-political processes, taking into account the territorial factor, are gaining popularity. This allows to build certain forecasts about the political course of a given country towards other states, including neighboring states, which is particularly relevant for the Russian Federation. The article reviews the system of elections to the Parliament of Finland and analyses the results of the last four elections cycles to determine the results of the distribution of votes depending on the electoral district. The article reviews the particularities of the electoral system of the Parliament of Finland. The main parties participating in the parliamentary elections over the last 4 years are considered. At the end of the article the results of regional distribution of results of elections to the Parliament of Finland during electoral cycles in 2007, 2011, 2015 and 2019. Based on the results, one may conclude that Finland is characterized by moderate regionalization of the party system with little deviation, which allows to rather precisely consider the preferences of the electorate, considering the territorial factor.

Key words: Finland, Parliament, elections, spatial analysis, electoral cycle, regional distribution.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: МЕЖДУ РОССИЕЙ И США

В статье рассматриваются проблемы энергетической политики Европейского Союза в контексте усиления энергетического диалога с США и противоречивых отношений с Россией. Несмотря на разногласия – ЕС и США имеют сильные стимулы для совместной работы, которые позволяют расширять энергетическое сотрудничество в реализации программ возобновляемых источников энергии. Расширение диверсификации поставок, экспорт сжиженного газа в Европу, энергоэффективность стали главным компонентами американской внешней политики и энергетической безопасности ЕС. Реализация этих проектов ведет к столкновениям интересов России на европейских рынках, которая в ближайшее время будет иметь сильную конкуренцию со стороны экспортного газа из США и увеличения объемов энергии из возобновляемых источников энергии в странах ЕС.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, газ, нефть, возобновляемая энергия, энергетическая политика ЕС, США, Россия.

Укрепление энергетического сотрудничества ЕС с США. Несмотря на долгие десятилетия экономических связей после окончания Второй мировой войны, организационно-правовом плане отношения США и ЕС были формализованы лишь в 1990 г. после подписания Трансатлантической декларации. Стороны договорились о проведении регулярных политических консультаций и встреч на высшем уровне, выразили намерение развивать сотрудничество в области экономики, образования, науки и культуры, а также объединить усилия в борьбе с транснациональными вызовами – терроризмом, распространением наркотиков, международной организованной преступностью, загрязнением окружающей среды, распространением ядерного, химического и бактериологического оружия и ракетных технологий [17].

В последующие 20 лет США и ЕС предпринимали усилия по развитию и дальнейшему укреплению своих отношений в военной, политической и экономической сферах как на двусторонней основе, так и по линии НАТО.

В апреле 2007 г. на саммите в Вашингтоне была одобрена Декларация об основных направлениях усиления экономической интеграции. На основе этого документа был создан Трансатлантический экономический совет (Transatlantic Economic Council – ТЕС), который должен развивать сотрудничество в сферах регулирования торговли, защиты прав интеллектуальной собственности, обеспечения стандартов безопасности производства и поставок экспортных товаров, регулирования финансовых рынков, поддержки инноваций и передовых технологий, регулирования и стимулирования инвестиций [8].

С 2013 г. в результате слияния Трансатлантического делового диалога и Европейско-американского делового совета начал работу *Трансатлантический деловой совет (ТАВС)* – межотраслевая бизнес-ассоциация, представляющая компании со штаб-квартирой в ЕС и США, которая выступает в качестве основного делового партнера как в правительстве США, так и в институтах ЕС по вопросам, затрагивающим трансатлантическую экономику [18].

Сегодня трансатлантическое партнерство сталкивается с растущими проблемами, включая рост национализма и экономического популизма, которые угрожают либерально-демократическим принципам, рыночной интеграции и международным торговым соглашениям, созданным под руководством ЕС и США за последние 70 лет. Сама глобализация подвергается сомнению по обе стороны Атлантики, так же, как и свободный обмен данными через границы, который имеет основополагающее значение для глобальной торговли. Устойчивое трансатлантическое лидерство, в том числе со стороны деловых кругов, имеет первостепенное значение для решения этих проблем и укрепления общих западных принципов.

Будучи неотъемлемыми участниками трансатлантической экономики и ее местных сообществ, компании ЕС и США играют важную роль в глобальной экономике. ТАВС существует для продвижения и усиления трансатлантической экономической интеграции и укрепления политических связей между ЕС и США, одновременно усиливая роль бизнеса как основной заинтересованной стороны в различных ЕС-США официальных диалогах. ТАВС предоставляет единственную платформу для совместной работы европейских и американских компаний по улучшению трансатлантического сотрудничества в таких областях, как ИТ, энергетика, исследования, инновации, интеллектуальная собственность, путем разработки и пропаганды конструктивных рекомендаций и трансатлантических решений.

Позиции США и Европы в области энергетики и безопасности, на первый взгляд, находятся на противоположных траекториях. Европа сталкивается с рядом новых серьезных угроз безопасности вдоль дуги нестабильности на своей периферии: от Северной Африки до Ближнего Востока и до охлаждения отношений с Россией. Тем временем Соединенные Штаты

значительно сократили импорт нефти, стали чистым экспортером природного газа и в целом уже стали экспортером энергии.

По мере развития энергетических рынков и приоритетов внешней политики в Соединенных Штатах и ЕС меняется и ландшафт для расширения сотрудничества на стыке энергетики и безопасности. Американские и европейские эксперты совместно обсуждают вопросы энергетики и безопасности, и определяют недостаточно используемые инструменты и механизмы для управления новыми вызовами в трансатлантическом контексте.

Энергетика является ключевым вопросом в отношениях между ЕС и США. В 2009 г. был создан *Энергетический совет ЕС-США* – двусторонняя встреча на высоком уровне для обсуждения общих энергетических проблем и перспектив их решения. Энергетический совет проводит ежегодные встречи, в рамках которого созданы рабочие группы для изучения конкретных аспектов энергетических отношений. Ни США, ни ЕС не имеют сопоставимого формата двусторонних энергетических отношений с другими странами. Энергетический совет является форумом для регулярного диалога, и к настоящему времени в его работе участвуют представители очень высокого уровня с целью реализации и административной координации и контроля за выполнением согласованных совместных целей.

Цели Совета направлены на решение следующих основных задач: укрепление будущего двустороннего сотрудничества США и ЕС в энергетической сфере, определение стратегических приоритетов, энергетическая безопасность, инвестиции в критически важные инфраструктуры, смягчение последствий изменения климата, энергоэффективность, продвижение возобновляемой энергии, содействие сотрудничеству в области энергетических исследований и технологий, продвижения государственных и частных инвестиций в исследования в области энергетики, поощрение более глубокого сотрудничества через международные структуры, такие как министерство чистой энергии, и дальнейшее продвижение к заключению Соглашения об экологических товарах на уровне ВТО.

Глобальный энергетический диалог ЕС и США включает в себя множество пересекающихся многосторонних форумов, в области энергетики: Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), Международное энергетическое агентство (МЭА), ядерное агентство ОЭСР, Международное агентство по возобновляемым источникам энергии (IRENA), основанное в 2011 г., Международный энергетический форум, Министерство чистой энергии (СЕМ) – глобальный форум, основанный в 2009 г. для продвижения политики и обмена передовым опытом для ускорения глобального перехода к чистой энергии, G20, в рамках которого работает двустороннее сотрудничество между ЕС и США.

Независимо от решения администрации Трампа выйти из Парижского климатического соглашения, климатическая повестка дня для мирово-

го сообщества никуда не уходит. Европа хочет, чтобы Соединенные Штаты как можно больше интересовались климатом, и не в интересах США быть изолированными в этом вопросе. Несмотря на разногласия по обе стороны – США и ЕС имеют сильные стимулы для совместной работы, которая позволит продолжить движение вперед в деле привлечения глобального капитала. Энергетическое сотрудничество между ЕС и США имеет свою историю. В то же время есть много проблем.

Цели и задачи энергетической стратегии Европейского Союза. Хотя Европейский Союз издавал законы в области энергетической политики в течение многих лет, концепция введения обязательной и всеобъемлющей энергетической политики Европейского союза была утверждена только в 2005 г. Лиссабонский договор ЕС 2007 г. юридически включает солидарность в вопросах энергоснабжения и изменения в энергетической политике внутри ЕС. До Лиссабонского договора энергетическое законодательство ЕС основывалось на авторитете ЕС в области общего рынка и окружающей среды. Однако на практике многие компетенции в области политики в отношении энергетики остаются на уровне государств-членов, а прогресс в политике на европейском уровне требует добровольного сотрудничества государств-членов.

В 2009 г. Совет ЕС и Европарламент приняли ряд законодательных актов («Третий энергопакет»), которые предусматривают ограничения для крупных поставщиков и право владения и управления энерготранспортными сетями со стороны. Таким образом, ЕС стремится разделить продажу и транспортировку энергетических ресурсов, что мнению руководителей Европейской Комиссии, позволит повысить конкуренцию и снизить цены на энергию в первую очередь на нефть и газ.

В 2015 г. Европейской комиссией по координации трансформации энергоснабжения Европы. Была принята Стратегия Энергетического союза с целью обеспечения безопасной, устойчивой, конкурентоспособной и доступной энергии [4]. Энергетический союз стал крупнейшим энергетическим проектом со времен создания Европейского сообщества угля и стали, при этом энергетическая зависимость ЕС от России, также присоединение Крыма к Россией были названы вескими причинами важности создания Энергетического союза.

ЕС привержен созданию Энергетического союза с перспективной климатической политикой на основе рамочной стратегии Комиссии, имеющей пять приоритетных аспектов: 1) энергетическая безопасность, солидарность и доверие; 2) полностью интегрированный европейский энергетический рынок; 3) энергоэффективность, способствующая снижению спроса; 4) декарбонизация экономики; 5) исследования, инновации и конкурентоспособность [3].

Стратегия включает ряд целевых показателей, которые, как надеется Комиссия, окажут понижающее давление на цены на энергоносители,

уменьшат необходимость в строительстве новых электростанций, снизят риск отключений или других видов электричества и нестабильность энергосистемы, повысят надежность поставок возобновляемой энергии и стимулирование интеграции на рынке [2].

Государства-члены ЕС согласились в 2018 г. инвестировать: 873 млн евро в инфраструктуру чистой энергии; 578 млн. евро на строительство соединения Бискайского залива между Францией и Испанией, прибрежного участка длиной 280 км и французского подземного участка; 70 млн. евро на строительство «SüdOstLink», 580 км высоковольтных кабелей, проложенных полностью под землей для создания необходимой связи электропередачи между ветровой энергией, производимой на севере, и центрами потребления на юге Германии; 101 млн. евро для проекта «Cyrus Gas2EU» по поставке природного газа на Кипр [15].

В 2007 г. ЕС вступил на грандиозный путь к преобразованию энергии. Союз хочет радикально сократить выбросы CO₂, в первую очередь, заменив ископаемое топливо чистой энергией. В 2017 г. общее потребление первичной энергии в ЕС по видам топлива (энергобаланс) составило: нефть – 38%, уголь – 14%, природный газ – 24%, ядерная энергия – 11%, гидро 4%, возобновляемые источники энергии – 9%. На конец 2020 г. страны ЕС планируют сокращение выбросов парниковых газов на 20% от уровня 1990, 20% энергии получать из возобновляемых источников, и на 20% улучшить энергоэффективность использования традиционных видов энергии [20].

Но не следует недооценивать давление на экономику экспортеров нефти и газа. Помимо изменения климата, основной причиной стремления Европы к новым источникам энергии является простой экономический аргумент: ЕС тратит около \$445 млрд. в год на импорт энергоресурсов [5]. Замена нефти и газа солнечными, ветровыми или какими-то новыми возобновляемыми источниками энергии имеют экономический и социальный смысл. Поэтому тенденция к диверсификации от использования ископаемого топлива вряд ли изменится. Это может оказать влияние на экономику и политику стран, которые сильно зависят от экспорта нефти и газа. К ним относится Алжир, который получает 98% своего дохода от энергетики, Россия (75%) и Саудовская Аравия и другие страны Персидского залива (более 80%) [10].

Одним из распространенных аргументов скептиков заключается в том, что даже если Европа откажется от нефти и газа, другие страны будут продолжать нуждаться в этих ресурсах. Но если ЕС найдет экономически и экологически приемлемый способ замены ископаемого топлива, Китай, Индия и другие крупные импортеры нефти и газа последуют этому примеру. По-прежнему будет существовать некоторый спрос на нефть и газ для химической, нефтехимической и фармацевтической промышленности, но он будет намного ниже нынешних уровней, и поэтому цены упадут.

Поскольку не все страны-производители будут затронуты одинаково, то вероятно, потребуется детальная, специфичная для каждой страны по-

литика и анализ для каждого государства, чтобы опередить возможные риски. Тем не менее, можно предположить, что ни один экспортер не захочет потерять доход. В 2018 г. Саудовская Аравия, Россия, Ирак, Объединенные Арабские Эмираты, Иран и Кувейт получили более \$50 миллиардов доходов от экспорта нефти [19].

Энергетическая политика ЕС по отношению к России. С тех пор, как Россия перекрыла газ, проходящий через Украину в 2006 и 2009 гг., энергетическая безопасность была в центре внимания Европейского Союза и стран-членов НАТО. Два фактора усиливают интерес ЕС и НАТО к энергетической политике. Во-первых, Россия укрепляет свои позиции в качестве основного поставщика энергии, что создает риск для сплоченности союзников и энергетической безопасности государств-членов. Второе – это то, что ЕС трансформируется в низко углеродную экономику, которая может оказать дестабилизирующее воздействие на государства, экономики и общества на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Россия выступает в качестве стандартного игрока на рынке ликвидной и конкурентной энергии, имеет 40,6% доли импорта природного газа в ЕС и является самым дешевым поставщиком, поэтому у покупателей мало стимулов заменить его другим источником [1].

У России есть несколько структурных причин, чтобы и дальше расширять своих энергетические позиции в Европе, максимизировать продажи энергоресурсов за рубежом и использовать эти доходы для субсидирования внутреннего потребления. Поэтому для НАТО нереально ожидать, что она сможет изменить подход России.

Европейская комиссия, исполнительная власть ЕС, хотят расследовать такие случаи, привлекать к ответственности лиц, злоупотребляющих рыночной властью, и искать средства правовой защиты. Однако ЕС не всегда применяет свои рыночные правила единообразно [9]. В 2018 г. комиссия приняла обязательные для Газпрома обязательства, а не налагала штраф на российского энергетического гиганта за поведение, которое явно дискриминировало Центральную Европу в пользу Германии [16].

Европейские политики исходят из того, что рыночный подход ЕС и прозрачность служат надежной защитой, особенно для небольших и более восприимчивых государств-членов для реализации своей энергетической безопасности и если будут соблюдаться рыночные правила и урезана исключительность Германии и Франции, экономики более мелких европейских союзников будут более устойчивы новым изменениям.

Союзники пытаются воздерживаться (хотя и не всегда это получается) от применения агрессивных экономических мер, таких как карательные тарифы, друг против друга, т.е. это подрывает политическую сплоченность. Такие меры подавляют экономический рост, ослабляют взаимное доверие и снижают желание союзников покупать сжиженный природный газ в США,

что, по их мнению, приведет к диверсификации их источников и укреплению их энергетической безопасности.

Понимание экономики и политических систем экспортеров нефти и газа имеет важное значение, поскольку это может помочь избежать стратегических сюрпризов в будущем. Распад государства, подобный тому, который наблюдается в Ливии, может произойти в других нефтедобывающих странах Северной Африки и на Ближнем Востоке, если доходы от экспорта энергии существенно сократятся.

Одним из важных факторов в мировой торговле газом является быстрое развитие торговли *сжиженным природным газом (СПГ)*, сектор, в котором администрация Трампа имеет большие амбиции. Некоторые эксперты высказывают предположение, что экспорт СПГ идет на смену газопроводам, другие утверждают, что развитие экспорта СПГ приведет к тому, что мировые рынки газа неизбежно станут более изменчивыми, более контролируемые рыночными соображениями, а не энергетической политикой.

На практике между ЕС и США состоялись дискуссии с целью планирования увеличения импорта американского СПГ в Европу. Соединенные Штаты увеличивают свои мощности по сжижению и одновременно расширяют свои экспортные терминалы СПГ. Со своей стороны, ЕС расширяет свою инфраструктуру СПГ, чтобы диверсифицировать свой импорт газа в сотрудничестве с США, и поэтому создает терминалы СПГ вблизи крупнейшие европейские рынки [6]. Эти события были подвергнуты критике со стороны генерального директор Роснефти И. Сечиным: «Ряд комментаторов любят обвинять Россию в использовании энергии в качестве политического инструмента, но, бесспорно, реальность сегодня является то, что Соединенные Штаты Америки использует энергию в качестве политического оружия в массовом масштабе. Санкции или даже угроза их введения оказывают разрушительное воздействие на экосистему глобального энергетического рынка» [13].

Очевидно, то в ближайшие 3-5 лет расширение поставок СПГ в страны-члены ЕС остается одной из приоритетных областей развития европейского энергетического рынка в рамках реализаций целей Энергетического союза. Основными аргументами для расширения европейского рынка СПГ являются: возможность снижения зависимости от российского газа и использования угля; мировой рынок СПГ обеспечивает гибкие и диверсифицированные поставки; конкуренция между поставщиками способствует формированию благоприятных для европейского рынка цен на СПГ.

По данным чешской консалтинговой компании «EGU Brno», Европейский рынок природного газа по состоянию на 2019 г. составляет 212 млрд. куб м.; к 2025 г. ожидается расширение рынка до 250 млрд.; и до 345 млрд. куб м. – к 2040 г., из которых до 125 млрд. куб м. можно импортировать из источников ограниченного производства или транспортировки (Норвегия, Алжир, Азербайджан, Восточное Средиземноморье), а оставшиеся по-

требности – до 220 млрд. куб. будут покрыты за счет поставок российского газа или СПГ.

Таким образом, в настоящее время поставки СПГ на европейский рынок рассматриваются как единственная реальная возможность снизить растущую зависимость от стратегического импорта сырья от поставщика с доминирующим положением на рынке России. Кроме того, поставки СПГ на европейский рынок в настоящее время конкурентоспособны с другими внешними источниками природного газа и США предпринимают дополнительные усилия, чтобы расширить экспорт сланцевой нефти и сжиженного газа [11].

Европейская индустрия СПГ может эффективно поставлять энергию в инфраструктуру подземных хранилищ природного газа, которые являются важным элементом обеспечения надежного и безопасного энергоснабжения в соответствии с требованиями Энергетического союза и степенью его наполнения. Роль важного игрока на европейском рынке СПГ требует Польша, которая, в соответствии с соглашениями, заключенными с США, Великобританией и Катаром, к 2024 г. сможет импортировать 12,07 млрд. куб. природного газа. Польша претендует на роль газового хаба, объединяющего газовые рынки Западной Европы и Восточной Европы в рамках проекта газового коридора ЕС-Север-Юг.

Общий объем импорта СПГ в Польшу начнет превышать потребности внутреннего потребления природного газа в 2024 г., что позволит стране стать экспортером этой энергии в соседние страны Восточной Европы.

Другим важным фактором является экономика России, бюджет которой которая в значительной степени основан на доходах от экспорта углеводородных ресурсов. По оценкам Я. Всемирным банком, экспорт нефти и газа составил 59% от общего объема экспорта по стоимости в 2018 г. В 2018 г. Европейский парламент утверждал, что отсутствие инноваций в энергетическом секторе стало более заметным: Газпром и Роснефть в 2016 г. на исследования и разработки было выделено 0,095% и 0,02% их оборота [14].

При этом Россия зависит от западных партнеров в области передачи технологий, что контрпродуктивно, поскольку из-за санкций ЕС и США пришлось отказаться от перспективных проектов. Абсолютный приоритет, придаваемый энергетическому сектору, по сравнению с политикой диверсификации экономики, может рассматриваться как дополнительный риск, потому что он приводит к «одномерной экономике, основанной на том, что исходит из земли, а не из головы людей» [7].

Сегодня перед Россией остро стоит вопрос о диверсификации реальной экономики, а не продолжение нынешней зависимости от энергетической отрасли, но его решение повлечет за собой другие типы вызовов, поскольку российские государственные институты, контролирующие энергетический сектор, гораздо более мощные, чем средства контроля над экономикой в целом. Исследование, опубликованное Московским Центром Карнеги 22,

иллюстрирует этот факт: «Достижение диверсификации экономики в странах зависимых от экспорта нефти является серьезной проблемой. [...] Успех или провал стратегии диверсификации зависит, прежде всего, от реализации соответствующей экономической политики. Но большинство правительств консервативны: даже в условиях падения цен на нефть правительству, имеющему доступ к природным ресурсам, обычно удается сохранить структуру экономики без каких-либо социальных потрясений» [12].

В более общем плане энергетическая политика России будет подвергаться различным вызовам в среднесрочной перспективе: глобальный сдвиг в сторону СПГ как средства торговли газом во всем мире; требование модернизировать российскую инфраструктуру для поддержания энергетической конкурентоспособности; явная необходимость отойти от одномерной экономики; и необходимость обратиться к возобновляемым источникам энергии. Энергетическая политика России, вероятно, останется важнейшим компонентом присутствия страны на мировой арене, но она должна продолжать развиваться в ответ на быстро меняющиеся условия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. A Global Review of Price Formation Mechanisms 2005 to 2017," World Gas Conference. June 2018 // https://www.igu.org/sites/default/files/node-document-field_file/IGU_Wholesale%20Gas%20Price%20Survey%202018%20Final.pdf

2. Energy Union Factsheet. European Commission // https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_15_4485

3. Energy Union Package. Brussels, 25.2.2015 COM (2015) 82 final // https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:a5bfdc21-bdd7-11e4-bbe1-01aa75ed71a1.0003.01/DOC_1&format=PDF

4. European Council Conclusions on the Energy Union. 19 March 2015 // <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2015/03/19/conclusions-energy-european-council-march-2015/>

5. EU Should Work on Becoming a Single Gas Buyer – Sefcovic // Reuters. November 17, 2014 // <https://af.reuters.com/article/commoditiesNews/idAFL6N0T71YO20141117>

6. EU-US LNG Trade. European Commission. Energy. 19 November 2019 // https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/eu-us_lng_trade_folder.pdf

7. Fallows J. Bill Burns: «Chaos serves Putin's Interest» // The Atlantic. 09.03.2019 // www.theatlantic.com/ideas/archive/2019/03/jamesfallows-bill-burns-international-relations/584383/?utm_campaign=the-atlantic&utm_term=2019-03-09T11%3A00%3A04&utm_content=edit-promo&utm_source=twitter&utm_medium=social

8. Framework for Advancing Transatlantic Economic Integration Between the United States of America and the European Union. Office of the Press Secretary April 30, 2007 // <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2007/04/20070430-4.html>

9. *Gressel G.* Negative Energy: Berlin's Trumpian Turn on Nord Stream 2. European Council on Foreign Relations. February 27, 2019 // https://www.ecfr.eu/article/commentary_negative_energy_berlins_trumpian_turn_on_nord_stream_2

10. *Hutt R.* Which Economies Are Most Reliant on Oil? / World Economic Forum. May 10, 2016 // <https://www.weforum.org/agenda/2016/05/which-economies-are-most-reliant-on-oil/>

11. *Khlopov O.A.* The Priority and Goals of the US Naval Policy and Maritime Strategy // Modern Science. 2019. № 8.

12. *Movchan A., Zotin A., Grigoriev V.* Managing the resource curse: strategies of oil-dependent economies in the modern era. Carnegie Moscow Center, 30.03.2017 // <https://carnegie.ru/2017/03/30/managing-resource-curse-strategies-of-oil-dependent-economies-in-modern-era-pub-68460>

13. Reute. Russia's Sechin accuses U.S. of using energy as a political weapon // The Moscow Times 06.06.2019 // www.themoscowtimes.com/2019/06/06/russias-sechin-accuses-us-of-using-energy-as-a-political-weapon-a65913

14. *Russell M.* Seven economic challenges for Russia. Breaking out of stagnation? / In-Depth Analysis European Parliamentary Research Service. July 2018 // [www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2018/625138/EPRS_IDA\(2018\)625138_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2018/625138/EPRS_IDA(2018)625138_EN.pdf)

15. Third Report on the State of the Energy Union Brussels. 23.11.2017 COM (2017) 688 final // https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/third-report-state-energy-union_en.pdf

16. *Toplensky R.* Russia's Gazprom Dodges Fine in EU Antitrust Settlement // Financial Times. May 24, 2018 // <https://www.ft.com/content/02a15d08-5f3f-11e8-9334-2218e7146b04>

17. Transatlantic Declaration of 1990. December 1990 // http://www.useu.usmission.gov/ta_declaration.html

18. Transatlantic Business Council. History and Mission // <http://transatlanticbusiness.org/about-us/history-mission/>

19. *Workman D.* Crude Oil Exports by Country. World's Top Exports, October 7, 2019 // <http://www.worldstopexports.com/worlds-top-oil-exports-country>

20. 2020 Climate & Energy Package / European Commission, May 30, 2019 // https://ec.europa.eu/clima/policies/strategies/2020_en

O.A. KHLOPOV
*PhD in Political Science,
Associate Professor of the Department
of American Studies, Russian State University
for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia*

EUROPEAN UNION ENERGY SECURITY: BETWEEN RUSSIA AND THE USA

The article analyses the problems of the energy policy of the European Union in the context of enhancing energy dialogue with the United States and conflicting relations with Russia. Despite disagreements, the EU and the US have strong incentives to work together to expand energy cooperation in implementing renewable energy programs. Diversification of supplies, export of liquefied gas to Europe, energy efficiency have become the main components of US foreign policy and EU energy security. The implementation of these projects leads to a clash of interests of Russia on the European markets, which in the near future will have strong competition from US export gas and an increase in the volume from renewable energy sources in the EU countries.

Key words: *energy security, gas, oil, renewable energy, energy policy of the EU, USA, Russia.*

научный сотрудник отдела социально-политических исследований Ингушского НИИ ГН им. Ч.Э. Ахриева, Россия, Республика Ингушетия, г. Магас

кандидат политических наук, доцент Ингушского Государственного университета, заведующий отделом социально-политических исследований Ингушского НИИ ГН им. Ч.Э. Ахриева, Россия, Республика Ингушетия, г. Магас

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматривается роль и значение Северного Кавказа в контексте глобальной международной политики таких ведущих противоборствующих игроков как Россия, Иран, Турция, США и Великобритания. Авторы отмечают основные факторы, привлекавшие внимание к региону как в прошлом, так в настоящем времени. Особо отмечается роль географического и экономического аспектов в этой политике. В статье показано, как менялся характер отношений между этими государствами и какие последствия они имели для России и Северного Кавказа, в частности.

Ключевые слова: *Россия, Северный Кавказ, Иран, Турция, США, Великобритания, конфликт, геополитика.*

Сегодня Северный Кавказ представляет собой сложную систему отношений между различными народами и государствами. Процессы, которые происходят тут, связаны воедино тысячами нитей со всем миром. Объясняется это тем, что регион выступает в качестве естественного географического рубежа встречающейся Европы и Азии, древнейшей транспортной артерией, связывающей вместе два континента, и важнейшим источником стратегических природных ресурсов – нефти и газа. Но что еще более существенно, – это стык между двумя цивилизациями – западной (христианской) и мусульманской, двумя мировыми идеологиями, что декларируют различные духовные ценности и миропорядок [4]. Поэтому не удивительно, что история данного региона характеризуется как «эпицентр интересов различных мировых игроков: Византийской, Османской, Персидской и Российской империй» [1. С. 10].

Необходимо сказать о том, что античными авторами, «данный регион никогда не считался в качестве целостного понятия ни относительно природно-географического, ни этнокультурного плана. Длительность формирования реального, логического единства этой территории, может быть обозначена с того момента, когда она выступила в качестве объекта соперничества между такими крупными державами, как Греция, Рим, Византия, Персия и Османская империя» [2. С. 192]. То есть как военно-геополитический объект.

В полной степени Северный Кавказ приобрел такую привлекательность при формировании геополитического треугольника «Россия – Турция – Иран», значение и влияние которого отмечают многие исследователи. Именно благодаря позиции этих государств он вошел в систему международных отношений. Сначала на региональном уровне, затем европейском, и, позже приобрел уже мировой масштаб. Включение Северного Кавказа в состав Российской империи, не снизило напряженности в этом регионе, а наоборот сделало его еще более взрывоопасным, в виду непрекращающихся попыток дестабилизации обстановки на южных окраинах России внешними политическими оппонентами.

Пожалуй, главным генератором этой идеи была Великобритания, что вынашивала обширные планы по отторжению Северного Кавказа от России под различными предлогами защиты от «русской угрозы». Еще во время Крымской войны (1853-1856) премьер-министром Великобритании Генри Пальмерстоном была выдвинута программа ослабления России и ограничения ее влияния. Г. Пальмерстон заявил: «Моей заветной целью в войне, начинающейся против России, является отторжение Крыма и Грузии в пользу Турции и установления суверенитета Черкесии, либо передача ее под суверенитет султана» [8. С. 50]. Данная программа обосновывалась следующим образом: чем в большей степени Россия увязнет на юге, тем меньшую опасность она будет представлять на западе. Роль главного инструмента в такой политике отводилась Турции.

Немалую роль в создании напряженности на Северном Кавказе внесла и Германия. Так, представителем германского правительства на Кавказе генералом фон Лоссовым был поднят вопрос об образовании Горской Республики и признании ее на Батумской международной конференции, состоявшейся 11 мая 1918 г. Таким образом, «поддерживая независимость кавказских народов, Германия и Турция делали попытку создать легитимную основу для сепаратизации и военной оккупации этого региона» [5. С. 291].

Необходимо отметить, что реализация любых замыслов относительно Северного Кавказа, была крайне проблематичной без участия в них Турции и Ирана как обладающих основными военно-стратегическими, политическими, разведывательными, пропагандистскими (и т.п.) возможностями. Так же очевидно и далеко не всегда демонстрируемая готовность Стамбула и Тегерана делать вид, будто они согласны на роль ведомых, что было далеко не так.

Для Турции и Ирана, Северный Кавказ куда более близкий к сердцу, чем для всех вместе взятых Европейских заправил. Для первых он служил источником страха и сильного искушения исторического реванша, за счет использования сложных перипетий международной обстановки. А для последних – как инструмент давления на Россию.

В 1939-1940 гг. разрабатывались англо-французские военные планы вторжения на Кавказ. На оперативных совещаниях разных уровней между Англией, Францией и Турцией говорилось о необходимости «послать Россию в нокдаун именно здесь, т.к. нигде она так не уязвима стратегически, экономически и политически» [6. С. 205-213]. Эта тема остро стояла на повестке дня до момента нападения Германии на СССР. После же капитуляции Франции (22 июня 1940 г.) Лондон был вынужден поневоле пойти на союз с СССР.

Германия рвалась на Северный Кавказ, пытаясь обеспечить себя нефтью, и договаривалась о встречном наступлении на юг в Закавказье Турции и Ирана, «нейтралитет», которых имел явно прогерманский характер. Однако разгром Германии Советским Союзом поставил на этом точку. В качестве общего итога Второй мировой войны относительно Северного Кавказа следует считать тот факт, что им был разрушен существующий миф о существовании исторически преемственной уязвимости этого региона как составной части России.

Однако завершение войны лишь изменило соотношение союзников, продолживших «большую игру» в этом регионе. Так, во главе западных держав встали США. Политика по отторжению Северного Кавказа от России, началась вестись «другими средствами». В США и Европе возникают различные центры, занявшие изучением Кавказа, его истории, этнологии, этногенетики, нравов, обычаев, ментальности, предрасположенности к национализму и сепаратизму, потенциальных точек возможного воспламенения на межэтнической почве.

С распадом СССР внимание со стороны Турции и ее союзников к Кавказу еще более усилилось. В качестве главного стратегического партнера избирается Грузия, имеющая явно антироссийский характер внешней политики и стратегическое географическое положение, с которого США, Турции и их союзникам было гораздо легче реализовать свои геополитические планы. Ряд субъектов России, в том числе Ингушетия, Кабардино-Балкария, Осетия, Карачаево-Черкесия, Чечня непосредственно граничат с Грузией. Началось размещение войск на сопредельных территориях обоими противостоящими силами. Итогом можно считать пятидневную войну 8-12 августа 2008 года в Южной Осетии, имевшую значительные геополитические, экономические и иные последствия, но самое главное, отдалившие расширение НАТО за счет Грузии.

По мнению ряда ученых ситуация сложившаяся на Северном Кавказе в 90-х гг. XX в., имела угрожающий характер для территориальной целост-

ности России «в связи с растущими сепаратистскими и экстремистскими процессами (особенно в Чечне, Ингушетии, Дагестане, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии), что создавались США с помощью своего спутника Турции, в качестве адресного инвестирования этих субъектов, т.е. установление прямых экономических связей и базы собственного внедрения и влияния в регионе» [5. С. 284].

Данный этап может быть расценен как переходной, что характеризуется временной слабостью общероссийского «центра» вследствие утраты четких идеологических ориентиров, вследствие произошедшего развала крупной советской империи. В итоге на Северном Кавказе имели место кризисные рецидивы (Две военные кампании в Чеченской Республике, конфликт против ингушского населения в Пригородном районе Северной Осетии, результатом которых стал исход сотен тысяч мирных граждан, вынужденно покинувших свои дома и сотни погибших и пропавших без вести).

Повышение угрозы террористической деятельности незаконных вооруженных формирований на Северном Кавказе – это прямое следствие проведения стратегии мягкой силы, что воплощается Западом. Кроме того, активно действуют интернет-сайты, зарегистрированные на Западе и Ближнем Востоке, стимулируемые США и их союзниками.

Современный Северный Кавказ имеет прямое отношение к геополитической безопасности России, что требует от нее поиска возможностей адекватного реагирования на все вызовы в регионе, что обусловлено стратегическими притязаниями на этот край, многих стран, и, в первую очередь США.

На данный момент позиции Ирана и России в регионе близки. Российско-турецкие отношения в регионе также не являются конфронтационными. Безусловно, интересы сотрудничества всегда более выгодны по сравнению с конфронтацией, но они часто зависят от многих переменных, учет которых не всегда, получается, предусмотреть по той или иной причине.

Северный Кавказ в контексте российско-американских отношений сегодня затрагивает два аспекта: «права человека и борьбу с терроризмом. С одной стороны, ситуация с правами человека там не может не волновать тех, кто этими проблемами занимается, включая и чиновников американского правительства. С другой стороны, очевидно, что две страны (США и РФ) имеют общий интерес в борьбе с терроризмом и радикальными исламистскими движениями, которые являются одними (из многих) факторов, влияющих на распространение насилия на Северном Кавказе» [7. С. 156].

Необходимо сказать о том, что некоторые исламские государства проявления экстремизма на Северном Кавказе рассматривают не иначе как возможность «освободительного движения местных мусульман против российского угнетения» [1. С. 132]. Можно сказать, даже более того, с прямой подачи, а во многих случаях и при непосредственном участии властей, предпринимаются попытки развязывания масштабных пропагандистских кампаний в поддержку лидеров экстремистов.

Поэтому к главному геополитическому интересу России на Северном Кавказе относится необходимость сохранения своей целостности и предотвращение угроз межнациональных распрей и вооруженных конфликтов, т.к. эти конфликты, с помощью внешних сил, неминуемо распространяться и дальше, на другие регионы РФ.

Примером могут служить «конфликты (в первую очередь – обе военные кампании в Чечне) и социальная напряженность в регионе, что оказывали сильное дестабилизирующее влияние на весь юг России. Поэтому политика России должна быть максимально лишена сиюминутных эмоций и сентиментальностей историко-культурного характера, ориентируясь лишь на достижение реальных, объективных целей» [1. С. 294-295].

С учетом всех трудностей, Россия играла и продолжает играть ведущую роль в разрешении противоречий Северокавказского региона и установлении, тут, хотя и неустойчивого, но мира.

К проблемам, вокруг которых была сосредоточена эта политика, центральное место занимают, безусловно, этнонациональные распри, военное присутствие России и охрана границ. Северный Кавказ по ряду причин стал стратегическим узлом мировой политики. Свои интересы в его распутывании заявили открыто такие государства как США, Германия, Англия, Франция, Турция и Иран.

На изменение геополитической ситуации в регионе влияют демократические, экономические и военные потенциалы всего мира, точно так же, как и внутренние процессы в самой России. Все это говорит об «одновременном действии как стабилизирующих, так и дестабилизирующих сил; как интегрирующих, так и дезинтегрирующих; как содействующих выходу из кризиса, так и углубляющих его» [3. С. 9-10].

Подводя итоги необходимо отметить, что сегодня наблюдается острейшая борьба между геополитическими конкурентами России за влияние на Северном Кавказе и, главным образом, за разработку и транспортировку каспийской нефти. Мировой спрос на нефть продолжает расти. Такое положение создает прямую угрозу национальным интересам и безопасности не только в целом России, но и в особенности – народам региона [9. С. 21].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Гаджиев К.С.* Геополитика Кавказа // Международные отношения. М., 2003.
2. *Дегоев В.В.* Кавказская «обочина» мировой политики XX в. // Кавказ в международной политике. Кавказология (Caucasology). 2018. № 1.
3. Кавказ: проблемы геополитики и национально-государственные интересы России: науч. чтения 24 апр. 1998 г. / НИИ Кавказа Северо-Кавказ. науч. центра высш. шк., Рост. регион. отд-ние ВОПД «Духов. насле-

дие», Рост. регион. обществ. организация «Центр рус. культуры»; Отв. ред. В.В. Черноус. 2. изд. Ростов-н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999.

4. Мировая политика. Передовые рубежи и красные линии: монография / А.В. Булавин, О.Г. Карпович, А.В. Манойло, В.Б. Мантусов. М.: РИО Российской таможенной академии, 2018.

5. *Сваранц А.* Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М.: Акад. гуманитар. исслед., 2002.

6. *Сиполс В.Я.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939-1941. М.: «Новина», 1997.

7. *Текушев И.* Северный Кавказ на пороге XXI в.: факторы нестабильности. Прага: Medium Orient, 2015.

8. *Цечоев И.А.* Ингушетия в геополитике России на Кавказе. Кафедра мировой и российской политики философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Экспертиза. Власть. 2007. № 1.

9. *Януш С.В.* О влиянии российских войск на стабилизацию обстановки на Северном Кавказе // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2011. № 1.

Z.I. KOSTOEV

*Researcher, Department of Social
and Political Research of the Ch. Akhriev Ingush
Scientific Research Institute, Magas, Republic
of Ingushetia, Russia*

L.Ya. ARAPKHANOVA

*Ph.D. (Political Science), Associate
Professor of the Ingush State University,
Head of the Department of Social and Political Research
of the Ch. Akhriev Ingush Scientific Research Institute,
Magas, Republic of Ingushetia, Russia*

NORTH CAUCASUS IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL POLITICS

The article examines the role and importance of the North Caucasus in the context of global international politics of such leading warring players as Russia, Iran, Turkey, the USA and Great Britain. The authors note the main factors that attracted attention to the region both in the past and in the present. The role of the geographical and economic aspects in this policy is emphasized. The article shows how the nature of relations between these states changed and what consequences they had for Russia and the North Caucasus, in particular.

Key words: *Russia, North Caucasus, Iran, Turkey, USA, Great Britain, conflict, geopolitics.*

ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ТЕРРОРИЗМА

Специфика продовольственного терроризма заключается в сложности его идентификации. Человечество ежегодно сталкивается с масштабными заболеваниями пищевого происхождения. Но их причины часто остаются неопределенными. В большинстве случаев до конца не выяснен вопрос о том, являются ли они случайными или умышленными. Противостоять растущим угрозам террористов можно только обеспечивая на высоком уровне продовольственную безопасность, которая в настоящее время является частью стратегии национальной безопасности многих стран мира.

Статья посвящена вопросам анализа сущности продовольственного терроризма, особенностям используемых террористами методов, возможным способам противостояния, включающим наряду с методами противодействия продовольственным террористам, обеспечение благоприятной среды для потребления продуктов питания и сведения к минимуму болезней пищевого происхождения.

Ключевые слова: *продовольственный терроризм, продовольственная безопасность, продовольственная оборона, биологический терроризм, химический терроризм.*

Намеренное заражение пищевой продукции все чаще становится одной из наиболее значимых проблем современности. Злоумышленники могут применять вредоносные агенты различного происхождения. Но наиболее опасными в силу неопределенности причин их возникновения являются заболевания, вызванные биологическими патогенами, поэтому еще в 2002 г. Всемирная организация здравоохранения назвала именно биотерроризм одной из главных угроз здоровью человека в XXI веке и призвала к внедрению на предприятиях программ по защите пищевой продукции от преднамеренного заражения и загрязнения [8]. В декабре 2002 года ВОЗ опубликовала статью «Террористические угрозы продовольствию», предназначенную,

в первую очередь, для государственных органов, отвечающих за обеспечение продовольственной безопасности. В этом же году был опубликован Закон «О безопасности общественного здравоохранения и готовности к биотерроризму и реагированию на него». Документ был направлен на повышение способности предотвращать биотерроризм и другие чрезвычайные ситуации в области общественного здравоохранения, готовиться к ним и уметь реагировать на них соответствующим образом [8].

В июне 2007 года были изменены международные медико-санитарные правила для государств-членов ВОЗ. Пересмотренные правила кардинально изменили подход международного сообщества к проведению ключевых мероприятий в области здравоохранения. Болезни пищевого происхождения, преднамеренное загрязнение пищевых продуктов представляют собой серьезную международную угрозу и попадают под действие настоящих правил. ВОЗ считает, что принятие разумных мер предосторожности в сочетании с созданием и укреплением потенциальных возможностей наблюдения и последующего реагирования является наиболее эффективным способом борьбы с продовольственным терроризмом, а также другими чрезвычайными ситуациями в области продовольственной безопасности. ВОЗ, Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО) и другие международные учреждения принимают и утверждают руководства и рекомендации, направленные на противодействие продовольственному терроризму.

Обеспечение продовольственной безопасности начинается, прежде всего, с создания благоприятной среды для потребления продуктов питания и недопущения или сведения к минимуму болезней пищевого происхождения. Каждый человек подвержен возможности отравления различными агентами. Причем подобные угрозы можно ожидать от некачественных продуктов питания, несоблюдения технологии пищевого производства или от экотеррористов/биотеррористов, умышленно отравляющих продовольствие.

Преднамеренное отравление продовольствия. В период с 1950-х до 2000-х годов произошло несколько десятков актов преднамеренного пищевого заражения и загрязнения продукции, вызвавших широкий резонанс. Начиная с 2000-го года по настоящее время произошло более 60 крупных инцидентов, связанных с жалобами потребителей, случаями отравления и другими тяжелыми широкомасштабными последствиями для здоровья населения [17].

Достаточно даже одному террористу-одиночке совершить преднамеренное отравление продуктов в одном супермаркете, и заражение может охватить десятки тысяч людей. Для этой цели достаточно воспользоваться уязвимостями разного рода – от охраны, до хранения и продажи потенциальных объектов. Кроме того, продовольственный терроризм легко интерпретировать как несчастный случай. Томми Томпсон, бывший секретарь

Министерства здравоохранения и социальных служб США, сказал на своей пресс-конференции в декабре 2004 года: «я, хоть убей, не могу понять, почему террористы не атаковали наши продовольственные запасы, потому что это так легко сделать» [7. Р. 39-54].

Основные причины продовольственного терроризма:

1. Идеологические (политические).

1) «Зеленые» радикалы, отравляют продовольствие «во имя спасения планеты».

Американские студенты 19-летний Шванднер и 18-летний Стивен Пера в 1972 году планировали отравить воду в системе канализации Чикаго бактериальным коктейлем, который убил бы миллионы людей в пяти штатах. Сами они предполагали пережить бедствия от тифа, менингита, ботулизма, сибирской язвы, дифтерии и бубонной чумы, привив себя, а также своих близких друзей. Шванднер написал шестистраничный манифест, который не сохранился, но согласно свидетельским показаниям в суде он начался с утверждения, что «человечество уничтожает себя и планету и, что единственный способ сохранить окружающую среду состоит в том, чтобы уничтожить человеческую расу, за исключением избранной группы людей, которые будут жить в гармонии с природой» [19].

В Новой Зеландии появился новый сценарий экологического продовольственного терроризма, по которому человек или группа угрожает отравить людей тем же сельскохозяйственным химическим веществом, которое они хотят объявить вне закона. Федеративные фермеры (FF), группа защиты фермеров, и Fonterra (молочный кооператив, на долю которого приходится почти треть мирового экспорта молочной продукции), подтвердили получение писем с угрозой загрязнения их молочных продуктов. Автор писем требовал, чтобы Новая Зеландия прекратила использование фторацетата натрия, также известного как пестицид 1080 к концу марта, в противном случае, он отравит поставку детского питания страны тем же пестицидом. Новая Зеландия является крупнейшим потребителем 1080, который используется для отпугивания млекопитающих, таких как опоссумы, крысы, ласки и кролики. FF утверждает, что 1080 является не только безопасным, но и необходимым средством, препятствующим распространению туберкулеза крупного рогатого скота, который может быть перенесен опоссумами. Но противники пестицида полагают, что это химическое вещество очень опасно для млекопитающих и часто является причиной гибели других животных [19].

Участники греческой экологической группировки «Черно-зеленые коммандос» перед Рождеством 2017 года заявили, что разместят на прилавках супермаркетов молоко, колбасу и кока-колу, отравленные соляной кислотой. Необходимость своих действий они объясняли борьбой с обществом потребления, которое убивает животных. Члены группировки называли

себя «экоанархистами». Поскольку самое масштабное потребление мясных продуктов происходит перед Рождеством, «коммандос» объявили, что подкладывать продукты они начнут до 24 декабря. «В преддверии Рождества тысячи людей покидают диваны, чтобы сделать покупки для праздничного стола и заполнить свое пустое существование потребительской чепухой в красивых, блестящих упаковках. Миллионы живых существ убивают для того, чтобы они попали на стол живых мертвецов, выпотрошенные ради удовлетворения их вкусовых пристрастий» (Заявление группировки) [18]. Первая подобная акция экотеррористов в Греции уже была в 2013 году. Но «черно-зеленые коммандос» на одном акте не остановились и стараются напоминать о себе ежегодно.

2) Террористические группировки, отравляя продовольствие, пытаются реализовать свои политические цели.

В настоящее время самым известным случаем биотеррористической атаки на продовольственные объекты в политических целях считается отравление сальмонеллой продуктов питания в десяти ресторанах Далласа, штат Орегон, США в 1984 году. Таким образом группа последователей Бхагвана Шри Раджниша (ныне известного как Ошо) надеялась вывести из строя голосующее население города, для того, чтобы их собственные кандидаты победили на выборах округа Васко. В общей сложности пострадал 751 человек, включая членов окружной комиссии [7. Р. 39-54].

2. Психологические.

1) Одной из самых частых причин отравления продовольствия становится месть обиженного сотрудника компании, который таким образом пытается отомстить работодателю.

В феврале 2010 года, два сотрудника ресторана быстрого питания в США были арестованы за умышленное отравление гамбургеров наркотическим анальгетиком и противокашлевым средством, передозировка которого может вызвать серьезные побочные эффекты, включая кому или даже смерть [7. Р. 39-54]. В этом случае в качестве вредоносного агента использовались лекарственные вещества, которые в дозировках, не превышающих норму способствуют сохранению здоровья. Причиной подобного химического терроризма послужило отстранения злоумышленника от работы за ненадлежащее поведение.

2) Второй не менее важной причиной продовольственного терроризма могут стать психические заболевания людей, отравляющих продукты питания ради реализации подавленных желаний.

В 1996 году в США произошла вспышка дизентерии среди сотрудников научной лаборатории из-за преднамеренного заражения пищевых продуктов. Сотрудник больницы накормил коллег отравленной выпечкой, в результате чего пострадали 12 человек [4. Р. 396-398].

С 2015 по 2018 годы в Германии работник компании-производителя трубопроводной арматуры ARI-Armaturen систематически травил своих коллег тяжелыми металлами (смесь из свинца, кадмия и ртути), добавляя их в еду рабочих. На суде психиатр мужчины предположила, что он делал это из «научного интереса». Сложность определения по симптомам причин отравления привела к тому, что под сомнение попали причины ухода из жизни других сотрудников компании. Полиция сообщила, что обвиняемый может быть причастен к смерти 21 сотрудника ARI Armaturen в течение последних двух десятилетий. Причиной смертей большинства из них стали сердечные приступы и рак, что могло быть вызвано отравлением тяжелым металлом [10].

В США в 2018 году 23-летняя Александрия Мартел, работавшая уборщицей в казино в Плейнвилле, Коннектикут, пыталась отравить коллег, которые ей не нравились, чтобы не пересекаться с ними на работе. Она подмешивала в их напитки очиститель, предполагая, что их состояние ухудшится, и она сможет отработать свою смену в одиночестве [14].

В Австралии в сентябре 2018 года супермаркеты начали массово отзываться из продажи клубнику после госпитализации 21-летнего мужчины. Он проглотил иголку, оказавшуюся внутри ягоды. Оказалось, что виновницей происшествия стала 50-летняя сотрудница фирмы-поставщика клубники, которую впоследствии арестовали. Суд пришел к выводу, что женщина по имени Ми Ут Чинь втыкала иголки в предназначенные для продажи ягоды в течение нескольких месяцев, а мотивом для этих действий была злоба по отношению к начальнику [15].

3. Экономические.

Продовольственный терроризм в этом случае направлен на дискредитацию продукта конкурента, или на получение экономической выгоды вследствие шантажа. Дэлзиел считает, что преднамеренное заражение ради экономической выгоды может представлять большую угрозу для здоровья населения, чем угроза со стороны политических террористических организаций [1].

В 1989 году неизвестный позвонил в посольство США в Сантьяго в Чили и утверждал, что чилийский виноград, подлежащий экспорту, был отравлен цианидом. США и четыре другие страны запретили импорт чилийского винограда, в результате чего, по оценкам экспертов, потери Чили в этой важной отрасли составили 300 миллионов долларов США. Однако Управление по контролю за качеством пищевых продуктов и медикаментов США (FDA) проверило виноград и обнаружило, что только в двух партиях находились следовые количества цианида, не опасные для жизни. До сих пор не выясненным остается факт о существовании реальной угрозы отравления людей [1].

В Германии в 2017 году мужчина отравил пять банок детского питания в супермаркете этиленгликолем и потребовал по электронной почте от руководителей крупных торговых сетей ФРГ 10 млн евро, иначе он угрожал

отравить еще 20 видов продукции других производителей. В результате зараженное питание нашли и изъяли, злоумышленник был задержан [16].

Непреднамеренное отравление продовольствия. Присутствие биологических и химических агентов в продуктах питания может быть непреднамеренным, и тогда в целях обеспечения продовольственной безопасности предпринимаются большие усилия по их минимизации, в частности, путем создания высоконадежных систем безопасности пищевых продуктов на основе превентивных мер, таких как анализ опасности критических контрольных точек (ХАССП). Ключевой момент функционирования системы заключается в анализе рисков. Подходы и принципы ХАССП используются в общественном питании, на производстве пищевой продукции, кормов, упаковки, биологически активных добавок и другой продукции.

В промышленно развитых странах доля населения, ежегодно страдающего от болезней пищевого происхождения, по имеющимся данным, достигает 30% [20]. Этиология многих из них остается неизвестной и вызывает тревогу и озабоченность у государственных структур из-за неопределенности причин возникновения. Опасность представляют такие биологические агенты как сальмонелла, некоторые виды кампилобактерий, но за последние десятилетия появились и новые виды патогенных организмов (энтерогеморрагическая кишечная палочка, вызывающая кишечное кровотечение и листерия). В 1985 году в США была зарегистрирована одна из самых крупных в истории вспышек инфекционных заболеваний (пострадало около 170000 человек), связанная с употреблением в пищу коровьего молока, инфицированного *Salmonella typhimurium*. В 1991 году в Китае зараженные молочки поразили почти 300 000 человек и, возможно, стали самым крупным заболеванием пищевого происхождения в истории. В 1994 году в результате попадания бактерии *Salmonella enteritidis* в мороженое, пострадали примерно 224 000 человек в 41 штате США. Около 8000 детей в Японии в 1996 году заболели, а некоторые умерли после употребления в пищу зараженных бактерией *Escherichia coli* ростков редиса, содержащихся в школьных обедах [7. Р. 39-54]. По-прежнему серьезной проблемой здравоохранения в развивающихся странах остается холера, вызывающая кроме существенного ущерба здоровью людей, еще и огромные экономические потери.

Кроме биологических патогенов болезни пищевого происхождения могут вызывать и другие типы токсинов. В частности, естественные токсины, стойкие органические загрязнители (СОЗ) и тяжелые металлы. Микотоксины, морские биотоксины, цианогенные гликозиды и токсины, встречающиеся в ядовитых грибах, являются естественными токсинами, которые могут вызвать сильные интоксикации. Тяжелые металлы, такие как свинец и ртуть, вызывают неврологические повреждения у детей, а воздействие кадмия может вызвать повреждение почек, особенно у пожилых людей. В 2008 году в Китае три ребенка погибли, а 53 000 детей заболели после употребления

молочных продуктов, испорченных меламинам [7. Р. 39-54], химическим соединением, широко используемым в производстве смол, пластмасс и клеев. До сих пор до конца неизвестно, добавлялся ли меланин в молочные продукты поставщиками намеренно, чтобы увеличить количество белка в молоке, или попал в продукты питания случайно.

Несмотря на тяжелые последствия продовольственного терроризма, его проявления нельзя назвать массовым явлением. Только 3% известных случаев можно считать масштабными инцидентами с человеческими жертвами. Но реальный потенциал подобного рода террористов до конца оценить невозможно, поэтому на государственном уровне разрабатываются методы по обеспечению продовольственной безопасности. В 2000 году Европейская комиссия опубликовала «Белую книгу» по безопасности пищевых продуктов [2], а также общее продовольственное законодательство – регламент ЕС/178/2002 [6] – в котором было учреждено Европейское управление по безопасности пищевых продуктов (EFSA), организация, ответственная за проведение независимой оценки рисков, связанных с пищевыми продуктами и кормами.

Безопасность пищевых продуктов, в первую очередь, – это гарантия того, что пища не причинит вреда потребителю, что люди всегда будут иметь физический, социальный и экономический доступ к достаточному, безопасному и полноценному источнику пищи, удовлетворяющему их диетические потребности и пищевые предпочтения для активной и здоровой жизни [3]. В Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации продовольственная безопасность определяется как «состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни» [11]. Наряду с доступной и безопасной продукцией важное место в трактовке продовольственной безопасности занимает понятие продовольственной независимости, путем самообеспечения «страны основными видами отечественной сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» [11]. То есть уязвимость системы продовольственной безопасности снижается, в основном, путем минимизации притока продовольствия извне, или недопущения внешних угроз.

Но обычные меры по обеспечению безопасности пищевых продуктов, действующие во всей международной продовольственной системе, не направлены на предотвращение или смягчение преднамеренного загрязнения пищевых продуктов. Говоря о возможностях защиты от продовольственного терроризма и других угроз населению, связанных с продуктами питания, возникает необходимость определения такого понятия как продо-

вольственная оборона. Если продовольственная безопасность – это меры государства, направленные на сохранение продовольственного равновесия, включающего непрерывное обеспечение населения безопасными продуктами питания, то продовольственная оборона – это реакция государства, направленная на противодействие угрозам, связанным с продовольственными кризисами, загрязнением источников питания, террористическими атаками и пр. Поскольку продовольственная оборона является задачей, прежде всего, государства, то ее определения были даны государственными органами. Так, Управление по контролю за продуктами и лекарствами США (FDA) определяет продовольственную оборону как собирательный термин, для того, чтобы охватить деятельность, связанную с защитой национального продовольственного снабжения от преднамеренных актов его загрязнения или фальсификации. Этот термин охватывает и другие аналогичные явления (например, борьбу с биотерроризмом) [12]. Марк Л. Остфилд, представитель Министерства внутренней безопасности США, заявлял, что «термин продовольственная оборона охватывает шаги, предпринятые для минимизации или смягчения угрозы преднамеренного загрязнения продовольственных запасов, и включает в себя выявление уязвимых точек и работу по укреплению инфраструктуры, тем самым делая продовольствие более безопасным» [5].

Служба продовольственной безопасности и инспекции Министерства сельского хозяйства США определяет продовольственную оборону следующим образом – «продовольственная оборона – это не то же самое, что продовольственная безопасность. Продовольственная оборона направлена на защиту продовольственных запасов от преднамеренного загрязнения различными химическими веществами, биологическими агентами или другими вредными веществами со стороны людей, которые хотят причинить нам вред. Целью злоумышленника может быть убийство людей или разрушение нашей экономики [13]».

Участники семинара MITAGS, состоявшегося в апреле 2007 года, предложили следующее определение продовольственной обороны: «продовольственная оборона означает наличие системы для предотвращения, защиты, реагирования и восстановления после преднамеренного введения факторов риска в продовольственное снабжение нашей страны, специально предназначенных для того, чтобы вызвать негативные последствия для здоровья населения, психологические и/или экономические последствия» [9].

В 2007 году Европейским Союзом был принят «зеленый документ», в котором давалось определение такого понятия как «биологическая готовность». Это термин охватывает все аспекты обеспечения безопасности, такие как предотвращение, защита, преследование преступников (террористов), наблюдение и адекватное реагирование на растущие угрозы. Этот термин также охватывает меры, принимаемые для минимизации возмож-

ности преднамеренного загрязнения пищевых продуктов биологическими агентами. Цель этого «зеленого документа» состояла в том, чтобы начать процесс консультаций на европейском уровне по вопросу снижения биологических рисков и принятия соответствующих ответных мер. Следует отметить, что меры Европейской комиссии, направленные, в основном, на продовольственную защиту цепи поставок продовольствия и акцентировавшие внимание на противодействию биологическому терроризму, оказались совершенно недостаточными для предотвращения различного рода манипуляций пищевыми продуктами, в том числе и из-за использования недобросовестной рекламы, или преднамеренного воздействия химических агентов.

Причины пищевых заражений могут быть разнообразны, но даже непреднамеренное попадание отравляющих веществ в пищевые продукты не делает их последствия менее опасными. Поэтому руководителям пищевой отрасли совместно с государственными органами необходимо применять эффективные меры по обеспечению продовольственной безопасности и развивать стратегии продовольственной обороны. Сегодня все больше крупных международных организаций внедряют новые программы продовольственной безопасности, одной из которых является Global Food Safety Initiative (GFSI) – инициатива Форума участников рынка потребительских товаров (Consumer Goods Forum, CGF), ассоциации крупных производителей продуктов питания и розничных операторов, цель которой заключается в повышении уровня пищевой безопасности на мировом рынке. Отличие этой программы от известной системы HACCP (ХАССП) заключается в том, что в концепции последней рассматриваются только случайные опасности для пищевого продукта (оторвавшаяся часть оборудования, попавшая в продукты питания, или размножившиеся бактерии в благотворной для них среде в производственном цехе, и т.д.). А в GFSI предусмотрены меры по противодействию умышленной порчи продовольствия, или продовольственному терроризму и могут рассматриваться не только в рамках продовольственной безопасности, но и продовольственной обороны. Эти меры касаются не только повышенного контроля за продукцией, оборудованием, персоналом, но и готовности государственным учреждениям предотвращать или сводить к минимуму последствия террористического нападения на продукты питания и оказывать поддержку производителям там, где это необходимо.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Dalziel G.R.* Food defence incidents 1950-2008: a chronology and analysis of incidents involving the malicious contamination of the food chain supply. Centre of Excellence for national Security (CENS), S. Rajaratnam School of International Studies, Nanyang Technological University, 2009 // http://www.rsis.edu.sg/cens/publications/reports/RSIS_Food%20Defence_170209.pdf.

2. European Commission. White Paper on Food Safety in the European Union. COM (99) 719, 12 January 2000 // http://ec.europa.eu/dgs/health_consumer/library/pub/pub06_en.pdf.

3. FAO. The state of food insecurity in the World 2001. Rome, 2002 // <http://www.fao.org/docrep/005/y4671e/y4671e06.htm#fn31>.

4. Kolavic S.A., Kimura A., Simons S.L., Slutsker L., Barth S., Haley C.E. An outbreak of *Shigella dysenteriae* type 2 among laboratory workers due to intentional food contamination. JAMA, 1997.

5. Ostfield M.L. Biodefense: U.S. vision of broader cooperation. European Affairs, 2007 // www.europeanaffairs.org/current_issue/2007_spring/2007_spring_10.php4.

6. Regulation (EC) № 178/2002 of the European Parliament and of the Council of 28 January 2002 // http://eurlex.europa.eu/pri/en/oj/dat/2002/1_0312/0020201en00010024.pdf.

7. Vega A. Food Defence and Security: The New Reality/Environmental Security and Ecoterrorism Eco-Terrorism Hami Alpas (Editor), Simon M. Berkowicz (Editor), Irina Ermakova (Editor). 2011.

8. WHO (revised in 2008) Terrorist threats to food – guidance for establishing and strengthening prevention and response systems. 2002 // http://www.who.int/foodsafety/publications/fs_management/terrorism/en/.

9. Yoe C., Parish M., Eddy D., Lei DKY, Paleg B., Schwarz J.G. Risk management, the value of the food defense plan, 2008 // <http://www.foodsafetymagazine.com/articlePF.asp?id=2394&sub=sub1>.

10. <https://armtorg.ru/news/21797/>.

11. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/>.

12. <http://www.fda.gov/Food/FoodDefense/Training/ucm111382.htm>.

13. http://www.fsis.usda.gov/food_defense_&_emergency_response/index.asp.

14. <https://www.forumdaily.com/v-ssha-uborshhica-pytalas-otravit-kolleg-htoby-ne-persekatsya-s-nimi-na-rabote/>.

15. <https://www.ntv.ru/novosti/2103180/>.

16. https://pikabu.ru/story/v_frg_otravivshiy_detskoe_pitanie_yetilenglikolem_muzhchina_priznal_svoyu_vinu_5378012.

17. <https://www.sgs.ru/ru-ru/news/2019/09/bioterrorizm-v-pishchevoy-promys-hlennosti>.

18. <https://www.thetimes.co.uk/article/greek-supermarkets-strip-shelves-after-eco-terrorists-poison-foods-in-christmas-consumerism-protest-qg630n2mh>.

19. https://www.vice.com/en_us/article/8qk3pa/ecoterrorists-want-to-poison-new-zealands-baby-formula-supply.

20. <http://www.who.int/foodsafety/en/>.

E.N. KARATUEVA
*Candidate of political science, associate
Professor of the Department of management
of socio-political processes and history of the Saint
Petersburg state agrarian University,
Saint Petersburg, Russia*

PROBLEMS AND PREVENTION OF FOOD TERRORISM

Humanity faces large-scale food-borne diseases every year. But their causes often remain uncertain. In most cases, the question of whether they are accidental or intentional has not been fully clarified. Thus, the specificity of food terrorism lies in the complexity of its identification. And it is only possible to counter the growing threats of terrorists by ensuring food security at a high level, which is currently part of the national security strategy of many countries around the world.

The article is devoted to the analysis of the essence of food terrorism, the features of the methods used by terrorists, possible ways of countering, including along with methods of countering food terrorists, providing a favorable environment for food consumption and minimizing food-borne diseases.

Key words: *food terrorism, food security, food defense, biological terrorism, chemical terrorism.*

БУДДИЗМ ТИБЕТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ДИНАСТИИ ЮАНЬ

В 1267-1279 годах Хубилай бьется за реальное покорение всего Китая. Для начала Хубилай нашел себе главнокомандующего китайца Шетанкце, далее он решил перенести столицу своего царства из Каракорума в Китай, а именно на место старой столицы Дасин, в дальнейшем и ныне это Пекин. В пригороде Дасина строят новый город, который называется великая столица или Ханбалык, по-китайски Даду. У Хубилая отсутствовал религиозный фанатизм, но был этнический фанатизм. В этом смысле, гораздо интереснее выявлять единые стереотипные основы поведения, связанные с психологией Хубилая, а более уже с природой бессознательного, позволяющих выстраивать иного порядка этническую структуру, базисной основой которой может служить имманентное чувство единства.

Ключевые слова: государство, наставник, буддизм, династия, политика, религия, легитимность, император.

В 1261 году Хубилай хан назначил Пагба-ламу, ханом закона, то есть предоставил ему власть над Тибетом, а тот в ответ благословил династию Юань (первоначальное творение мира). Хубилай хан и его свита, и монгольское войско ассимилировались с китайцами после завоевания Китая. Хубилай хан посвятил всю свою мощь на восстановление китайской традиции.

К 1279 году весь Китай подчиняется Хубилаю и что немаловажно Хубилай обладает законным титулом великого Хана Монголии и китайского императора. В этот период времени также захвачена часть Тибета, где Хубилай хан в дальнейшем принимает буддизм. Известно, что именно Пагба-лама помог осознать Хубилаю хану, что только буддизм может помочь ему создать идеальную модель универсального императора, чакравартин-раджи, который правит людьми многих языков и «вращает колесо Закона». Так Пагба-лама по заданию Хубилая хана создал новый монгольский алфавит,

квадратную письменность. Известно, что Пагба-лама трудился над созданием новой письменности в течение двух лет и 1269 году он представил Хубилай хану свой труд. В знак восхищения и благодарности Хубилай хан даровал Пагба-ламе титул Императорского Наставника. Так новая письменность по приказу Хубилай хана стала государственной. Письмо это использовалось на печатях и металлических или деревянных пропусках (пайцзах, как их называли по-монгольски).

Что касается языка, то и здесь происходят существенные изменения, характеризующиеся изучением его функционального аспекта. Есть все основания считать, что ФСП (функционально-семантическое поле) едино не только для родственных групп языков, но и для всего этнического ареала, который базируется, в том числе на расовых составляющих отличиях. Это допущение строится на основе природы этничности, когда отношения между людьми выстраиваются в определенной системе координат – похожие на нас и непохожие. Причем непохожесть становится источником конфликта между этносами, в том числе и на языковой основе. При этом именно расовое составляющее в природе этноса служит своеобразным барометром самочувствия человека в иноэтничном окружении. Значимость расового мира, составляющего в этносе заключается и в том, что на этой основе у диаспоры может возникать даже двойное этническое самосознание. У Хубилая был этнический фанатизм, но не религиозный фанатизм.

С точки зрения внутреннего содержания природы этноса в полиэтничном государстве этнический процесс отображает лишь технологию осуществления власти, представляя собой совокупность относительно самостоятельных действий субъектов, структур и институтов, связанных различными целями и интересами. Другими словами, этнический процесс отображает политическую волю власти, с одной стороны, реальные взаимодействия индивидов, групп и институтов – с другой. Этот процесс сопровождается взаимоисключающими тенденциями – консолидацией и дивергенцией.

Можно полагать, что в этнически разнородном обществе последняя тенденция обусловлена природой информационной культуры, которая выступает как социальная память человечества, обеспечивающая связь прошлого, настоящего и будущего посредством языка, обычаев, традиций и главным образом единого происхождения. Следует отметить, что на современном этапе развития человечества складываются совершенно новые формы отношений, позволяющие преодолеть разного рода барьеры и вернуться к своим истокам. Речь идет о формировании виртуальных сообществ, в том числе этнических, в условиях информационной революции. Отдельный представитель этноса может находиться в значительном отдалении и в тоже время принимать активное участие в общественной жизни этнического ядра, то есть фактор интеграции пространственных характеристик этноса получает дополнительное измерение – intersубъективное. Именно в данном контексте мы говорим

о новых формах этнических общностей, имея в виду этническую структуру, интернализированную в знаниях, чувствах и оценках ее членов.

Есть понимание того, что прямая трансляция некой обобщенной культуры приводит лишь к некоторой пространственно-культурной дезориентации одних в силу локализации их сознания. И, в той же мере, есть обратного порядка понимание того, что культура не передается как некая установка, а есть следствие многовекового формирования образа мыслей, поступков и действий, характеризующих природу этноса как особенное проявление его внутренней и внешней жизни.

Так по заданию Хубилая к 90-м годам 13 века создается новый кодекс законов, сочетание основ Ясы Чингисхана с китайским кодексом цзинь. Он вводит новые административные деления, разделив все на двенадцать провинций, создает управления по внутренним и иностранным делам, по надзору за служащими. «Хубилай дал своему протеже так называемый «Жемчужный Документ», согласно которому буддийские монахи освобожились от налогообложения и получали разные другие привилегии. Вскоре после этого он отправил Пагба-ламу вместе с младшим братом на родину в качестве настоятеля главного монастыря Сакья. В то время как Хубилай посылал мелкие отряды войск «умиротворить» отдаленные углы Тибета, которые пока оставались вне досягаемости монголов, Пагба-ламе и его брату полагалось установить моральную власть Хубилая над всей страной» [4. С. 44]. В это время возникает монгольская оппозиция Хубилая, глубоко монгольский мир не хочет принимать китаизацию Хубилая. Лидером этой оппозиции в Монголии был Кайду, внук Угэдэя, он правил в Кашгаре. Он непрерывно воевал с Хубилаем на протяжении всей своей жизни.

В результате известно, что Китай управлялся китайскими династиями согласно древней китайской традиции. Свою страну сами китайцы называют Джунго, то есть Срединное государство или Тянь Ся, Поднебесная, по принципу того, что Китай считался самым главным в мире государством. Следовательно, и монголы и маньчжуры захватившие Китай становились частью Китая. Это архаическая синоцентрическая концепция, но она продолжает использоваться в истории политики КНР.

Однако если изучать историю вне этой синоцентрической модели, то можно прийти к совсем иному выводу. Название Джунго, Срединное государство, использовался для обозначения разных государств и в разных пределах. Варварские государства включали ханьский Китай, где находятся ханьцы которые создали данную страну. Однако вне рамок китайской культуры было невозможно создать легитимную династию в Китае, где ханьцы составляли достаточно огромное большинство населения и после присоединения Китая к империям иноземцев, в этих империях большинство тоже становились ханьским. Перед завоевателями появлялась проблема, и вследствие этого иноземные завоеватели приспособливали китайскую государственную систе-

му к себе и провозглашали династию своей для того чтобы легитимировать себя в глазах данного ханьского большинства. И так, что касательно империи Юань, то эта империя не была Китаем, Китай был ее частью, это было сугубо монгольское государство, включавшее в себя Китай. «Юаньский период характеризуется захватом Китая монгольскими кочевниками. Монгольские правители, продолжая традиции, как китайских правителей, так и Чингисхана, лояльно относились к даосизму, конфуцианству, буддизму. Кроме того, при дворе монгольских ханов находили приют и представители других религий – христиане и мусульмане. Монголы внимательно присматривались к конфуцианским принципам административно-бюрократического обустройства государственной власти» [5. С. 121]. В пределы империи Юань входили не только собственно Монголии прилежащие страны, но и все территории, завоеванные монголами от тихого океана до атлантического, а также и сама Русь. Так границы империи Юань были не совсем определенными. Тогдашнее ханство, управлявшееся Чингисидами, Золотая орда, они были независимыми, но формально они признавали себя вассалами великого хана, чья резиденция находилась на территории Пекина. Данная зависимость не относится в отношении монгольских ханов с представителями тибетской школы Сакья, они не являлись имперскими вассалами, это были отношения наставника и покровителя и окончательно данные отношения оформились при Хубилае. Формально источником мирской власти над Тибетом, глава школы Сакья был наделен монгольским ханом, но и сам хан претендовавший на вселенскую власть легитимировал ее по религиозному мандату своего наставника. «Гражданские и военные дела были переданы особому чиновнику пончену, который назначался монгольским ханом на определенный срок. Тибет был разделен на 13 областей, назначение начальников которых также зависело от монголов. В 1268, 1287, 1334 гг. монголы провели в Тибете три обследования для определения размера дани, что показывает реальное осуществление ими определенной власти в Тибете» [3. С. 205].

В данный период была создана концепция двух порядков, ее автором является Сакья Пандита Кунга Гьялтсен, данная концепция описывает идеал отношений великих императоров с религией. Все живые существа хотят спастись, духовное спасение состоит в полном освобождении от страданий, а мирское в благополучии, согласно вышеуказанной концепции. Так духовное спасение возможно только при постижении бодхичитты. Бодхичитта (санскр. бодхи «просветление» и читта «сознание»; тиб. *byang chub ku'i sems*) является важнейшим понятием буддизма, означающим совершенное состояние индивидуума, лишённое негативных препятствий. Бодхичитта зарождающаяся из великого сострадания трактуется и как гармония внутренних и внешних проявлений. Это состояние чистое и совершенное, находящееся вне времени и пространства [1].

Просветление означает знание единственного истинного пути, ведущего к освобождению от страдания и нирване. Таким просветлением облада-

ет бодхисаттва (бодхи «пробуждение, просветление», саттва «существо»). Бодхисаттва – это тот, кто совершил многочисленные подвиги любви и страдания, постепенно накапливая заслуги, приблизился к состоянию мудреца, познавшего истину и вышедшего из мучительного колеса бесконечных рождений и смертей.

Естественным результатом буддийской практики является четкое мышление, возникающее из опыта беспрепятственного внутреннего пространства. Данная практика позволяет полностью избавиться от страданий и циклических рождений. Бесконечные страдания и освобождение в буддизме выявляются в некой единой форме бытия, освобождение есть угасание наших желаний, однако здесь должен присутствовать принцип срединного пути, а это есть абсолютная независимость внутреннего бытия.

Так касательно концепции двух порядков выдвинуто Кунгу Пагба Гьялтсену, и духовное освобождение и мирское благо зависят от религиозного и мирского порядков, первым владеет лама, а вторым сам правитель. Они являются равными, но у каждого есть свои определенные функции. «Единства «двух законов» – светского и духовного кодифицировало преимущественные духовные позиции буддийского лидера над светским правителем, оставляя за светским правителем государственные политические функции.

Единство двух законов со временем, распространялось не только на политическую сферу деятельности глав церкви, но и охватывало повседневную жизнь простых людей, определив тем самым специфические особенности «социального лица» буддизма на монгольской земле» [2. С. 326]. Лама здесь соответствует самому Будде, а правитель Чакра Вартину. Чакра Вартин – это идеальный буддийский монарх. Отношения наставник и покровитель, и концепция двух порядков не имеют аналогов в современном праве, понятия которого к ним не применимы, так в международном праве нет стандартной категории, чтобы обозначить положение Тибета относительно монголов в их империи. В связи с этим нельзя согласиться с устоявшимся утверждением, что «концепция двух порядков» была правовой фикцией, так как буддизм в империи Юань не считался официальной религией, его иерархи не входили в имперскую систему правления, а покровительство буддизму объяснялся исключительно желанием монгольских ханов сохранять контроль над буддийской частью подданных. Хотя буддизм и считался наиболее благоприятной религией в империи Юань. Идея буддизма сыграла значительную роль во взаимоотношениях династии Юань и Тибета, так как Тибет был буддийским государством и тот факт, что буддийские монахи активно участвовали в политической жизни своего государства. Известно, что Хубилай назначил Пагбу-ламу государственным наставником империи Юань. Следование буддизму предотвращало ассимиляцию монголов китайцами в империи Юань, где китайцы являлись самыми многочисленными частью населения и этому способствовало и то, что Юаньские импе-

раторы в будущем буддистами, проявляли веротерпимость. Определенный контроль тибетцев со стороны монголов определенно существовал, однако к нему не применим принцип прямого подчинения. Была лишь помощь монголов в управлении Тибетом и поддержании мира, но включением Тибета в империю Юань.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Алексеев В.М.* В старом Китае. М.: Вост. лит., 1958.
2. Буддизм в социокультурных и политических процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы / отв. ред. Л.Е. Янгутов. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2017.
3. *Клинов А.С.* Политический статус Тибета и позиция держав (1914 г. – конец XX в.). Майкоп, 2000.
4. *Мэн Джон.* Хан Хубилай: от Ксанаду до сверхдержавы. М.: АСТ, 2008.
5. *Янгутов Л.Е., Халтаева О.Р.* Религиозные верования в политической культуре императорского Китая / отв. ред. Т.Б. Цыренова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2016.

U.B. ZHAMBAEVA

*Candidate of philosophical Sciences,
associate Professor of Management in higher
education, REU im. G.V. Plekhanova Ulaanbaatar branch,
Adviser to the President of the Mongolian diplomatic
organization for peace and friendship,
Ulan-Bator, Mongolia*

TIBETAN BUDDHISM IN THE POLITICAL CONTEXT OF THE YUAN DYNASTY

In 1267-1279, Khubilai fights for the real conquest of all of China. To begin with, Khubilai found himself the Commander-in-Chief Chinese Shetankze, then he decided to transfer the capital of his kingdom from Karakoram to China, namely to the place of the old capital Dasin, hereinafter referred to as Beijing. A new city is being built in the suburb of Dashin, which is called the great capital or Khanbalyk, in Chinese Dadu. Khubilai lacked religious fanaticism, but there was ethnic fanaticism. In this sense, it is much more interesting to identify the common stereotypical foundations of behavior associated with Khubilai's psychology, and more so with the nature of the unconscious, which allow us to build a different order of ethnic structure, the basis of which can serve as an immanent sense of unity.

Key words: *state, mentor, Buddhism, dynasty, politics, religion, legitimacy, emperor.*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УЗБЕКИСТАНЕ

В данной статье рассмотрены концептуальные подходы к формированию национальной модели развития гражданского общества в Узбекистане, анализирован международный опыт по поддержке институтов гражданского общества, оценка применимости для условий Узбекистана Концепции неразрывного единства государства и гражданского общества. А также, для программно-целевого ориентирования национальной модели развития гражданского общества отмечена необходимость разработки индикаторов измерения эффективности развития гражданского общества, позволяющие в каждый конкретный момент времени объективно оценить достигнутый уровень и тенденции развития гражданского общества и, в соответствии с этой оценкой, внести коррективы в стратегические направления развития гражданского общества на ближайшую и среднесрочную перспективу. В статье особо отмечено, что взаимосвязь и взаимодействие институтов гражданского общества с представителями второго сектора является самым эффективным механизмом решения социально-экономических проблем.

Ключевые слова: гражданское общество, институт гражданского общества, концепция, национальная модель, общественный контроль, социальное партнерство, негосударственные некоммерческие организации.

Меры по углублению демократических преобразований в Узбекистане характеризуются поэтапным продвижением к формированию гражданского общества, развитию государственно-правовой и политической системы страны, созданию условий для свободного функционирования институтов гражданского общества.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [3; 5; 6; 8].

Однако проблему нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

В то же время, одним из существенных пробелов в Узбекистане, как в правовом регулировании в сфере формирования гражданского общества, так и в имеющихся концептуально-теоретических разработках по данному вопросу, является отсутствие четкого определения соответствующей научно-методической и юридической терминологии.

Так, ни в одном законодательном акте не закрепляется определение таких понятий, как «гражданское общество», «институт гражданского общества», «общественное управление», «общественный контроль» и т.п., хотя сами эти термины используются достаточно широко.

Не совсем корректное утверждение «гражданское общество» используется в 11 законах и свыше 100 нормативно-правовых актах.

Действительно существуют подзаконные акты, где затрагиваются важные моменты в развитии гражданского общества, например, Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по коренному повышению роли институтов гражданского общества в процессе демократического обновления страны» № УП-5430 от 4 мая 2018 г. и др. Однако они также не содержат соответствующей терминологии.

При этом, изучение соответствующих зарубежных источников показывает, что термином «гражданское общество», как правило, определяют взаимосвязанную систему независимых от государственной власти общественно-политических институтов, участвующих, в рамках международного и национального законодательства, в общественных отношениях (экономических, социальных, культурных, нравственных, духовных, корпоративных, религиозных и др.), возникающих по поводу реализации гражданами своих прав и свобод и находящихся вне государственных и личных отношений. В этом определении гражданское общество приравнивается к системе институтов гражданского общества, главный фактор гражданского общества активный индивид ставится на второй план и ограничивается гражданством.

Это система общественных отношений (экономических, социальных, культурных, нравственных, духовных, корпоративных, религиозных и др.), возникающих в результате взаимодействия свободных, равноправных, экономически и юридически автономных индивидов, и их добровольных объединений по поводу реализации прав и свобод человека и находящихся вне государственных и личных отношений.

Как представляется, данное определение вполне может быть применено к гражданскому обществу в Узбекистане. Его целесообразно закрепить, как исходную точку в формировании национальной модели развития гражданского общества.

В то же время, представляется важным отдельно закрепить роль обеспеченности защиты прав частной собственности во всем многообразии ее

конкретных форм как стимула возникновения, функционирования и благотворительной поддержки многообразных общественных структур, а также наличия свободной рыночной экономики, на основе которой происходит самоорганизация граждан по профессиональным интересам с целью защиты своих интересов.

Необходимо законодательно учесть и то обстоятельство, что гражданское общество – это сфера самопроявления граждан и добровольно сформировавшихся некоммерчески направленных ассоциаций и организаций, огражденных от вмешательства и произвольной регламентации со стороны государственной власти и бизнеса, направленных на организацию общественного контроля по отношению к деятельности органов государственной власти, например, в части, обращения граждан, депутатских запросов и т.д. [1]. Данные граждане и организации, кроме прав, имеют и обязанности перед государством, четко определенные в Конституции Республики.

Одновременно необходимо четко закрепить и определение тех субъектов соответствующих общественных отношений, которые принято называть институтами гражданского общества.

Первоначальным и главным элементом гражданского общества является индивид, а уже производным – образуемые им институты. Каждый индивид участвует в правоотношениях внутри гражданского общества как самостоятельный субъект. Однако гражданское общество предполагает деятельность индивида в большей мере в рамках того или иного объединения в зависимости от его интересов и потребностей.

В большинстве случаев к таким институтам относят:

1. ННО.

1.1. Общественные объединения:

– политические партии (с учетом их двойственной общественно-политической природы, заключающейся: 1) в борьбе за власть; и 2) в защите интересов, прав и свобод своего постоянного электората);

– профессиональные союзы;

– общественные объединения, фонды, учреждения, ассоциации и т.п.;

– молодежные, женские организации, объединения ветеранов и т.д.;

– правозащитные организации – общества защиты прав потребителей, общественные юридические консультации и клиники, экологические организации и т.п.;

– религиозные объединения;

– необходим дискурс о статусе органах самоуправления.

1.2. Общественные фонды.

1.3. Общественные учреждения:

– благотворительные и меценатские фонды по поддержке общественных инициатив;

– национально-культурные центры, ассоциации, общества, землячества и т.д.

2. Органы самоуправления граждан.
3. СМИ.
4. Семья.

При всем многообразии национальных особенностей формирования гражданского общества в разных странах мира принято выделять несколько ключевых концептуально-теоретических подходов к определению целей, задач и места институтов гражданского общества в демократическом правовом государстве и принципов взаимодействия государства и гражданского общества.

К ним относятся:

– Концепция неразрывного единства государства и гражданского общества, суть которой состоит в определении этих двух понятий, как взаимосвязанных и взаимообусловленных форм единой социальной жизни, имеющих единые (идентичные) цели и выступающих партнерами в достижении этих целей посредством взаимодействия соответствующих государственных и общественных институтов. Одним из вариантов этой концепции является реализуемая в ряде стран, например, в Японии, «трехсекторная модель», рассматривающая развитие гражданского общества, как процесс мотивируемого едиными интересами взаимодействия всех трех секторов – государства, гражданского общества и бизнеса [7. С. 312].

– Концепция противопоставления государства и гражданского общества ввиду наличия генетических различий между ними. В рамках данной концепции распространенным является мнение о том, что гражданское общество никак не проявляет себя, пока государство неукоснительно соблюдает права человека. В случае же нарушения прав человека гражданское общество оказывает давление на государство в целях защиты этих прав и свобод в различных формах – мирные собрания, шествия, подача петиций, пикеты, стачки и т.п. вплоть до допускаемых отдельными сторонниками этой концепции «мирных нарушений конституционного порядка» [10].

Крайним проявлением этой концепции является концепция «суверенитета личности», признающая за каждым человеком право от рождения не иметь никаких обязанностей перед обществом. С точки зрения этой концепции гражданское общество является «безвластным обществом, в котором отсутствуют иерархия и принуждение».

– Концепции причинности возникновения гражданского общества, приходящего на смену государству, когда государственные институты перестают быть оптимальным регулятором общественных отношений.

По мнению экспертов, для современных условий Узбекистана и требований широкомасштабных реформ, определенных в концептуальных работах Ш.М. Мирзиёева, наиболее оптимальной для реализации представляется Концепция неразрывного единства государства и гражданского общества [4. С. 56].

В этой связи необходимо отметить, что одним из существенных пробелов в данной сфере является то, что в действующих государственных программах фундаментальных и прикладных исследований по вопросам развития гражданского общества и его отдельных институтов не ставится цель критического анализа существующих теоретических концепций сущности гражданского общества и закономерностей его развития и разработки на этой основе концептуально-теоретических подходов к формированию национальной модели развития гражданского общества в Узбекистане.

С учетом вышеизложенного, целесообразно определить в числе приоритетных направлений фундаментальных и прикладных исследований:

- оценку применимости для условий Узбекистана вышеуказанной Концепции неразрывного единства государства и гражданского общества, а также ее адаптации, исходя из имеющейся ресурсной базы, возможных рисков и вызовов;

- определение методики разработки, на основе указанной Концепции, стратегических направлений развития гражданского общества в Узбекистане на среднесрочную и долгосрочную перспективу;

- механизмы проведения общественной экспертизы подготавливаемых или разрабатываемых законов и их имплементации;

- развитие социального партнерства органов власти ННО;

- повышение потенциала институтов гражданского общества;

- участие институтов гражданского общества в системе международных отношений;

- специфику формирования институтов гражданского общества в странах Востока и особенности их функционирования в традиционных обществах;

- выработки соответствующих системных рекомендаций.

Обращение к соответствующему зарубежному опыту показывает, что основными направлениями непосредственного формирования и поддержки институтов гражданского общества с помощью государственно-правового механизма являются:

- создание благоприятных организационно-правовых условий для создания, государственной регистрации, профессиональной деятельности и развития институтов гражданского общества;

- предоставление субсидий реализации органов государственной власти государственных закупок продукции ННО защищающих интересы (Германия, Франция) уязвимых слоев населения (личности с инвалидностью, престарелых и т.д.) и других форм государственной поддержки (например, ежегодные субсидии, выдаваемые некоторым фондам);

- сотрудничество органов государственной власти с институтами гражданского общества, способствующее налаживанию диалога и взаимопонимания между обществом и государством (государственно-частное партнерство);

- организация совместной защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, демократических ценностей, достижения соци-

альных, культурных и образовательных целей, отвечающих государственным и общественным запросам;

– участие и помощь государственных органов в обеспечении деятельности институтов гражданского общества (например, в подготовке и повышении квалификации работников и актива гражданских институтов и т.п.) [9. Р. 546-551].

При этом косвенное воздействие на формирование и поддержку институтов гражданского общества оказывают такие элементы государственно-правового механизма, как:

– экономические (основами гражданского общества в экономической сфере являются многоукладная экономика, разнообразные формы собственности, регулируемые рыночные отношения);

– социально-политические (децентрализация властных полномочий, разделение властей, политический плюрализм, доступ граждан к участию в государственных и общественных делах, верховенство закона);

– идеологические (отсутствие монополии одной идеологии и мировоззрения, свобода слова, печати, собраний, совести и вероисповедания, цивилизованность, высокая духовность и нравственность);

– морально-этические;

– культурологические.

Формами прямой поддержки государством институтов гражданского общества также являются:

– целевое финансирование общественно полезных программ общественных объединений по их заявкам (государственные гранты);

– заключение государственными органами с общественными объединениями любых видов договоров, в том числе о выполнении работ и предоставлении услуг;

– социальный заказ неограниченному кругу общественных объединений и проведение конкурсов на выполнение различных государственных программ;

– предоставление льгот по уплате налогов, таможенных и иных сборов и платежей негосударственным некоммерческим организациям, созданным в благотворительных, образовательных, культурных и научных целях, в целях охраны здоровья граждан, защиты окружающей среды, развития физической культуры и спорта;

– предоставление некоммерческим организациям иных льгот, в том числе полное или частичное освобождение от платы за пользование государственным и муниципальным имуществом.

Проведенное изучение действующих законодательных актов, регулирующих взаимодействие государства и гражданского общества, показало на наличие существенных пробелов в определении соответствующих процессуальных механизмов. Так, например, статья 7 Закона «О социальном

партнерстве» определяет, что государственные органы могут с их согласия привлекать негосударственные некоммерческие организации и другие институты гражданского общества к разработке и реализации программ социально-экономического развития, а также при разработке и реализации указанных программ осуществляют сбор предложений от заинтересованных негосударственных некоммерческих организаций и других институтов гражданского общества [2].

Однако в действующем законодательстве порядок участия институтов гражданского общества в данном вопросе не определен, что является одной из основных причин системного характера, сдерживающих проявление соответствующей инициативы ННО и других гражданских институтов.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть вопрос о разработке, в рамках национальной модели развития гражданского общества, соответствующей Государственной программы на 2020-2021 годы по вопросам совершенствования законодательства, регулирующего развитие гражданского общества и деятельность его институтов.

Для программно-целевого ориентирования национальной модели развития гражданского общества необходимо, чтобы национальная модель четко определяла индикаторы измерения эффективности развития гражданского общества, позволяющие в каждый конкретный момент времени объективно оценить достигнутый уровень и тенденции развития гражданского общества и, в соответствии с этой оценкой, внести коррективы в стратегические направления развития гражданского общества на ближайшую и среднесрочную перспективу.

Таковыми индикаторами, исходя из международного опыта, могут быть:

– уровень правовой культуры и общественной активности населения – определяется социологическими исследованиями, анализом обращений граждан, участием в открытом обсуждении проектов законодательных актов;

– уровень общественного участия – количественные показатели участия населения в деятельности различных институтов гражданского общества, не преследующих политические цели;

– уровень политического участия – количественные показатели участия населения в деятельности политических партий, выборах различного уровня, голосовании за те или иные программные положения кандидатов и политических партий;

– уровень организованности гражданского общества, который можно оценить такими показателями, как:

а) управление внутри гражданского общества – научный мониторинг соответствующих сфер деятельности институтов гражданского общества;

б) инфраструктура гражданского общества (в особенности, наличие низовых звеньев непосредственно среди населения – в махаллях, по месту работы, учебы и т.п., а также уровень развития негосударственной сферы социальных услуг);

в) взаимодействие институтов гражданского общества между собой (взаимодействие внутри сектора) и с государственными органами и субъектами бизнеса (межсекторное взаимодействие);

г) кадровые ресурсы;

д) финансовые и технические ресурсы, как государственных, так и частных (бизнес), международные связи.

– ценностные установки в сфере:

а) демократичность управления;

б) регулирование трудовых отношений;

в) кодексы поведения;

г) нравственные ценности и т.п.

– уровень влияния институтов гражданского общества:

а) отклик на общественные проблемы;

б) социальное воздействие на решение проблем;

в) политическое воздействие на решение проблем;

г) воздействие институтов гражданского общества на поведенческие, ценностные, политические и т.п. установки населения.

– оценка экономической, социальной, политической и культурной ситуации, в которой существует гражданское общество – мониторинг и научный анализ мнений отечественных и зарубежных ученых и экспертов соответствующих сфер.

По мнению многих экспертов, взаимосвязь и взаимодействие институтов гражданского общества с представителями второго сектора является самым эффективным механизмом решения социально-экономических проблем.

С помощью данного механизма можно достичь следующего:

– создание благоприятных условий для создания новых рабочих мест для молодежи;

– повышение профессионального роста молодежи, обучение ее современным профессиям;

– развитие механизмов реализации «социального заказа» второго сектора;

– повышение социальной ответственности бизнеса.

Учитывая тенденцию развития современных компьютерных технологий, существует потребность создать дополнительные «дискуссионные площадки» в социальных сетях Интернета.

Создав платформы коммуникации, можно достичь следующего:

– ведение мониторинга социального мнения граждан по социально резонансным вопросам;

– анализ эффективности государственной политики в интересующих сферах общественной жизни;

– формирование публичного круга экспертов, обсуждающих в сети Интернет концептуальные и теоретические вопросы развития гражданского общества;

- выявление современных тенденций развития гражданского общества;
- создание обратной связи с обществом (feedback).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Закон Республики Узбекистан «Об общественном контроле» от 12 апреля 2018 года № ЗРУ-474.
2. Закон Республики Узбекистан «О социальном партнерстве» от 25 сентября 2014 года № ЗРУ-376.
3. *Маазов У.С.* Институты гражданского общества как субъект политического процесса в Чеченской Республике // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 1 (53).
4. *Мирзиеев Ш.М.* Мы все вместе построим свободное, демократическое и процветающее государство Узбекистан. Выступление на торжественной церемонии вступления в должность Президента Республики Узбекистан на совместном заседании палат Олий Мажлиса. Т.: Узбекистан, 2016.
5. *Нечай Е.Е., Прокопчук Д.Д., Гриценко Р.А.* Институционализация политических партий: мировой опыт // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 6 (45).
6. *Носаненко Г.Ю., Гафиуллин Х.И.* Политико-правовой статус уполномоченного по правам ребенка как института гражданского общества // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 12 (57).
7. *Хорос В.* Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы. Москва, 1998.
8. *Шукуровский А.Р.* Роль государственной культурной политики в формировании гражданского общества // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 11 (51).
9. *Zhuravleva I.* Institutions of Civil Society in Space of Democratic Politics // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Volume 166.
10. <https://www.osce.org/ru/odihr/elections/uzbekistan>

A.R. SULTANOVA

*Senior lecturer of the department
of Social sciences of the Tashkent
Financial Institute, Tashkent,
Republic of Uzbekistan*

CONCEPTUAL APPROACHES TO THE FORMATION OF NATIONAL MODEL OF CIVIL SOCIETY DEVELOPMENT IN UZBEKISTAN

This article discusses conceptual approaches to the formation of a national model for the development of civil society in Uzbekistan, analyzes international experience in supporting civil society institutions, assesses the applicability for the conditions of Uzbekistan, the Concept of inextricable unity of state and civil society. And also, for the program and target orientation of the national model of development of civil society marked by the need for the development of performance measurement indicators of civil society, allow at any given point in time to objectively assess the current level of and trends in development of civil society and, in accordance with that assessment, make adjustments to the strategic directions of development of civil society in the near and medium term. The article emphasizes that the relationship and interaction of civil society institutions with representatives of the second sector is the most effective mechanism for solving socio-economic problems.

Key words: *civil society, civil society institution, concept, national model, public control, social partnership, non-governmental non-profit organizations.*

ВЫХОД СТРАН БАЛТИИ ИЗ ЭНЕРГОКОЛЬЦА БРЭЛЛ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

В статье рассматриваются основные причины выхода стран Балтии из «энергокольца» БРЭЛЛ. Среди базовых определяются политические (необходимость обеспечения региональной энергобезопасности ЕС) и технические, обусловленные спецификой работы европейских энергосетей. В качестве основных следствий определяются технические работы по трансформации энергосетей и продолжающийся диалог ЕС с Россией.

Ключевые слова: энергокольцо БРЭЛЛ, энергосистема ЕС, страны Балтии.

Выход прибалтийских стран из энергокольца БРЭЛЛ трактуется прессой по-разному, но в большинстве случаев, имеет весьма односторонний взгляд. Основан он на политическом контексте, являющем собой показательное противостояние этих государств с Россией, выступающей в качестве преемницы СССР. Это даже не противодействие Запада и РФ, не попытки ЕС оказать влияние. Скорее, это попытки Прибалтики создать видимость своей значимости как для ЕС, так и для России, что, несомненно, является прекрасной пищей для масс-медиа и на руку политической элите прибалтийских стран, так как представляет собой средство влияния на население и создание образа, так называемого, «внешнего врага», ну и как следствие, укрепление патриотизма.

При этом, со стороны РФ наблюдается идентичная картина с подтекстом: «мы столько для них сделали, а они...» [6]. Для трезвой оценки ситуации следует смотреть на нее со стороны ЕС, причем сугубо с экономической позиции – объединения энергосетей внутри Евросоюза. То есть, если ты в составе ЕС, значит должен подгонять энергосети, и не только, под общепринятый стандарт. Обусловлено это, прежде всего, политикой экономии ресурсов и возможностью тем самым попытаться сберечь экологию.

Объединение энергосистем выгодно для ЕС, так как при едином стандарте легче вести наблюдение и учет. Кроме того, появляется возможность

автоматизации многих процессов и исключения ненужных этапов, как следствие происходит экономия и времени, и рабочей силы, и бюджета. В принципе, именно к достижению этих целей и ведет энергетическая интеграция, отсюда и упорный интерес в ее продвижении. Появление такого понятия, как Европейский энергетический союз, лишний раз доказывает важность для Европы продвижения идей энергетической интеграции, хотя и является лишь новым названием для довольно давно запущенных проектов. Синхронизация электрических сетей Балтийских стран с «континентальной» европейской сетью имеет ключевое значение для достижения Энергетического Союза. Что отсылает нас к саммиту Евросоюза 2015 года, на котором и было объявлено о «необходимости создания Энергетического Союза» [7]. Из доклада Еврокомиссии и становится очевидной причинно-следственная связь: Энергетический Союз – политика энергетической интеграции – переподключение энергосетей стран Балтии. В докладе указывается, что на данный момент Европейский Союз тратит до четырехсот млрд. евро ежегодно. «В совокупности страны ЕС ежегодно тратят 120 млрд. евро на прямые и косвенные энергетические субсидии». При этом в докладе было заявлено, что к 2020 году планируется достигнуть все цели энергосбережения, возникает лишь одно «но»: для этого придется вложить порядка одного триллиона евро.

В целом, можно сделать вывод, что трио целей энергополитики Европейского Союза не изменилось, лишь трансформировалось в новый термин – Энергетический союз. Безопасность, цена, экология – работа по этим краеугольным направлениям энергополитики ЕС велась, ведется и предстоит в будущем. Все прочие направления, так или иначе, повторяют основную тройку. Таким образом, энергетическая интеграция стран Балтики имеет очень большое значение для Энергетического союза Евросоюза. Подтверждением этому может служить встреча 18 декабря 2017 года вице-президента по энергетическому союзу Мароша Шефковича, комиссара по вопросам климата и энергетики Мигеля Ариаса Каньете и министров энергетики стран Балтии и Польши [5]. И одним из наиболее важных моментов можно назвать обсуждение наилучшего решения и способа синхронизации электросетей к концу мая 2018. Вице-президент, комиссар и министры подтвердили свою решительную позицию по приверженности проекту синхронизации в качестве краеугольного камня для реализации приоритета Энергетического союза Комиссии Юнкера.

В последние годы в энергетической политике ЕС изменение претерпело в основном направление безопасности, имеющее красивое название «энергетическая безопасность, солидарность и доверие» [2], от которого так и веет духом демократии, пропагандируемой ЕС в своей внешней политике. Для достижения солидарности все страны-члены ЕС должны быть едины в своем мнении, то есть требуется некий консенсус, придти к которому

весьма трудно [3. С. 88]. Лидеры Европейского Союза пришли к пониманию необходимости усовершенствования инструментов общей энергетической политики в силу противостояния в этой сфере РФ, как главному поставщику, и, конечно же, нестабильности поставок, угрожающей безопасности стран региона. Поэтому, обеспечение энергетической безопасности является на сегодняшний день одним из базовых направлений деятельности Европейского союза.

События последних лет, обусловленные кризисом на Украине и, следовавшей за ней проблематизацией взаимоотношений между Европейским Союзом и Российской Федерацией, стимулировали Евросоюз к поиску таких политических способов взаимодействия, которые могли бы гарантировать надежную поставку энергоресурсов в Европу, причем по заниженным ценам.

Одной из таких стратегий на данный момент может стать координация энергетической политики всех государств Евросоюза, реализуемая в первую очередь, посредством проекта Европейского энергетического союза. Так, один из глав Еврокомиссии, Ж.-К. Юнкер, определял энергетическую политику и активизации ее проведения, в качестве одного из базовых приоритетов своей деятельности. По его мнению «российский фактор» в том числе является важным импульсом создания Энергетического Союза, в первую очередь для обеспечения безопасности поставок. Например, он отмечал: «... Европа слишком сильно зависит от импорта топлива и газа <...> если цена энергии с Востока станет слишком дорогой с коммерческой или политической точки зрения, Европа должна быть способна безболезненно переключиться на другие каналы поставки» [4]. Соответствующие функции были сформулированы им в сфере практических функций будущего Энергетического союза [4]. При этом, сложно не обратить внимание на то, что под идеей Энергосоюза был объединен набор ранее созданных проектов ЕС. И как пишет в своей статье Н.Ю. Кавешников: «Новая символика лишь повышает политический профиль энергетических вопросов, что в перспективе повысит эффективность реализации существующих планов» [4].

Возвращаясь к теме синхронизации электросетей стран Балтики и ЕС можно говорить о том, что с самого начала Комиссия Юнкера была ориентирована на осуществление стратегических проектов энергетической инфраструктуры и разработала варианты, прекращения «энергетической изоляции» стран Балтийского региона. Устранить ее следует посредством повышения их интеграции в энергетический рынок Европейского союза. Главная цель в скорейшей синхронизации электрических сетей стран Балтии. Так почему же эта синхронизация является для Энергетического Союза одним из центральных энергетических приоритетов в энергополитике ЕС. И даже соответствующие положения были включены в список принятых Комиссией в ноябре 2017 года проектов. Эти проекты являются главными инфраструктурными элементами, направленными на объединение энерго-

систем стран Европейского Союза. Европейская комиссия зависит от поддержки Балтийских государств в этом отношении.

Однако помимо политических контекстов европейской безопасности и с целью полного понимания исследуемого вопроса, необходимо рассмотреть строение электросетей Евросоюза, их структуру, расположение. В период разработки европейского ТЭО в ней действовали две базовые энергетические системы это UCTE и NORDELL, а также четыре меньшего масштаба. В состав первой, UCTE, или Центрально-Европейской синхронной зоны входили энергосистемы таких стран как Австрия, Бельгия, Болгария, Босния и Герцеговина, часть Венгрии, Германия, Греция, часть Дании, Испания, Италия, Люксембург, Македония, Нидерланды, Польша, Португалия, часть Румынии Словакия, Словения, Сербия, Франция, Хорватия, Черногория, Чехия, западная Швейцария. Кроме того, с UCTE связаны энергосистемы Англии. Во вторую, NORDELL, или Северную синхронную зону были включены энергетические системы части Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции.

Кроме этих двух основных энергетических сетей, в ней также имеются: ATSOI, BALTSO, ETSO и UKTSOA. Значимая в контексте нашей работы, BALTSO – это организация, созданная для координации работы энергосистем стран Балтии. Кроме того, в 2009 году произошли изменения, связанные с циклопическим проектом под названием ENTSO-E, изменившие в свою очередь, общую ситуацию в Европе. По сути, ей была необходима единая энергетическая система, объединяющая в себе все шесть энергосистем. При этом понятно, что этот вопрос является сложным и с технической и с экономико-финансовой точки зрения. Быстрого решения иметь он просто не может.

Итак, в 2009 году было создано ENTSO-E, представляющее собой объединение сорок одного системного оператора всех шести энергетических объединений в тридцати пяти европейских государствах [1]. По сути, возвращаясь к началу и энергополитики в целом – это безопасность, экономия, экология. И начинается объединение естественно с наиболее масштабных по площади, объему генерации электричества и числу потребителей – энергосетей UCTE и NORDELL.

Здесь почти сразу возникают трудности, причем неожиданные, поскольку носят сугубо географико-технический характер, так как, на востоке Европы соединительные линии между UCTE и NORDELL могут пройти только через территорию Балтийских стран. Это единственный вывод, формирующийся после взгляда на карту. Получается, что страны Прибалтики играют весьма опосредованную роль при решении масштабнейшей, но крайне сложной технической цели – синхронизации UCTE и NORDELL, невозможной за рамками территорий прибалтийских стран. Вся заявленная ЕС «любовь» и поддержка прибалтийских стран в спорах с РФ разбивается о циничную «изнанку», им просто нужна эта территория.

Использование соединений этих систем по линиям Литва-Польша, Литва-Швеция, Эстония-Финляндия не политической прихотью ЕС и, тем бо-

лее, правительств прибалтийских государств – это всего лишь техническая необходимость ENTSO-E, где Балтика выступает не важным партнером, а элементом в системе объединения энергосетей. Поэтому столь важный процесс ENTSO-E – это не выход Прибалтики из состава ЭК БРЭЛЛ, а синхронизация UCTE и NORDELL, то есть просто слияние двух энергосистем через ее территорию.

В этом заключается техническая причина выхода Балтики из БРЭЛЛ, лишенная политических контекстов. Поэтому, отчасти, и не прекращается энергодиалог Россия – Евросоюз, так как газ и электричество – две абсолютно автономные составляющие этого диалога. Основная идея создания ENTSO-E: «обеспечение надежной эксплуатации, оптимального управления и развития европейской системы передачи электроэнергии для обеспечения энергетической безопасности». Эта идея имеет фундаментальный контекст: прежде всего энергетическая безопасность заключается в бесперебойной подаче электроэнергии при любых ЧП. Это предполагает, что технико-экономическое обоснование для ENTSO-E будет разрабатываться и дальше. На данный момент невозможно точно определить, что какой из двух базовых вариантов энергетической политики будет для Европы более выгоден: вложение ресурсов в восстановление своей базовой генерации или достижение устойчивых договоренностей с Россией и Белоруссией, а значит энергодиалог РФ – ЕС будет продолжаться.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. БРЭЛЛ и энергетические объединения Европы // <http://geoenergetics.ru/2018/04/16/brell-i-energeticheskie-obedineniya-evropy/>.
2. Выступление Заместителя Председателя Европейской Комиссии Мароша Шефчовича на концеренции «Северный поток – 2: Энергетический союз на перепутье» // https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/6651/node/6651_fr
3. *Кавешников Н.Ю.* Развитие внешней энергетической политики Европейского союза // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4 // http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/10mezhd_otn_kaveshnikov.pdf
4. *Кавешников Н.Ю.* Энергетический союз ЕС – новая упаковка для старых проектов // <https://mgimo.ru/about/news/experts/270247/>.
5. Прибалтика решит вопрос синхронизации энергосетей с ЕС к маю // <https://eadaily.com/ru/news/2017/12/20/pribaltika-reshit-vopros-sinhronizacii-energosey-s-es-k-mayu>.
6. Синдром распада СССР: что не так между Россией и прибалтами? // <https://rusvesna.su/news/1581423014>
7. European Commission. European Union Package COM. 25.02.2015 // http://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:1bd46c90-bdd4-11e4-bbe1-01aa75ed71a1.0001.03/DOC_1&format=PDF.

A.D. AFONIN

*Post-graduate student at the Chair
of political science and political philosophy,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign
Affairs of RF, Moscow, Russia*

THE BALTIC COUNTRIES EXIT FROM THE BRELL “ENERGY RING”: CAUSES AND EFFECTS

The article discusses the main reasons for the Baltic countries (Latvia, Lithuania and Estonia) to leave the “energy ring” BRELL. Among the basic reasons: political ones (the need to ensure regional energy security of the EU) and technical ones are determined, due to the specifics of the European energy networks. The main consequences are the technical work on the transformation of energy networks and the ongoing dialogue between the EU and Russia.

Key words: *BRELL “energy ring”, EU energy system, Baltic countries.*

ПРОФИЛАКТИКА ИСЛАМСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

В статье дается краткая характеристика мусульманского сообщества Республики Татарстан, выделяются причины радикализации последователей ислама в регионе. В статье описывается комплекс мер, реализуемых властями Республики, работниками культуры и образования, в соответствии с Республиканской целевой программой профилактики терроризма и экстремизма на 2009-2011 гг., получившей в 2012-2014 гг. продолжение в виде программы «Профилактика терроризма и экстремизма в Республике Татарстан на 2014-2022 годы» или Подпрограммы-3. Данная Подпрограмма предусматривает комплекс мер, направленных на предотвращение межконфессиональных и межэтнических конфликтов в Республике. Также в статье анализируются достигнутые в процессе реализации Программы результаты.

Ключевые слова: Республика Татарстан, региональная политика, исламский радикализм и экстремизм, профилактика исламского радикализма.

В Республике Татарстан проживает примерно 4 млн. человек, титульная нация составляет примерно 53,2% населения. Примерно 54% населения исповедуют ислам [5].

В Приволжском федеральном округе (ПФО) официально зарегистрированы примерно 2400 исламских организаций, а также неофициальные организации [9. Р. 44]. На территории Татарстана находятся серьезные научно-богословские институты, духовные управления, места массовых культовых отправлений мусульман, а также религиозно-административные мусульманские подразделения (муфтиаты, мечети, молельные дома).

В 90-е гг. ПФО стал зоной миссионерской деятельности последователей исламистских идеологий, данный процесс заметным образом изменил облик мусульманской общины: снизился возраст верующих мусульман (в 2001 г. примерно 7% молодых людей считали себя верующими, в 2004 г. уже 15%); изменение фейс- и дресс-кода верующих; попытки искоренить татаро-башкирские традиции ислама, например, абыстай (женщины, кото-

рых приглашают читать Коран домой); поминки; национальные праздники; День рождения пророка Мухаммеда и т.д. Распространение экстремистских идей происходит на русском языке для упрощения коммуникации с молодыми людьми, многие из которых не знают национальных языков. Салафитские группы, действующие в Поволжье, представляют собой устойчивые группы, которые четко осознают свою специфику и не стремятся к объединению с другими группами и окружающим их населением.

Основными причинами для распространения и укоренения экстремистских идей являются социальное и экономическое неравенство, влияние исламистских групп Северного Кавказа, распространение экстремистских идей через Интернет, распространение салафизма среди заключенных в тюрьмах, недостаток образованности среди исламского духовенства, поток мигрантов из Средней Азии. Татарстан остается одним из лидеров ПФО по приему мигрантов, большое количество мигрантов являются представителями национальностей, которые исповедуют ислам. Социологическое исследование на тему «Социокультурные условия приживаемости «новых» этнических групп Республики Татарстан», проведенное в Республике Татарстан Габдрахмановой Г.Ф. и Сагдиевой Э.А. выявило, что ислам объединяет всех мигрантов, несмотря на разную приживаемость в Республике. Для многих мигрантов межконфессиональная толерантность в регионе стала определяющим фактором для выбора региона вселения или работы [2. С. 62-81]. Также стоит упомянуть отсутствие единства внутри мусульманской уммы [7].

На территории Республики действуют следующие запрещенные исламистские организации «Булгарский джамаат», «Хизбут-Тахрир», «ТаблигиДжамаат», «Файзрахманисты», «Нурджулар», «Ат-такфирваль-хиджра», ИГИЛ.

Профилактика экстремизма и терроризма на территории республики Татарстан. Власти республики Татарстан начали реализовывать программу профилактики экстремизма и терроризма в 2008 г, когда была утверждена Республиканская целевая программа профилактики терроризма и экстремизма на 2009-2011 гг. В 2012-2014 гг. данная программа получила продолжение. В январе 2014 г. вышел приказ о реализации программы «Профилактика терроризма и экстремизма в Республике Татарстан на 2014 – 2020 годы» или Подпрограмма-3.

В 2013 г. постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан была утверждена программа Республики Татарстан «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Республике Татарстан на 2014-2020 годы» (9 октября 2019 г. срок действия программы был увеличен до 2022 года). Целью Программы является повышение качества и эффективности противодействия преступности и обеспечения общественной безопасности. На реализацию программы «Профилактика терроризма и экстремизма в Республике Татарстан» (Подпрограмма-3) в составе вышеуказанной программы было выделено 154,954 млн. рублей. Программа проводится в два этапа: I этап – 2014-2016 годы и II этап – 2017-2022 годы.

Меры, предпринятые в процессе реализации Подпрограммы-3.

В 2012 г. при Казанском федеральном университете (КФУ) на кафедре конфликтологии был создан специализированный Центр медиации, урегулирования конфликтов и профилактики экстремизма. В 2013 г. была разработана программа для агитаторов-пропагандистов, работающих с населением.

В 2015 г. был издан Указ «О комплексной системе мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтов на религиозной и национальной почве в Республике Татарстан». Система мониторинга является частью федеральной программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)» и Государственной программы «Реализация национальной политики в Республике Татарстан на 2014-2020 годы». В соответствии с отчетом МВД по Республике Татарстан в 2016 год за время действия Подпрограммы-3 был организован постоянный мониторинг республиканского сегмента сети Интернет для выявления материалов экстремистской направленности. Итогом работы стали 40 экспертных заключений.

В соответствии с распоряжением Президента Республики Татарстан от 07.03.2016 № РП-170 при Антитеррористическом Комитете Республики была образована межведомственная рабочая группа по вопросам профилактики терроризма и экстремизма в Республике Татарстан и экспертная группа при ней. Целью работы данных структур является обеспечение взаимодействия органов исполнительной власти Республики Татарстан, территориальных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления.

В 2018 году Академия наук Республики организовала ежегодный мониторинг качества и уровня безопасности образовательной среды в мусульманских религиозных учебных заведениях. Кроме того, Республика перешла на использование единых образовательных стандартов в области теологического образования. В 2018 году был утвержден Типовой функциональный регламент должностных лиц образовательных организаций, ответственных за профилактику терроризма, с указанием их прав, обязанностей и ответственности.

Республиканское агентство по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа» совместно с Российским исламским университетом записали 15 тыс. дисков с религиозными проповедями для бесплатного распространения среди посетителей мечетей. Брошюры, книги, фильмы, которые призывают к поддержанию традиций мирного сосуществования и взаимодействия, были направлены в культовые учреждения Республики.

С 2012 году на базе КФУ проводятся сборы представителей муниципальных антитеррористических комиссий по вопросам реализации полномочий в области профилактики терроризма, а также курсы повышения квалификации для сотрудников уголовно-исполнительной системы [3]. Внимание также уделяется ресоциализации осужденных, организована профилак-

тическая работа с членами их семей. В 2018 году была проведена работа с 30 осужденными и членами их семей, были составлены индивидуальные карты и рекомендации по ресоциализации.

В 2018 г. был проведен первый республиканский детские фестивали народов Татарстана «Мы – вместе». Ежегодно с 2013 г. в столице Республики Татарстан проводится молодежный форум «Дружба народов – богатство Татарстана», а также с 2011 г. каждый сентябрь в Республике проводится месячник «Экстремизму – нет!» в целях предотвращения конфликтов на межэтнической, социальной и межконфессиональной почве [6].

Результаты. Республика Татарстан входит в двадцатку первых регионов по уровню преступности в соответствии с данными Портала правовой статистики (2010 г. – 16 место, 2015 г. – 14 место, 2017 г. – 11, 2018 г. – 13, дек. 2019 – 10). Исследуя статистику совершения преступлений в период с 2010 г. по настоящий момент, можно сказать, что число зарегистрированных преступлений террористической направленности в Республике Татарстан с 2010 года выросло (2010 г. – 10, 2013 г. – 10, 2015 г. – 43, 2017 г. – 37, декабрь 2019 г. – 52). Число зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в период с 2010 г. по 2015 г. росло, однако впоследствии начало снижаться (2010 г. – 23, 2013 г. – 45, 2015 г. – 68, 2017 г. – 47, декабрь 2019 г. – 7) [4]. Чаще всего обвиняемыми становятся приверженцы организаций «АтТакфирваль-хиджра», «Хизб-утТахрир аль-Ислами», «Нурджулар», «ТаблигиДжамаат».

Распространение радикальных исламских идеологий в Республике часто происходит через тюрьмы при помощи так называемых «тюремных джамаатов» или «зеленых зон». Не редко лица, изначально не исповедующие ислам, оказавшиеся в изоляции во время отбывания тюремного срока, попадают в «джамааты» и становятся приверженцами радикального ислама. В Республике Татарстан большое внимание уделяется ресоциализации людей, отбывших наказание, а также членам их семей, однако предпринимаемых мер пока недостаточно [8. С. 62-69].

Несмотря на вышеперечисленные данные, радикальные и экстремистские взгляды неприемлемы для большинства людей, проживающих в Республике, что сохраняет стабильность в Республике, однако некоторые люди, в первую очередь, представители молодежи все-таки иногда попадают под влияние экстремистов [1. С. 25-38].

Таким образом, основой для предупреждения и профилактики экстремизма в Республики является Государственная программа «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в республике Татарстан на 2014-2022 годы», Подпрограмма «Профилактика терроризма и экстремизма в Республике Татарстан на 2014-2022 годы». Программа включает целый комплекс действий, направленных на предупреждение экстремизма. В целом, в Республике организуется серьезная работа, на-

правленная на предупреждение и профилактику исламского экстремизма. В соответствии с Отчетом о реализации государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Республике Татарстан на 2014-2021 годы» в 2018 году проведенные исследования показали, что население удовлетворено работой органов внутренних дел, уровень тревоги населения снизился. Однако видимых изменений ситуации в отношении вопроса обеспечения антитеррористической безопасности в соответствии со статистическими показателями не наблюдается.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Беляев В.А., Мингазова А.М.* Отношение разных поколений населения Татарстана к экстремизму как фактор снижения межконфессиональной напряженности // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5. № 1.
2. *Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А.* «Социокультурные условия приживаемости «новых» этнических групп Республики Татарстан», проведенное в Республике Татарстан // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 1.
3. Информация о реализации государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Республике Татарстан на 2014-2021 годы» в 2018 году // http://kamskoye-ustye.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_221495_enc_121892.pdf.
4. Карта показателей преступности (данные с 2010 г. по 2019) // http://crimestat.ru/offenses_map
5. Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе // <http://pfo.gov.ru/district/>.
6. Подпрограмма «Профилактика терроризма и экстремизма в Республике Татарстан на 2014-2022 годы» (с изменениями на 9 октября 2019 года), постановление Кабинета министров Республики Татарстан от 16 октября 2013 г. № 764.
7. *Сулейманов Р.* Умма прирастает «меньшевиками» // Независимая Газета. Религии // http://www.ng.ru/ng_religii/2018-02-07/13_436_umma.html
8. *Усманов И.М., Зиннуров Ф.К.* «Зеленая» зона: реальность или провокация (практика противодействия радикализации осужденных в местах лишения свободы в Республике Татарстан) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 1.
9. *Markedonov S.* The Rise of Radical and Nonofficial Islamic Groups in Russia's Volga Region // A Report of the CSIS Russia and Eurasia Program. 2013.

K.S. PETROVA
*Post-graduate Student,
Faculty of Political Science, Moscow
State University Lomonosov,
Moscow, Russia*

PREVENTION OF ISLAMIC EXTREMISM AND TERRORISM IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN

The article gives a brief description of the Muslim community of the Republic of Tatarstan, identifies the reasons for the radicalization of the followers of Islam in the region. The article describes a set of measures implemented by the authorities of the Republic, workers of culture and education, in accordance with the Republican Target Program for the Prevention of Terrorism and Extremism for 2009-2011, received continuation in the form of the program “Prevention of Terrorism and Extremism in the Republic of Tatarstan for 2014-2022” or Subprogram-3 in 2012-2014. This Subprogram provides a set of measures aimed at preventing inter-confessional and interethnic conflicts in the Republic. The article also analyzes the results achieved during the implementation of the Program.

Key words: *Republic of Tatarstan, regional policy, Islamic radicalism and extremism, Islamic radicalism prevention.*

СОВМЕСТНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ «МГУ-ППИ В ШЭНЬЧЖЭНЕ» КАК ЧАСТЬ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ КНР

В данной работе автор предлагает новый подход к анализу гуманитарных проектов КНР, который позволяет на примере Совместного университета «МГУ-ППИ в Шэньчжэне» утверждать, что Китай таким образом реализует одну из главных задач миграционной политики, а именно, привлечение высококлассных специалистов, обмен образовательными программами и технологиями с целью подготовки высококлассных специалистов в КНР. Проведенное исследование подтверждает, что высшее образование как основа стратегического развития КНР имеет большое значение, важной составляющей по реализации комплекса мер, направленных на развитие государства, выступает миграционная политика.

Ключевые слова: *совместный университет «МГУ-ППИ в Шэньчжэне», миграционная политика КНР, высококлассные специалисты, образовательный процесс.*

Основным направлением миграционной политики Китая является привлечение высококлассных специалистов с целью интеграции зарубежного опыта в развитие страны, в образовательную структуру для дальнейшей подготовки собственных кадров. Китай успешно реализует поставленные цели с помощью нового образовательного тренда – создание совместных университетов.

Следует отметить, что сегодня активно исследуют различную проблематику высшей школы в условиях глобализации, но практически не встречается концептуальный подход к образовательной стратегии как части миграционной политики государства, да, пожалуй, в этом направлении другие государства не могут соперничать с КНР. Положения и направления миграционной политики в данной сфере имеют четко выраженный вектор.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и китайских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [1; 2; 9; 11].

Однако проблему нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

В своем докладе на 19-м съезде КПК Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул, как важно: «подготовить большой контингент стратегически ценных научно-технических кадров международного уровня, лидеров научно-технической деятельности, молодых специалистов в области науки и технологий, создать инновационные команды высокого уровня». Также он отметил, что: «кадровый потенциал – стратегический ресурс для возрождения нации и удержания инициативы на уровне международной конкуренции. Необходимо придерживаться принципа «партия ведаёт людскими ресурсами», привлекать для работы в Китай лучшие умы со всего мира, ускоренными темпами превращать Китай в державу с мощным кадровым потенциалом. Следует проводить более активную, более открытую и более эффективную политику в сфере людских ресурсов. Чтобы сконцентрировать для участия в великой борьбе партии и народа незаурядных специалистов различных профилей, находящихся как в партии, так и вне ее, как в Китае, так и за рубежом, необходимы прозорливость в подборе талантливых людей, искренность в заботе о них, смелость и умение применить их таланты, великодушные, связанное с толерантностью к ним, а также превосходные условия для их привлечения» [7. С. 21].

Под «высококвалифицированными специалистами из-за рубежа» понимаются иностранные граждане, а также работающие и получившие образование за границей граждане КНР. В основу привлечения высококвалифицированных специалистов из-за рубежа легла позиция Дэн Сяопина, обозначенная им в беседе в 1983 г. с первыми лицами ЦК КПК: «надо использовать интеллектуальные ресурсы зарубежных стран, приглашать иностранцев для участия в строительстве важнейших объектов, в работе на различных участках, например, в области просвещения, технической реконструкции. Важность этого вопроса мы недооценивали, а потому и не проявляли большой решимости. Не надо бояться расходов. Пусть иностранцы приезжают как на длительные, так и на короткие сроки или специально для разработки какой-либо одной определенной темы. Приглашайте их, чтобы они помогали в разрешении кое-каких проблем. У нас не хватает ни опыта, ни знаний, необходимых для осуществления модернизации, и нам нужна их помощь. После приезда иностранцев надо следить за тем, чтобы лучше выявить их роль. Раньше мы устраивали для них массу банкетов, занимались церемониями, а вот за советами и помощью в работе обращались мало. Между тем они хотят помогать нам в работе» [10. С. 634].

Современная политика привлечения высококвалифицированных специалистов основывается на нормативно-правовой базе, которая состоит из следующих государственных документов: План привлечения высококвал-

лифицированных специалистов из-за рубежа (海外高层次人才引进计划) [6], Программа среднесрочного и долгосрочного планирования и развития талантов (на 2010-2020 гг.) (国家中长期人才发展规划纲要) [8], Основные положения государственного плана среднесрочного и долгосрочного развития в области науки и техники на 2006-2020 гг. (国家中长期科学和技术发展规划纲要) [5].

Для реализации данных программ был создан специальный орган – Государственное управление по делам иностранных специалистов (中华人民共和国国家外国专家局) (State Administration of Foreign Experts Affairs, the P.R. of China). Генеральный директор данного управления Чжан Цзяньго (张建国) по совместительству является заместителем Министра кадров КНР. Управление по делам иностранных специалистов обеспечивает привлечение в КНР иностранных специалистов и отвечает за управление делами зарубежных экспертов и специалистов из различных стран мира в области экономики, технологий, образования, науки, культуры, менеджмента, здравоохранения.

Глава компании «Huawei» Жэнь Чэньфэй в одном из недавних интервью подчеркнул, что Китаю необходимо делать ставку на образование. По его мнению, в Китае много отличных специалистов, но им все равно необходимо привлекать ученых со всего света. На данный момент, в компании «Huawei» работают не менее 700 математиков, более 800 физиков, более 120 химиков, 6-7 тысяч экспертов по фундаментальным исследованиям, более 60000 инженеров и технических специалистов. Зарботная плата в компании выше, чем во многих западных. Всего в «Huawei» около 60 000 иностранных специалистов, которые участвуют в разработке прикладных продуктов [3].

Использование Китаем финансовой мотивации для привлечения высококлассных специалистов из-за рубежа – распространенная практика и вполне эффективная. Иностранные ученые охотно едут на работу в Китай, но в связи со сложностью интеграции в китайское общество, трудностью получения постоянного места жительства данную категорию приезжих можно рассматривать как временных трудовых мигрантов. А вот создание совместных с иностранными вузами университетов на территории Китая весьма эффективное решение многих государственных задач.

В данной статье, на примере Совместного Университета «МГУ-ППИ в Шэньчжэне» (далее – Университет) рассматривается реализация одного из главных направлений миграционной политики КНР – на основе обмена опытом и кадрами в образовательной сфере подготовка высококвалифицированных кадров. Совместный Университет является проектом стратегического сотрудничества России и Китая, который получил поддержку на самом высоком уровне.

Проект создания Университета неоднократно обсуждался на официальных встречах лидеров двух стран – Президента Российской Федерации

В.В. Путина и Председателя КНР Си Цзиньпина. С 2013 г. началась практическая работа по созданию в КНР совместного российско-китайского университета на базе образовательных стандартов – Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. В процессе создания Университета был разработан, согласован и принят ряд политико-юридических и иных актов, сформировавших нормативно-правовую базу для реализации проекта.

На первом этапе возникла правовая коллизия между российским и китайским законодательством об образовании. Согласно российской позиции вузы вправе самостоятельно реализовывать образовательные программы за рубежом только в собственных филиалах, а согласно китайской – создание филиалов зарубежных вузов на территории КНР строго запрещено.

По законодательству Китая разрешается открытие совместных университетов исключительно в партнерстве с китайскими вузами. Таким образом, китайское правительство обеспечивает себе право контроля над образовательной структурой и право доступа к иностранным академическим ресурсам [4].

Федеральный закон «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете» (8 марта 2015 г.) помог разрешить эту коллизию, что позволило вышеуказанным университетам реализовывать образовательные программы высшего образования в зарубежных организациях, учредителями которых они являются.

27 октября 2016 г. КНР официально разрешил зарегистрировать Университет «МГУ-ППИ в Шэньчжэне» в качестве юридического лица и вести образовательную деятельность с 2017 г. При Университете действует Совет директоров председателем, которого является автор проекта, проректор МГУ имени М.В. Ломоносова С.М. Шахрай (1). Стратегическим инвестором проекта является Народное правительство г. Шэньчжэня. Земля и недвижимость предоставлены Университету в аренду за 1 юань на весь период сотрудничества.

Китайская сторона также взяла на себя расходы на проезд и проживание сотрудников Университета. Годовой оклад профессора МГУ составляет около 600 тыс. юаней с премией по итогам работы за год.

Образовательный процесс ведется на трех языках – русском, английском и китайском. После успешного окончания Университета студенты получают два диплома – Совместного университета и МГУ имени М.В. Ломоносова. В университете преподаются такие фундаментальные науки, как физика, химия, биология, математика и др.

Правительство Китая осознает недостаточно высокий уровень развития фундаментальных наук и исследований. Китай также испытывает нехватку квалифицированных специалистов в сфере высоких технологий. В соответствии с «Основными положениями государственного плана среднесрочного

и долгосрочного развития в области науки и техники на 2006-2020 гг.», Китай планирует увеличить вклад науки и техники в экономику до 60%. Поэтому Китай активно развивает фундаментальные науки и информационные технологии, технологии новых материалов, лазерные и космические технологии. Согласно «Основным положениям национального плана по развитию человеческих ресурсов на средний и длительный срок (2010-2020 гг.)», важная роль в повышении качества специалистов лежит в интернационализации в области подготовки кадров. Открытие совместных университетов позволяет Китаю получить доступ к современным методикам преподавания и к интеллектуальным ресурсам.

Практика создания Университета является взаимовыгодным механизмом сотрудничества и реализации государственных программ двух государств. Для Китая данная практика важна в контексте реализации государственной стратегии «идти во вне» (走出去) и привлечения иностранных высококлассных специалистов, а России, таким образом, предоставлена возможность осуществления экспорта образовательных услуг, повышения престижа российского образования, популяризации русского языка и культуры. Создание Университета – исключительно важный шаг для России в расширение географии присутствия российского образовательного бренда в качестве инструмента «мягкой силы».

Китай реализует разнообразные совместные проекты по подготовке кадров с множеством стран. К ним относятся открытие учебных заведений, совместные аспирантуры, программы академических обменов, проведение научных форумов и конференций и другие форматы. На данный момент на образовательном рынке Китая представлено 9 университетов и более 40 институтов, созданных совместно с иностранными партнерами. Практика создания совместных университетов на территории Китая помогает Китаю достичь несколько целей. В совместные университеты на работу приезжают ведущие преподаватели, исследователи, которые становятся каналом передачи образовательных стандартов китайским партнерам. Совместные университеты, как правило, создаются в тандеме с престижными иностранными вузами. И учитывая рост популярности китайского языка, обучаться в подобных заведениях будет привлекательно не только для китайских граждан, но и для студентов со всего мира. Многие учащиеся за время обучения интегрируются в китайское общество и после окончания устраиваются на работу в китайские компании. Таким образом, повышается профессиональная коммуникация Китая на международном уровне. С данным подходом Китай в кратчайшие сроки сможет восполнить недостаток высококвалифицированных специалистов и решить проблему подготовки кадров у себя в стране, учитывая тот факт, что в Китае всегда уделялось образованию большое внимание как важному фактору стабильного развития.

Современная миграция существенным образом воздействует на политическое, социально-экономическое и демографическое развитие различных стран мира, на интеграционные процессы и взаимодействие государств. Китай, как поставщик рабочей силы, часто находится в поле исследовательского зрения. Но в миграционном аспекте образовательный феномен для Китая, его значение в контексте социально-политических отношений в китайском обществе представляет собой новый предмет исследования.

В этой связи важно отметить, что анализ нормативно-правовой базы указывает на тенденцию совершенствования национального законодательства КНР, направленную на стимулирование иммиграции в Китай иностранных специалистов и возвращение своих граждан, которые учились за границей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Председатель Совета директоров Университета «МГУ-ППИ в Шэньчжэне» Сергей Михайлович Шахрай вошел в число 10 российских выдающихся деятелей, оказавших влияние на развитие гуманитарного сотрудничества между Россией и Китаем. Награда была вручена Сергею Шахраю 5 июня 2019 года в ходе торжественных мероприятий, состоявшихся в рамках государственного визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Россию по случаю знаменательного события – 70-летия установления дипломатических отношений между двумя странами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ван Ян Высшее образование КНР в условиях модернизации // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 2 (54).

2. Воронина Н.А. Социально-трудовые права мигрантов в контексте евразийской интеграции // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 10 (55).

3. Интервью основателя «Хуавэй». 21.05.2019. Wechat // <https://mp.weixin.qq.com/s/6yOCXVHwP8s2XL2gFnnQqw>.

4. Медяник Е.И. Совместный университет как инструмент реализации национальных интересов России и Китая // Гуманитарное сотрудничество – основа будущего благополучия // <https://cyberleninka.ru/article/n/sovместnyy-universitet-kak-instrument-realizatsii-natsionalnyh-interesov-rossii-i-kitaya/viewer>.

5. Основные положения государственного плана среднесрочного и долгосрочного развития в области науки и техники на 2006-2020 гг. // Official Website of the State Council of the People's Republic of China // http://www.gov.cn/jrzg/2006-02/09/content_183787.htm.

6. План привлечения высококвалифицированных специалистов из-за рубежа // Official Website of the State Program The Thousand Talents // <http://1000plan.org/qrjh/article/78859>.

7. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК // Сайт Russian.China.Org.cn // http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-11/04/content_41845752.htm.

8. Программа среднесрочного и долгосрочного планирования и развития талантов (на 2010-2020 гг.) // Official Website of the State Council of the People's Republic of China // http://www.gov.cn/jrzg/201006/06/content_1621708.htm.

9. Слизовский Д.Е., Медведев Н.П., Ахмадиен Комбиз Сахоби, Реньева Я., Кузнецова Е. Российская Федерация ищет способ обеспечить развитие экспортного потенциала своей системы образования // Вопросы политологии. 2017. № 4 (28).

10. Троцинский П.В. Особенности государственно-правовой политики в сфере привлечения высококвалифицированных специалистов из-за рубежа // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 4.

11. У Тин Реформа высшего образования в России и Китае в XXI веке: сравнительный анализ // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 12 (57).

R.A. BALDANOVA

*Graduate student of Department
of Political Science of the East of the Institute
of Asia and Africa, Moscow State University
Lomonosov, Moscow, Russia*

SHENZHEN MSU-BIT UNIVERSITY AS A PART OF THE PRC MIGRATION POLICY

In this article, the author considers how the example of a humanitarian project – Shenzhen MSU-BIT University implements one of the main objectives of the migration policy – attracting highly qualified specialists, the exchange of educational technologies in order to prepare highly qualified specialists in China.

Key words: *Shenzhen MSU-BIT University, migration policy of the PRC, highly qualified specialists, the educational process.*

DOI 10.35775/PSI.2020.55.3.025

УДК 32.327

АДУМ КАГЕР

*аспирант Российского университета
дружбы народов, Республика Чад, Нджамена*

Н.В. ШУЛЕНИНА

*кандидат философских наук,
доцент кафедры политического анализа
и управления Российского университета
дружбы народов, Россия, г. Москва*

КИТАЙ И АФРИКАНСКИЙ СОЮЗ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассмотрены проблемы и перспективы сотрудничества Китая и Африканского Союза. Авторы показывают, что китайско-африканское сотрудничество по линии «Юг – Юг» развивается особенно интенсивно. Важнейшую роль в данном направлении играет Форум сотрудничества Китай-Африка.

Ключевые слова: *Китай, Африканский Союз, проблемы и перспективы, международные отношения, глобальная экономика, сотрудничество.*

В настоящее время глобальную экономическую систему и систему международных отношений в целом невозможно представить без одной из самых активно и успешно развивающихся стран – Китайской Народной Республики, и особый интерес представляет активизация Китая в области внешнеполитической деятельности.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и китайских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [1; 2; 7; 8; 15; 16; 17].

Однако проблему нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Действительно, высокие темпы роста народного хозяйства, развитие инновационного типа производства, успешное применение мер по решению многих социальных проблем – это лишь некоторые аспекты, превращающие так называемую модель экономического развития «с китайской спецификой» в альтернативный и привлекательный пример развития для других, прежде всего развивающихся стран [4. С. 21].

Заметим, однако, что Китай также позиционирует себя в качестве развивающегося государства и активно продвигает сотрудничество по линии

«Юг – Юг», что пришло на смену альтернативной программе «Север – Юг» (Северная Америка, Европа, Австралия). Какие цели преследует данный проект сотрудничества? Прежде всего, он направлен на углубление и расширение всесторонних связей и контактов между развивающимися государствами, которые имеют между собой больше «точек соприкосновения» и общих интересов, нежели со странами «Севера». Начало данной программе сотрудничества было положено на Конференции Организации Объединенных Наций по техническому сотрудничеству между развивающимися странами, которая состоялась в 1978 году в Буэнос-Айресе (Аргентина), и в ходе которой был разработан Буэнос – Айресский, план действий по развитию и осуществлению технического сотрудничества между развивающимися странами [18].

Заметим при этом, что КНР имеет за плечами богатый опыт оказания международной помощи, продвижением которой страна занимается уже с 1950-х годов. Важно обратить внимание на то, что в основе данной политики лежат определенные принципы, и прежде всего это «5 принципов мирного сосуществования», сформулированные китайским премьер-министром Чжоу Эньлаем еще в 1953 году. Они подразумевают следующее: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование. А позже, в 1964 году, Чжоу Эньлай выдвинул «8 принципов внешней экономической и технической помощи правительства Китая». В соответствии с документом, закрепляющим указанные принципы, правительство Китая «никогда не рассматривает оказываемую им помощь как односторонний дар, а считает ее взаимной, при этом строго соблюдая суверенитет стран-реципиентов и не требуя соблюдения каких-либо специальных условий» [3. С. 28].

В 1990-х годах на фоне активного перехода к экономике с «китайской спецификой» КНР приступила к постепенному реформированию механизма предоставления зарубежной помощи, сделав акцент на диверсификации источников и средств финансирования. В 1993 году был создан Фонд помощи зарубежным странам по проектам совместного сотрудничества, а в 1994 году – Экспортный-импортный банк Китая [14. С. 12].

В настоящий момент концептуальную основу содействия КНР международному развитию составляют разработанные МИД и утвержденные Госсоветом КНР Белые книги и другие политические документы. Согласно данным Белой книги «Помощь Китая зарубежным странам – 2014» только в период с 1950 по 2012 гг. КНР предоставила внешнему миру помощь в размере 56 млрд долл. В частности, за период 2010–2012 гг.

По мнению большинства экспертов, наглядным примером успешной реализации политики предоставления иностранной помощи по линии «Юг – Юг» могут служить китайско-африканское сотрудничество. В 1963 году

Чжоу Эньлай огласил «5 принципов взаимоотношений Китая с африканскими и арабскими странами». Позже, 13 января 1983 года, китайское правительство озвучило еще «4 принципа развития экономического и технического сотрудничества Китая со странами Африки». А в 1992 году, в том числе в связи с изменившейся международной обстановкой, было объявлено о новых «6 принципах отношений Китая со странами Африки». Их озвучил председатель КНР Ян Шанькунь 9 июля 1992 года во время визита в Кот-д'Ивуар.

В настоящее время Африканский континент также остается одним из приоритетных направлений внешнеполитической стратегии КНР, и это вполне объяснимо. Ведь Африка – «континент возможностей» – обладает огромными природными ресурсами, там находятся 90% мировых запасов кобальта, 90% платины, 50% золота, 98% хрома, 64% марганца, более 30% урана [5. С. 89].

При этом в новом тысячелетии здесь наблюдается самый длительный период устойчивого роста за весь период независимости. Так, по оценкам МВФ, средний рост Африки к югу от Сахары в 2017 году составил 2,7%, в 2018, как ожидается, этот показатель вырастет до 3,3%, в 2019 году – до 3,5%. Однако, безусловно, на материке до сих пор сохраняется множество проблем и конфликтных точек, а разрыв в уровне развития отдельных африканских государств становится больше. По мнению ряда экспертов, тот факт, что Африка по настоящее время в основном рассматривается как «конгломерат отстающих государств», используется Китаем для «демонстрации желания и готовности сделать то, что не смог сделать Запад» [11. С. 90].

На сегодняшний момент КНР поддерживает дипломатические отношения с 53 африканскими государствами (лишь Свaziленд «сохраняет верность» Тайваню), при этом руководство КНР неуклонно продолжает наращивать интенсивность политических контактов со своими африканскими коллегами на различных уровнях. Конечно, важными составляющими китайской внешней политики в Африке остаются торгово-инвестиционное сотрудничество, культурное и научное сотрудничество, а также многочисленные программы помощи, включающие в себя списание долгов, техническое и гуманитарное сотрудничество, обучение персонала и другие аспекты. Большое внимание обсуждению этих и других вопросов взаимодействия между КНР и государствами континента уделяется на Форуме сотрудничества Китай-Африка (ФСКА), который был создан в 2000 году и с того времени проводится на регулярной основе раз в три года. При этом каждый раз Китай подводит итоги сотрудничества за прошедшие три года и объявляет новую программу сотрудничества с Африкой. Заметим, что изначально данное мероприятие проводилось в качестве конференций, но, начиная с 2012 года, китайские власти повысили его уровень до саммита. По мнению ряда экспертов, этот факт говорит о растущей значимости Африки в его

политике, что явилось следствием осложнений в международной обстановке и в китайско-американских отношениях, и в связи со ставкой, сделанной сегодня Пекином на внешнеполитическую инициативу «Один пояс – один путь», в которую вовлечена, и Африка [9. С. 50].

Рассмотрим подробнее итоги двух последних саммитов ФСКА. Так, в декабре 2015 года 6-й саммит ФСКА состоялся в Йоханнесбурге, ЮАР (впервые на Африканском континенте), в ходе которого были подписаны «Йоханнесбургская декларация» и «План действий на 2016-2018 гг.», а также объявлено о принятии «10 планов сотрудничества» по содействию всестороннего развития Африканского континента. Представленные на форуме проекты были направлены на взаимовыгодное сотрудничество равных партнеров по реализации имеющегося потенциала и поддержке экологически устойчивого развития обеих сторон. «Десять планов сотрудничества» затрагивают следующие сферы развития:

1. Общая индустриализация, содействие сотрудничеству в области промышленности и производственного потенциала.
2. Модернизация сельского хозяйства в Африке.
3. Развитие инфраструктуры Африки.
4. Развитие финансового сотрудничества Африки и Китая.
5. Путь «зеленого развития».
6. Развитие торговли и инвестиций.
7. Сокращение уровня бедности.
8. Развитие здравоохранения.
9. Укрепление культурного национального сотрудничества.
10. Содействие гарантий мира и безопасности.

По словам Си Цзиньпина, содержание этих программ направлено на преодоление трех основных препятствий, мешающих развитию Африки: низкий уровень развития промышленности, нехватка кадровых ресурсов и недостаточные финансовые фонды. При этом председатель КНР особо подчеркнул право африканских стран на независимое решение своих внутренних проблем, а также выразил стремление укрепить роль Африки на международной арене.

Отметим, что решающей областью сотрудничества КНР и Африки были объявлены торговля и инвестиции. Пекин заявил о готовности внести свой вклад в идею создания крупных зон свободной торговли, поощрять свободный оборот товаров, услуг и капитала и развивать электронную торговлю. При этом ключевым для африканской стороны было обещание Пекина поддержать Африку инвестициями в размере 60 млрд. долл. США. Эта сумма поистине беспрецедентна, так как в предыдущие годы финансовая помощь Китая была намного меньше – 20 млрд. долл. США в 2012 году и 10 млрд. долл. США в 2006 году. Общая финансовая помощь была распределена в виде грантов и беспроцентных займов (5 млрд. долл. США), льготных кре-

дитов и экспортных кредитов (35 млрд. долл. США), а также в форме поддержки Фонда развития Китая и Африки (5 млрд. долл. США), предоставления специальных кредитов для развития малых и средних предприятий Африки (5 млрд. долл. США) и в виде инвестиций для других проектов развития (10 млрд. долл. США). Китай также обещал отменить долги наименее развитых стран, срок погашения которых истек в конце 2015 года [11. С. 92].

В области промышленного сотрудничества Китай уделяет особое внимание строительству платформ индустриального сотрудничества, в том числе, например, созданию промышленных парков, что также обсуждалось на форуме. Кроме того, подчеркивается значимость развития сотрудничества в области сельского хозяйства. Этот аспект включает в себя обмен опытом и технологиями, продовольственную помощь и научное сотрудничество. Китай, как и прежде, подтвердил свою приверженность выполнению руководящих принципов Африканского плана развития инфраструктуры, и на сегодняшний момент активно инвестирует в строительство транспортных сетей (железных дорог, автомобильных дорог, портов, аэропортов), энергетических проектов (расширение возможностей использования возобновляемых источников энергии, электрических сетей и сетей передачи), сетей информационной коммуникации и трансграничного сотрудничества в области развития инфраструктуры, управления водными ресурсами и развитие авиации. В процессе реализации социальных и инфраструктурных программ этого этапа были построены более 30 больниц и 30 центров противодействия распространению малярии, более ста школ, проложены железнодорожные пути протяженностью 200 километров и автодороги протяженностью более 300 километров.

В итоге, за последние три года реализации указанных проектов в китайско-африканских отношениях был достигнут значительный успех. Так, в 2016 году Китай увеличил инвестиции в Африку на 106% – до 36,1 млрд. долл., а по итогам 2017 года этот показатель превысил 48 млрд. долл. Начиная с 2009 года, в процессе реализации программ профессионального обмена, количество рабочих кадров из Китая в Африке выросло до 220 тысяч к 2016 году. Развивается промышленное сотрудничество, в том числе в сферах финансов, туризма и авиации. Кроме того, Китай с 2009 года остается крупнейшим торговым партнером многих стран Африки, включая Южную Африку, Демократическую Республику Конго (ДРК), Судан, Анголу и Нигерию. В первой половине 2018 года двусторонняя торговля Китая с Африканским континентом выросла на 16 процентов в годовом исчислении до 98,8 млрд. долл. Основными товарными позициями экспорта являются машины и оборудование, электроника, текстиль, а в импорте наибольшая доля приходится на сырую нефть, железную руду, хлопок и другие природные ресурсы [12. С. 63].

В тоже время стоит заметить, что впечатляющие результаты сотрудничества и деятельность Китая на африканском континенте вызывают неодно-

значную реакцию международного сообщества. Традиционные партнеры африканских стран в Европе критически относятся к развитию торговых отношений Китая с Африкой. Так, Франция, имеющая историческое влияние на Африку, в настоящий момент осознает свой ограниченный финансовый потенциал в регионе и, конечно, обеспокоена абсолютным преобладанием Китая в этой сфере (ведь именно КНР на данный момент является основным кредитором Африки). Западные политики опасаются, что помощь Пекина наносит ущерб западным усилиям по демократизации Африки, а также вызывает угрозу развития терроризма и нестабильности.

Кроме того, возникает вопрос «добросовестности» намерений Китая, поскольку диверсифицированные направления интеграции, изложенные в «10 планах сотрудничества» приводят к тотальному проникновению Китая во все стратегически важные отрасли стран Африки. Несомненно, для многих развивающихся стран африканского континента это является единственным способом сделать шаг вперед. Однако тотальная зависимость от инвестиций Поднебесной делает целый континент уязвимым перед ее растущей мощью. Многие политики определяют такую стратегию как демонстрацию «мягкой силы», которая приведет к донорству природных ресурсов Африки, на благо китайской экономики. Кроме того, развитие индустриального сотрудничества и инфраструктуры, создание образовательных программ и улучшение социальных условий жизни может быть рассмотрено как долгосрочная стратегия подготовки переноса производственных мощностей из КНР в развивающиеся страны Африки. Вспомним историю развития самого Китая, где инвестиции зарубежных компаний и аутсорсинг производств позволили КНР сконцентрировать в стране огромные финансовые инвестиции, развить промышленность и инфраструктуру. Однако отметим, что стратегически важные отрасли, в первую очередь, связанные с финансами и энергетикой, в Китае всегда были и остаются под полным контролем государства. В этом и состоит главное отличие уровня взаимодействия Китая с Африкой, ведь стратегически важные для Африканских государств сферы, такие как сельское хозяйство, инфраструктура, промышленность становятся сильно зависимы от участия китайских корпораций. Причем в последнее время голос недовольства начал исходить не только от западных, но и от самих африканских партнеров, опасющихся попасть в китайские «долговые ловушки». Теперь, как считают эксперты, КНР не остается ничего иного, кроме как менять имидж [5. С. 73].

В связи с этим на последнем саммите ФСКА, прошедшем в период с 3 по 4 сентября 2018 года в Пекине, КНР, где были приняты «Пекинская декларация о построении более тесного китайско-африканского сообщества единой судьбы» и «Пекинский план действий ФСКА на 2019-2021 гг.», причем большой акцент был сделан на новой стратегии помощи Африке, содержащей набор конкретных медицинских, сельскохозяйственных и ин-

фраструктурных проектов. Их развитие в ближайшее время будет осуществляться при участии китайского капитала, для чего Поднебесная в течение трех следующих лет выделит в виде инвестиций, кредитов и помощи 60 млрд. долл. При этом 15 млрд. из них составят гранты, беспроцентные и льготные займы, а 10 млрд. – финансирование развития. Помимо этого, обратит внимание на новый пакет мер по углублению сотрудничества Китая и Африки – так называемые «восемь инициатив». Они включают в себя:

1. Содействие промышленному развитию.
2. Осуществление операций по взаимному инфраструктурному доступу.
3. Упрощение процедур торговли.
4. Реализация инициативы «Зеленого развития».
5. Осуществление мер по наращиванию потенциала развития.
6. Развитие здравоохранения.
7. Организация условий для углубления двустороннего культурного обмена.
8. Поддержание мира и безопасности.

Как можно заметить, по сравнению с «десятью планами сотрудничества» содержание мер «восьми инициатив» расширилось и углубилось. Так, особое внимание будет уделяться развитию рыночных отношений, открытости рынков и совместной работы в рамках инициативы «Один пояс – один путь», а также вопросам мира и безопасности на Африканском континенте. Кроме того, Пекин заявил о необходимости решить проблему дисбаланса в торговле Китая с Африкой и замедлившегося темпа роста двусторонней торговли. Чтобы преодолеть дисбаланс, Китай намерен увеличить закупки африканской продукции, сделав упор на несырьевые товары. Более того, Китай поставил задачу добиться к 2030 году решения проблемы продовольственной безопасности стран континента. Чтобы внести вклад в решение проблемы продовольственной безопасности Африки, Китай намерен предоставить ей продовольственную помощь на 146 млн. долл.

В целом, результаты кооперации Китая и Африки весьма внушительны. Согласно данным группы Инициативы по исследованиям в области исследований в Африке в Университете Университета Джонса Хопкинса, в 2016 году экспорт Китая в страны Африки вернулся к уровню 2013 года и в стоимостном выражении составил 88,01 млрд. долларов США (в 2015 году этот показатель составлял 150,39 млрд. долларов США, в 2014 – 101,7 млрд. долларов США). Основными партнерами для экспорта являются ЮАР (13,546 млрд. долларов США), Египет (10,436 млрд. долларов США) и Нигерия (9,713 млрд. долларов США) [9]. Импорт Китая из стран Африки в 2016 году 39,96 млрд. долларов США, а основными партнерами были Ангола (13,966 млрд. долларов США), ЮАР (6,812 млрд. долларов США) и Республика Конго (2,333 млрд. долларов США). Кроме торгового сотрудничества, активно развивается и присутствие китайских фирм в странах Африки. Согласно докладу Министерства Коммерции Китая, годовой доход

китайских компаний в странах Африки составил 51,5 млрд. долларов США в 2016 году, что на 44% больше показателя 2010 года, когда годовой доход составил 35,8 млрд. долларов США. Африка – второй регион по доходности китайских компаний, на него приходится 32,3%, Африка уступает лишь Азии, на долю которой приходится 48,2% дохода компаний [10].

Таким образом, можно прийти к выводу, что Африка на сегодняшний момент занимает важное место во внешней политике КНР, при этом китайско-африканское сотрудничество по линии «Юг – Юг» развивается особенно интенсивно. Важнейшую роль в данном аспекте играет Форум сотрудничества Китай – Африка, являющейся важной международной площадкой для обсуждения основных проблем и новых перспектив дальнейшей кооперации между всеми сторонами. Заметим, что Китай рассматривает страны Африки как равноправных партнеров, придерживаясь принципа невмешательства во внутренние дела, и настаивает на более активном включении государств континента в мировые экономические и политические процессы [6]. Несмотря на возникающие всплески недовольства «издержками» китайского продвижения, Пекин способен акцентировать свое стремление к взаимовыгодному сотрудничеству с упором на повышение потенциала самостоятельного развития стран Африки. Формирование отношений такого типа усиливает позиции Китая на мировой арене и свидетельствует о желании и, что немаловажно, возможности КНР быть амбициозным политическим игроком глобального масштаба.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Виноградов И.С.* Узбекистан – Китай: стратегическое партнерство в XXI веке // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56).

2. *Виноградов И.С.* Китайско-белорусское сотрудничество на современном этапе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 10 (55).

3. *Дегтерев Д.А., Трусова А.А., Ли Янь.* Российская и китайская системы оказания международной помощи: сравнительный анализ // Вестник РУДН. Серия: международные отношения. 2017. Т. 17. № 4.

4. *Дейч Т.* Китай «завоевывает» Африку // Российский совет по международным делам (РСМД). 26.06.2012 // <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/kitay-zavoevyvaet-afriku/>.

5. *Дейч Т.* Саммит Форума китайско-африканского сотрудничества (FOCAS) в Пекине, 3-4 сентября 2018 г. // ИМЭМО РАН // https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=4461.

6. Доклад Конференции Организации Объединенных Наций на высоком уровне по сотрудничеству Юг – Юг. Найроби, 1-3 декабря 2009.

7. *Жчао Тяньтянь* Национальный имидж КНР и РФ на современном этапе: сравнительный анализ // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 12 (57).

8. *Жчао Тяньтянь* «Китайский путь»: основные особенности и перспективы развития // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56).

9. *Забелла А.А.* Африка во внешнеполитическом курсе КНР // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2017. Т. 9. № 4.

10. Инициатива по исследованиям в области исследований в Африке в Университете Университета Джонса Хопкинса: DATA: CHINESE WORKERS IN AFRICA // <http://www.sais-cari.org/data-chinese-workers-in-africa>.

11. *Ирисова О.* Гуманный империализм: как Китай завоевывает Африку // Forbes. 27.03.2015 // <http://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/283713-gumannyyi-imperializm-kak-kitai-zavoevyvaet-afriku>.

12. *Кашин В.Б., Королев А.С., Пятачкова А.С.* Китайская политика помощи зарубежным странам: основные принципы и направления // Международные отношения КНР. 2014.

13. *Мануков С.* Китай в Африке: Черный континент как полигон для испытаний «мягкой силы» // EurasiaDaily. 21.12.2017 // <https://eadaily.com/ru/news/2017/12/21/kitay-v-afrike-chnyuy-kontinent-kak-poligon-dlya-ispytaniy-myagkoj-sily>.

14. *Мануков С.* Китай вытесняет Францию из ее бывших африканских колоний // Эксперт online. 23.04.2018.

15. *На Чжао* Стратегия «мягкой силы» КНР в начале XXI века: хронология // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 1 (53).

16. *У Тин, Оганесян А.Л.* Особенности внешней политики Китая на российском направлении // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56).

17. *Чэнь Яньтин* Индия и Инициатива «Один пояс, один Путь»/India and the Belt and Road Initiative // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 9 (54).

18. Report of the United Nations High-level United Nations Conference on South-South Cooperation. Nairobi, December 1-3, 2009 // United Nations // <https://www.un.org/press/en/2009/dev2781.doc.htm>.

ADOUM KAGUER

*Post-graduate student, Peoples' Friendship
University of Russia, N'Djamena, Republic of Chad*

N.V. SHULENINA

*Candidate of Sciences (political sciences),
Associate Professor at the Chair of political
analysis and management, Peoples' Friendship
University of Russia, Moscow, Russia*

CHINA AND AFRICAN UNION: PROBLEMS AND PROSPECTS

The article discusses problems and prospects of the cooperation between China and the African Union. The authors argue that with Sino-African South-South cooperation is developing especially actively. A crucial role in this regard is played by the China-Africa Cooperation Forum. The authors also consider the main problems and new prospects for further cooperation between all parties.

Key words: *China, African Union, Problems and prospects, international relations, global economy, cooperation.*

ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИЕТАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

В статье поднимается вопрос о том, каким образом и в какой мере языковая политика Европейского союза в данный момент способна обеспечить защиту национальных языков стран-участниц ЕС. Также рассматривается понятие социетальной безопасности и одного из ее главных аспектов – обеспечение защиты культурного и языкового разнообразия различных сообществ.

Ключевые слова: Европейский союз, языковая политика, национальный язык, культурное разнообразие, социетальная безопасность.

Введение. Социетальная безопасность в широком смысле есть безопасность общества. Литература об обществе огромна – даже краткий экскурс в историю обществознания намного превысит размеры данной статьи. В самом общем смысле, по мнению Энтони Гидденса, существует два основных способа мышления об обществе: как о фиксированном объекте, имеющем границы, отличающие его от других социальных сущностей и как о социальном взаимодействии, имеющем процессуальную форму [13]. Но как бы мы ни мыслили общество, его безопасность в любом случае, в первую очередь связана с безопасностью общества в целом, и только во вторую – с безопасностью социальных групп, вступающих между собой во взаимодействие. Например, обеспечение безопасности фермеров как отдельной социальной группы, менее значимо, чем обеспечение безопасности всего общества, действующего наравне с государством в качестве ключевых акторов национального политического процесса. Это так потому, что ядро общества – феномен коллективной идентичности – то, что «что позволяет использовать слово «мы» для обозначения сплоченной однородной группы людей [18. Р. 41-46].

Социокультурная идентичность общества и язык. Общества состоят из множества различных идентичностей – языка, культуры, религии, обычаев. Каждая из них уязвима перед самыми разными угрозами и опасностями. Если общество потеряет хотя бы одну из них, то вряд ли выживет как таковое. В этом смысле особое значение приобретает проблема социокультур-

ной идентичности общества. В известной книге «Идентичность, миграция» известны исследователи проблем социетальной безопасности О. Вевер предположил, что для находящихся под угрозой обществ «очевидной защитной реакцией является укрепление социальной идентичности» [9. Р. 4]. Это можно сделать, защищая культуру культурой»; и, следовательно, «культура становится политикой безопасности». Эта идея хорошо описана в рамках национального подхода к культуре или «культурного национализма», который нацелен на то, чтобы вызывать и укреплять сильное чувство культурной самоидентификации общества [19].

Дискуссии о способах установления этой идентичности проходят в самом широком диапазоне тем, главным образом в рамках социокультурной идентичности. Например, Д. Драгунский выделил пять уровней социокультурной идентичности: *инфраструктурный*, к которому относятся пути сообщения, телекоммуникация, финансовая система и розничная торговля; *институциональный* – право, нормы производственного поведения, образование, церковь и т.д.; *уровень повседневности* – как общение мужчин и женщин, детей и взрослых, устройство жилища, устройство семьи; *способ переживания* – выражения эмоций, восприятия человеком окружающего мира; *ментальный уровень* [3]. В результате Драгунский сделал вывод о том, что «идентичность есть стабильный, отчетливый и постоянный способ переживания, мышления и социального действия. Легко транслируемый и четкий» [3]. Он легко транслируемый, так как усваивается в процессе аккультурации, может передаваться от поколения к поколению. Он довольно четкий потому, что всегда рассматривается как нечто особое, что нельзя свести к таким вещам, как привычка, стереотипы поведения или жизненный навык. Это что-то большее, что сложно объяснить. «Но, к сожалению, в последнее время под идентичностью понимают два верхних уровня – уровень самосознания и уровень чувствования, то есть ценностный и эмоциональный уровни идентичности» [3]. Особенно отчетливо такая расстановка акцентов проявлена в странах Западной Европы – Германии, Франции, Бельгии и др. Ситуация так сложилась в силу обширного ряда объективных причин – от исторических, включая специфику послевоенного времени, до институциональных, особенно процесс формирования Европейского Союза с его правилами и нормами. Эти обстоятельства отодвинули на периферию установления идентичности общества язык его обитателей, на первый план вышли совсем другие проблемы, имеющие четкий политико-экономический и экономический фокус. Между тем, язык, на котором говорят люди данного общества, играет ключевую роль в процессах формирования и укрепления социокультурной идентичности. К примеру, в первой половине XIX века во время объединения Германии шла активная политико-идеологическая борьба, где Пруссия играла главенствующую роль; одним из оснований этого противостояния долгое время оставалась идея о господстве

немецкого языка и единстве немецкоговорящего народа [15]. В современной Германии эта проблема решена, различие диалектов не является триггером безопасности общества. Тем не менее, в структурах повседневности различие диалектов проявляется в самых разных выражениях – от простого непонимания семантики слов и фраз до глубокого чувства неприязни к выходцам другой земли, замешанному, в том числе, и на истории послевоенной Германии.

Жизнь любого представителя того или иного народа всегда неразрывно связана с общением. Его духовное развитие возможно лишь благодаря языку. Поэтому дух народа и язык народа всегда существуют параллельно: язык является внешним проявлением духа народа. Чтобы выразить характер народа, всегда на помощь приходит язык, ведь, только в нем можно найти объяснение тончайшим и наиболее отличительным чертам народного духа [1. С. 68]. Более того, интеллектуальное своеобразие каждого отдельного народа прямо соотносится с уникальным строем его языка. «Языку присуще очевидное для нас, хотя и необъяснимое в своей сути самодеятельно начало, и в этом плане он вовсе не продукт ничьей деятельности, а непроизвольная эманация духа, не создание народов, а доставшийся им в удел дар, их внутренняя судьба. Они пользуются им, сами не зная, как его построили» [2. С. 246]. Чем сильнее воздействие силы национального духа на язык, тем ярче и разнообразнее он проходит различные этапы своего развития. Поэтому защищенность языка является системообразующим элементом всей архитектуры социетальной безопасности любой страны.

Ключевой исследовательский вопрос – в какой мере языковая политика стран Западной Европы обеспечивает защиту национальных языков как ключевого элемента социетальной безопасности их обществ.

Специфика языковой политики государств Европейского Союза.

Б. Бузан разделил угрозы в сфере социетальной безопасности на три основные категории: миграция, горизонтальная конкуренция и вертикальная конкуренция [19]. В случае миграции, принимающее общество меняется из-за притока людей извне; по сдвигу в составе населения. Например, в начале 2000-х годов в Великобритании, иммигранты, особенно из таких стран, как Пакистан, Индия и Бангладеш, формировали огромные гетто в крупных городах, таких как Большой Лондон и Уэст-Мидлендс. Страхи населения выросли из-за конкуренции за часто ограниченные местные ресурсы, такие как образование и здравоохранение. Горизонтальная конкуренция относится к группам, которым приходится менять свой образ жизни из-за лингвистического и культурного влияния других, что угрожает местной идентичности. Например, насильственная франсификация населения в Африке. Наконец, вертикальная конкуренция относится к тем случаям, когда из-за интеграции или распада социальной группы общество подталкивают к более широкой или более узкой идентичности, как это было, например, в бывшей Югославии.

Политические угрозы коллективной идентичности общества часто могут быть смягчены самим государством, например, может быть принято определенное законодательство для защиты социокультурной идентичности. Но если государственное управление контролируется репрессивной политической силой, тогда государство может не только не хотеть обеспечивать общественную безопасность, но и само может представлять угрозу. Точно так же экономический сектор обеспечения социетальной безопасности часто подавляет культурную самобытность и социокультурную идентичность общества, через СМИ, интернет, и компьютерные игры, возвращение отношений индивидуализма, насаждения языка, (английского, например), тем самым заменяя традиционный стили жизни его среднестатистическими глобализованными матрицами.

В этой связи языковая политика есть особый комплекс мер в отношении того, кто и какой язык использует, когда, где, при каких обстоятельствах, почему и каким образом, независимо от его расовой или этнической принадлежности. Она должна учитывать все особенности языкового планирования и обращать внимание на общие интересы любого общества или национального государства [14. Р. 19].

В таких многоязычных странах, как Швейцария, Финляндия, Люксембург, этот тезис бесспорен. Таким же образом ситуация обстоит и в тех странах, чей национальный язык считается «*малым*» (если рассматривать их в международном масштабе). К таким государствам относятся страны Балтии, а также Швеция, Норвегия, Дания, Мальта, Нидерланды, Чехия и ряд других. Возникшая необходимость изучения иностранных языков для стран с «*большими*» национальными языками стала для многих из них более новым явлением. К ним относятся Германия, Франция, Испания, Италия, Португалия.

Можно попытаться объяснить эти изменения строительством новой, объединенной Европы, ссылаясь на такие документы ЕС как: Белая книга (2017 г.), которая определила Европу как общество, которое строится на знаниях; Лаакенская декларация (2001 г.), где международной коммуникации и изучению языков отводится значительная роль; Будущее Европейского Союза; План действий Европейской комиссии по изучению иностранных языков (2004 г.), где четко обозначены направления и виды деятельности общеевропейских институтов, направленных на более глубокое освоение иностранных языков на всей территории ЕС.

В Европейском Союзе имеют хождение региональные европейские языки, внешние языки, на которых говорят мигранты и мультилингвизм. Поэтому языковая политике ЕС, трактуется как система специальных мероприятий, регулирующих сохранение или изменение языковых стандартов, поддерживающих языки и определяющих их статус [6. С. 7].

Центральным понятием современной политики ЕС является мультилингвизм. В учредительных договорах ЕС нет определения понятия

«мультилингвизм», однако его принципы очевидны из правовых актов, закрепивших языковую политику [11]. Соблюдение принципов языкового разнообразия и уважительное отношение к представителям малых национальностей должно, по замыслу чиновников ЕС, способствовать укреплению неофициальных политических отношений. Знание иностранных языков является главным фактором в должном межнациональном, межкультурном, а порой и межконфессиональном общении. Мультилингвизм практически стал основой гражданского общества в странах ЕС. Он закреплен в Кодексе по осуществлению мультилингвизма (*Code de conduite du multilinguisme*), принятом Бюро Европейского парламента 17 ноября 2008 г.

Процент языков, изучаемых в европейских школах, составляет французский – 19%, немецкий – 10%, испанский – 7%, итальянский – 3%. Наряду с этим, 81% шведов, 80% нидерландцев и 78% датчан утверждают, что свободно говорят на английском. В то же время доля граждан из трех других крупных государств Европейского Союза значительно ниже: 39% итальянцев и 36% испанцев и португальцев заявляют, что могут без труда общаться на английском языке. При этом 47% европейских жителей открыто говорят о том, что владеют только своим родным языком [20].

Как писал в своей статье первый комиссар по вопросам мультилингвизма в ЕС Л. Орбан, языковая политика предназначена для выполнения общих задач этой организации [16]. Из-за возросшей мобильности европейских граждан и глобализации, а еще и увеличения количества официальных языков по причине увеличения стран-участниц ЕС, культурное и языковое разнообразие стало приобретать в последние десятилетия новые формы, а политика мультилингвизма – особое значение. «Политика мультилингвизма стала отвечать двойной цели: открыть Европу для мира, а европейцев – для самих себя» [16]. Именно поэтому особую значимость приобретает программа обучения языкам – не только для того, чтобы на них общаться, но и для понимания культуры, связанной с этим языком. В связи с названной целью Европейская комиссия предложила модель изучения языков: углубленное изучение родного языка и двух иностранных языков. Изучение иностранных языков не должно ограничиваться только английским языком. Л. Орбан отметил, что большее разнообразие языков необходимо для осуществления европейской интеграции и обеспечения диалога с мигрантами, а также для того, чтобы служить средством борьбы с доминированием английского языка [16].

Национальные стратегии языковой политики стран Западной Европы, входящих в ЕС. Направления и особенности языковой политики зависят от понимания общества и от формы государственного и политического устройства. Общество чаще всего рассматривается как определенная к этнонациональная группа. В этом случае актуализируется логика этноцентризма, где общества как этносы концептуализируют свою

идентичность через использование и абсолютизацию универсалистских атрибутов для самих себя, что ведет к взаимному исключению этносов [17]. Язык играет в этом процессе исключительно важную роль.

Угрозы идентичности общества, варьируются от насильственного подавления его самовыражения до вмешательства в его способность воспроизводить себя из поколения в поколение, что может включать запрет на использование языка, имен и одежды, закрытие мест образования и культа, депортации или убийства членов сообщества. Угрозы воспроизводству общества могут возникать через постоянное применение репрессивных мер, направленных против выражения и поддержания идентичности. Если учреждения, которые занимаются производством языка и культуры, такие как школы, газеты, музеи и т.д., насильственно закрывают, то процесс передачи коллективная идентичность из поколения в поколение приостанавливается или замирает навсегда.

В этой ситуации языковая политика превращается в политические технологии, с помощью которых заинтересованные силы воздействуют на население. При этом учитывая иногда изменчивый характер коллективной идентичности общества, не все изменения в ней обязательно будут рассматриваться как угрожающие. Некоторые изменения происходят в ходе естественного процесса, с помощью которого группы реагируют на изменение меняющихся исторических и языковых условий.

Формы государственного и политического устройства так же оказывают прямое влияние на параметры языковой политики государств. В государствах с федеративной формой государственного устройства языковая политика более разнообразная, в отношении, как статуса официального языка, так и статуса языков меньшинств (Германия, Испания). В государствах с другими формами государственного устройства более выражено господство одного или двух языков (Франция), но с ярко выраженной экспансией официального языка. Языковая политика при сходных языковых ситуациях имеет разные направления и формы реализации. Для Франции, при сложившейся многоязычной языковой ситуации свойственно проведение языковой политики, направленной на выделение и обособление французского языка, как единственного государственного языка. В Испании, в условиях многоязычного общества статус языкового разнообразия регламентирован нормативно-правовыми документами.

Все эти особенности тесно связаны с понятием мультикультурализма, который многими учеными трактуется как диалог культур [7]. Однако скорее нужно говорить о глобализации демократии, когда мультикультурализм отождествляется с толерантностью и перераспределением сил в отношениях между представителями различных культур, вынужденных уживаться на ограниченном участке Земли. Мультикультурализм, в отличие от привычного западноевропейского либерального подхода, когда в основе лежала

идея равноправия индивидов, которые являются гражданами ЕС, предполагает распространение этих равных прав на представителей тех или иных культур. По этой причине мультикультурализм – это демократия культурных ценностей в условиях глобализации [8. С. 107-132].

В начале XX века английский язык все более и более существенно оказывает свое влияние в мировом обществе и становится тем языком, который можно назвать языком международной коммуникации. По мнению А.В. Кирилиной, «воздействие английского языка выражается в лавине заимствований, существует также скрытое воздействие английского, при котором повсеместно происходит насаждение единых форм общения, жанров и стилей речи под предлогом того, что они дают максимальный эффект в коммуникации» [4. С. 18-37]. Однако, как известно, любое действие рождает противодействие.

Во Франции, например, таким противодействием, ориентированным на сглаживание последствий глобализации, является языковая политика государства. Основная ее цель – обеспечение привилегированного положения французского языка во всех сферах жизнедеятельности общества, чему способствуют институты языковой политики (Французская Академия, Генеральная комиссия по терминологии и неологии, Главное управление французского языка и языков Франции и др.). Одной из эффективных мер по противодействию англоцентричности в языке является обновление словарного состава французского языка путем изъятия из официального обращения слов англоязычного происхождения. Для решения этой задачи институты языковой политики делают ставку на внедрение во французский язык оригинальной лексики и замену англоязычной терминологии. Подобная практика, с одной стороны, есть наглядная демонстрация возможностей современного языкового регулирования во Франции, с другой стороны, открывает новый источник обогащения французского языка. Англоязычная лексика неравномерно представлена в различных сферах жизнедеятельности французского общества. Например, компьютерная сфера наиболее сильно подвержена изменениям лексического состава, и наоборот, гастрономическая сфера в меньшей степени испытывает иноязычное влияние. Заимствования являются неотъемлемой составляющей процесса функционирования любого языка. Существуют необходимые и избыточные заимствования. Избыточные заимствования представляют собой угрозу для национально-культурной самобытности. Французское общество, с одной стороны, одобряет проводимую государством языковую политику, с другой стороны, является активным участником процессов языкового преобразования. Эти преобразования связаны, прежде всего, с увеличивающегося притока нелегальных мигрантов преимущественно из стран Ближнего Востока. «Иммиграция, – пишет итальянский исследователь Кристиано Коданьоне, – находится на перекрестке двух весьма различных политических семантик:

основанной на экономических или функциональных проблемах и основанной на культуре, самобытности и традиции» [12]. Продуманная языковая политика формирует состояние защищенности социокультурной идентичности общества от прямых и косвенных угроз его безопасности. Принадлежность к определенной культуре, говорящей на своем языке, говорит нам «кто мы», и именно этот процесс самоидентификации является ключевым для наций, его «культурным национализмом».

Заключение. Ключевой исследовательский вопрос настоящей статьи заключался в поисках ответа – в какой мере языковая политика стран Западной Европы обеспечивает защиту национальных языков как ключевого элемента социетальной безопасности. В результате проведенного исследования можно утверждать, во-первых, что язык является весьма действенным фактором политической и гражданской мобилизации. Он обладает способностью воспроизводить идентичность общества, понимаемого как «мы», не только сознательно, но и более или менее бессознательно в течение нескольких поколений. Он также способен генерировать чувство самоидентификации, которое по степени выраженности и политической эффективности, как положительной, так и отрицательной, может быть столь же интенсивным, как и национализм.

Во-вторых, разрушение языка, как вид насильственного экстремизма, может быть приравнен по силе своего разрушающего воздействия к демонстративному разрушению церквей, библиотек и памятников, и представляет собой разновидность «культуроцида», прямо направленного против самой сути социокультурной идентичности.

В-третьих, языковая политика ЕС в целом обеспечивает необходимый уровень социетальной безопасности граждан. Режим официального многоязычия в ЕС благотворно сказывается на сосуществовании большого количества народов на одной территории. Этот режим, несомненно, имеет два самых главных достоинства. Первое заключается в том, что он является стимулом к сохранению разных языков, в том числе и языков меньшинств, внутри самого европейского сообщества. Второе достоинство этого режима состоит в препятствовании переходу на один доминирующий язык [10. Р. 293]. Организация интеграции и ассимиляции для мигрантов, прибывающих на территорию стран Евросоюза, является неотъемлемой частью проводимой языковой политики. В каждом европейском государстве существует своя, особая программа поддержки тех, кто по каким либо причинам, добровольно или вынужденно, обосновывается на территории ЕС [5]. Это дает основания полагать, что защита самобытного культурного наследия всех новых и старых членов Европейского союза путем сохранения региональных языков и языков меньшинств задает необходимые параметры обеспечения социетальной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений, 4-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2005.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
3. Драгунский Д. Пять уровней идентичности // <http://antropotok.archipelag.ru/text/a059.html>
4. Кирилина А.В., Гриценко Е.С., Лалетина А.О. Глобализация в аспекте лингвистики // Вопросы психолингвистики. 2012а. № 1 (15).
5. Малахов В. Мультикультурализм в Западной Европе: по ту сторону риторики. 13.12.2012 // http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1155
6. Марусенко М.А. Языковая политика Европейского союза: институциональный, образовательный и экономический аспекты. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2014.
7. Марусенко М.А. Языковая политика Франции. СПб.: Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2011.
8. Тарроу Н. Язык, межкультурализм и права человека // Перспективы. 1993. № 4.
9. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
10. Chaudenson R. Geolinguistics, geopolitics, geostrategy: The case for French // J. Maurais, M. Morris (Eds) Languages in globalizing world. Cambridge University Press, 2003.
11. Council conclusions on multilingualism of 22 May 2008, Official Journal of the NC 140 06/06/2008 p.0014-0015.
12. Framework convention for the protection of National minorities. 1995 // <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/157.htm>
13. Giddense A. Modernity and self-identity. Stanford (Cal.) Stanford University Press, 1991. VII.
14. Grin F. L'économie de la langue et de l'éducation dans la politique d'enseignement des langues. Strasbourg: Conseil de l'Europe, 2002.
15. Herbert Genzmer. Deutsche Sprache. Köln: DuMont Buchverlag, 2008.
16. Leonard Orban. «Le multilinguisme en Europe». Multilingualism in Europe, International Review of Education Sèvres (on line), 47/april 2008, posted June 24, 2011 // <http://ries.revues.org/358>
17. Rusen J. Future Directed Elements of a European Culture // II International Congress for Philosophy of History. Rewriting Social Memory. Universidad de Buenos Aires. Facultad de Filosofía y Letras. Catedra de Filosofía de la Historia. Buenos Aires, 11-12 October, 2006.
18. Wæver O. Security, the Speech Act: Analysing the Politics of a Word. Centre for Peace and Conflict Research, 1989.
19. Wæver O., Buzan B., Kelstrup M. and Lemaitre P. Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe. New York: St. Martin's Press, 1993.
20. <http://www.unesco.org/xtrans/bsstatexp.aspx?crit1L=1&nTyp=min&topN=50>

O.V. JAVAD

*Postgraduate student, Diplomatic
Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of RF, Moscow, Russia*

LANGUAGE ASPECTS OF SOCIETAL SECURITY IN WEST EUROPEAN COUNTRIES

The article raises the question of how and to what extent the language policy of the European Union is currently able to protect the national languages of the EU member States. The article also considers the concept of societal security and one of its main aspects – ensuring the protection of cultural and linguistic diversity of different communities.

Key words: *European Union, language policy, national language, cultural diversity, societal security.*

КРИТЕРИЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРОЦЕССАХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В данной статье рассмотрены вопросы относительно критериев информационной безопасности в процессах межкультурной интеграции, тенденции развития государственной информационной структуры, процессов интеграции глобализации с мировой общественностью, взаимопроникновения культур в современное информационное пространство, ряда сложностей во внутреннем и внешнем обмене информацией, проблем защиты национальных интересов в информационном пространстве, а также формирования реформ в сфере информационной технологии как результат взаимодействия национальных культур.

Ключевые слова: *тенденция, технология, информация, интеграция, кибернетика, сервисы, нано-технологии, дезинформация, фейковые информации, медиа-структура, средства массовой информации, коммуникация.*

Научно-техническое развитие создало огромные возможности для улучшения материального благосостояния человека и общества. Высокие технологии предусматривают возможность стремительного развития промышленности в целях обеспечения потребительскими продуктами структуру общества. История накопления опыта народов Центральной Азии в области глобализации связана с древними историческими периодами. Мавераннахр был центром различных исторических цивилизаций, культурных мегаполисов, взаимодействия мировой религии, а также располагался в середине Великого Шелкового пути, являющегося основной сетью транспорта, торговли и коммуникации Евразии. С данной точки зрения народы Центральной Азии имеют склонность и способность участия в процессах глобализации в рамках международного сотрудничества [13. С. 120]. Однако в условиях стремительного развития процессов глобализации их присоединение в мировое сообщество не было лишено своеобразных усложнений. Необходимость региональной интеграции, а также более активное участие в процессах мировой экономики была востребована в странах Центральной Азии. В каждой цивилизации развивалась информационная система во вза-

имодействии со временем и пространством. Не будет преувеличением, если сказать, что «волшебное зеркало», имеющее место в наших древних сказках, сегодня перешло в реальность посредством современных технологий.

С течением времени развитие информационных технологий создало перелом в жизни общества. Сегодня нашу жизнь, которая меняется быстрыми темпами в условиях глобализации, нельзя представить какую-либо отрасль без участия новых современных информационных технологий. Здесь следует особо отметить усовершенствование медиаструктуры страны, также развитие науки и техники как результат высокого продвижения в области коммуникативной технологии. Закономерно, что все развивающиеся страны обладают высокой системой современных информационных технологий. Мировая практика свидетельствует о том, что развитие государственной информационной инфраструктуры способствует улучшению не только различных сфер государственной и общественной жизни, но и благополучно влияет на мировоззрение людей, меняет их отношение к общественно-политической жизни, тем самым ускоряя развитие общества. Глобализация и интеграция с мировым сообществом значительно расширили взаимоотношения с внешним миром как на личностном, так и на государственном уровнях. Это, в свою очередь, в определенной мере усложнило движение в современном информационном пространстве, а также привело к некоторым трудностям в системе внутреннего и внешнего обмена информацией [17].

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [1; 2; 3; 5; 7; 8; 9; 11; 12].

Однако проблему нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Выражаясь словами ученого-политолога Н. Жураева, в условиях глобализации информирования, развития средств массовой информации и коммуникации проблема защиты национальных интересов для многих стран мира является одной из важнейших проблем в порядке дня.

Благодаря информационной экспансии на сегодняшний день в некоторых странах выдвигаются на первый план в качестве актуальной задачи вопросы формирования необходимого потока общественного мнения в дальних и близких регионах, а также проблемы «ориентированного изменения» мнения и сознания молодежи в целях направления их в необходимое русло. В настоящее время политические центры, обладающие значительным капиталом, при помощи современных информационных технологий и средств коммуникации намеренно «берут на прицел» определенные регионы и страны с целью ослабления, и даже, устранения существующей государственной власти путем возбуждения распри и несогласия между гражданами и политическим режимом данной страны.

Развитие информационных технологий, взаимодействие разных культур значительно изменило суть личностного общества, а также привело к актуализации вопроса информационной безопасности.

Процесс глобализации, на сегодня, дальнейшее расширение информационного пространства и противоположность геополитических интересов передовых стран ставит перед государствами высокую общественно-политическую задачу в виде сохранения духовного единства и мира в обществе. Как отметил известный философ запада Альберт Швейцер, «одна из формирующих реальность сил – духовность и нравственность». Если внимательно всмотреться в историю человечества, в частности, в суть происходящих сегодня в мире событий, можно с легкостью убедиться в верности данного мнения. Информационная экспансия, всячески стремящаяся оказать влияние через всемирную паутину, становится причиной возникновения угрозы касательно взаимоотношений между странами, нациями, добиваясь нарушения принципов добрососедства, братства, и даже, семейного общественного института.

Появление производственных технологий развитых стран на территории развивающихся стран является не только общественно-политическим событием, а событием, меняющим в данное время мировоззрение и сознание людей, мотивирующим новые идеи и взгляды на жизнь. Это свидетельствует о появлении всемирного производственного пространства, формировании всеобщего большого «дома», демонстрируя тем самым гармоничное соединение традиционной культуры с мировой культурой. Значит, вместе с передовыми информационными технологиями постепенно в нашу жизнь вливаются новые взгляды, своеобразная культура, под влиянием которой в определенной мере может измениться облик и значение национальной культуры. Хотя представление различных шоу, челленджей, сериалов и клипов предусматривает соблюдения определенных правил в рамках менталитета каждой нации и страны, сегодня информационные волны в процессах межкультурной интеграции начали оказывать положительное и отрицательное влияние национальным и нравственным приличиям [16].

Межкультурная интеграция является огромным общественно-политическим механизмом, служащим главным образом для обновления мира, обогащения мироощущения человека, а также повышения его культурной грамотности. Мы не должны отставать от мировой цивилизации, а наоборот, идти в ногу со временем, пользоваться последними достижениями науки и техники, и даже, стремиться обогащать практику современной цивилизации своими достижениями. Однако это не свидетельство того, что можно в наш жизненный уклад вводить элементы культуры, не соответствующие нашим традициям, обычаям и нравственным ценностям. Информационные технологии на сегодняшний день являются ведущим звеном при выполнении приоритетных задач в процессе межкультурной интеграции.

Существование различных культур в мире, их взаимосвязь и взаимообогащение является одним из необходимых условий человеческой цивилизации. И ни одна отдельно взятая нация не вправе агитировать свой жизненный уклад во всем мире. Выражаясь словами И. Каримова, стремления на пути сохранения глубоких национальных ценностей, богатую духовность и нравственность, традиций считаются природной, объективной потребностью, направленной на сохранение нации. «Любая нация, как бы она ни была мала – богатство человечества, и исчезновение любой единой нации, ее языка и культуры приводит к обеднению культурного и генетического фонда, возможностей личности во всем мире. Поэтому сохранение каждого этнического единства должно быть важной целью причастных к нему людей. В первую очередь, это главная задача каждого отдельного государства, частью которого являются данные этнические группы».

Важно отметить, что необходимость реформирования в области обеспечения информационной безопасности обусловлено незаконным распространением личных, коммерческих и государственных тайн, национальных информационных ресурсов, а также незаконным проникновением на территорию страны неверной информационной системы. С этой точки зрения одним из важных элементов информационной безопасности на территории страны является защита и полное обеспечение свободного и законного обращения информации между государственными органами, негосударственными организациями, гражданами и, вообще, в обществе. Своевременное осуществление необходимого и оперативного обеспечения информацией со стороны государственных органов и других общественных институтов, достаточная защищенность конфиденциальной информации, изученность потенциальных угроз информационных нападений, применение «оборонительных» мер являются важными составляющими информационной безопасности в целях предупреждения проблем, связанных с информационной безопасностью в общественном управлении [10. С. 56-58].

Следует отметить стратегию Китая, направленную на управление, развитие информационных технологий и их ресурсов, и нацеленную на предупреждение глобальных угроз безопасности. Также, Китай занимает первенство в числе стран, занимающихся хакерством. Китайские эксперты считают, что безопасность информационных систем nano стран находятся в начальной стадии развития, а применение решительных мер невозможно из-за слабой технологии. Несмотря на это в последнее время наблюдается резкое повышение инвестиций в области кибербезопасности [15]. Бесспорно, на основе современных информационных технологий возникает возможность подражания культуре других народов, усвоения их элементов, и привлечения внимания невежественных людей, интересующихся нетрезвой информацией. Однако устранение этих проблем – в руках человека, ибо он может формировать свою культуру в сфере информационных технологий, а также реформировать самого себя!

В информационном обществе высоко ценится информация, способная преподнести для общества что-то новое, значительной будет доля информационно-коммуникационной сферы в общей экономической системе, а в политической системе ожидается обеспечение верховенства демократических принципов информирования. В информационном обществе действует принцип свободного информационного потока, осуществляется глобальное беспрепятственное распространение информации независимо от государственных границ [14].

Сегодня современные информационные технологии вовлекают в себя не только систему отношений, но и жизненный уклад людей, их самосознание, семейные и другие общественные институты, а также государственные органы. Со временем они становятся важным фактором, определяющим завтрашний день личности и общества. Тем самым представляется естественным актуализация борьбы за сознание и мышление в вопросах безопасности информации, и вообще, в информационном пространстве в условиях стремительного развития информационных коммуникаций, широкого использования в быту Интернет сети, современных цифровых информационных технологий, а также развития различных тенденций и угроз в отношении национальных единиц и ценностей. Досадно, что в настоящее время все еще встречаются страны, ведущие под влиянием дезинформации нездоровую конкуренцию в международной арене, случаи заблуждения общественного мнения путем распространения фейковой информации, унижения таких высоких нравственных и общечеловеческих ценностей как честь и достоинство человека, неправильной интерпретации прозрачности информирования.

Несомненно, что возможности Интернета безграничны, однако, следует упомянуть о случаях, препятствующих его развитию, о сайтах, проповедующих насилие, терроризм, расизм, неправильный образ жизни, что является чуждым для нашего менталитета, вообще – для человечества, которые представляют серьезную опасность не только в отношении отдельных регионов, но и всего мира. Каждый индивид в обществе должен защищаться от подобных информационных нападений. Интернет является материальным выражением формирования глобального информационного пространства, но это не единственный критерий формирования информационной цивилизации. Ведущий идеолог открытой мировой политики Георгос Сорос утверждает, что информационные технологии являются важным условием в совершенствовании финансово-экономических монополий.

Проблема информационной безопасности оказывает серьезное влияние на историю и судьбу человечества, на его настоящее и будущее. Осознавая природу, сущность этих проблем, мы глубоко чувствуем угрожающую нам душевную боль и психологическое страдание. Духовный кризис представляет большую опасность в отношении единства народа и страны. Об этом свиде-

тельствуют общественно-политические события, происходящие в некоторых зарубежных странах. Чрезмерное разъяснение таких проблем со стороны средств массовой информации иногда приводит к трагическим, противоречивым результатам. Все разнообразнее становятся рассуждения вокруг определенных фактов и цифр, анализов и исследований. Безмерное размножение омрачающих настроение и возбуждающих страх «предсказаний», новых технологических исследований все больше усиливают чувство солидарности и причастности, связанного с судьбой Вселенной и будущим человечества [4].

Своеобразие национальной культуры – это сущность, облик определенной нации, ее древние многовековые ценности. Под понятием национальной культуры понимается процесс, перенесший испытание веков, усвоивший опыт древней истории, обогащающийся в данное время наглядными примерами культурного развития современного мира, демонстрирующего все новые грани совершенствования культуры данной нации. Это реальность, непосредственно связанная с осознанием таких понятий как национальное мышление и национальное сознание. Степень сознательности каждой нации и народности и определяет ее степень цивилизованности.

В нынешний период бурного развития межнациональной интеграции явно выделяются положительные и отрицательные стороны вопроса касательно степени цивилизованности, в частности:

– **во-первых**, культура больших народностей как символ цивилизации способствуют развитию, совершенствованию, приближению к мировой цивилизации культур малых народностей. Это, в свою очередь, означает, что любая национальная культура с точки зрения своих потребностей принимает самые эффективные, положительные элементы мировой культуры в целях достижения соответствующего статуса в ней, и, следовательно, игнорирует негативные стороны, отражая на себе самые тончайшие отблески национальной культуры, духовности и нравственности;

– **во-вторых**, культура больших народностей поглощают культуру малых народностей и, оказывая на них воздействие, добиваются беспощадного уничтожения их менталитета, национальных ценностей, а также обычаев и традиций;

– **в-третьих**, малые народности, в частности, находящиеся на пути развития, чтобы не отстать от всеобщего развития, естественно, усваивают достижения мировой культуры. Разумеется, что у них чувство стремления к мировой культуре выражается сильнее, и оно превращается в нечто недосягаемое. Слепое заимствование достижений мировой культуры может привести к исчезновению национального своеобразия, формированию культурно-нравственного кризиса.

В настоящее время в процессе демократизации общества появилось ряд угроз, противоречащих всяким духовным и нравственным ценностям, такие как экстремизм, терроризм, информационное нападение и различные

влияния под маской массовой культуры. Эти угрозы, прежде всего, уничтожают духовно-идеологические принципы общества. Борьба в социальных сетях за сознание, мысли и мировоззрение людей сегодня набирает большие обороты в виртуальном мире при помощи средств информационных технологий. Весь мир открыто говорит о наличии таких негативных явлений, как различные финансовые пирамиды, строящиеся в социальных сетях, попадание под воздействие противоречащих религиозным ценностям течений в результате виртуальных знакомств, усиление актов национализма и миссионерства, разрушение психики, оскорбление личности человека. В результате информационного переполоха государства роняют друг другу политический имидж на глазах мирового сообщества.

Сегодня, когда во всем мире продолжается процесс глобализации в политической, экономической, социальной и культурной сферах, каждое государство стремится к обеспечению своих национальных интересов, старается не отдаляться от своих основ, не оказаться под влиянием других могущественных объектов мирового сообщества. Совместное продвижение глобализации и научно-технического прогресса, расширение взаимоотношений с внешним миром как на уровне личности, так и на уровне государства становится причиной повышения уровня глобальных угроз в отношении информационной инфраструктуры страны. В условиях продолжающихся процессов реформирования в Узбекистане сформированы новые подходы и традиции касательно национальных и общечеловеческих принципов, духовных и нравственных качеств. В нашей стране, имеющей свой путь национального развития, реформирование информационной сферы, создание благополучной среды для развития передовых идей как открытость, прозрачность и плюрализм являются одной из важнейших приоритетных задач.

Согласно Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан в 2017-2021 годах и ее пятому приоритетному направлению обеспечение в обществе духовного единства и согласия считается одним из важнейших социальных вопросов. С этой точки зрения 2 февраля 2019 года был принят Указ Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по дальнейшему развитию информационной сферы и массовых коммуникаций». Данный документ предусматривает дальнейшую работу по обеспечению свободы слова и информации, формированию институционально-правовых основ развития информационной сферы и массовых коммуникаций.

С учетом растущего с каждым днем необходимости использования широких возможностей информационных технологий в производственной деятельности и в быту наше государство ведет системную работу в рамках пяти инициатив, а также по организации эффективного использования молодежью компьютерных технологий и интернета. В частности, соответствующим организациям было поручено организация учебных центров по цифровым технологиям, а также создание кружков по компьютерной технологии,

робототехнике и киберспорту. Поставлена задача пропаганды деятельности учебных центров по цифровым технологиям, компьютерным технологиям, робототехнике и киберспорту в густонаселенных пунктах, особенно среди молодежи. Отмечена необходимость постепенного перехода на использование современных технологий и высокоскоростного интернета во всех среднеобразовательных школах, дошкольных учреждениях и предприятиях здравоохранения, которые имеют немаловажное значение в формировании будущего страны.

Президент страны Шавкат Мирзиёев отмечает, что «мы не можем быть равнодушными к тому, что сознание и мировоззрение наших детей формируется не на основе мировой и национальной литературы, которые перенесли многовековые испытания и являются жемчужиной высокой нравственности, а на основе сомнительных, вредоносных информации». В нашей стране приоритетной является идея формирования человеческого феномена нового типа путем достижения высокого уровня человеческого развития, развития его интеллектуального богатства, получения современных знаний мирового уровня с использованием последних достижений технического прогресса [6].

Следовательно, сегодняшний день требует от нас высокой бдительности в отношении чуждых тенденций и разрушительных идей, которые путем обмана и лжи всячески стремятся сбить с толку и вовлечь в свои сети нашу молодежь. Поэтому каждый гражданин нашего общества должен чувствовать ответственность перед детьми в целях их защиты от поступающей враждебной и разрушительной информации в условиях культурной интеграции, нацеленной на воздействие на умы людей, разрушение образа жизни, мыслей и сознания молодежи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Альаишаб Кутейба* Особенности отражения сирийского военного противоборства в медиа Сирии, России и стран Запада // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 10 (55).

2. *Аникин Д.А., Бубнов А.Ю.* Политика памяти в сетевом пространстве: интернет как медиатор памяти // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 1 (53).

3. *Курбонова З.М.* Роль медиации в урегулировании политических конфликтов // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 9 (54).

4. *Махаматов П.* Информационная безопасность в системе политической коммуникации: состояние и приоритеты обеспечения. Диссертация, (электронный вар.). Душанбе, 2018.

5. *Медведев Н.П.* Выборы Президента Украины: манипулятивные избирательные технологии и трансформация института выборов // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 1.

6. *Мирзиёев Ш.* Выступление на 72-сессии Генеральной ассамблеи ООН. 2017.

7. Петров Д.Ю. Политические коммуникации в условиях развития современных информационных технологий // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 8 (53).

8. Родионова М.Е. «Черный PR» в избирательных кампаниях Европы и России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 1 (58).

9. Сулейманова Ш.С. Роль СМИ и национальных общественных объединений в реализации стратегии национальной политики // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 7 (52).

10. Сунь Цзы. Искусство войны. М.: София, 2010.

11. Толочко А.В., Фоменко С.С., Врачев В.А. Коммуникационное пространство современной молодежи в контексте формирования информационных технологий: социально-политический анализ // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 1 (53).

12. Яланузян М.С. Интернет как политический инструмент XXI века // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 7 (52).

13. Қаюмов А., Исхақов М., Отахўжаев А., Содиқов Қ. Қадимги езмадгорликлар. Тошкент: Езувчи, 2000.

14. Муитов Д. Ахборотлашган жамият хусусиятлари. Қўлланма / Матн. Тошкент: Маънавият, 2015.

15. By Northrop Grumman Corp. 7 марта 2012.

16. Segal A. Is China a Paper Tiger in Cyberspace Council on Foreign Relations. 2012.

17. Uz.INFOCOM матбуот хизмати 2018 йил.

M.K. YULDASHEVA

*Doctoral student, University
of world languages, Tashkent, Uzbekistan*

THE CRITERION OF INFORMATION SECURITY IN THE PROCESSES OF INTERCULTURAL INTEGRATION

This article examines questions about the criteria of information security in the processes of intercultural integration, trends in public information structure, integration of globalization with the international community, interpenetration of cultures in the modern information space, of a number of difficulties in internal and external exchange of information, problems of protection of national interests in information space, as well as the formation of reforms in the field of information technology as a result of interaction of national cultures.

Key words: *trend, technology, information, integration, Cybernetics, services, nano-technologies, disinformation, fake information, media structure, mass media, communication.*

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И ОСОБЕННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ (ИДЕОЛОГИИ) В УЗБЕКИСТАНЕ

В статье раскрыта сущность Национальной идеи (идеологии) Узбекистана, изложены принципы национальной идеи, определено соотношение национальных и общечеловеческих основ национальной идеологии, освещен социально-философский аспект национальной идеи.

Ключевые слова: национальная идея, общечеловеческие принципы, национальное самосознание, духовные ценности, национально-культурное наследие, межнациональное согласие, независимость, сотрудничество.

Укрепление международного, межнационального, межконфессионального сотрудничества и согласия в мире непосредственно связано с внедрением толерантного сознания в жизни общества как одного из общечеловеческих принципов, определяющих национальную идеологию. В последние годы в мире значительно усиливаются процессы, связанные с религиозным фактором. В большинстве своем сложные и противоречивые, иногда доходящие до кровавых столкновений события показывают объективную историческую необходимость формирования и укрепления терпения, уважения, внимания среди представителей различных религий, укрепления духа сотрудничества. Поэтому одной из стратегических задач в нашей стране является «обеспечение безопасности, межнационального согласия и религиозной толерантности, а также взвешенная, внешняя политика с соблюдением взаимных интересов». Выступая с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН, Президент Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиев выдвинул предложение о принятии специальной резолюции «Просвещение и религиозная толерантность». «Данная резолюция предусматривает утверждение толерантности и взаимного уважения, обеспечение религиозных свобод, защиты прав верующих, недопущение их дискриминации» [4].

В период обновления в Узбекистане, оздоровление и развитие духовной жизни общества, уделение большого внимания человеческому фактору пре-

вратилось в одну из главных задач развития общества. Первый Президент Республики Узбекистан И. Каримов утверждал, что «С первых дней обретения независимости важнейшей задачей, возведенной на уровень государственной политики, остается возрождение огромного, бесценного духовно-культурного наследия, созданного на протяжении многих веков нашими предками».

Нация с высоким уровнем развития духовности находит в себе силы для построения светлого, независимого, великого будущего. Народ и нация, с развитой духовностью, ценят себя, поддерживают свой статус, гордятся прошлым, обладают самосознанием, с надеждой и уверенностью смотрят в будущее, дорожат свободой и независимостью, проявляют преданность Родине на пути к ее расцвету.

В возрождении и развитии духовности народа важное место занимает национальный язык и национальная культура, повышение национального сознания, национальной самоидентичности, национального чувства гордости и достоинства.

С обретением независимости возникла необходимость не только сохранить и укрепить многие ценности и наследие, но и на их основе развивать новые, в первую очередь укрепляющие независимость, повышающие ее мощь ценности. Новые духовные ценности, основываясь на благородных идеях исторического прошлого нашего народа, отражают идеологию национальной независимости: «Идеология независимости – это благородная идея многонационального народа Узбекистана. Она отражает в себе вековые чаяния и жизненные идеалы людей, идущих по пути создания свободной и благоустроенной Родины, свободной и благополучной жизни». Духовные потребности нашего народа удовлетворяются в результате неуклонного следования по этому пути.

Общеизвестно, что национальная идея (идеология) опирается на духовное наследие нации, и в свою очередь, оказывает положительное влияние на развитие ее духовности. Исходя из темы нашего исследования, попытаемся ответить на вопрос, что вбирают в себя общечеловеческие основы (принципы) национальной идеи.

Особо следует отметить, что общечеловеческие принципы, это не факторы которые упали с неба в готовом виде. Они формировались веками на основе всего лучшего и передового, материальных и духовных богатств, созданных предками всех народов и наций живущих на земле, служивших удовлетворению потребностей на всех этапах развития человечества. При этом особо надо отметить, что каждая нация для всего человечества имеет образ эстетической красоты в качестве общечеловеческих ценностей.

Единство национального и общечеловеческого можно понять на примере принципов создания национальной идеи и идеологии узбекского народа. Конституция Республики Узбекистан основана на национальных и общече-

ловеческих ценностях, демократических принципах, на протяжении веков формировалась высокая духовность народа, его традиции и обычаи на основе бессмертного наследия великих предков, в Конституции отражены идеи равенства и справедливости, свободы и независимости, свободы вероисповедания. Национальная идея включает в себя положения об обеспечении безопасности и благополучия народа, создании великого будущего для всех слоев населения Узбекистана, воспитании в сердце каждого гражданина независимо от национальности, языка и вероисповедания любви к Родине, верности идее независимости, чувства взаимоуважения, соблюдения принципа свободы совести, свободы слова.

Национальная идея (идеология), объединяя в себе вопросы к каждому периоду, в тоже время выдвигает соответствующие требованиям и потребностям времени духовные знания.

В национальной идее содержатся определенные требования, связанные с духовными потребностями народа: внедрение в сердце и сознание человека понятий и чувств, положительно влияющих на него, накопление в себе прекрасных и жизненных идей; национальная идея должна быть направлена на объединение потенциала нации, народа и общества, быть источником высоких убеждений, впитывать в себя каждую передовую идею и противостоять каждой чуждой, вредной идее, принимать во внимание изменения, связанные со временем и эпохой; рекомендовать новые средства реализации намеченных целей. Основная задача национальной идеи состоит в обогащении духовности народа, формировании и укреплении идеологии независимости.

Развитие духовности народа включает такие задачи, как: формирование самостоятельного и свободно мировоззрения сдержанности бесстрашия, воспитание в человеке веры в свои знания и свои силы, служащей укреплению убеждений и веры, укрепление в сознании соотечественников чувства Родины, верности исторической памяти, сохранение священных ценностей, формирование качеств справедливости, честности, душевной щедрости, чистоты мыслей, совестливости, внедрение в сознание и сердце многомиллионного народа нашей страны идеи «Узбекистан – единая Родина» [1. С. 44].

Национальная идея (идеология) возвеличивает человека, призывает свободно выражать свои мысли, опираться на передовые общечеловеческие идеи. Национальная идея (идеология) является основным источником развития духовности нации, обеспечение ее социально-политической стабильности. Обеспечить независимость, свободу нации, ее самобытность можно только при наличии национальной идеи в результате ее преобразования в материальную силу. Мы присоединяемся к мысли профессора С. Отамуродова о том, что «Национальная идея начинает формироваться в процессе самосознания каждого человека. Формирование человека как личности начинается с его самовосприятия. Сфера влияния национальной идеи достаточно широка: она сохраняет самоидентичность нации, объединяет представителей

нации на пути достижения благополучия, определяет направления развития нации» [1. С. 46].

Исторические, философские корни и принципы национальной идеи неразрывно связаны. Одним из ведущих принципов, заслуживающим особого внимания, является связь с идеей гуманизма.

Идеи, касающиеся судьбы народа, это прежде всего – связь с родной землей, Отечеством. Если не опираться на эту идею, то национальная идея останется декларативной и не будет служить интересам нации.

Национальная идея не ограничивается узкими рамками нации. Она опирается на лучшие достижения человечества.

Первый Президент Республики Узбекистан с самого начала обретения независимости страны важное значение придавал укреплению независимости Узбекистана и обеспечению перспективного развития республики. В этой связи Президентом были обозначены четыре основы социального развития:

- 1) верность общечеловеческим ценностям;
- 2) укрепление и развитие духовного наследия народа;
- 3) свободное проявление человеком своих возможностей;
- 4) патриотизм.

Принципы национальной идеи (идеологии) соотносятся с общечеловеческими ценностями и состоят в следующем: направленность на формирование национального сознания, объединение нации, выражение ее интересов, формирование национальной гордости и личной ответственности, исторической памяти, воспитание молодежи в духе преданности Родине и народу, уважения к национальным и общечеловеческим ценностям, проживание в мире и согласии представителей разных национальностей в стране, формирование в их сознании идеи «Узбекистан – единая Родина», обеспечение безопасности всех граждан страны, формирование идей межнационального согласия, межрелигиозной толерантности.

Общечеловеческие основы национальной идеи: подчинение законам во всех сферах жизни общества; уважение и соблюдение прав человека; дружба, совместное проживание и труд представителей разных национальностей; бережное отношение к языку, религии, традициям каждого народа; глубокое усвоение мировых знаний; просвещение; изучение достижений и культуры других народов; пресечение попыток проявления агрессивного национализма и шовинизма; отражение в себе идей справедливости, равенства, мирного сосуществования, принципов созидания и демократии; проявление идей религиозной терпимости; противостояние разрушительным и корыстным идеям; развитие созидательных идей. Вышесказанное по сущности и содержанию является общечеловеческими принципами национальной идеи.

Национальная идея выражает общие цели всех наций, народностей, религий и общественных групп, связывает прошлое и будущее народа, и служит для реализации его вековых надежд и чаяний, что указывает на соответ-

ствие национальной идеи содержанию таких общечеловеческих ценностей как демократические права и свобода совести, межнациональное согласие, межрелигиозная толерантность.

Национальная идея (идеология) не ограничивается развитием самосознания личности, национального сознания, но также служит достижению известности нации в мире. Необходимо заметить, что в этом процессе важную роль играет национальное самовосприятие. Также, национальная идея (идеология) не ограничивается только кругом национальных интересов, и не отрицает интересы всех других нации и народностей проживающих в нашей стране, а основывается на глубоком уважении к ним.

Между национальной идеей (идеологией) и национальным самовосприятием существует диалектическое единство и закономерная связь, эти две формы общественного сознания в месте реализуются в социальном сознании в гармоническом единстве гуманистических и общечеловеческих интересов. Национальная идея (идеология), исходя из общечеловеческих принципов, признает разнообразие мыслей, идей, идеологии. Эти ценности гарантируют развитие ценностей и укрепление независимости и связывают воедино прошлое, настоящее и будущее нашего общества, призывая людей жить и работать в согласии и сотрудничестве на основе идей толерантности на пути достижения общей цели и благополучия граждан. Достижение интересов и целей как отдельных личностей и групп, так и общенациональных целей возможно только при объединении. Призывы к молодежи нации объединится в духе патриотизма – полностью соответствует целям и интересам народа Узбекистана.

Создание условий для национальной толерантности, национального согласия, уважения и свободного развития национально-культурного наследия заложено в философии национальной идеи. В определенном смысле это объясняет, что она созвучна с «общечеловеческой идеей благодетельности».

Идеология национальной независимости концентрирует в себе благие цели всех наций, живущих в нашей стране, перспективы развития, убеждения и веру людей в будущее. Она основана на лучших качествах, присущих нашему народу: благородство, человечность, открытость сердца, гостеприимство.

Сформированная на таких принципах и традициях национальная идея (идеология) воплощает в себе многовековые устремления и надежды всех народов и наций, живших и живущих на земле Узбекистана, благородные их цели. Реализация общечеловеческих принципов в национальной идее – сложный процесс, так как в мире набирают силу идеологические полигоны, сильнее ядерных, различные политические образования пытаются воздействовать на молодежь, используя для этого все силы и средства. В этих условиях стратегической задачей каждой нации становится воспитание личности на основе национальных, народных и общечеловеческих ценностей, развитие духовной культуры нации.

В нашей стране определены особенности политики в этой области, составные части (компоненты) национальной идеи, которые неразрывно связаны. В качестве центральной поставлена задача воспитания гармоничного человека, установление национального согласия, межрелигиозной толерантности. На этих принципах осуществляется сегодня духовно-просветительская, учебно-воспитательная работа. Слова «национальная идея» не означают отношение к одной нации. Эти слова относятся ко всем нациям и народностям, живущим на священной земле Узбекистана и считающих ее своей Родиной. В этом контексте особую значимость приобретают общенациональные идеи и понятия: процветание Родины, мир и спокойствие в Отечестве, благосостояние народа.

Обеспечение устойчивости и межнационального согласия, наряду с другими факторами, должно стать важным принципом единой государственной политики. Это означает, что государство берет на себя ответственность за обеспечение устойчивости, межнационального согласия и создание здоровой идейной среды.

В обеспечении стабильности и межнационального согласия наряду с другими факторами должна быть единая государственная политика. Но это не означает необходимость государственной идеологии, а показывает наличие государственных задач по обеспечению стабильности, межнационального согласия, здорового идейного климата.

Национальная идея отражает интересы общества, государства, политики, человека, ее сущность состоит в определении критериев национального самосознания, и восприятия. Путем внедрения национальной идеи осуществляется удовлетворение духовных потребностей общества и человека. Главная цель национальной идеи и идеологии точно также имеет важное значение. Она состоит в объединении народа на пути к великой цели, воспитании у каждого гражданина твердых убеждений, уважении к нации, языку, наследию предков, национальным ценностям и традициям, формировании качеств гармоничной личности, преданности родине. Национальная идея служит развитию общества и личности.

Сила и потенциал национальной идеи заключается не только в выражении самобытности и достоинств нации, но и в том, что она служит для духовного совершенства каждого представителя нации как личности. Она должна служить для выполнения особо важной задачи, как удовлетворения сознания, сердца и мировоззрения представителей нации на таком уровне, который исключает потребность в других идеях и идеологиях. Национальная идея требует постоянного совершенствования в соответствии с происходящими изменениями, обусловленными временем и общественным прогрессом.

Реализация задач, по приоритетным направлениям обозначенных в Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан, осуществ-

вляется с опорой на богатое национально-культурное наследие нашего народа, на основе национальной идеи. Это находит свое отражение в соблюдении закономерностей построения свободного, демократического гражданского общества.

Обобщая вышеизложенное необходимо подчеркнуть: во-первых, процесс обновления в нашей стране в связи с обретением независимости продолжается; во-вторых, происходит развитие национальной идеи (идеологии), опирающейся на общечеловеческие основы; в-третьих, национальная идея (идеология) признает разнообразие мыслей, идей, идеологий; в-четвертых, призывает людей к сотрудничеству и согласию, жить и работать по пути общих целей и интересов на основе идеи толерантности; в-пятых, достижение высоких целей, обозначенных в национальной идее, связано с положительными изменениями, происходящими в духовном мире и мировоззрении наших граждан и молодежи. Это полностью соответствует целям и интересам многонационального народа Узбекистана.

Общечеловеческая основа национальной идеи – это важнейший аспект ее сущности: Без опоры на общечеловеческую основу национальная идея представляется нелогичной, противоречивой. Когда мы говорим «общечеловеческая основа», подразумеваем, не только достижения одной нации или народа в различных областях, а комплекс достижений всех наций и народов, изменения и обновления которые влияют на основные сферы жизнедеятельности нации, народов.

Под «общечеловеческой основой» понимается соблюдение всеми народами и народностями идей мира, справедливости, толерантности, прогресса, сотрудничества, демократии, которые возвышены до уровня ценностей и служащих всему человечеству.

Общечеловеческие идеи сами по себе не возникают, они формируются на основе самых высоких духовно-нравственных ценностей сформированных в процессе развития наций и служащих их настоящему, завтрашнему дню и перспективе. Именно этими факторами они служат интересам всех наций и народностей, объединяют их на пути решения общечеловеческих проблем.

Общечеловеческие идеи характеризуются многогранностью и вбирают в себя все аспекты социальной жизни.

Общечеловеческие основы национальной идеи проявляются в разных сферах жизни общества – экономической, социальной, культурной, идейно-идеологической. Общечеловеческие основы национальной идеи неразрывно связаны с достижениями науки и техники, процессами глобализации, изменениями происходящими, в рыночной экономике, со свободами человека, его правами, честью и достоинством.

Если в основе национальной идеи не были заложены демократические принципы, то это отрицательно воздействовало бы на развитие наций и народов. В многонациональных странах реализация демократических прин-

ципов играет важную роль в обеспечении стабильности и межнационального согласия. Без опоры на демократические принципы национальная идея превратилась бы в пропаганду «национальной обособленности», что привело бы к ограничению возможностей страны в развитии и прогрессе.

Достижения Узбекистана не только содействуют социальному развитию своей страны, но и оказывают положительное влияние на глубокое осознание национальной самобытности и образ жизни разных народов и наций, определение своего места и места нации в мировом сообществе, понимание, как гражданина независимого государства, значимости и весомости своей страны.

Национальное самовосприятие не ограничивается знанием национального культурного наследия. Важным условием национального самосознания является возможность обмениваться достижениями народов стран мира. Особо необходимо подчеркнуть повышение роли этого положения в современных условиях глобальных изменений.

Сегодня в мире появилась возможность использовать все новости, появляющиеся на мировом информационном поле, получать сведения об образе жизни, национальных, культурных традициях, обычаях разных народов, изучать их положительные стороны, пользоваться передовыми достижениями науки и техники, технологиями. В результате расширяются возможности для поднятия уровня социальной, экономической, культурной жизни, создаются условия для развития национальной культуры, ценностей, традиций на основе демократических принципов, обогащается самосознание нации и народов мира.

Основы национальной идеи: национальное культурное наследие и общепризнанные демократические принципы не противоречат друг другу. Они представляют взаимосвязанное диалектическое явление. Признание и реализация данной закономерности служит прогрессу наций и является важным условием национального самосознания народов.

В нашем исследовании показано, что проблема изучения общечеловеческих основ национальной идеи с социально-философской точки зрения взаимосвязана с сферой национального самосознания.

В заключении необходимо отметить следующее:

- во-первых, общечеловеческие основы национальной идеи (идеологии), ее сущность и содержание находятся в диалектической взаимосвязи. Они полностью соотносятся с демократическими принципами и служат общенациональному прогрессу;
- во-вторых, общечеловеческие основы национальной идеи отражают объективный процесс, помогающий формированию национального самосознания разных народов и наций. Без учета этой закономерности процесс развития народов и страны в целом становится невозможным;

• в-третьих, общечеловеческие основы национальной идеи отражают все стороны их влияния и участия в социальной сфере народов, наций, социальных групп, показывают достижения народа и уровень развития его человеческого потенциала;

• в-четвертых, в процессе развития общества нации и народы осознают свое национальное самосознание и национальную самоидентификацию через достижения общечеловеческих основ национальной идеи (идеологии), что способствует определению своего места и роли в мировом процессе развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Миллий истиқлол ғояси: асосий тушунча ва тамойиллар. Тошкент: Ўзбекистон, 2000.

2. Миллий истиқлол ғояси. Дарслик. Академия, 2005.

3. *Отамуродов С.* Миллий ривожланиш фалсафаси. Тошкент: Академия, 2005.

4. Ўзбекистон Республикаси Президенти Ш.М. Мирзиёевнинг БМТ Бош Ассамблеясининг 72-сессиясида сўзлаган нутқи // “Халқ сўзи” газетаси, 2017 йил 20 сентябр.

S. USMONOV

*researcher of the Tashkent state pedagogical
University named after Nizami, Tashkent,
Republic of Uzbekistan*

UNIVERSAL PRINCIPLES AND FEATURES OF THE NATIONAL IDEA (IDEOLOGY) IN UZBEKISTAN

This article discusses the essence of the National Idea (ideology) of Uzbekistan, the principles of the national idea. It also determines the correlation of national and universal foundations of the national ideology, highlights the socio-philosophical aspect of the national idea.

Key words: *national idea, universal principles, national identity, spiritual values, national and cultural heritage, interethnic harmony, independence, cooperation.*

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

В современном мире меняются принципы влияния государств друг на друга, на первый план выходят инструменты «мягкой силы», действующие за счет создания привлекательного образа страны и ее политики. СМИ и социальные сети являются одними из основных инструментов «мягкой силы». В статье рассматриваются эти инструменты и то, как они используются в качестве механизмов влияния.

Ключевые слова: «мягкая сила», информационные технологии, СМИ, социальные сети.

Автором концепции «мягкой силы» считается американский политолог Джозеф Най. В работе «Мягкая сила» («Soft Power», 1990 г.) [3] он отмечает, что «мягкая сила» является производной трех ресурсов, а именно культуры, внешнеполитических ориентиров и политического мировоззрения.

«Мягкая сила» государства включает в себя одновременно и национальную идею, и его цели на международной арене. Совокупность внешних и внутренних факторов позволяет создать привлекательный и эффективный имидж государства. Сущностью «мягкой силы» является, во-первых, использование нематериальных ресурсов для достижения своих целей в международных отношениях, и, во-вторых, мирный характер достижения этих целей.

Одной из основных тактических задач «мягкой силы» можно считать создание привлекательного образа, в том числе и за счет успешного имиджа государства. Цель «мягкой силы», в свою очередь, можно определить, как мотивацию к принятию политического решения объекта управления через воздействие влиянием.

Одним из основных инструментов «мягкой силы» являются как традиционные, так и новые – сетевые – средства массовой информации. Именно СМИ являются трансляторами нового видения мира не только в публицистической или научно-популярной форме, но и через трактовку определенных исторических фактов. В свое время Наполеон Бонапарт заметил: «Я боюсь больше трех газет, чем ста тысяч штыков».

Если говорить о сфере информационного влияния, то в Соединенных Штатах с 1953 г. действовало «Информационное агентство США». На его

работу правительство тратило в среднем два миллиарда долларов в год. На момент закрытия в 1999 г. в агентстве работали 6 тысяч сотрудников, которые занимались распространением радио- и телепрограмм, фильмов, книжной продукции более, чем в ста странах. После закрытия этого информационного агентства работу продолжили две радиостанции, а именно «Голос Америки» и «Радио Свобода», ставшие независимыми структурами. Слушатели «Голоса Америки» познакомились с ним еще в 1942 г., услышав примерно следующее: «Мы будем говорить об Америке и войне, новости могут быть хорошими или плохими – мы будем сообщать вам правду» [1]. На сегодняшний день данная радиостанция ведет трансляцию на 45 языках, не только в радиоформате, но и на телевидении. Также к числу инструментов внешнеполитической пропаганды США причисляют коммерческий новостной канал CNN.

В Великобритании, в свою очередь, такими инструментами являются новостной канал BBC World и Всемирная служба BBC. Организация BBC (British Broadcasting Corporation) существует с 1932 г. и является одной из старейших в своем роде. Около 200 миллионов человек ежедневно в разных уголках мира пользуются услугами BBC. В Германии в 1953 году появилась медиакомпания «Немецкая волна», которая и по сегодняшний день осуществляет вещание на тридцати языках. Французское международное радио выходит в эфир на 17 языках. Его аудитория насчитывает 30 миллионов человек, большинство из которых составляют бывшие французские колонии.

Таким образом, средства массовой информации, которые ежеминутно присутствуют в жизни каждого человека, оказывают влияние на формирование мнений и оценок, являются одним из основных инструментов «мягкой силы».

Развитие инструментов «мягкой силы» во многом обусловлено научно-техническим процессом, с помощью которого все быстрее происходит диджитализация (1) всех сторон жизни и стремительное развитие сетевых электронных технологий. Информационные технологии развиваются намного быстрее, чем люди к ним адаптируются, в результате общество оказывается беззащитным перед хозяевами информационных технологий. Именно поэтому сетевые технологии стали важнейшим ресурсом «мягкой силы».

Благодаря развитию искусственного интеллекта, новым стандартам беспроводной связи, появлению социальных сетей и дешевых смартфонов с поддержкой выхода в интернет общество стало не просто связанным, а взаимозависимым и прозрачным. Вместе с этим меняются взгляды на способы влияния на другие государства, самыми популярными становятся «стратегия непрямых действий» и «стратегия безлидерного сопротивления», опирающиеся на сетевые структуры.

Так, социальные сети оказывают существенное влияние на общественное сознание в период политических кризисов. Почти во всех государствах,

где происходили события «арабской весны», протестующие использовали интернет-приложения и мобильные телефоны с целью привлечь новых союзников. Пользователям социальных сетей казалось, что в протесте задействованы миллионы, хотя число действительно протестующих было намного меньше.

Кроме того, интернет, будучи информационной магистралью, превращает такие проекты, как WikiLeaks, Facebook и Twitter, в инструмент борьбы за влияние. При помощи интернет-технологий происходит, словами итальянского философа А. Грамши, «молекулярная агрессия в культурное ядро» [2] конкретного режима, разрушается основа национального соглашения, накаляется до предела ситуация внутри страны и в ее окружении. И все это укладывается в концепцию «мягкой силы».

Социальные сети выполняют сегодня не только роль площадки для общения, но и являются инструментом «мягкой силы», способного распространять данные по всему миру за считанные секунды. В то же время, это вовсе не означает, что телевидение и радио теряют популярность. В современных условиях происходит симбиоз крупнейших телевизионных гигантов с такими сетями, как WikiLeaks, Facebook, Twitter, YouTube, усиливающий в конечном итоге эффект информационных операций.

Итак, сетевые структуры – важнейший инструмент «мягкой силы», созданный для решения как минимум трех задач, причем в глобальном масштабе. Первая – формирование новых смыслов, мнений и оценок. Вторая задача заключается в организации оперативного контроля над деятельностью групп и отдельных лиц. Третья задача – создание механизма формирования и манипуляции поведением в конкретных ситуациях, а также привлечение к решению задач людей, которые этих задач не понимают и не должны этого понимать.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Диджитализация – перевод информации в цифровую форму.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. «Голосу Америки» – 70 лет // Голос Америки // <http://www.golosameriki.ru/content/voice-of-america-celebrates-70th-birthday-2012-02-01-138528779/250467.html>.
2. *Грамши А.* Проблемы революции. Проблемы культурной жизни. М.: Госполитиздат, 1960.
3. *Нье J.* Soft Power // Foreign Policy. 1990. № 80.

YA. V. ERYOMINA

*PhD student, Diplomatic Academy
of the Russian Foreign Ministry,
Moscow, Russia*

INFORMATION TECHNOLOGIES AS AN INSTRUMENT OF «SOFT POWER»

In the modern world, the principles of the influence of states on each other are changing; instruments of “soft power”, acting by creating an attractive image of a country and its policy, are coming to the fore. Media and social networks are some of the main tools of “soft power”. The article discusses these tools and how they are used as mechanisms of influence.

Key words: «soft power», information technology, media, social networks.

БЕЗОПАСНОСТЬ И ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НА РАЗЛИЧНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УРОВНЯХ

Целью настоящей статьи является изучение концепта «безопасность» в его различном «преломлении» на геополитической арене. Используя исторический подход, автор анализирует, как изменилось с течением времени само понятие «безопасность», и дает наиболее полное определение этого слова. В статье описываются 4 различных уровня безопасности, они сравниваются друг с другом на основе различий в ключевых характеристиках и инструментах, используемых для обеспечения безопасности на каждом из них.

Ключевые слова: *обеспечение безопасности, безопасность государства, национальная безопасность, региональная безопасность, международная безопасность, глобальная безопасность.*

Считается, что первым понятие «безопасности государства» употребил президент США Т. Рузвельт в 1904 г. в своем обращении к Конгрессу о задачах внешней политики страны. Тремя годами позже он созвал в Гааге Вторую Международную конференцию мира (1) [5], одним из результатов которой являлось подписание Конвенции о мирном решении международных столкновений [4. С. 415].

Широкое употребление термин «безопасность» получил после окончания Первой мировой войны. Именно тогда мировое сообщество пришло к выводу, что в связи с разрушительной силой войн первоочередной задачей должно быть их предотвращение, т.е. задача обеспечения мира и безопасности от войн.

Рассматриваемый термин стал употребляться в документах Лиги Наций, где наряду со значением отсутствия войны или ее угрозы, он включал достижение соглашений, выработку принципов, создание институтов и процедур, которые бы содействовали созданию условий для сохранения мира [15].

Атлантическая хартия, подписанная президентом США Ф. Рузвельтом и Премьер-министром Великобритании У.Черчиллем 14 августа 1941 г., предполагала предоставление «всем государствам возможности жить в без-

опасности в их собственных границах» и создание с этой целью «широкой и постоянной системы общей безопасности». В ней указывалась необходимость разоружения государств, которые «угрожают или могут угрожать агрессией за пределами своих границ» [14]. В октябре того же года к хартии присоединился и Советский Союз.

Одно из первых определений «безопасности» было дано в 1943 г. известным американским журналистом и политологом Уолтером Липпманом: «Государство находится в состоянии безопасности, когда ему не приходится приносить в жертву свои законные интересы с целью избежать войны и когда оно в состоянии защитить при необходимости эти интересы путем войны» [19].

В том же году в Москве Министры иностранных дел Великобритании, СССР и США признали «необходимость учреждения в возможно короткий срок всеобщей Международной организации для поддержания международного мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств» [6].

При создании Организации Объединенных Наций понятие «международной безопасности» было дополнено. Согласно первому пункту первой статьи Устава этой организации, оно включает: «эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира» и «улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира», в согласии с принципами справедливости и международного права [17]. Функции по поддержанию международной безопасности возлагались на Совет Безопасности ООН.

Во время «холодной войны» обеспечение безопасности стало рассматриваться как деятельность по мобилизации военных, экономических, идеологических и других ресурсов государства и общества в целях военно-политического противостояния оппозиционному блоку, что нашло свое подтверждение в «Законе о национальной безопасности» Соединенных Штатов Америки от 1947 г.

В СССР понятие «безопасности» употреблять запрещалось, полную легитимность оно получило после 1985 г. в ходе «перестройки». При этом, как правило, использовалась его американская или западноевропейская трактовка. Официально определение «национальной безопасности России» было сформулировано в Законе Российской Федерации «О безопасности» от 5 марта 1992 г.: «Безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [12].

Более полное определение дается в Стратегии Национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.: «национальная безопасность» – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних

и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» [16].

Исходя из проведенного анализа международно-правовой базы, научной и периодической литературы, можно сделать вывод, что, во-первых, формирование понятия «безопасности» происходило постепенно по мере появления угроз международной стабильности и национальному суверенитету. Наиболее сильное влияние на значение данного термина оказала «холодная война», когда наряду с угрозами возникновения войны стали рассматривать угрозы применения ядерного и другого оружия массового поражения. В этот период также произошла трансформация «военной безопасности» в безопасность комплексную, охватывающую все сферы общественной жизнедеятельности государства, общества и личности.

В связи с этим, базируясь на исследованиях российских ученых – В.И. Анненкова [1. С. 135-143], И. Иванова [7. С. 10-15], Н.А. Баранова [2], Б.Г. Путилина [13] – и учитывая набор факторов, определяющих индекс международной безопасности [8], предлагается подразделять безопасность на следующие виды: военная, политическая, экономическая, энергетическая, социальная, экологическая.

Особо следует выделить безопасность против террористической угрозы, которая стала активно обсуждаться в мировом сообществе после теракта, произошедшего в США 11 сентября 2001 г. Обеспечение безопасности против актов терроризма было закреплено в качестве центральной задачи внешнеполитического курса США в доктрине Буша [18]. Несмотря на смену методов борьбы против угроз национальной безопасности в пользу международного сотрудничества нынешним президентом Б. Обамой, эта задача остается одной из основных и в современной политике данной страны. В Стратегии Национальной безопасности РФ до 2020 г. деятельность террористических организаций, группировок и отдельных лиц также обозначена и в качестве основного источника угроз национальной безопасности.

Обострение ситуации в Йемене, беспорядки в Венесуэле и Донбассе показывают, что национальная и международная безопасность во многом определяются степенью социальной стабильности, поэтому чрезвычайно важным для современного государства является обеспечение социальной безопасности, в т. ч. идеологической, религиозной и культурной.

Во-вторых, проведенное исследование показало, что до начала 90-х гг. основное внимание было посвящено вопросам международной безопасности, термин «национальная безопасность» использовался для отдельных государств.

Согласно современному подходу, отраженному в частности в работах российских ученых – А.И. Владимирова [3], Ю.В. Косова [9], В.М. Кулаги-

на [10. С. 11-12], М.А. Мунтяна [11. С. 154], – в зависимости от масштабов проявления различают следующие геополитические уровни безопасности: национальный, региональный, международный и глобальный. Сравнение различных уровней обеспечения безопасности приведено в таблице 1.

Источник: сост. автор по следующим материалам: [3; 9; 10. С. 11-12; 11. С. 154].

Обеспечение национальной безопасности происходит на уровне отдельного государства, зависит от его национальных интересов и регулируется посредством внутренней и внешней политики.

Региональная безопасность характеризуется определенными особенностями, присущими конкретному региону. Проблемы обеспечения безопасности на данном уровне могут решаться посредством создания системы коллективной обороны, а также в рамках объединений государств универсального характера (например, стран Ассоциации Юго-Восточной Азии (АСЕАН)) и специально созданных для этого организаций (например, Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ)).

Международная безопасность отражает состояние отношений между государствами и основывается на: двусторонних договорах об обеспечении взаимной безопасности между заинтересованными странами; объединении государств в многосторонние союзы; всемирных международных организациях, региональных структурах и институтах для поддержания международной безопасности; демилитаризации, демократизации и гуманизации международного политического порядка, установлении верховенства права в международных отношениях.

В условиях сегодняшнего глобального взаимодействия и взаимозависимости наряду с государствами все более активными участниками международных отношений и мировой политики являются негосударственные акторы, поэтому в современной отечественной и зарубежной литературе вводится понятие глобальной безопасности, подразумевающей защиту от опасностей всемирного масштаба (глобальных проблем современности).

Важными направлениями укрепления глобальной безопасности являются: разоружение и контроль над вооружениями, в т. ч. оружием массового уничтожения (ОМУ); борьба с международным терроризмом, киберпреступностью и незаконным оборотом наркотиков; предотвращение и регулирование этнополитических конфликтов; содействие экономическому росту развивающихся стран и сокращение бедности; защита окружающей среды, рациональное использование природных богатств и т.п.

Из вышесказанного следует, что безопасность в современной международно-политической системе представляет собой комплекс угроз различного характера, охватывающих все сферы общественной жизнедеятельности государства, общества и личности, а также средства противодействия им. Обеспечение безопасности происходит на различных геополитических

Таблица 1

Сравнительная характеристика различных уровней обеспечения безопасности

Классификация безопасности по геополитическому уровню	Дефиниция	Особенности уровня безопасности	Инструменты обеспечения безопасности
Национальная безопасность	<p>Формируемая государством система внутренних и внешних условий бытия ее социума (народов) как состояний существования нации, гарантированно обеспечивающее реализацию ее базовых стратегических целей, то есть ее самосохранение, позитивное развитие и историческую вечность, несмотря на все объективно существующие и возможные угрозы существованию этого государства, его этноса и цивилизации</p>	<p>Безопасность на уровне отдельных стран; характеризуется особенностями конкретной страны и зависит от ее интересов</p>	<p>Внешняя и внутренняя политика государства</p>
Региональная безопасность	<p>Составная часть международной безопасности, характеризующаяся как свободное состояние от военных угроз, экономических и других опасностей, а также от вторжений и вмешательств извне, связанных с нанесением ущерба, посягательств на суверенитет и независимость государств региона</p>	<p>Имеет региональные особенности, в т.ч. конфигурацию баланса сил и степень вовлеченности великих держав в разрешении региональных проблем.</p>	<p>Объединения государств универсального характера (например, страны АСЕАН), так и специально созданные для этого организации (например, АРФ); создание системы коллективной обороны</p>

Окончание таблицы

Классификация безопасности по геополитическому уровню	Дефиниция	Особенности уровня безопасности	Инструменты обеспечения безопасности
Международная безопасность	Состояние политических, экономических и других отношений между государствами, устраняющее угрозу агрессии одного или группы государств против другого государства или группы государств и обеспечивающее их мирное сосуществование на началах равноправия, невмешательства во внутренние дела друг друга, уважения национальной независимости и самоопределения народов, а также их свободное развитие на демократической основе	Безопасность межгосударственных отношений; широкий перечень инструментов обеспечения безопасности	Двусторонние договоры об обеспечении взаимной безопасности между заинтересованными странами; объединение государств в многосторонние союзы; всемирные международные организации, региональные структуры и институты для поддержания международной безопасности; демилитаризация, демократизация и гуманизация международного политического порядка, установление верховенства права в международных отношениях
Глобальная безопасность	Уровень безопасности, подразумевающий защиту от опасностей всемирного масштаба, вплоть до уничтожения человечества или резкого ухудшения условий жизни	Субъектами глобальной безопасности также являются негосударственные акторы	Разоружение и контроль над вооружениями, в т. ч. оружием массового уничтожения (ОМУ); борьба с международным терроризмом, киберпреступностью и незаконным оборотом наркотиков; предотвращение и урегулирование этнополитических конфликтов; содействие экономическому росту развивающихся стран и сокращение бедности; защита окружающей среды, рациональное использование природных богатств и т.п.

уровнях, которые, с одной стороны, образуют единую систему. С другой стороны, каждому уровню присущи свои специфические особенности и инструменты обеспечения безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Первая Международная конференция мира была созвана в 1899 г. по предложению России, имела своей задачей ограничение вооружений и обеспечение мира, которая в результате конференции не была достигнута.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Анненков В.И.* Военная сила в международных отношениях: Учебное пособие. М.: Восток-Запад, 2009.

2. *Баранов Н.А.* Тема 1. Национальная безопасность и механизмы ее обеспечения // http://www.nicbar.narod.ru/nazbez_lekzia1.html.

3. *Владимиров А.И.* Концептуальные основы Национальной стратегии России: политологический аспект. М.: Наука, 2007.

4. Гагская I конвенция о мирном решении международных столкновений, Гаага, 18 октября 1907 г. // Международное публичное право. Сборник документов. М.: Издательство БЕК, 1996. Т. 1.

5. Гагские мирные конвенции 1899 и 1907 // http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/352.

6. Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности. М., 30 октября 1943 г. // <http://www.lawmix.ru/abro/1537>.

7. *Иванов И.* Международная безопасность в эпоху глобализации // Россия в глобальной политике. Январь-Март 2003. № 1.

8. Индекс международной безопасности // <http://www.pircenter.org/data/ib/isimethods.pdf>.

9. *Косов Ю.В.* Безопасность: геополитический аспект // <http://www.nationalsecurity.ru/library/00008/index.htm>.

10. *Кулагин В.М.* Международная безопасность: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2010.

11. *Мунтян М.А.* Основы теории международных отношений: Учебное пособие. М.: БИ, 2010.

12. О безопасности: Закон РФ от 05.03.1992 № 2446-1 (ред. от 26.06.2008) // Российская газета. 06.05.1992. № 103 // <http://www.internet-law.ru/law/inflaw/sec.html>.

13. *Путин Б.Г.* Национальная и международная безопасность // <http://www.xserver.ru/user/nazmb>.

14. *Рузвельт Ф.Д., Черчилль У.С.* Атлантическая Хартия // <http://www.grinchevskiy.ru/1900-1945/atlanticheskaya-hartiya.php>.

15. Статут Лиги Наций / Версальский мирный договор. Полный перевод с французского под редакцией Ю.В. Ключникова и А. Сабанина. М.: Издание Литиздата НКВД, 1925 // <http://www.hist.msu.ru/Departments/ModernEuUS/INTREL/SOURCES/Legnatus.html>.

16. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=100014,0&rnd=0.15698058672724702#021800277232157061>.

17. Устав Организации Объединенных Наций. Глава 1. Ст. 1. П. 1 // <http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter1.shtml>.

18. Bush Doctrine // <http://www.thetimes.co.uk/article/0,,56-2002050593,00.html>.

19. *Lippmann W.* US Foreign Policy: Shield of the Republic. Boston, 1943.

M.A. SHOLKOVA

Post-graduate student of the Diplomatic Academy, third secretary of the Third department of CIS countries MFA of Russia, Moscow, Russia

SECURITY ENSURING SECURITY IN THE DIFFERENT GEOPOLITICAL LEVELS

The scope of the present article is to examine the concept of “security” in its different declination in the geopolitical arena. Using an historical approach, the author analyzes how the meaning of “security” has changed through the years in order to achieve a more comprehensive definition of security. The article identifies 4 different levels of security, which are described and compared to each other based on differences in scope, key features and the instruments used to implement them.

Key words: *ensuring security, security of state, national security, regional security, international security, global security.*

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ В КИТАЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Коррупция – глобальная проблема современности, которая в разной степени существует во всех странах мира и представляет большой исследовательский интерес в качестве объекта. Данное негативное явление влияет на все сферы жизнедеятельности общества. Предметом нашего исследования является антикоррупционная политика в КНР. Комплекс антикоррупционных мер рассматривается в различные исторические периоды развития Китая, что позволяет определить основные принципы борьбы и конкретные организационные и профилактические мероприятия и механизмы противодействия явлению коррупции.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика, противодействие, политический процесс, антикоррупционные меры, политическая задача.

Коррупция превратилась в важную составляющую жизни современных государств, а проблема борьбы с ней является актуальной политической задачей. Для многих стран в силу распространения коррупции – это ключевой вопрос политической жизни.

Актуализируется данная тема также недостаточностью ее изученности и дополняется возможностью использования китайского национального опыта другими странами. Исследование различных аспектов китайской антикоррупционной практики расширяет возможности ее применения.

Особую актуальность данная проблема имеет в истории Китая. Так, после XVIII съезда Коммунистической партии Китая (ноябрь 2012 г.) борьба с коррупцией выдвигается в качестве одной из главных внутривнутриполитических задач государства. Данный факт свидетельствует о том, что КПК придает этому вопросу большое значение и связывает с ним стабильность собственного положения в обществе и сохранение политической власти. Это подтверждает и XIX Всекитайский съезд КПК, в отчете съезда гово-

рится об антикоррупционной ситуации: «В настоящее время ситуация антикоррупционной борьбы все еще остается тяжелой и сложной, и мы должны укрепить наше доверие, чтобы одержать сокрушительную победу».

Проблема коррупции в Китае существует давно, а стало быть и антикоррупционная деятельность имеет свою историю. Анализ содержания антикоррупционного противодействия в Китае позволяет выделить два периода: древний и современный. В данной работе мы рассматриваем антикоррупционные меры Китая на современном этапе, который в свою очередь можно разделить на четыре периода:

1) создание Коммунистической партии – образование Китайской Народной Республики: в этот период уже был проведен ряд действий, направленных на создание антикоррупционного движения. Главными направлениями этой борьбы были спортивное (运动式反腐) и властное (权利式反腐), проходившие под руководством Мао Цзэдуна [1]. Спортивное противодействие является средством, направленным на борьбу с коррупцией массовых движений, в полной мере использующим преимущества массового и социального надзора. Однако недостатком этого метода является тот факт, что он не уделяет достаточного внимания глубинным проблемам коррупции.

Под руководством Мао Цзэдуна Коммунистическая партия Китая осуществила ряд действий по борьбе с коррупцией, ввела дисциплинарные правила, тщательно расследовала ряд дел, что сыграло в тех исторических условиях большую сдерживающую роль. Отношение к коррупции лидеров и их решимость в борьбе с коррупцией имели большое значение, властный фактор влиял на эффективность борьбы. Во время войны Мао Цзэдун обратил внимание на несколько крупных дел о коррупции и лично допросил, таких граждан как Се Бушен (1), Цзо Сяньюнь (4), Хуан Кэгун (3) и Сяо Юйби (2), и привлек их к ответственности, что доказывает решимость КПК бороться с коррупцией. Рассмотренные спортивное и властное направления в антикоррупционном противодействии сыграли важную и своевременную роль в тот исторический период развития Китая. Но китайские коммунисты начали понимать, что настоящая и эффективная борьба с коррупцией должна опираться на институциональную поддержку.

В апреле 1926 года комитет Коммунистической партии Китая провинции Гуандун учредил Наблюдательный комитет, выборным руководителем (секретарем) был назначен Лин Вэйминь. Это первый местный орган дисциплинарной инспекции Коммунистической партии Китая.

Расширению антикоррупционной системы партии способствовало Саньваньское переформирование красноармейских частей (г. Саньвань, 1927 г.), что укрепляло непосредственное руководство партии над военными.

27 апреля 1927 года (после того, как группа Чан Кайши начала контрреволюционный переворот 12 апреля), в Учан открылся Пятый национальный конгресс Коммунистической партии Китая.

В сентябре 1927 года Мао Цзэдун во время восстания «осеннего урожая» (в 1927 г. в пров. Хунань) попросил офицеров и солдат относиться к народу с уважением, без травли и ругани.

С октября того же года начали действовать три основных правила дисциплины:

1. Во всех действиях подчиняться командованию.
2. Не брать у населения ничего, даже иголки и нитки.
3. Экспроприировать тухао (миродов) и передавать государству.

В 1931 году в Центральной революционной опорной базе (Центральный советский район) создали Бюро рабочих и крестьян, и установили первый ящик для жалоб.

В декабре 1933 года председатель Китайской Советской Республики Мао Цзэдун издал директиву Центрального исполнительного комитета о наказании за коррупцию и отходы, которая стала первым законом Коммунистической партии Китая. В этом документе были изложены положения о наказаниях за коррупцию чиновников, служащих государственных предприятий и работников общественных групп.

15 августа 1938 года было обнародовано первое специальное положение о наказании за коррупцию, а именно «Положение о наказании за коррупцию со стороны правительства приграничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся», которое предусматривало десять видов поведения, четыре вида наказания и стандарты наказания за коррупционное преступление. Те, у кого сумма коррупции менее 100 юаней, приговаривались к тюремному заключению сроком на один год или менее. Те, у кого сумма коррупции превышает 500 юаней – к смертной казни или тюремному заключению сроком на пять лет или более.

6 ноября 1938 г. на шестом пленуме центральной комиссии было принято «Решение о правилах и дисциплине ЦК» и «Решение о правилах и дисциплине партийной работы на всех уровнях».

В мае 1941 г. Политбюро Центрального комитета (ЦК) КПК утвердил «Политическую программу Шэньси-Ганьсу-Нинся пограничного региона». В программе четко сказано, что члены Коммунистической партии в приграничных районах «должны осуществлять демократическое сотрудничество с людьми вне партии»; люди имеют право «возбудить любой иск против незаконного поведения любого государственного должностного лица»; правительство приграничной зоны «строго проводит чистую и честную политику, жестоко наказывает коррупцию государственных служащих, запрещает любым государственным служащим действовать в государственных и частных делах, а коммунисты виновны в раскрытии преступления».

Следует отметить, что до образования Нового Китая в 1949 году, несмотря на наличие опыта управления все еще не было объективных условий для крупномасштабного совершения сделок между властью и деньгами. В этот период проблема коррупции не стояла так остро.

В борьбе с коррупцией в этот период можно выделить две основные тенденции: во-первых, революционная партия применяет железную дисциплину и строго борется с коррупцией, во-вторых, для борьбы с коррупцией устанавливается демократическая система и усиливается контроль общественного мнения.

Развитие Нового Китая принесло и новые коррупционные преступления. В ноябре 1951 года Северо-восточное бюро представило доклад Центрального комитета о коррупции и растрате некоторых кадров, что продемонстрировало серьезность проблемы коррупции и необходимость борьбы с ней. И уже в декабре 1951 года ЦК КПК принял «Решение о внедрении чистого и простого администрирования, повышении производительности труда, противодействии коррупции, противодействии отходам и противостоянию бюрократии».

В качестве примера антикоррупционной борьбы того периода можно привести приговоры к смертной казни главы бывшего района Тяньцзинь Лю Циншань и Чжан Цишань за «похищенные государственные активы, сговор с прибыльными компаниями, незаконные деловые операции, распад государственных предприятий, коррупцию и взяточничество». Лю Циншань, бывший секретарь муниципального партийного комитета Тяньцзиня, и Чжан Цишань, комиссар государства, присвоили государственную собственность – 17,1 млрд юаней [2] и были приговорены к смертной казни.

В Китае начинается движение, направленное против «трех зол» – коррупции, расточительства и бюрократизма и против «пяти зол» – взяточничества, уклонения от уплаты налогов, расхищения гос. имущества, недобросовестного выполнения гос. подрядов и заказов, хищения гос. экономической информации и использования ее в целях спекуляции.

В период с 1956 по 1964 год Центральное народное правительство трижды усиливала антикоррупционные кампании.

Эксперименты Мао Цзэдуна получили продолжение в реформах и изменениях законодательства под руководством Дэн Сяопина. Действия руководства были направлены на развитие экономики, подъем страны. В связи с этим регионы Китая получили невиданную прежде экономическую свободу. В современном Китае элита и бизнес играют большую роль. Даже такой институт, как налоговая система была децентрализована умышленно, а потоком доходов от бизнеса неожиданно разрешалось распоряжаться региональным руководителям. Следует отметить и такую особенность, что эти же люди занимались и привлечением инвестиций, что создавало идеальную среду для развития коррупции и возможностей ее распространения в Китае, «откатов» и «распилов». Внутренняя ситуация в стране также способствовала тому, что руководители Китая и партии не контролировали проблему коррупции, поскольку приоритетным для них было создание условий для ускорения темпов социально-экономического развития.

В 1978 году, на 3-ем пленуме ЦК компартии Китая 11-го созыва, Дэн Сяопин предложил общую стратегию проведения реформ и открытости и определил экономическое строительство как главную задачу социалистического развития. Китайское общество начало переход от плановой экономики к социалистической рыночной экономике. В процессе реализации реформ и открытости проблема коррупции также возрастает. Борьба с коррупцией превращается в актуальную задачу, практическое решение которой потребовало определенной системы мер.

В декабре 1978 года возобновляет свою деятельность Комиссия ЦК КПК по проверке дисциплины, основной задачей дисциплинарного расследования было рассмотрение и исправление большого количества сфабрикованных дел и ошибочных приговоров. В 1980 году Центральная комиссия по проверке дисциплины подготовила пакты и доложила Центральному комитету об утверждении «нескольких руководящих принципов политической жизни в партии».

В апреле 1982 года Центральный комитет издал «Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая и Государственного совета о борьбе с серьезной преступной деятельностью в экономической области», в котором был изложен призыв ко всем членам партии принять активные меры и решительно бороться с экономической преступной деятельностью, коррупцией и дегенерацией.

15 августа 1989 года Верховный народный суд и Верховная народная прокуратура выпустили «Уведомление о коррупции, получении взяток, спекуляциях и других преступлениях, которые должны быть признаны в установленные сроки». 19 августа Министерство надзора выпустило «Уведомление о государственном управлении по борьбе с коррупцией и взяточничеством, которое должно активно решать проблемы в установленные сроки».

Таким образом, в ответ на растущую в стране коррупцию китайское правительство и партия активизировали свои усилия по наказанию коррупции (Таб. 1).

Дэн Сяопин – главный архитектор политики реформы и открытости Китая также четко определил идеологию антикоррупционной работы. Он отметил, что «для борьбы с экономическими преступлениями мы должны сказать, что это долгосрочная регулярная борьба».

В 1997 году на 15-м Всекитайском собрании народных представителей были разъяснены идеология, система руководства и механизмы антикоррупционной борьбы, что значительно способствовало повышению ее эффективности.

16 ноября 2002 года Всекитайское собрание народных представителей развивает систему мер и сосредоточивает внимание на антикоррупционной профилактике.

**Список коррупционеров на уровне департаментов и выше,
которые были частично расследованы в 1978-2011 гг.**

Фамилия имя	Должность	Квалификация преступления	Срок наказания
Ю Фэй	Заместитель директора провинциального народного конгресса провинции Гуандун	использование служебного положения в корыстных целях	освободить от должности
Ли Энчао	Секретарь комиссии по проверке дисциплины Гуанси	Нарушение дисциплины	освободить от должности
Лу Джиаشان	Вице-президент Банка Связи	взяточничество	3 года
Ма Хунмэй	Мэр Шаньвэй, Гуандун	коррупция и взяточничество	8 лет
Ян Шаньсиу	Мэр Аньяна, Хэнань	взяточничество	10 лет
Цзян Диану	Заместитель директора Хэбэйского провинциального народного конгресса	взяточничество	10 лет
Пан Йиль	Вице-президент Высокого суда Гуанси	взяточничество	15 лет
Лю Ицин	Президент Хунаньского отделения Промышленно-коммерческого банка	взяточничество	15 лет
Чэнь Ситун	Член Политбюро, Секретарь Пекинского городского комитета.	коррупция и взяточничество	16 лет
Цзинь Тяньбао	Директор Бюро морского надзора Гуанчжоу	взяточничество	15 лет
Чжу шэнвэнь	Вице-мэр Харбина	коррупция и взяточничество	17 лет
Синь Ецзян	Заместитель директора Хайнаньского провинциального народного конгресса	взяточничество	5 лет
Чжан Дэюань	Председатель Хунаньской Международной Трастовой Компании	взяточничество	смертная казнь
Чжан Биньчан	Генеральный директор металлургической компании Лан Чжоу	взяточничество	смертный приговор с отсрочкой
Ци Го Гюй	Хайнань Дунфан Городской секретарь	коррупция и взяточничество	смертная казнь
Чжоу Хуафу	Генеральный директор Народной страховой компании Хэнань	коррупция и взяточничество	бессрочный

Чжан Чжэн	Заместитель председателя Провинциальной политиче- ской консультативной конфе- ренции в Гуйчжоу	взяточничество	3 года
Цянь Юхуа	Директор Дацинского городского народного конгресса	взяточничество	10 лет
Мэн Цинпин	Вице-губернатор провинции Хубэй	взяточничество	10 лет
Ман Гуанцзун	Директор департамента общественной безопасности Цинхая	взяточничество	покончил с собой
Чжан Гуанхань	Заместитель директора департамента общественной безопасности Цинхая	взяточничество	покончил с собой
Сюй Бингсонг	Заместитель председателя автономного округа Гуанси	взяточничество	бессрочный
Сунь Сяохун	Высокий суд провинции Юньнань	нарушение дисциплины	освободить от должности
Чен Тонгцин	Секретарь городского комитета партии Гуандун Чжаньцзян	взяточничество	смертный приговор с отсрочкой
Лю Тунсинь	Директор по продовольствию района Ченьян, Циндао	коррупция	смертный приговор с отсрочкой
Ци Шицзянь	Председатель Юньнань Хонгта Табак Груп	коррупция	бессрочный
Се Хайтинг	Председатель группы Гуандун Тяньлун	коррупция	смертная казнь
Ли Чэнлун	Заместитель мэра города Гуйган, Гуанси	взяточничество	смертная казнь
Хуан Факсян	Директор по земле и ресурсам округа Фэнду, Чунцин	коррупция	смертная казнь
Чжэн Жунфан	Заместитель мэра провинции Гуандун Эньпин	коррупция и взяточничество	смертный приговор с отсрочкой
Ло Цинчан	Председатель Юньнаньской туристической компании	коррупция и взяточничество	сбежал в Америку
Чжэн Шэнтин	Генеральный директор Хэнаньской корпорации по импорту и экспорту зерна и масла	мошенничество	16 лет

У Ляньгуй	Генеральный директор Jiangmen Guilian Group	мошенничество	смертная казнь
Дон хучен	Губернатор провинции Гуандун	взяточничество	13 лет
Чжу цюань	Заместитель губернатора провинции Ляонин	нарушение дисциплины	освободить от должности
Чэнь Чжун	Заместитель командира Синьцзянского производственно-строительного корпуса	нарушение дисциплины	освободить от должности
Чжоу Вэньци	Заместитель председателя политической консультативной конференции в Нинся	использование служебного положения в корыстных целях	освободить от должности
Ван Шувень	Секретарь городского комитета партии Шаньдун Жичжао	взяточничество	1 год
Чжан Эрхен	Мэр Шицзячжуана провинции Хэбэй	взяточничество	10 лет
Чжан Гогуан	Губернатор провинции Хубэй	взяточничество	11 лет
Ли Синмин	Секретарь городского комитета Аньхой Цанчжоу	взяточничество	12 лет
Лю Чангуй	Заместитель губернатора Гуйчжоу	взяточничество	11 лет
Ван Чжоню	Вице-губернатор провинции Чжэцзян	взяточничество и злоупотребление служебными полномочиями	12 лет
Сяо Хуайшу	Заместитель политического комиссара Ланьчжоуского военного округа	взяточничество	бессрочный
Лю Кетянь	Заместитель губернатора Ляонина	взяточничество	12 лет
Тян Фэншань	Министр земли и ресурсов	взяточничество	бессрочный
Хан Гуйжи	Председатель политической консультативной конференции провинции Хэйлуцзян	взяточничество	смертный приговор с отсрочкой
Хоу Вуцзе	Заместитель секретаря провинциального комитета Шаньси	взяточничество	11 лет
Лю Чжихуа	Вице-мэр Пекина	взяточничество	освободить от должности

2004 год считался годом наибольшей борьбы с коррупцией. В течение года Центральный комитет Коммунистической партии Китая последовательно издал ряд важных мер [3]: 1) для усиления и совершенствования антикоррупционной работы государственных предприятий; 2) Центральная комиссия по проверке дисциплины объединила управление размещенными учреждениями; 3) принятие двух положений – «Дисциплинарное положение Коммунистической партии Китая» и «Положение о надзоре за Коммунистической партией Китая»; 4) создание системы кадровой отставки; 5) реализация Закона об административном лицензировании, Государственный совет и местные организации отменили и скорректировали проект одобрения, достигнутый 1806; 6) Центральный организационный департамент и Центральная дисциплинарная инспекция создали специальное инспекционное агентство.

В 2005 году было проведено несколько реформ:

Первая реформа заключается в реформировании системы финансового управления и реализации «разграничения доходов и расходов»;

Вторая – реформировать инвестиционную систему и создать государственную систему ответственности за инвестиции и систему отчетности;

Третья – продвижение системы управления и надзора при отборе и назначении кадров, содействие реформированию кадровой системы и внедрение системы рекомендаций и подотчетности для назначения руководящих кадров;

Четвертая реформа – это системы надзора.

Современный этап также является важным в антикоррупционной истории Китая. В последние годы опыт и достижения Китая в области борьбы с коррупцией привлекают внимание других стран мира.

29 декабря 2010 года информационный офис государственного совета официально выпустил наш первый антикоррупционный официальный правительственный документ «Белая книга» – «Антикоррупционное и чистое правительственное здание Китая».

В декабре 2013 года «Рабочий план по созданию надежной системы наказания и предотвращения коррупции на 2013-2017 годы», разработанный ЦК партии, проводил научное и систематическое развертывание смежных вопросов.

После XVIII съезда центральное правительство проверило 440 партийных и кадровых участников на военном уровне и выше, в том числе 43 члена 18-го Центрального комитета и Альтернативного комитета, 9 членов Центральной комиссии по проверке дисциплины и более 8 900 кадров на уровне бюро. На уровне округа насчитывается более 63 000 кадров, и на низовом уровне было ликвидировано 278 000 кадров. Это создало подавляющую ситуацию в борьбе с коррупцией [3]. Сердце и разум партии вдохновляют, а стиль партии – новый.

Представитель постоянного комитета провинциального комитета Хэнань, и министр организации Кон Чаншенг заявил о поддержке принципа

«нет запретной зоны, полная открытость, нулевая терпимость», в отчете XIX Всекитайского съезда КПК четко высказано «тяжелое сдерживание, сильное высокое давление, длительный шок», что указывает на то, что наше правительство полно сильной решимости бороться с коррупцией.

Содействие антикоррупционному национальному законодательству является настоятельной необходимостью углубления борьбы с коррупцией. В отчете XIX Всекитайского съезда КПК выказано предложение, согласно которому нужно содействовать антикоррупционному национальному законодательству и создать платформу отчетности, охватывающую систему контроля и надзора за дисциплиной.

Профессор национального административного института Ван Юкай заявил, что принятие закона о государственном надзоре, заменяющего «двойное указание», является важным средством борьбы с коррупцией в соответствии с законом. В настоящее время в тех местах, где Пекин, Шаньси и Чжэцзян проводили пилотные реформы системы надзора, были случаи применения мер сдерживания и ареста, что свидетельствует о том, что борьба с коррупцией вышла на новый уровень в соответствии с законом.

В отчете XIX Всекитайского съезда КПК было вынесено суждение об антикоррупционной ситуации: «В настоящее время ситуация антикоррупционной борьбы все еще остается тяжелой и сложной, и мы должны укрепить наше доверие, чтобы одержать сокрушительную победу».

Необходимо усилить самоконтроль партии и массовый надзор. В отчете XIX Всекитайского съезда КПК предлагается «совершенствование системы партийного и государственного надзора» [4]. Цель – «создать единую и авторитетную и эффективную систему надзора за партией и объединить надзор внутри партии с надзором за государственными органами, демократическим надзором, судебным надзором, массовым надзором и надзором общественного мнения, а также усилить надзор и сотрудничество».

Таким образом, проблема коррупции существует в нашей стране давно. Нам нужно опираться на исторический опыт с учетом специфики нынешней ситуации в Китае.

В недавно опубликованной «Синей книге по борьбе с коррупцией и защите интересов» упоминается, что в 2018 году «летающая муха» стала более целенаправленной, более активной, более мощной и завоевала сердца людей.

Опрос показывает, что по сравнению с 2017 годом количество городских и сельских жителей, считающих, что «нет коррупции» и «нет слишком серьезной проблемы коррупции», почти удвоилось [5]. Доверие и уверенность людей в партии и правительстве постоянно растут, как свидетельствуют статистические источники. Но это не значит, что проблема коррупции в нашей стране решена. Наоборот, нам нужно учиться на историческом опыте и более эффективно бороться с коррупцией в свете современной ситуации в Китае.

Коррупция – глобальная проблема современности, которая в разной степени существует во всех странах мира. Это негативное явление имеет юридическое, социальное, экономическое, политическое и нравственное значение. Коррупция выражается в злоупотреблении служебным положением, даче и получении взятки, злоупотреблении полномочиями, коммерческим подкупом, незаконным использованием своего должностного положения вопреки требованиям закона.

Существует целый спектр рассуждений по поводу возможных и последствий коррупции, ее воздействия на различные сферы социально-политической жизни. Исследователи же прежде всего говорят о взаимосвязи коррупции, экономического роста и уровня развития в стране. Многими экспертами сегодня признается функциональность такого явления, как коррупция, в плане действенного метода ускорения для принятия решений, для оживления экономической деятельности, а также предпринимательства в странах, где сильно развит бюрократический аппарат.

В то же самое время нет никаких сомнений, что коррупция оказывает резко негативное, разлагающее воздействие на многие, если не на все стороны общественной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Се Бушен 谢步升 (неизвестный год рождения ~ 1932.05.09). Это был первый коррумпированный чиновник Коммунистической партии Китая после создания Китайской Советской Республики.

(2) Сяо Юби – заместитель директора Бюро пограничной торговли Шэньси-Ганьсу-Нинся. За период пребывания в должности главы налоговой инспекции. Он гордится своим высокомерием, игнорирует закон и дисциплину, публично растрчивает на океан более 3000 юаней и даже ведет частный бизнес с национальной армией, что приводит к оттоку важных материалов в пограничной зоне.

(3) Хуан Кэгонг – кадровый состав Красной Армии. 5 октября 1937 года Хуан Кэгун застрелил Лю Вэй, ученицу северной государственной школы Шэньси, на реке Яньхэ. 12 октября 1937 года Высокий суд Шэньси-Ганьсу-Нинся пограничного района немедленно применил смертную казнь.

(4) Цзо Сяньюнь (неизвестный год рождения ~ 1934.02.18), является одним из высокопоставленных кадров, которые были приговорены к смертной казни за коррупцию в истории Коммунистической партии Китая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Статья 毛泽东怎样领导反腐败 / CCCPC Party Literature Research Office. 2014 // https://www.wxysj.org.cn/wxzj_1/dbzb/201405/t20140527_150055.htm.

2. Статья 毛泽东反腐倡廉思想的特点及启示 / Сайт Министерства контроля. 2013 // http://www.scopsr.gov.cn/whsh/lshl/shzh/201312/t20131206_247730.html.

3. Статья十八大以来, 440名省军级以上党员干部及其他中管干部被查 // Официальный правовой интернет-портал КНР «Право». 19.10.2017.

4. Статья 习近平在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 // Новостная сеть «Синьхуа». 18.10.2017 // http://www.china.com.cn/19da/2017-10/27/content_41805113.htm.

5. Чу Инцзе, Гуань Вэй, Ли Юньшунь. Статья «反腐败, 我们都愿意» // Газета дисциплинарного расследования Китая. 10.01.2019 // http://csr.mos.gov.cn/content/2019-01/10/content_72815.htm.

GAO DAI

*Graduate student of Department
of Political Science of the East of the Institute
of Asia and Africa, Moscow State University
Lomonosov, Moscow, Russia*

ANTI-CORRUPTION COUNTERACTION IN CHINA: HISTORY AND MODERNITY

Corruption is a global problem of modernity that exists to varying degrees in all countries of the world and is of great research interest as an object. This negative phenomenon affects all spheres of society's life. The subject of our research is anti-corruption policy in China. The set of anti-corruption measures is considered in various historical periods of China's development, which allows us to determine the main principles of the fight and specific organizational and preventive measures and mechanisms for countering the phenomenon of corruption.

Key words: *corruption, anti-corruption policy, counteraction, political process, anti-corruption measures, political task.*

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ГОССЛУЖБЫ КНР КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

В данной статье рассматриваются основные направления реформы государственной службы в Китайской Народной Республике. Система найма на государственную службу является наиболее важным каналом в подготовке китайских политических элит. Изучение процесса развития системы государственных служащих имеет большое значение для понимания трансформации китайских политических элит. Метод политического анализа позволяет автору подробно изучить нормативно-правовую базу развития системы госслужбы КНР, выделив основные направления ее реформы.

Ключевые слова: *Китай, система государственной службы, закон, политическая элита, экзамен, функционирование, реформирование.*

Анализ реформирования системы государственной службы в КНР, показывает, что, как и многие другие процессы в модернизации Китая, она является собой сочетание старой советской и новой модернизированной системы.

Китай демонстрирует высокий уровень развития в новых экономических условиях, сохраняя прежнюю политическую систему. Проведенные реформы не затронули политическую сферу, но четко демонстрируют разницу в развитии прибрежной и внутриконтинентальной частей страны. КНР остается государством, где власть всех уровней формируется партийными органами.

Модернизация выявляет многие управленческие проблемы разных уровней власти и компетенций.

Об особенностях кадровой политики КНР пишут многие авторы. Среди них следует назвать отечественных исследователей В.Г. Гельбраса, Л.М. Гудошникову, А.А. Демина, В.Л. Иноземцева, А.В. Копкова и др., например, китайские ученые Цзян Мин'ань Жэнь Гун, Ши Цинхуань, Чжан Биньбинь исследуют различные аспекты реформирования китайской системы

госслужбы. Однако анализ литературы показывает недостаточность работ с применением комплексного подхода к проблеме.

Цель нашего исследования заключается в выявлении основных особенностей системы государственной службы КНР на современном этапе; основных направлений ее реформирования для понимания процесса трансформации китайских политических элит. Следует отметить, что данный предмет редко становится предметом изучения. Структура китайской политической элиты, каналы рекрутирования и персональный состав представляют большой интерес не только для национальной истории, но и в рамках политологического знания имеют большое практическое значение.

Современная система найма государственных служащих КНР включает определенные каналы. Для поступления на государственную службу необходимо: сдача экзамена для поступающих на госслужбу (система найма), участие в публичном отборе или выборах (система должностей, система повышения и понижения в звании), прямой перевод (система контакта), поступление демобилизованных военнослужащих, быть приглашенным государственным служащим (система постового приглашения).

В данной статье мы исследуем наиболее важное звено – сдачу экзаменов. В соответствующих законах и практике его называют «системой найма государственных служащих». Отбор должностных лиц путем публичных конкурсных экзаменов происходит из системы имперских экзаменов «Кэ Цзюй» в древнем Китае. Экзамен «Кэ Цзюй» означает «учредить систему экзаменов и брать на службу лучших». Просуществовавшая система от династий Суй и Тан до маньчжурской (цинской) династии, т.е. в течение более чем 1300 лет, обеспечила огромное количество политиков и талантов административного управления для правящих династий. Данная система занимает важное место в китайской истории, в истории формирования китайской элиты. Она существенно повлияла на создание систем гражданской службы и в западных странах. Г-н Сунь Ятсен, великий политик, революционер и инициатор национально-демократической революции в современном Китае, однажды отметил: «Британская система экзаменов была самой ранней, а американской системе экзаменов всего 20-30 лет. Британия переняла систему экзаменов у нас. Китайская система экзаменов является лучшей в мире. Сейчас все страны учатся у Великобритании в сфере экзаменационной системы» [8]. Система найма государственных служащих в Китае основана на усвоении традиции древних государственных экзаменов «кэцзюй» императорского Китая и опыта набора кадров в Новом Китае, а также осмысленных заимствований из западных систем. Рассматривая в целом историю функционирования системы государственных служащих, обычно выделяют следующие этапы:

1) Начальный – этап создания системы найма кадров (1949-1978 гг.)

После основания Китайской Народной Республики набор кадров в Китае в основном осуществляется в трех форматах: 1. директивное распре-

деление государства, различные органы принимают выпускников высших и средних специальных учебных заведений; 2. размещение демобилизованных кадров армии путем централизованного распределения государства; 3. запланированное привлечение из общества людей, соответствующих требованиям. Первые два формата являются основными источниками кадров на ранних этапах развития Нового Китая, они более независимы, в то время как третий вариант меняет требования к характеристикам. На начальном этапе своего существования Китайская Народная Республика испытывала катастрофический недостаток кадров, поэтому государство целенаправленно и открыто привлекало кадры из населения. Набор кадров в этот период имеет следующие требования: во-первых, обращение основного внимания на степень эффективности работы, делается акцент на выбор активистов непосредственно из различных организаций; во-вторых, большое внимание уделяется политической истории и личному происхождению, в-третьих, делается акцент на подготовку кадров, подчеркивая тесное сочетание отбора и обучения. То есть на данном этапе набранные кадры выполняли политическую роль проводников политики КПК и не обязательно должны были иметь специальное образование.

В 1953 году были обнародованы «Временные меры (проект) по набору персонала в государственные органы» [2], в которых четко прописаны порядок и условия найма кадров из общества, требующие, чтобы зачисление новых сотрудников было основано на восполнении вакансий, а отдел кадров должен внимательно изучить резюме, автобиографию, медицинское свидетельство и другие соответствующие материалы, провести исследования в случае необходимости, и персоны могут быть приняты только после полного рассмотрения. Это первый комплексный нормативный документ о наборе кадров в Новом Китае. Он означает, что работа по зачислению кадров постепенно переходит на стандартизированный вариант. Однако экономические задачи страны того периода требовали большого количества кадровых сотрудников во всех сферах жизни, одновременно наблюдается некоторая степень безрассудства при найме кадров. С 1953 по 1956 гг. в стране насчитывалось 2,6 миллиона новых кадров, сложилась ситуация с избыточным кадровым аппаратом.

Далее наблюдается улучшение экономической ситуации в стране, в начале 60-х гг. частично возобновляется набор кадров в торговлю, финансы и банковское дело. В 1964 году департаментом кадров разработаны «Временные меры по набору кадров государственными органами, предприятиями и учреждениями». Обобщая опыт и уроки кадрового найма со времен основания Китайской Народной Республики, уделяя особое внимание плановому управлению и строгим процедурам найма, документ регламентировал, что планы найма работодателя обязательно должны быть рассмотрены органами, находящимися выше уездного народного комитета и далее на-

правлены в партийные комитеты и народные комитеты провинций, автономных районов, городов центрального подчинения для утверждения; все департаменты центральных государственных органов подают документы на утверждение Центральному комитету партии и Государственному совету; если работодатели не получили подтверждения, они не могут нанимать самовольно. Хотя этот документ официально не был опубликован, но его базовый дух был реализован, он сформировал базовую структуру управления планом найма кадров в Китае.

С 1966 по 1976 г. в период «культурной революции» система кадрового найма была уничтожена, плановая система распределения разрушена, и работа по набору кадров из общества прекратилась. Чтобы восполнить нехватку персонала, правительственным учреждениям, предприятиям приходилось назначать кадры самостоятельно, в результате чего появилось большое количество «работников, разрешенным действовать в качестве кадров».

2) Второй этап реформ в системе найма кадров (1978-1993 гг.).

После политики реформ и открытости экономическая и политическая системы Китая претерпели глубокие изменения, и спрос на талантливые управленческие кадры в стране возрос, однако на практике все более заметными становятся недостатки существовавшей системы найма кадров, такие как: разные нормы принятия и большая произвольность, работодателям не хватает прав на самохозяйствование, а механизмы конкуренции и надзора несостоятельны. После 3-го пленума ЦК 11-го созыва Дэн Сяопин выступил с важной речью «О реформе системы руководства партии и государства» [4], и выдвинул ряд важных реформистских идей по существующим проблемам в кадровой системе: «Нужно сломать старую структуру и быть смелым, чтобы реформировать устаревшую организационную систему и кадровую систему»; «В основном нужно укрепить систему кадровых выборов, объявления о наборе, назначения и увольнения, проверки, импичмента, ротации»; «С развитием строительства экономики государства мы также должны развивать различные новые требования и новые методы для продвижения кадров и использования талантов. В будущем многие должности и звания должны занимать и предоставляться тем, кто успешно сдает экзамен». Эти положения легли в основу политики реформирования кадровой системы Китая. В 1982 году был обнародован первый комплексный документ Китая «Несколько положений о найме кадров» [6], четко определяющий наем кадров путем экзамена. Документ, регламентирует, что государственные органы, предприятия и учреждения должны осуществлять открытый набор, добровольную регистрацию и проведение всесторонней проверки этического, интеллектуального и физического воспитания, придерживаться результатов экзамена и отбирать лучших кандидатов; в документе также указываются конкретные методы и процедуры экзамена, определяется ведущая роль департамента кадров правительства, заменены

предыдущие разрозненные экзамены в разных системах и отделах на единую систему. Таким образом, в Китае появился базовый стандарт набора кадров для системы государственной службы.

В 1988 году отделом по труду и кадрам был организован общенациональный единый экзамен на «переход не-кадров в кадры». Число заявителей достигло 1,05 млн. человек, было принято 80 000 человек. Этот процесс нашел большую поддержку в обществе, что сделало концепцию найма путем экзамена весьма популярной. С целью решения проблемы, связанной с тем, что объем кадров слишком велик и не хватает систематического управления, реформа кадровой системы в этот период также направлена на содействие реформе управления различными типами кадров, включая систему найма. В 1984 году центральное правительство начало изучать и формулировать «Закон о персоналах государственных органов», предшественника «Временного положения о государственных служащих». В 1989 году Организационный департамент и департамент кадров выпустили «Уведомление об проведении экзаменов для дополнения персоналов в административный аппарат страны» [9], который является первым документом в Китае, в котором четко оговариваются необходимость использования методов экзамена для дополнения государственных служащих, принципы соответствующих работ, область применения, источники, разновидности экзаменов, методы, процедура и контроль. С 1989 по конец 1992 года административные органы по всей стране приняли 71 000 человек путем экзамена [10]. Реформа системы найма была еще более углублена.

3) Этап создания и развития системы найма государственных служащих (с 1993 г. по настоящее время).

Началом становления современной государственной службы КНР считают 1993 год, когда на 2-м заседании Постоянного бюро Государственного Совета КНР (Правительства КНР) 1 октября приняли Временное положение о государственных служащих, а с 1994 г. Государственным советом начали реализовываться конкретные меры. Это Положение состоит из 18 глав и 83 статей, его значение признается основополагающим для трудовых отношений в системе госслужбы [3]. Таким образом, была официально создана система государственной службы Китая, а также введена система зачисления по результатам экзамена. Положение гласит: «Государственные органы нанимают государственных служащих на не руководящие должности, находящиеся в ранге ниже заведующих отделением, придерживаясь открытым экзаменом и строгими методами оценки и отбирая в соответствии с критерием обладания высокими моральными и деловыми качествами». В июне 1994 года департамент кадров обнародовал «Временные положения о найме государственных служащих», что означало, что работа по найму госслужащих по экзамену в Китае вступила на путь легализации и стандартизации. Во второй половине 1994 года впервые был проведен экзамен

Статистические данные о количестве регистраций государственных экзаменов государственных служащих за прошедшие годы [12]

Год	Количество вакансий/ человек	Число приема/ человек	Утверждение/ миллион	Количество тестируемых/ миллион	Окончательная доля
2019	9657	14537	0.635113		44:1
2018	16144	28533	1.6597	1.134	58:1
2017	15589	27061	1.338	0.984	49:1
2016	15659	27817	1.28	1.395	46.11:1
2015	13475	22000	1.41	1.05	47.2:1
2014	11729	19538	1.404	1.1195	57.3:1
2013	12927	20879	1.383	1.117	53.5:1
2012	10486	17941	1.3	0.96	53:1
2011	9763	15290	1.415	1.902	59:1
2010	9275	15526	1.443	0.927	59:1
2009	7556	13566	1.052	0.775	58:1
2008	6691	13787	0.8	0.64	46: 1
2007	6361	12724	0.74	0.535	42:1
2006	6053	10282	0.54	0.5	48.6:1
2005	5456	8271	0.31	0.29	35:1
2004	4036	7572	0.182	0.12	15:1
2003	5400	5475	0.125	0.87609	16:1

по найму на государственную службу в центральные государственные административные органы, и система найма на государственную службу по экзамену была официально введена в действие по всей стране.

«Закон о государственных служащих Китайской Народной Республики» вступил в силу 1 января 2006 года, в статье 21 говорится: «Нанимая государственных служащих на не руководящие должности, находящиеся в ранге ниже заведующих отделений, нужно отбирать лучших из поступающих, придерживаясь методом публичного экзамена, строгой проверки и равноправному конкурсу. 29 декабря 2018 года был обнародован новый переработанный и дополненный «Закон о государственных служащих» [5], а соответствующие положения скорректированы, это означает, что система найма госслужащих

по экзамену в Китае вступила в новую фазу легализации. Полное внедрение и осуществление системы найма государственных служащих по экзамену в Китае обеспечивает высококвалифицированных работников в команду госслужащих и значительно способствует совершенствованию ее структуры.

Согласно статистическим данным, в период с 1994 по 2010 год более 1,1 миллиона государственных служащих были набраны на основе открытого объявления о наборе [11]; число должностей и людей, требуемых на государственную службу, количество людей, принимавших участие в экзамене увеличивалось с каждым годом, а конкуренция становилась все более жесткой. Соотношение отобранных в 2003 году составляло 16:1, в 2018 году это соотношение достигло 58:1 (см. Таблицу 1), по сравнению с 2006 годом в 2017 году доля госслужащих с высшим образованием увеличилась с 43% до 71,9%, а доля моложе 35 лет – увеличилась с 25,6% до 27,8%, доля женщин увеличилась с 22,8% до 26,5% [1].

В то же время внедрение системы найма государственных служащих по экзамену оказало глубокое влияние на общество. Некоторые ученые считают, что реформа кадровой системы в Китае после политики реформ и открытости, особенно в 1980-х годах, вызвала значительную трансформацию политической элиты, имеющую глубокое и далеко идущее значение [7].

За последние 26 лет система найма государственных служащих продолжает развиваться, демонстрируя такие изменения, как совершенствование условий найма, онаучивание экзаменов и стандартизация управления зачисления. Она предоставила большое количество талантов для политической элиты в Китае и оптимизировала структуру политической элиты, в значительной степени способствовала повышению уровня модернизации национальных управленческих возможностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Агентство «Синьхуа». Реформа и улучшение системы государственных служащих Китая. 2018 г. // http://www.gov.cn/guowuyuan/2018-12/30/content_5353506.htm.
2. Временные меры по набору персонала в государственные органы КНР. 1953 г. // http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2000-12/23/content_5000420.htm.
3. Временное положение о государственных служащих КНР. 1993 г. // http://www.ln.gov.cn/zfxx/fggz/gwyfg/200803/t20080331_176861.html.
4. Дэн Сяопин. О реформе системы руководства партии и государства. 1980 г. // <http://www.people.com.cn/GB/shizheng/252/5301/5302/20010613/488125.html>.
5. Закон о государственных служащих КНР. 2018 г. // http://www.gov.cn/guowuyuan/2018-12/30/content_5353490.htm.
6. Несколько положений о найме кадров КНР. 1982 г. // http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=2497.

7. Сюй Снялин. Трансформация политических элит после эпохи маоцзэ-дуна. Пекин: Издательство «Стратегия и управление», 2011.

8. Сунь Ятсен. Антология Сунь Ятсен. Пекин: Издательство Цзючжоу, 2012.

9. Уведомление о проведении экзаменов для дополнения персоналов в административный аппарат страны КНР. 1989 г. // <http://www.lscps.gov.cn/html/18694>.

10. Ян Шицю, Ван Цзинцин. Найма государственных служащих в Китае. Пекин: Издательство «Человеческие дела Китая», 2019.

11. Ян Шицю. Управление страной – Создание системы государственных служащих с китайскими спецификами. Пекин: Издательство «Человеческие ресурсы и социальное обеспечение Китая», 2011.

12. <http://www.huatu.com/z/gkbmrs/>.

CHEN HANZHI

*Graduate student of Department
of Political Science of the East of the Institute
of Asia and Africa, Moscow State University
Lomonosov, Moscow, Russia*

THE DEVELOPMENT OF THE PRC PUBLIC SERVICE SYSTEM AS A MECHANISM FOR THE FORMATION OF POLITICAL ELITES

This article discusses the main directions of public service reform in the People's Republic of China. The civil service recruitment system is the most important channel in the training of Chinese political elites. Studying the development process of the civil servants system is of great importance for understanding the transformation of Chinese political elites. The political analysis method allows the author to study in detail the legal framework for the development of the PRC public service system, highlighting the main directions of its reform.

Key words: *China, civil service system, law, political elite, exam, functioning, reform.*

ЮАР И ООН: АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматриваются основные направления взаимодействия Южной Африки с Организацией Объединенных Наций. Автор анализирует международную миротворческую деятельность ЮАР с 1998 года, то есть с момента утверждения кабинетом министров «Белой книги об участии Южной Африки в международных миротворческих миссиях». Особое внимание уделяется южноафриканской работе в рамках непостоянного членства страны в Совете Безопасности ООН.

Ключевые слова: ЮАР, ООН, миротворческие миссии, Совет безопасности ООН, БРИКС.

Взаимоотношения ЮАР с ООН отражаются в трех формах – это участие ЮАР в миротворческих миссиях Организации Объединенных Наций, работа в рамках Совета Безопасности и взаимодействие с организациями, учрежденными ООН. Международная миротворческая деятельность ЮАР началась с утверждения кабинетом министров в октябре 1998 года «Белой книги об участии Южной Африки в международных миротворческих миссиях» [16]. В Белой книге были подчеркнуты идеалы, связанные с африканским ренессансом и альтруизмом, но в документе были также ясно описаны вопросы всемирного движения за поддержание мира. Внешнеполитические обязанности и национальная безопасность были описаны как поддерживаемые миротворческой деятельностью. В этом контексте миротворческие операции ЮАР начались в 1998 году с развертывания вооруженных сил под эгидой Сообщества развития юга Африки (САДК) в Лесото. Первая миротворческая операция ЮАР в рамках ООН состоялась в 1999 году, когда Южная Африка участвовала в Миссии Организации Объединенных Наций в Демократической Республике Конго. Южная Африка усилила свой конголезский контингент после подписания Преторийского соглашения 2002 года. Так, с июня 2003 года в составе МООНДРК в дополнении были отправлены 1268 военнослужащих SANDF (Национальные силы обороны Южной Африки – САНДФ) в район Кинду на востоке ДРК. Именно вооруженный конфликт в ДРК ускорил миротворческий вклад ЮАР, который

продолжается до сих пор в ДРК. Кроме того, в составе Миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Демократической Республике Конго (МООНСДРК) Южная Африка в последние годы приняла участие в бригаде быстрого реагирования в восточной части страны. Следует отметить, что участие ЮАР в МООНСДРК стало первым крупным вкладом в плане предоставления людских ресурсов в международные миссии по поддержанию мира.

Другим заметным примером начала миротворческих операций ЮАР стала ее роль в конфликте между Эфиопией и Эритреей. Так, в конце 2000 года Южная Африка направила своих офицеров с целью поддержания мирного процесса между двумя странами в рамках МООНЭЭ (Миссия ООН в Эфиопии и Эритрее). ЮАР также была вовлечена в мирный процесс в Бурунди в течение многих лет после того, как Мандела сменил Джулиуса Ньерере в качестве посредника мирного процесса в 1999 году. Южноафриканские войска, которые были размещены в Бурунди в рамках миссии Африканского Союза, в конечном итоге стали частью Операции ООН в Бурунди в 2004 году и были выведены только в 2009 году. Получается, что миротворческие силы ЮАР девять лет находились в Бурунди. С 2003 года в рамках Миссии Африканского союза в Бурунди задействованы 1508 южноафриканских военнослужащих для наблюдения за осуществлением соглашений о прекращении огня и переходных мерах. Позже Южная Африка содержала 940 военнослужащих в Бурунди в рамках Операции Организации Объединенных Наций в Бурунди (ОНЮБ), которая пришла на замену Миссии АС [10]. Однако во время вспышки бурундийского кризиса в 2015 году Южная Африка не стала участвовать в военных действиях из-за отказа Африканского союза.

К 2017 году Южная Африка участвовала в 14 международных миротворческих операциях, в том числе в семи миротворческих миссиях ООН, особенно в ДРК и Судане [15]. В настоящее время южноафриканские войска и полицейские участвуют в Миссии ООН по стабилизации в ДРК (МООНСДРК), в совместной Миссии ООН-АС в Дарфуре (в Судане) и в Миссии ООН в Южном Судане. По данным 28 февраля 2019 года Южная Африка занимала 17-ое место среди крупнейших участников военных и полицейских операций ООН в мире и 10-ое в Африке. Эфиопия является крупнейшим участником военных и полицейских операций ООН в мире (с 7 554 военным и полицейским, служащим в миссиях ООН), опережая традиционных крупных миротворцев Индии, Пакистана и Бангладеш. Руанда является вторым по величине африканским донором с 6 541 сотрудниками среди голубых касок, затем Египет, Гана, Сенегал, Марокко, Буркина-Фасо, Чад, Того и Южная Африка, которая согласно данным 28 февраля 2019 предоставила 1 183 военных и полицейских [9]. Важно отметить, что вклад ЮАР неуклонно снижался в последние годы. В 2017 году контингент ЮАР среди голубых касок составил 1428 человек. В целом нужно делать вывод, что активное уча-

стие Южной Африки в миротворческих миссиях ООН является частью стратегии страны позиционировать себя в качестве крупного игрока в миротворческих операциях не только на африканском континенте, но и во всем мире.

Важным аспектом взаимодействий ЮАР с Организацией Объединенных Наций является работа в рамках непостоянного членства страны в Совете Безопасности. С 1994 года, момента реинтеграции Южной Африки в мировое сообщество по настоящее время Южная Африка была непостоянным членом СБ ООН в период 2007-2008, 2011-2012, и 2019-2020 гг. На 73-ей Генеральной Ассамблеи ООН действующий президент ЮАР выразил глубокую признательность за полученный мандат в качестве непостоянного члена Совета Безопасности Организации Объединенных Наций на период 2019-2020 годов. Сирил Рамафоса воспользовался моментом для того, чтобы очередной раз подчеркнуть позицию его страны по вопросу реформы СБ ООН. Президент ЮАР заявил: «Реформа Организации Объединенных Наций, и особенно ее Совета Безопасности, является приоритетной задачей, если мы хотим в полной мере реализовать ценности и принципы, закрепленные в Уставе ООН». Ключевая цель участия ЮАР в СБ ООН – продвижение африканской повестки дня. Президент ЮАР в своем выступлении также напомнил об этом факте заявив, что «Африканцы добились значительных успехов в решении проблем, с которыми сталкивался их континент на протяжении многих десятилетий. Однако следует ответственно выполнять обязательства, содержащиеся в Повестке дня Африканского союза 2063, которая является коллективным планом по избавлению континента от недоразвитости, нищеты и конфликтов, а также активно продолжать работу для улучшения вопросов демократического управления, верховенства закона и поощрения прав человека» [7]. Таким образом, на современном этапе ЮАР продолжает активно развивать африканскую повестку дня на уровне универсальной организации.

С момента первого срока работы в СБ ООН правительство Южной Африки за время работы в СБ ООН неоднократно заявило о своих достижениях в связи с руководящей ролью в Рабочей группе по предотвращению и разрешению конфликтов в Африке, укреплению сотрудничества между СБ ООН и Советом мира и безопасности Африканского Союза, а также содействием верховенства закона в конфликтных и постконфликтных ситуациях [6]. Так, в период первого членства в СБ ООН голосование Южной Африки по африканским странам вызвало недовольство западных держав. Например, 28 ноября 2006 года Южная Африка проголосовала против резолюции о справедливости в отношении лиц, ответственных за геноцид в Дарфуре [4]. 11 января Южная Африка голосовала против резолюции по Мьянме, целью которого было прекращение военных нападений на гражданских лиц и содействие демократическим преобразованиям в стране. Китай и Российская Федерация наложили вето на резолюцию, поэтому она потерпела поражение [12]. 11 июля 2008 года Южная Африка проголосовала против

введения санкций против Зимбабве, включая эмбарго на поставки оружия, запрет на поездки и замораживание финансовых активов президента Роберта Мугабе. Китай и Российская Федерация наложили вето на резолюцию считая, что проект текста представляет собой «вмешательство» во внутренние дела Зимбабве, хотя ситуация в этой стране не угрожает международному миру и безопасности [1]. 19 июля 2012 года Южная Африка воздержалась от голосования за расширение Миссии Организации Объединенных Наций по наблюдению в Сирии (МООННС) и за угрозы санкций в отношении этой страны. Китай и Российская Федерация наложили вето, и резолюция не прошла [13]. В марте 2014 года Южная Африка как другие союзники России по БРИКС (Китай, Индия, Бразилия) воздержалась от голосования Генеральной Ассамблеи за осуждение России в нарушении украинской территориальной целостности [3]. Кроме того, в течение этого периода Южная Африка воздержалась от голосования в пользу Управления Верховного комиссара для расследования нарушений прав человека обеими сторонами конфликта в Шри-Ланке [14]. Китай и Российская Федерация наложили вето на резолюцию [11]. Данное решение четырех из пяти стран БРИКС было расценено как шаг к политическому взаимному идеализму. На сессии ООН в марте 2014 года Южная Африка вместе с Россией, Эфиопией, Саудовской Аравией, Египтом и Китаем стремилась ослабить резолюцию о праве на мирный протест [5]. 28 февраля 2019 года Совету Безопасности ООН были представлены 2 расходящиеся проекта резолюции ситуации в Венесуэле, представленные США и Российской Федерацией. Южная Африка поддержала только российскую резолюцию, проголосовав против американской [8]. КНР также голосовала за российскую резолюцию. Из вышеизложенного очевидно, что схемы голосования Южной Африки в Совете Безопасности ООН совпадают с решениями Китая и России. В ответ на критики со стороны западных стран Южная Африка оценила данные голосования как решение по собственным соображениям. Например, по сирийскому конфликту некоторые комментаторы утверждали, что Китай и Россия влияли на Южную Африку, в то время как Южная Африка утверждала, что резолюция поддерживает мятежников и направлена против режима Асада. В случае с Мьянмой ЮАР воздержалась, поскольку была посредником в процессе примирения со Шри-Ланкой. А что касается Венесуэлы, ЮАР дала четкую оценку американской и российской резолюциям. По мнению Претории, содержание американской резолюции противоречит не только Конституции и базовым принципам внешней политики Южной Африки, но и содержанию и духу Устава Организации Объединенных Наций. А резолюция Российской Федерации содержит элементы, соблюдающие принципы Устава ООН по мирному урегулированию международных споров. В российской резолюции также нашли отражение принципы гуманности, нейтралитета, беспристрастности и независимости при оказании гуманитарной помощи. Поэтому, ЮАР проголосовала за резолюцию РФ [2].

Так, в истории работы Южной Африки в СБ ООН обвинения в ее адрес были также подкреплены рядом дополнительных решений, принятых правительством страны, которые все больше не совпадали с линией решения евро-американских партнеров.

Нужно сказать, что вопрос о том, в какой степени схемы голосования ЮАР являются автономными решениями и в какой степени на них могут влиять восходящие державы (страны группы БРИКС в частности) – вопрос спекуляции. Можно понять новый подход голосования Южной Африки в СБ ООН как согласованное действие союзников для защиты общих интересов. Однако стоит отметить, что данные интересы часто совпадают с принципами Устава ООН. Поэтому, можно сделать вывод, что они больше идут в пользу репутации самой Организации Объединенных Наций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Conseil de sécurité de l'ONU. 2008. Le conseil rejette un projet de résolution imposant un embargo sur les armes au zimbabwe et sanctionnant robert mugabe et treize autres responsables // <https://www.un.org/press/fr/2008/CS9396.doc.htm>.

2. Department of international relations and cooperation of South Africa. Media Statement, 28 February 2019. South Africa reaffirms support for inclusive, political dialogue in Venezuela at the UN Security Council // <http://www.dirco.gov.za/docs/2019/unsc0301.htm>.

3. *Ford M.* The World's Post-Crimea Power Blocs, Mapped. 2014 // <http://www.theatlantic.com/international/archive/2014/03/the-worlds-post-crimea-power-blocs-mapped/359835/>

4. Human Rights Watch. 2008. Letter to Deputy Minister of Foreign Affairs of South Africa // <http://www.hrw.org/news/2008/02/13/letter-deputy-minister-foreign-affairs-south-africa>.

5. Human Rights Watch. World Report 2015: South Africa. 2015 // <https://www.hrw.org/world-report/2015/country-chapters/south-africa>.

6. Joint Communiqué of the 9th annual Joint Consultative meeting between African Union Peace and Security Council (AUPSC) and the United Nations Security Council (UNSC), Addis Ababa, 12 March 2015. Сайт Совета мира и безопасности АС // <http://www.peaceau.org/en/article/joint-communique-of-the-9th-annual-joint-consultative-meeting-between-african-union-peace-and-security-council-aupsc-and-the-united-nations-security-council-unsc-addis-ababa-12-march-2015>.

7. Permanent Mission of South Africa to the United Nations. Address by the president of South Africa, H.E. Mr. Cyril Ramaphosa, to the general assembly of the United Nations. 25 September 2018 // https://www.southafrica-newyork.net/pmun/statements%202018/pcr_unga_20180925.html.

8. Permanent Mission of South Africa to the United Nations. Explanation of Vote by South Africa at the UN Security Council vote on the Situation in

Venezuela, 28 February 2019 // https://www.southafrica-newyork.net/pmun/statements%202019/UNSC_EOV_venezuela_20190228.html.

9. Ranking of Military and Police Contributions to UN Operations, 28 February 2019 // https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/2_country_ranking_10.pdf.

10. SANDF Participation in UN and AU Peace Missions in DRC, Burundi and Sudan: briefing. Сайт Palamentary monitoring group // <https://pmg.org.za/committee-meeting/4846/>.

11. The Brics Post. Sri Lanka hails BRICS support at UN. 2014 // <http://thebricspost.com/sri-lanka-hails-brics-support-at-un/#.VX7NVqa201A>.

12. United Nations Security Council. 2007. Security Council Fails To Adopt Draft Resolution On Myanmar, Owing To Negative Votes By China, Russian Federation // <http://www.un.org/press/en/2007/sc8939.doc.htm>.

13. United Nations Security Council. Security Council Fails to Adopt Draft Resolution on Syria That Would Have Threatened Sanctions, Due to Negative Votes of China, Russian Federation. 2012 // <http://www.un.org/press/en/2012/sc10714.doc.htm>.

14. United Nations Human Right. Human Rights Council adopts a resolution on reconciliation, accountability and human rights in Sri Lanka. 2014 // <http://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=14447&LangID=E>.

15. Walter Lotze, Cedric de Coning and Theo Neethling, Peacekeeping Contributor Profile: South Africa, September 2015 // <http://www.providingforpeacekeeping.org/2014/04/03/contributor-profile-southafrica/>.

16. White paper on South African participation in international peace missions. Официальный сайт правительства ЮАР // <https://www.gov.za/documents/south-african-participation-international-peace-missions-white-paper>.

AGONNUDE BIDOLEY VIANNEY FREDDY

*Postgraduate student at the Chair
of political analysis and management Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN University),
Cotonou, Republic of Benin*

SOUTH AFRICA AND THE UN: ASPECTS OF INTERACTION

The article examines the main directions of South Africa's interaction with the United Nations. The author analyzes the international peacekeeping activities of South Africa since 1998, that is, since the approval by the Cabinet of Ministers of the "White paper on South Africa's participation in international peacekeeping missions." Special attention is paid to South African work in the framework of the country's non-permanent membership in the UN Security Council.

Key words: South Africa, UN, peacekeeping missions, UN Security Council, BRICS.

ОЛУВАКАЙОДЕ ОЛУМИДЕ ЭММАНУЭЛЬ

*аспирант кафедры теории и истории
международных отношений Российского
университета дружбы народов
(RUDN University), Нигерия, г. Абуджа*

МУГАБИ БРАЙАН

*аспирант кафедры теории и истории
международных отношений Российского
университета дружбы народов
(RUDN University), Уганда, г. Кампала*

ДЖУ ОРЛИНДУ

*аспирант кафедры теории и истории
международных отношений Российского
университета дружбы народов
(RUDN University), Гвинея-Бисау, г. Сафим*

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ АФРИКИ

Мировых производители не останавливают этические соображения в связи с поставками оружия в охваченный конфликтом или гуманитарным кризисом регион. Африка стала предметом ожесточенной конкуренции мировых оружейно-оборонных промышленных компаний. Опираясь на теоретические основы структурной дифференциации государств и международной системы, в данной статье анализируются стратегические планы Африканского союза по построению мирной и процветающей Африки с инклюзивным обществом, направленным на разоружение и контроль над вооружениями в интересах развития. Однако незаконный поток оружия подпитывает конфликты. В статье изучаются вопросы развития и роли международных организаций в вопросах стратегического планирования и коммуникаций в целях развития. В заключении статьи подчеркиваются постоянные усилия по обеспечению эффективного и транспарентного осуществления Международного договора о торговле оружием в отношении Африки.

Ключевые слова: *Африка, Африканский Союз (АС), стрелковое оружие и легкие вооружения (СОЛВ), безопасность, конфликты, организованная преступность, Договор о торговле оружием (ДТО).*

OLUWAKAYODE OLUMIDE EMMANUEL

*Post-graduate student, Department of theory
and history of international relations People'
Friendship University of Russia,
Abuja, Nigeria*

MUGABI BRIAN

*Post-graduate student, Department of theory
and history of international relations People'
Friendship University of Russia,
Kampala, Uganda*

DJU ORLINDO

*Post-graduate student, Department of theory
and history of international relations People'
Friendship University of Russia,
Safim, Guinea-Bissau*

THE PLAGUES OF AFRICA

Global manufacturers will not be stopped by ethical considerations regarding the supply of weapons to a conflict engulfed or humanitarian crisis region. Africa has become the subject of fierce competition of global weapons/defense industrial companies. Drawing on the theoretical framework of structural differentiation of states and the international system, this article ascertains the African Union's strategic plans to build a peaceful and prosperous Africa with an inclusive society aimed at disarmament and arms control for development. However, the illicit flow of arms fuel conflict especially in the African context. This essay in a broad framework will contribute to development studies and the role of international organizations in strategic planning and communication for development. It concludes on emphasizing the continuous efforts to ensure that the effective and transparent implementation of the Arms Trade Treaty in regards to Africa.

Key words: *Africa, African Union (AU), Small arms and light weapons (SALW), Security, Conflict, Organized crime, Arms Trade Treaty (ATT).*

Introduction. The morality of arms supplies to the poorest continent of the world with its deepest social and humanitarian problems, enormous mortality, including hunger, disease, and illiteracy. Along with the fact that there is undoubtedly a significant demand in the region for modern weapons and governments are using their rights to increase the degree of protection of national interests, large-scale arms deals raise the question of the future of the continent, already plagued by poverty and violence. Defense contractors will, of course, always look for ways

to increase profits and expand trade, but the question raises the extent to which they consider the ethical side of the issue before transferring military technology. Africa has always, historically been the main market for the largest Western defense contractors, a similar thought is voiced by Colonel Joseph Sibanda, a retired Zimbabwe army officer, and now an expert in defense matters. A serious strengthening of military defense by the African States began in 2001, and the process is primarily associated with regional counter-terrorism activities, especially in the oil and gas-rich Mediterranean belt and the Horn of Africa, where Al-Qaida and its cells were very active [6]. According to Sibanda, increasing defense capabilities and counter-terrorism capabilities will require the acquisition of patrol ships, naval patrol aircraft and, possibly, unmanned aerial vehicles (UAVs), in general, more sophisticated weapons. Agreements and defense contracts signed over the past year confirm Sibanda's forecast. For example, Mozambique announced a \$200 million deal with the French shipyard CMN [1]. Under the contract, the French company was contracted to not only build 24 fishing trawlers but also three petrol and three high-speed interceptor vessels.

The African Context. After many African countries gained independence in the 1960s, Africa entered a period of economic recovery and development. At the same time, internal and inter-state conflicts continued in some regions. The solution of problems related to ensuring lasting peace and building strong States, with fully integration and participation in public life of all citizens, has given rise to many difficulties, which had negative consequences for economic prosperity, good governance, human rights and development. Civil wars evolving into ethno political and armed conflicts continued in Africa, as feature of the political and social reality of the continent throughout the 1990s. Since then, a new types of conflict has emerged in Africa, involving terrorist organizations and organized crime. It has become clear that additional efforts are needed to bring peace to the continent. At the level of African Union, continuous efforts to build efficient continental mechanism to prevent and resolve conflicts, free flow of small arms and light weapons, as well as the adoption of effective measures in connection with these phenomenon. The contours of such a mechanism began to be seen only in early 2002, when the Peace and Security Council of the African Union (AU) was established, it became the embodiment of the African Peace and Security architecture [4. P. 1-16]. Instruments of preventive diplomacy, including the panel of the wise, the Continental early warning system, as well as the formation of the African standby force and its rapid deployment unit, were also considered as structural elements of the overall African defense and security policy.

Conflict Zones and Arms Flow. During the Libyan war in 2011, the state warehouses were very well equipped with various weapons, which were looted by the rebels, and now almost nothing is known about the fate of the Libyan weapons arsenals. It is assumed that weapons flowed into neighboring countries. A huge number of assault rifles, man-portable air defense systems, and man-

portable anti-tank missile systems. This fact means an unprecedented increase in the combat capabilities of the rebel groups in the Africa region. In this regard, the UN Security Council even adopted a resolution on preventing the proliferation of Libyan weapons (UN Security Council Resolution 2017, 2011). Another region of the conflict Sudan. The UN banned the receipt of weapons by the government of Sudan, but it continued to purchase weapons from Belarus, Russia, Ukraine, and China, according to the SIPRI report. It is suspected that, despite the lack of direct evidence, these weapons deliveries still reached Darfur. In particular, Belarusian Su-25s purchased in 2008 was spotted. At the same time, Russia and Ukraine, as a result, supplied arms to both opposing sides. Likewise, South Sudan acquired, despite the Comprehensive Peace Agreement signed in 2005 between the Government of Sudan and the People's Liberation Movement of Sudan, about 110 T-72 tanks from Ukraine and nine Mi-17 military transport helicopters from Russia [7. P. 19-26]. The Darfur region and rebel forces were stuffing weapons with Chad, Eritrea, and Libya.

Somalia is a country that poses a serious security challenge to the entire international community due to piracy and easy movement of violent non-state actors and their activities. The SIPRI report indicated that since 2007, the UN has authorized the supply of weapons to Somalia's Transitional Federal Government (TFG). And as a result, the TFG forces were repeatedly robbed with cases of desertion along with weapons. In 2010, Britain delivered almost half a thousand Kalashnikovs to Somalia (Somaliland), despite warnings about leaking weapons into the hands of gangs. So it is possible that Somali pirates and terrorists groups are now armed with assault rifles supplied by the British. Earlier, in 2009, with US funding, about 40 tons of small arms and ammunition worth over \$10 million were shipped from Uganda to Somalia for TFG, weapons such as Chinese type 69 anti-tank grenade launchers with RPGs were also supplied.

Investigations based on UN monitoring data have shown that most of the time in the hands of illegal gangs in Somalia are weapons shipped from Yemen and Eritrea, which were sanctioned by the UN Security Council in 2009. According to the SIPRI report, on the other hand, argue in favor of providing arms to African countries, citing Kenya's operation in October 2011 as an example, Kenya's purchased armored vehicles, Z-9 helicopters, and F-5E fighter jets allowed it to prevent the entry of Al-Shabab Somali extremists into its territory [8].

Silencing Guns by 2030. An important step towards ending conflicts in Africa was taken in 2013. When the African Union celebrated its 50th anniversary, African heads of state and government adopted a plan of action and set the goal of silencing the cannons by 2020. This was followed by the 430th meeting of the peace and Security Council (PSC) in April 2014, which sought to encourage member States of the African Union, as well as its partners, to develop effective approaches to achieve this goal. The solemn Declaration on the question of the General policy of African countries in the field of defense and security

was adopted by heads of state and government of participating countries of the African Union in 2004 and is intended to complement ongoing work to combat illicit trafficking in small arms and light weapons (SALW), which marked the beginning of the Bamako Declaration on a common African position on the illicit proliferation, transfer and trafficking of small arms and light weapons, adopted by the Council of Ministers of the Organization of African unity in December 2000. The Bamako Declaration was the first step taken by the countries of the continent to establish efforts to control the illicit traffic in small arms. It also demonstrated the readiness of African heads of state to join forces at the stage of the final agreement on the United Nations Program of action to prevent, combat and eradicate the illicit trade in small arms and light weapons in all its aspects, which was adopted in 2001 [2].

The establishment in 2008 of the Steering Committee of the African Union and the regions on small arms and light weapons, the development of the African Union Strategy against the illicit proliferation, movement and trafficking of small arms and light weapons and the common position of the African Union countries on the Arms Trade Treaty (ATT) were among the important initiatives launched to provide member States with the necessary tools and platforms for the exchange of experience, as well as for the establishment of a continental mechanism, which would enable the African Union Commission to take active steps to address the problems of small arms trafficking in a consistent and stable manner [3. P. 12]. The steering Committee of the African Union and the regions on small arms and light weapons has played a key role in creating an enabling environment for the follow-up of coordinated implementation by member States of their continental and international obligations. It is equally important to emphasize that the States members of the African Union have strongly supported all multilateral instruments aimed at disarmament and non-proliferation. It should be recalled that the twentieth ordinary session of the Assembly of heads of state and government of the African Union, held in Addis Ababa, Ethiopia, in January 2013, adopted decision Assembly/AU/Dec.472 (XX), in which the Assembly called upon the member States of the African Union to use the African Union common position on ATT to ensure that the concerns and interests of African countries are taken into account at the final United Nations conference on ATT, held in new York in March 2013.

In addition, as part of the African Union's efforts to reduce the number of conflicts on the continent, the issue of Security Sector Reform (SSR) is being considered, as one of the main aspects of the African Union's post-conflict reconstruction and development (PCDP) Policy. In this context, SSR is not only key to strengthening the capacity of the armed forces and the police, but also a tool to control arms smuggling and trafficking. Recognizing its importance, in January 2013, the Assembly of the African Union adopted the framework of SSR. The framework emphasizes the need to «give priority to the rehabilitation

and capacity-building of security institutions». Demobilization of members of the armed forces and integration of other parts of the armed and security forces are assign to a clear task which was one of the important aspects of the security sector reform, which in many cases have contributed to effective governance and stability.

Achieving Goal. The task of silencing the guns by 2030 requires a very strong commitment to the implementation of African Union policies, concepts and mechanisms. There is no doubt that the spread of SALW is directly linked to armed conflicts, which continue to have an impact on peace and development in Africa. As a result of such a situation on the continent there is a high degree of vulnerability, and SALW are the cause of untold destruction and loss of life. The dynamics of conflict and arms trafficking in Africa are currently changing because of the evolving nature and range of users of such weapons, which include pirates, terrorists and criminal organizations. It can be argued that the challenges remain, while becoming more complex. In this regard, the cooperation of the African Union with the United Nations is essential. A strong partnership, transparency and accountability are key to establishing effective mechanisms for complementarity and coordination in the implementation of various initiatives aimed at reducing armed conflicts in Africa. There is no doubt that an effective, coordinated strategy of the African Union and the United Nations for the implementation of the 2063 Agenda and the 2030 Agenda will help the regional economic communities to accelerate development and reduce conflicts in their respective regions [5. P. 23-25].

The current dynamics of conflicts in Africa and the emerging trends in the arms trade also require close cooperation with civil society. At this key juncture, it is important to emphasize the role it can play in conflict prevention, the promotion of peace and the awareness-raising of local communities. There is also a need for member States to work together to prevent their territories and borders from being used for activities related to the arms trade. Such measures should be taken within the framework of the United Nations Security Council, the African Union Security Council and commitments under the African common defense and security policy and the Constitutive act of the African Union. Moreover, the importance of the exchange of information among member States cannot be overemphasized. Such an exchange will be important in terms of preventing and understanding new, emerging threats to peace and security.

Conclusion. Africa needs transparency in the arms trade and a new ATT arms trade treaty, as many episodes on the continent confirm the conviction of many modern security experts that Africa will inevitably turn into a bigger threat in the future, incorporating all the negative trends: the accumulation of terrorists, territorial conflicts, the struggle for resources, unresolved ethno political, illegal arms trafficking, piracy, and a market for global weapons/defense companies, etc. Security threats in Africa are like a “black cat in a dark room” they are difficult to identify and next to impossible to resolve. The issue of effective disarmament

and arms control needs to be rethought as one of the priorities of the ongoing efforts to reduce conflicts by 2030. The social, economic and political factors that drive groups and communities to acquire weapons must be addressed. There is no doubt that the success of any disarmament effort undertaken at the community level depends on addressing security and development issues, as well as providing vulnerable groups with viable alternatives to participation in criminal and other illegal activities. African Union, with its many subsidiary mechanisms, appears to be a very effective tool for conflict prevention. Nevertheless, it is important for the African Union to continue its efforts to ensure that the effective implementation of the 2063 Agenda, designed to bring prosperity to the continent through good governance, respect for human rights, participation and economic development, remains at the center of its attention. This line will be in line with the United Nations plans to achieve the SDGs by 2030. The African Union, its member States, regional economic communities, civil society and the international community have a shared responsibility to take action to accelerate the process of minimizing guns in Africa by 2030.

REFERENCE:

1. Angela Charlton: France-Mozambique ship deal raises questions // <https://apnews.com/9c5f3bc87e104422b1a66c2b41f31508>
2. *Bankale O.* (2016). Paving the Way to Silencing the Guns in Africa: Interventions, Challenges and Options in the Control of Small Arms and Light Weapon.
3. *Dye D.* (2009). Africa and an arms trade treaty. Institute for Security Studies Papers, 2009(191).
4. *Engel U.* (2020). Peace-building Through Space-making: The Spatializing Effects of the African Union's Peace and Security Policies. Journal of Intervention and Statebuilding.
5. *Sharif T.A.* (2016). A Pathway to the Sustainable Development Goals Silencing the Guns in Africa. UN Chronicle, 52(4).
6. The Herald: Gen Sibanda calls for exemplary behavior // <https://www.herald.co.zw/gen-sibanda-calls-for-exemplary-behaviour/>
7. *Tuttle D. & Stohl R.* (2009). The challenges of small arms and light weapons in Africa. Conflict trends, 2009(1).
8. *Wezeman P.D., Wezeman S.T. & Béraud-Sudreau L.* (2011). Arms Flows to Sub-Saharan Africa. Stockholm International Peace Research Institute.

DOI 10.35775/PSI.2020.55.3.035

УДК 32.327

ЧЭН ГО

*аспирант кафедры политического
анализа и управления Российского университета
дружбы народов (RUDN University),*

Китай, г. Ханкин

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4927-6596>

А.С. БУТОРОВ

*аспирант кафедры теории и
истории международных отношений
Российского университета дружбы
народов (RUDN University),*

Россия, г. Москва

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0796-6695>

ИНЬ ЦЮНЬ

*аспирант кафедры теории и
истории международных отношений
Российского университета дружбы
народов (RUDN University),*

Китай, г. Цзинань

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2685-9898>

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ ТОРГОВОЙ ВОЙНЫ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЙ

В статье основное внимание уделяется торговой войне между Китаем и Соединенными Штатами, двумя экономическими гигантами современного мира, ее влиянию и последствиям для политики Китая. Китайско-американские двусторонние отношения, длившиеся четыре десятилетия, теперь сталкиваются с серьезной проблемой в эпоху президента Д. Трампа. Методология исследования базируется на сложном сочетании научных методов, в основном аналитических, систематических и сравнительных. Научная новизна данной статьи состоит в том, что она дает общий обзор текущего состояния китайско-американских отношений при администрации Трампа и факторе торговой войны, указывая на некоторые недавние последствия для Китая. Полученные выводы могут быть использованы для формирования более стабильных и позитивных двусторонних отношений в сложных условиях современных международных отношений и современ-

ной глобальной политики на фоне непредсказуемого личного характера и стиля правления президента Трампа.

Ключевые слова: Китай, сдерживание, новая холодная война, китайско-американские отношения, администрация Трампа, торговая война.

CHENG GUO

Ph.D. Student, Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Nanjing, China

A.S. BUTOROV

Ph.D. Assistant, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

YIN QUN

Ph.D. Student, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) Jinan, China

THE POLITICAL ANALYSIS OF THE SINO-U.S. TRADE WAR AND IMPLICATIONS

This article highlights its focus on the current trade war between China and the United States, the two economic giants in the modern world, its impact and implications for China's policy-making, from the political perspective. The Sino-U.S. bilateral relations, which lasted for 4 decades, are now facing a major challenge under President D. Trump era. The research methodology is based on a complex combination of scientific methods, mainly analytical, systematic and comparative. The scientific novelty of this article is to provide the general survey of the current Sino-U.S. relations status under Trump administration and the trade war factor, indicating some fresh implications from China's point of view. The obtained conclusions can be applied in managing more stable and positive bilateral relations in complexity of modern international relations and contemporary global politics amid President Trump's unpredictable personal character and governing style.

Key words: China, Containment, New Cold War, Sino-U.S. relations, The Trump administration, Trade War.

Introduction. The China-U.S. trade war has become a new pattern in modern Sino-U.S. relations, the so called new pattern is that this trade war marked a major shift of the Trump administration's policy towards China, which had a profound impact on the Sino-U.S. relations lasted for 4 decades. The bilateral trade war between the two largest economies, maybe also the biggest trade war in the history of the world so far, has been beyond the trade itself, became a major political factor that would not only shift the future of the bilateral relations, but also shift the future of the world. As the Sino-U.S. Trade war became a major issue that has attracted global attention, most of the scholars generally believe that China is rising rapidly, however their views differ greatly when analyzing the goals and motivations of China and the United States behind this trade war. The reason why there is such a big divergence is that the theories on which all parties judge Sino-U.S. relations are quite different, the prospective derivation is based on different theories, and diversified forward-looking conclusions are reached. As a matter of fact, as soon as Trump became the US president, some scholars pointed out that the existing theory of contemporary international relations would undergo a major test [18]. The former U.S. Treasury Secretary Henry Paulsen also stated on November 7, 2018 that if China and the United States could not reach a feasible consensus on trade disputes, an economic iron curtain could be formed. Chinese President Xi Jinping pointed out that "China and the United States must have accurate judgments on each other's strategic intentions." when he met with former US Secretary of State Henry Kissinger in Beijing. This statement is both the Chinese government's response to the U.S. generalization of the reasons for China's negative views, also shows that there are major differences between the parties in assessing the nature of Sino-U.S. relations.

For both China and the United States, it is necessary to assess whether the factors that cause each other's interests to increase or decrease are objective, or whether one party has implemented a grand strategy aimed at reducing the other's strength. Obviously, China's economic growth and its rise as a trading country have indeed occurred in the integration into the international economic system led by the United States. China's significant economic growth is also part of the result of the overall force of United States' foreign policy for many years. There is indeed the possibility of a strategy to slow China's rise. However, China's economic and trade growth are not entirely the gift of the United States, but mainly the result of the Chinese government's implementation of the competitive development strategy, which is the product of fully adjusting the domestic system while absorbing international resources. China's development is endogenous, and there is huge room for adjustment when facing changes in the external environment. At the same time, as a developing country, China's primary goal is not to compete for power, but to pursue the improvement of the Chinese people's living standards. Western international relations theory often ignores this, thus exaggerating the power effect of national development. As China's per capita

GDP is still lower than the world average and less than one-fifth of the United States, the characterization of a trade war as a hegemony does indeed confuse the complex relationship between strength and intention.

Sources and the Methodology. Though the Sino-U.S. relations had been studied by many experts, the Sino-U.S. relations under President Trump since the trade war have created a fundamental new task force for all experts from both sides. As the Sino-U.S. relations are heading to a dramatic new direction today, which would reset the former Sino-U.S. relations that lasted for 4 decades, the uncertainty facts and risks are rapidly increasing [8; 2; 4; 14; 22].

The methodological basis consists of the general scientific methods of political analysis on international relations issues, in particular analytical, empirical, chronological, comparative, situational, narrative, and descriptive methods, which are based on the principles of consistency and historicity. Furthermore, research methods are based on the principles of systematic and structural-functional analysis, which provides the comprehensive review of trade war factor in a changing Sino-U.S. relations.

Results. In the evolution of the nature of Sino-US relations, the definition and measurement of power is a key problem. Most scholars believe that power transfer mainly emphasis on material power, ignoring the fact that power itself is a social construct [17]. Some scholars from the perspective of the United States exerting Japan's example show that the claims about the transfer of power in East Asia are exaggerated [16]. Some scholars have distinguished relational power and productive power from the perspective that power and capability do not necessarily match. They believe that although China's capabilities are increasing, it cannot be said that a transfer of power has occurred.

In the theory of international relations, the analysis of capabilities has long occupied the mainstream, and there are a lot of expositions on whether it is realism or liberalism, the material power is used as the basis for changes in relations between major powers. However, most of the theories are based on assumptions rather than facts. For example, offensive realism assumes that the security dilemma always exists, the state must always expand its power to ensure its own security; while defensive realism assumes the possibility of cooperation between countries. The intention can be well-meaning, liberal and constructivist theories. There are also different classifications of pessimism and optimism [10]. However, more active liberal theories, such as the traditional liberalism believe that interdependence leads to peace, do not seem to be useful in analyzing the Sino-U.S. trade war. China-U.S. trade dependence has been rising, while frictions and disputes are also increasing. Some scholars predicted that the Sino-U.S. trade war marks both sides have entered a technological hegemony, some even believe that China and the United States have a significant risk of falling into the "new cold war" [11]. Recent theoretical studies suggest that it is important to hold future expectations when deriving the development prospects of trade. Some

scholars believe that interdependence can promote peace if countries expect mutually beneficial trade to continue, and if one party believes that continued trade will make the country more vulnerable, then it is likely to promote war [19]. In order to prevent Sino-U.S. relations from heading toward the “Thucydides trap”, scholars must not only analyze the change in China-U.S. power status, but also judge whether the United States has developed an irreversible fear of China. A recent analysis published by the U.S. conservative media “National Interests” found that there is no obvious reason that China is trying to replace the United States and dominate the world. The United States has a large conjecture of fear of China [9].

One of the major study between Chinese and American scholars in recent years is how to measure the strategic intent of each other side. Does the anticipation of each other’s intentions among major powers work theoretically? The answer of NO for that behavior between major powers is based primarily on power calculations; another thinking of possible believes that competition and cooperation are unbalanced, competition has become a regular phenomenon, and cooperation is scarce. Leaderships of the major powers usually anticipate their intentions based on the ideology of the other party. The same ideology leads to peace while different ideology leads to dispute. However all of the methodology is based on assumptions rather than facts. Some Chinese scholars believe that China and the United States must face structural problems meanwhile prevent their over-emphasis from slipping into the “Thucydides trap”. Both sides can build on peace and interdependence, deepen communication at all levels and in various fields.

The quantitative analysis method of studying nature of international relations became more competitive in scientific research. For example, the frequency of exchanges between leaders of both sides is a common variable. More frequently exchanges are considered to be a symbol of close political relations between the two countries. In economic science, trade, investment, and quantitative changes in currency are often used to compare a set of economic relations between different countries. This method was useful during the Cold War. The realism theory makes a good explanation for this theory, which believes that the amount of economic relations between countries is determined by political relations, and the level of trade and investment follows political relations [3]. In this case, along the lines of traditional realism, some theorists believe that there is more trade between allies than non-allies [12]. Thus the nature of inter-state relations will significantly affect their economic exchanges. The decline in economic relations will also be used to infer of deterioration of political relations, such as economic sanctions, trade frictions and restrictions, which would lead to deterioration of relations between countries.

Since April 2018, the Sino-U.S. trade war has gradually intensified, the main manifestation is the increase of tariffs against export Chinese products imposed

by the Trump administration from 50 billion to 200 billion dollars. Many Chinese scholars believe that the nature of Sino-US relations has undergone a major change. President D. Trump listed China together with Russia and Iran as “revisionist countries” in his first National Security Strategy report by naming China 33 times, then defined China as “strategic competitors”. US public opinion even believes that China and the United States are entering the “new cold war” period, which has two basic means. The first is that politics and security competition will transcend economic relations and lead the development of Sino-U.S. relations; the second is this political security relationship is mainly negative. On January 19, 2018, U.S. Defense Secretary J. Mattis highlighted the “National Defense Strategy” report at Johns Hopkins University, stressed that “competition between major powers beyond terrorism, is now the primary concern of US national security” [13].

During 4 decades, the US policy towards China can be referred as a combination of containment with engagement (Congagement), which means the United States could accept the rise of a stable, peaceful and prosperous China. In February 2015, the Obama administration issued the second National Security Strategy, reiterating “we seek to develop a constructive relationship with China that delivers benefits for our two peoples and promotes security and prosperity in Asia and around the world”. During the Trump era, such expressions have been greatly reduced, which has led the anticipation of some scholars that the tone of the United States has changed, thus we can conclude that if there is a coming “new cold war”, then it is not entirely provoked by the deterioration of current Sino-U.S. relations. A more reasonable inference is that the United States is significantly adjusting its previous strategy both domestically and globally, President D. Trump, as himself, from his own point of view, provided this dramatic change.

The Facts of the Trump Administration’s Trade War against China.

Many of the researchers on trade frictions believe that the political standards instead of economic interests is the main basis for judging the success of a trade war. In some Russian researchers’ point of view, the main reason for the increase in tariffs is the intention of the U.S. to reduce the deficit in trade with China. Claims to Chinese Intellectual Property Law and Policy play an important but the secondary role [21]. The current differences among scholars are mainly judgement of Trump himself and the Trump administration’s intentions. As an influential point of view among Chinese scholars is that the Trump administration consists a lot of businessmen and military members, thus they bring the nature of smart negotiating skills and tough stance [5]. However, contrary to this view, Trump himself frequently spared with his high-ranking military officers. His Defense Secretary J. Mattis’s resignation reveals the military’s conflict with the President on variety of security issues.

A dilemma that puzzled almost everyone from scholars to public is that, how to distinguish between the views of President Trump himself and the

Trump administration and their policies. Generally, the priority of elected U.S. President's policy is to serve for the maximization of U.S. overall national interests, however, President Trump's signals are often mixed and different from previous presidents, which typically represent U.S. interests. On one hand, Trump frequently uses Twitter and other social media platforms to make comments, which especially has a certain impact on financial market. On the other hand, in the long run, Trump has indeed fulfilled his campaign promises since he took office. The uncertainty is when he will launch corresponding measures and how long he will persist.

Is the Trump administration's change a revolutionary or continuous change compared to previous administrations? This issue is an important prerequisite for understanding the trade war. If the United States is launching a new cold war against China, the best strategy is to unite allies as they did before. However, on the contrary, the Trump administration is retreating significantly from the liberal internationalism. Henry Nau named Trump's policy "conservative internationalism": to achieve the goal of reforming the international system by using realistic and nationalist methods [15].

Such policy can help us analyzing the feature of the trade war from more diversified comparative perspective. Firstly, despite the large scale of the trade war in terms of value, the focus of the US economy and trade is still in developed economies. The statistics indicate the main trading partners of the United States are North America and Europe. The proportion of the western Pacific side and the Asia-Pacific is slightly closer to 20%, in which China is 10%. According to US Department of Commerce statistics, Europe accounted for 26.9% of total US exports in 2017, and imports from Europe accounted for 25.5% [6]. From the perspective of direct investment, US companies currently have US \$6.5 trillion in overseas stocks, about 800 billion in the western and south Pacific sides of the Asia-Pacific region, which more than 400 billion are actually in Singapore and Australia. If Trump really wants to adjust the U.S. economic structure from the aspects of trade and investment, the focus should not be on the side of the Western Pacific.

Secondly, the objectives of the Trump administration's protectionist policies are conflicting and cannot maximize the overall benefits. The Brookings Institution reports in April and June of 2018 warned that Trump's trade war involves too extensively that would seriously affect the relationship between the United States and its allies, which might finally weaken the US's dominant position. Trump's policies also contradict each other on more microscopic goals. An analysis brief released by the Peterson Institute for International Economics in August, 2018 argues that Trump's accusation to China being lack of protection of intellectual property rights might force China push the reform that would improve China's business environment, which would promote US companies' investment back to China [1].

Therefore, the observation of Trump's trade policy requires some new changes of the current preconditions and assumptions that we are familiar with before.

First, all the former US president had always considered the United States is destined to lead the world and were therefore very sensitive to changes in international forces. However, Trump believes that domestic politics are beyond the diplomacy. The interests of the domestic middle class, rather than the transnational class, should be given priority. The previous US president never took the trade deficit as the core of his foreign economic policy, however Trump himself took this seriously. The Trump administration realized the influence of the lower and middle class on domestic politics, economy, and foreign policy had been ignored for a long time, as previous administrations major focused on the dominance of transnational strata.

Second, the previous US presidents never took the trade deficit as the core of the foreign economic policy, however Trump himself took this issue as priority.

Third, the former US presidents are lack of creditibility because of inconsistent policies before and after the election. When Trump keeps his promise to American people during the campaign, almostly, despite the opposition by the Congress and Senate due to the U.S. checks and balances political system. That means, the “populist” forces represented by Trump have led American politicians whose main goal for elections to strive to fulfill their promises.

Fourth, when the former U.S. Presidents introduced foreign policies, he basically smoothed out internal disagreements. However, Trump is often unfair, and he does not seem to care about such disagreements. An example is the vacancies of key positions within the government and frequently cabinet positions resignation.

Fifth, the former US president basically supported free trade, but now Trump is vague. For example, although he continued to negotiate free trade agreements with the EU, he focused on non-tariff barriers. Trump proposed to reduce tariffs and barriers between G7 members to zero at the G7 meeting in Canada in June 2018, but then imposed tariffs on steel and aluminum products to allies.

In General, the main reason that Trump’s policies are mixed is that the basis of the interests of the American people has been differentiated, in particular the perception of the interests of the American people has changed greatly.

Implications from China’s point of view. The analysis shows that Sino-U.S. relations and the complex interdependence between China and the United States in the era of globalization. This new pattern of bilateral relations require new theoretical perspectives and fact-based strategic thinking.

Firstly, there are inherent contradictions between the U.S. ban on China’s high-tech industries and restoring American employment. Statistics indicate that the main reason for US job loss is technological progress, and international trade accounts for less than 20% [20]. As the United States continues to maintain its technological hegemony, which means the greater the technological gap between the United States and China, the more US and other multinational corporations will be motivated to transfer their industries to China and other manufacturing

countries, employment for the lower and middle classes of the United States would still hard to be restored. For China, there are inherent contradictions between increasing domestic employment and maintaining the technological advantages of American companies. If the technological gap between China and the US widens, and China has no incentive to transfer technology to developing countries. For many developing countries, the narrowing of the technological gap between China and the United States is conducive to their development.

Secondly, it will not be very effective for serving for domestic job creation through trade wars. On one hand, it is difficult for Wall street financial giants to fully obey Trump's intention. The international competitiveness of the US industry comes from the US global strategy. If global resource allocation is pulled back to the United States, it will take time to adjust costs. For many labor-intensive industries, the return of the industry does not equal to return of employment, such as replacement of workers by robots; on the other hand, if the United States wants to re-manage the interests of multinational corporations, it means that its relations with traditional North American and European countries will need to be adjusted significantly.

Thirdly, it will take more time for the Trump administration to completely reverse the trend towards neoliberal globalization than China. Unlike the United States, China's accumulated experience in this area is more effective. China launched the "Belt and Road" Initiative long before Trump took office, advocating diversified and inclusiveness globalization. According to China's discourse, China's reform and opening up has never been promoted in accordance with the "Washington Consensus." China's system also guarantees ideological requirements such as public ownership and common prosperity, and it is impossible for capital to develop unchecked. Today, China already has the world's largest middle-income group. Measured by per capita income, the overall living standard of Chinese people has increased 8 times compared with the early 1980s. China has achieved the greatest achievements so far in raising lower and middle income levels, including poverty reduction, surpassing the United States.

Conclusion. Trade friction was a normal state in international economic relations, but now it has become an important part of relations among big powers, which has led to the inducement of power struggle. In Sino-U.S. relations, economic and trade relations have long been regarded as "ballast stones" and "stabilizers" for the development of Sino-US relations. However, with the escalation of the Sino-US trade war, people are worried that the nature of trade frictions will change curve of the generally stable Sino-U.S. relations in the past 4 decades. As the two largest economies in the world, the two giants' trade war will significantly worsen global economic growth once a comprehensive trade conflict erupts. From the perspective of future development trends, both globalization and economic regionalization will face a deep adjustment.

Though the current status of Sino-U.S. relations is in uncertainty, it is not yet time for the U.S. hegemony. The Trump administration's policy goals have significantly increased the weight of domestic issues, while significantly reducing the weight of global goals. Trump himself also displayed how foreign policy has become a means of serving domestic politics. Although the Chinese government has increased the weight of international goals, it still regards domestic development as a core task. The development of Sino-U.S. trade is neither the main source of China's power increase nor the reason for the relative decline of US power. The Trump administration sees trade as the primary means of domestic change, and it is difficult to achieve its goals. As the year of 2020 comes, President Trump will facing his re-election challenge when the neoliberalism is also facing unprecedented challenges. China and the United States, the current existing two major powers, both are facing strategic re-selections.

REFERENCE:

1. *Bown C.P., Lu Z.Y., Schott J.J.* (2018). China's \$60 Billion Tariff Announcement, August 15, 2018 // <https://piie.com/blogs/trade-investment-policy-watch/chinas-60-billion-tariff-announcement>.
2. *Chabra T.* The China Challenge, Democracy, and U.S. Grand Strategy (Washington, DC: Brookings Institution, 2019) // <https://www.brookings.edu/research/the-china-challenge-democracy-and-u-s-grand-strategy>
3. *DeRouen K., Biglaiser G.* (2007). Following the Flag: Troop Deployment and U.S. Foreign Direct Investment, *International Studies Quarterly*, 51(4): 835-854 // https://www.researchgate.net/publication/227908734_Following_the_Flag_Troop_Deployment_and_US_Foreign_Direct_Investment
4. *Diamond L., Schell O.* Chinese Influence and American Interests: Promoting Constructive Vigilance (Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2019).
5. *Diao D.M.* (2017). Certainty and uncertainty of the Trump administration foreign policy, *Foreign Affairs*, 2 (3): 65-84.
6. *Dollar D.* (2018). The Future of the U.S.-China Trade War // <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/07/09/the-future-of-the-u-s-china-trade-war/>
7. *Dollar D., Wang Zhi.* (2018). Why A Trade War with China Would Hurt the U.S. and Its Allies, Too // <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/04/04/why-a-trade-war-with-china-would-hurt-the-u-s-and-its-allies-too/>
8. *Edelstein D.M.* Cooperation, Uncertainty, and the Rise of China: It's about Time, *Washington Quarterly* 41, no. 1 (2018) // <https://doi.org/10.1080/0163660X.2018.1445904>.
9. *Etaioni A.* America's Imaginary China Threat, October 31, 2018 // <https://nationalinterest.org/feature/americas-imaginary-china-threat-34802>

10. *Friedberg A.L.* (2005). The Future of U.S.-China Relations: Is Conflict Inevitable? *International Security*, 30 (2): 7-45 // http://www3.nccu.edu.tw/~lorenzo/Friedberg_US_China_Relations.pdf

11. *Hankla C.* (2018). The Next Cold War? U.S.-China Trade War Risks Something Worse, September 24, 2018 // <https://www.pri.org/stories/2018-09-24/next-cold-war-us-china-trade-war-risks-something-worse>

12. *Mansfield E.D., Gowa J.* (2004). Alliances, Imperfect Markets, and Major-Power Trade, *International Organization*, 58 (4): 775-805 // <https://www.cambridge.org/core/journals/international-organization/article/alliances-imperfect-markets-and-majorpower-trade/7060E2021164AB238AB769AFC07686F6>

13. *Mattis J.N.* Remarks by Secretary Mattis on the National Defense Strategy, January 19, 2018 // <https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript-View/Article/1420042/remarks-by-secretary-mattis-on-the-national-defense-strategy/>

14. *Medeiros E.S.* China Reacts: Assessing Beijing's Response to Trump's New China Strategy, *China Leadership Monitor*, no. 59 (Spring 2019) // <https://www.prcleader.org/medeiros>

15. *Nau H.R.* Why 'Conservative,' Not Liberal, Internationalism? *Orbis*, Winter 2018.

16. *O'Shea P.* (2014). Overestimating the 'Power Shift': The US Role in the Failure of the Democratic Party of Japan's 'Asia Pivot', *Asian Perspective*, 38 (3): 435-459 // https://www.researchgate.net/publication/286814889_Overestimating_the_Power_Shift_The_US_Role_in_the_Failure_of_the_Democratic_Party_of_Japan's_Asia_Pivot

17. *Pan C.X.* (2014). Rethinking Chinese Power: A Conceptual Corrective to the 'Power Shift' Narrative, *Asian Perspective*, 38 (3): 387-410 // http://dro.deakin.edu.au/view/DU:30065667?_ga=2.142121141.687421504.1582839519-654508385.1582839519

18. *Pijovic N.* (2016). How Trump Will Test International Relations Theory, December 6, 2016.

19. *Snyder J.* (2015). Trade Expectations and Great Power Conflict-A Review Essay, *International Security*, 40 (3): 179-196 // <https://www.belfercenter.org/publication/trade-expectations-and-great-power-conflict-review-essay>

20. *Scott R.E.* (2015). Manufacturing Job Loss: Trade, Not Productivity, Is the Culprit, August 11, 2015 // <https://www.epi.org/publication/manufacturing-job-loss-trade-not-productivity-is-the-culprit/>

21. *Vinogradov A.O., Salitsky A.I. & Semenova N.K.* (2019). US – China Economic Confrontation: Ideology, Chronology, Meaning, *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1): 35-46. DOI: 10.22363 / 2313-0660-2019-19-1-35-46.

22. *Weiss J.C.* A World Safe for Autocracy: China's Rise and the Future of Global Politics, *Foreign Affairs* 98, no. 4 (2019) // <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2019-06-11/world-safe-autocracy>

DOI 10.35775/PSI.2020.55.3.036

УДК 32.327

ВАНГРАУА САДИА РИТА СОНИА

*магистр кафедры теории и истории
международных отношений Российского
университета дружбы народов,*

Буркина-Фасо

ЕГЕЗИ БЛЕССИНГ ЧИМАНПА

*магистр кафедры социологии факультета
гуманитарных и социальных наук
Российского университета дружбы
народов, Нигерия*

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ БУРКИНА-ФАСО И ТАЙВАНЕМ В ПЕРИОД С 2000 ГОДА ПО 2018 ГОД

Настоящая статья посвящена отношениям между Буркина-Фасо и Тайванем в период с 2000 года по 2018 год. В статье рассмотрено развитие международных отношений между африканской страной Буркина-Фасо и так называемой, Китайской республикой (Тайвань). Автор выявляет их специфику, помощи Тайваня в виде экономического, военного сотрудничества, а также сотрудничество в области здравоохранения. Автором проводится анализ причин, из-за которых республика Буркина-Фасо, которая долгое время была одним из немногих союзников Тайваня, установила дипломатические контакты с КНР, и разорвала с Тайванем. Что было воспринято в Тайване очень болезненно, так как количество стран, которые признают Тайвань как единственную Китайскую республику, сокращается. Особое внимание уделено влиянию китайской экономической экспансии в Африке на разрыв отношений между Буркина-Фасо и Тайванем. В конце статьи автор отвечает на вопрос, возможно ли, что Буркина-Фасо восстановит дипломатические отношения с Тайванем.

Ключевые слова: *Тайвань, Буркина-Фасо, Китай, международные отношения, двухстороннее сотрудничество, дипломатические отношения, экономическое взаимодействие, инвестиции.*

Буркина-Фасо единственная страна в мире, которая признавала Тайвань дважды. Последний раз это случилось в 1994 году. Тайвань – является государством с относительно сильной экономикой, но болезненно слабым в плане международной дипломатии. Торговые представители Тайваня недвусмысленно предположили, что экономическая политика и гуманитарная

помощь согласуется с соглашением о восстановлении отношений между двумя странами. Руководство Буркина-Фасо, использовала дипломатические каналы, для того, чтобы в обмен на признания Тайваня получить активные инвестиции в экономику своей страны [3. Р. 197].

В рамках двухстороннего сотрудничества, после того как Буркина-Фасо разорвал дипломатические связи с КНР и установил с Тайванем, руководство Тайваня разработало целую программу помощи Буркина-Фасо, где уделял приоритетное внимание следующим секторам: сельское хозяйство, медицинская помощь, профессиональное образование, языковая подготовка.

В сельском хозяйстве разработал и реализовал два крупных проекта, один в Багре между 1995 и 2009 годами, пропагандирующий культуру орошаемого риса, и еще в Коугри на центральном плато с 2001 года сборы Нагорного риса. Специальная миссия Тайвань обучала местных фермеров и поставляла семена, удобрения и оборудование. Сотрудничество продолжалось, сосредоточившись главным образом на обслуживании ирригационной системы, улучшении семеноводства и привлечении двух тайваньских экспертов, специалиста по гидротехнике и сельскохозяйственного инженера, который отвечал за производство семян. Тайвань также внес свой вклад в строительство социально-экономической инфраструктуры для фермеров, включая «эко-туристический центр» в Багре. Второй проект Коугри является более поздним, но более амбициозным, в этом проекте приняли участие 84 328 местных фермеров, среди которых 48% – женщины (40 536) [2. Р. 501]. Было разработано 400 участков, многие из которых располагались в низинах, что позволило получить 55 763 тонн риса в 2013 году, что тогда составляло 20% национального производства. В 2016 году тайваньская миссия заявила: что именно проекты помощи сельскому хозяйству, способствовали тому, что 30% производства риса в Буркина-Фасо было на землях, охваченных проектами [1. Р. 20].

Двумя наиболее яркими тайваньскими проектами, были проекты в области здравоохранения. Так медицинская миссия Тайваня работала с 1996 года в госпитале Дружбы в Кудугу, до 2018 года. В госпитале постоянно работала бригада из двух врачей, одного анестезиолога и одного биомедицинского работника, а также четыре молодых сотрудника.

Запущенная в 2007 году правительством Буркина-Фасо и Министерством иностранных дел Тайваня, Университетская больница в Тенгандого – этот амбициозный проект был направлен на локализацию госпитализации и сокращение числа медицинских эвакуаций в Дакар или Париж, другими словами, у Буркина-Фасо появилась возможность вылечить серьезные заболевания и несчастные случаи. Эта государственная больница является национальным проектом стоимостью 70 миллионов долларов, финансируемым главным образом за счет кредита в размере 60 миллионов долларов Тайваньским китайским импортно-экспортным банком. 5-летний льготный пе-

риод с очень низкой (2,25%) процентной ставкой, этот кредит должен быть возмещен в течение 15 лет с 2011 по 2025 год [2. Р. 503].

А в 2010 году завершено строительство Университетской больницы в Тенгандо на окраине столицы. Миссия этой тайванской группы было укрепление гигиены и общественного здравоохранения, с одной стороны и подготовка местного персонала, особенно акушерок и медсестер с другой. С 2011 года команда уделяла приоритетное внимание отбору будущих местных инструкторов, которые проходят обучение на Тайване в течение примерно трех месяцев (12 акушерок и 12 медсестер) [1. Р. 20]. В самой больнице тайваньская команда также восстановила педиатрическую службу и создала психиатрическую службу [2. Р. 503]. Но после разрыва дипломатических отношений в 2018 году, медицинские миссии были свернуты.

Тайвань финансировал установку и распространение солнечных панелей, часто для уличного освещения, в Уагадугу и нескольких других городах, таких как Кудугу и Уахигуя.

Тайвань учувствовал в посадке «зеленого пояса» длиной 630 км от Мансила (Ягха) до Тансила (Банва) между 1998 и 2003 годы, а также принимал участие в строительстве плотины в Якуте для улучшения притока питьевой воды, в период с 2004 по 2008 год, также Тайвань постоянно реализовывал проекты по рытью колодцев [2. Р. 503].

Тайвань был вовлечен в строительство стадионов и культурных центров по всей стране. Двумя наиболее заметными проектами стали Дворец спорта построенный в столице в 2000 году, а также Дворец Молодежи и культуры Жан-Пьера Гингане построенный также в столице в 2011 году [2. Р. 504]. Этот последний проект, общей стоимостью 2,8 млн. долларов, был профинансирован совместно Тайванем и правительством Буркина-Фасо.

Начиная с 1994 года, там были постоянные, хотя и сдержанные и довольно скромное военное сотрудничество между Тайванем и Буркина-Фасо. Здесь мы также можем наблюдать некоторое сходство с китайской военной дипломатией, несмотря на различия в масштабах. Это сотрудничество углубилось с 2008 года, когда Буркина-Фасо начала наращивать свою роль в миротворческих операциях ООН. Две основные функции тайваньской помощи были направлены на улучшение материально-технического потенциала и подготовки вооруженных сил африканской страны. Для управления и укрепления этого военного сотрудничества в марте 2013 года посольство Буркина-Фасо в Тайбэе открыло «военную миссию» во главе с военным аташе полковником Жан-Батист Паркуда [8].

Но самой важной сферой международных отношений было внешне-экономическое сотрудничество между Тайванем и Буркина-Фасо. С 1995 по 2009 годами действовал Африканский тайваньский экономический форум. Но при этом с 2000 года по 2018 торговля практически не росла. В 2010-2018 торговый баланс между Тайванем и Буркина-Фасо колебался в районе

между 7 млн. долларов и 21 млн. долларов, за этот период общий баланс составил 348 миллионов долларов. Но следует отметить, что Тайвань ежегодно предоставлял этой стране от 23 до 24 миллионов долларов. Но большая часть средств поставлялась не в денежном эквиваленте, а в натуральной форме (например, компьютеры) [2. Р. 506]. Не смотря на то, что экономические и торговые отношения между двумя странами росли на протяжении многих лет, но они составляли наиболее слабую часть всего двустороннего партнерства. Двусторонняя торговля оставалась крайне несбалансированным в пользу Тайваня, например, в период, между 2004 и 2010 годами Буркина-Фасо импортировал из Тайваня в среднем товаров на сумму 10 млн. долларов каждый год, в то время как он экспортировал в эту страну товаров на сумму около 1,5 млн. долларов, в основном хлопка [2. Р. 506]. Но по сравнению с дефицитом торгового баланса Буркина-Фасо с Китаем, эти суммы не значительные. Так как например в торговле с Китаем дефицит составлял 290 млн долларов в 2014 году и 266 млн долларов в 2015 году. При этом среди товаров из Китая преобладали промышленные товары (85%), в том числе автомобили, тракторы и электрические и фармацевтические продукты; импорт из Китая также включает зерно, железо и сталь [6. Р. 10].

Что касается официальных отношений президент Буркина-Фасо, Блез Компаоре, был решительным сторонником признания Тайваня и его возвращения в Организацию Объединенных Наций. Он посетил Тайвань за время своего правления 10 раз, последний раз в октябре 2014 года. Но как раз 31 октября 2014 года он был свергнут с президентского поста.

В 2015 году произошли Национальные выборы, Тайвань стремился продемонстрировать сильную поддержку демократическому процессу. В то время как Япония поставляла автомобили, Тайвань предоставил большое количество компьютеров (стоимостью 1,7 млн. долларов) [2. Р. 510], чтобы помочь подготовить и организовать голосование по всей стране.

Приход к власти нового президента, Рока Марка Кристиана Каборе, был воспринят как хорошая новость для Тайваня, так как его соперник открыто поддерживал нормализацию отношений с Пекином. Тем более, что уже в 2015 году было понятно, что бизнес сообщество Буркина-Фасо явно выбрало Китай.

При этом по меньшей мере, дважды Буркина-Фасо была приглашена, как и другие африканские союзники Тайваня, на китайском форуме по китайско-африканскому сотрудничеству в качестве наблюдателя, один раз в 2006 г. в эфиопском Аддис-Абебе, и в декабре 2015 года в Йоханнесбурге. Но каждый раз, руководство Буркина-Фасо отклоняла приглашение, продемонстрировав приверженность Тайваню [5].

Но с 2016 года КНР стала проводить более активную политику в борьбе за признание с Тайванем. Это связано с тем, что в 2016 году к власти пришла Демократическая прогрессивная партия во главе с Цай Инвэнь – противни-

цей курса на сближение с КНР. Премьер-министр Буркина-Фасо пол Каба Тиба присутствовал на инаугурации госпожи Цай. А президент Рок Марк Кристиан Каборе посетил Тайвань в мае 2016 года, он воспользовался случаем своего визита на Тайвань не только для того, чтобы встретиться с новым президентом, но и для укрепления двусторонних отношений. Делегация Буркина-Фасо включала в себя также министров сельского хозяйства и образования, а также делегация посетила несколько предприятий, специализирующихся на информационных технологиях и солнечной энергетике [4].

В ответ на избрание ДПП и Цай Инвэнь, Китай начал проводить усиленные кампании по дипломатической изоляции острова. Это принесло свои плоды, 24 мая 2018 года министр иностранных дел и регионального сотрудничества Буркина-Фасо Альфа Барри в столице страны заявил о полном разрыве дипломатических отношений с Тайванем, одновременно с этим было объявлено о восстановлении отношений с КНР. В результате все миссии Тайваня в данной стране были свернуты. Количество стран, которые признают Тайвань, сократилось до 16. Причины, по которым Буркина-Фасо установила дипломатические отношения, безусловно, кроются в китайских инвестициях в местный бизнес, их было в десять раз больше тайванских. Бизнес сообщество Буркина-Фасо уже давно лоббировало данный переворот в международных отношениях [7].

Таким образом, несмотря на то, что Тайвань в течение долгого времени оказывал серьезную поддержку в сельском хозяйстве, медицине, образовании, но этих усилий Тайваня оказалось не достаточно, чтобы сохранить отношения с Буркина-Фасо. Главной проблемой оказалась низкая деловая активность, Китай на порядок обошел Тайвань в этом отношении, объемы импорта и экспорта в десятки раз были выше чем у Тайваня. Кроме этого китайские бизнесмены подмяли под себя многие сферы бизнеса Буркина-Фасо. В связи с этим неудивительно, что руководство Буркина-Фасо сделало выбор в пользу отношений с Пекином. Возможен ли диаметральный разворот в политике в будущем? Скорее всего, нет, так как Китай ведет активную экспансионную экономическую политику в Африке. Скорее всего, экономические связи Буркина-Фасо с Китаем будут только укрепляться, а вместе с ними и дипломатические.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ambassade de la République de Chine au Burkina Faso, Burkina Faso – République de Chine (Taïwan), 20 ans d'amitié et de solidarité et de nouvelles perspectives, 1994-2014. Ouagadougou: Les Editions Lefaso, 2015
2. Cabestan J.-P. Burkina Faso: Between Taiwan's active public diplomacy and China's business attractiveness. South African Journal of International Affairs. 2016. № 23 (4).

3. *Djarra B., Hsiao J-M.* The Entrepreneurial Spirit of Taiwanese in Burkina Faso // The Macro theme Review. 2014. № 3 (9).

4. *Doh K.M.* ‘Séjour du Premier ministre à Taïwan: Visite d’entreprises “dignes d’intérêt” pour le Burkina Faso’ // <http://www.sidwaya.bf/m-11438-sejour-du-premier-ministre-a-taiwan-visite-dentreprises-dignes-d-interet-pour-le-burkina-faso-.html>.

5. *Payne R.J., Veney C.* Taiwan and Africa: Taipei’s Continuing Search for International Recognition // African and Asian Studies. 2001. № 36 (4).

6. *Sawadogo B., Nana T.J., Natama M.H., Bama F., Tapsoba E., Zerbo K.* ‘Impact de l’expansion économique et commerciale de la Chine sur la croissance et l’emploi au Burkina Faso: une analyse en équilibre général calculable’. Ouagadougou: Partnership for Economic Policy Working Paper. 2015. № 3.

7. *Timothy S.* Rich Status for Sale: Taiwan and the Competition for Diplomatic Recognition // Issues & studies. 2009. № 45 (4).

8. *Yen C.* ‘Taiwan wary of Burkina Faso’s political turmoil’. Centre for Chinese Studies, 12 October 2015 // http://www.ccs.org.za/wp-content/uploads/2015/10/CCS_Commentary_Taiwan_Wary_Yen_12-October-2015.pdf

WANGRAOUA SADIA RITA SONIA

*Master student, Department of theory
and history of international relations People'
Friendship University of Russia,
Burkina-Faso*

EGESI BLESSING CHIMANPA

*Department of Sociology, Faculty
of Humanities and Social Science People's
Friendship University, Nigeria*

RELATIONS BETWEEN BURKINA FASO AND TAIWAN BETWEEN 2000 AND 2018

This article focuses on the relationship between Burkina Faso and Taiwan between 2000 and 2018. The article considers the development of international relations between the African country of Burkina Faso and the so-called Republic of China (Taiwan). The author reveals their specifics, Taiwan's assistance in the form of economic, military cooperation, as well as in cooperation in the field of health. The author analyzes the reasons why the Republic of Burkina Faso, which has long been one of Taiwan's few allies, established diplomatic contacts with the PRC and broke off with Taiwan. This was perceived very painfully in Taiwan, as the number of countries that recognize Taiwan as the only Republic of China is decreasing. Special attention is paid to the impact of Chinese economic expansion in Africa on the breakdown of relations between Burkina Faso and Taiwan. At the end of the article, the author answers the question whether it is possible that Burkina Faso will restore diplomatic relations with Taiwan.

Key words: *Taiwan, Burkina Faso, China, international relations, bilateral cooperation, diplomatic relations, economic cooperation, investment.*

ПРОЦЕССЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В СТРАНАХ БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В РАМКАХ ПАНАРАБИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПЕРИОДА 1945-1990 гг.

В статье рассматривается необходимость экономических, политических интеграционных процессов в арабских странах Большого Ближнего Востока, а также причины их несостоятельности в данном регионе во второй половине XX века.

Ключевые слова: интеграция, исламизм, консолидация, ЛАГ, панарабизм, арабский национализм, арабский социализм, арабское сотрудничество.

Политическая интеграция – объединение, слияние межгосударственных структур, политических институтов с целью достижения политической, экономической и/или культурной общности, стабильности в развитии государств и обществ. Широкое распространение этого процесса наиболее характерно для второй половины XX века: окончание Второй мировой войны подтолкнуло государства к идее консолидации для скорейшей реабилитации и достижения общих результатов, а также предотвращения возможного государства-гегемона на международной арене [2; 15]. Вопреки популярному мнению, что объединения коснулись лишь европейских стран, интеграционные процессы в различных проявлениях сыграли важнейшую роль в развитии Ближнего Востока.

Ключевыми путями интеграции в регионе арабского Востока являлись национализм и исламизм. По мнению проевропейских арабоязычных интеллектуалов, идеи объединения только на основе ислама изжили себя и не соответствуют актуальным на тот момент общемировым тенденциям. В связи с этим единственной альтернативой для воссоединения Арабских общностей была идея национализма, воплощенная в концепции панарабизма и секуляризации политической жизни.

Подчеркивая объединение на основе языка, общей истории и происхождения и противопоставляя данную модель, отстаиваемому Османами,

традиционному исламскому универсализму, Аль-Кавакиби смог изменить границы «арабской» общности, обосновав необходимость борьбы против турок по националистическим, а не по религиозным мотивам. По его мнению, арабы являются основой ислама, носителем его послания, поэтому всегда являлись особой «нацией» – арабской уммой. Для обоснования данной концепции он использовал теорию Ибн Халдуна о взлете и падении цивилизаций, чтобы доказать, что арабская национальная идея переосмыляется, а не создается [10]. К середине XX века арабская интеллигенция накопила достаточно эмпирического опыта, необходимого для продвижения панарабизма в народные массы.

Аль-Хусари также обозначал язык и историю как факторы, определяющие арабскую идентичность, и исходящего из нее национализма. По его словам, «люди, которые говорили на одном языке, имеют одно сердце и общую душу. Как таковые, они составляют одну нацию, и поэтому они должны иметь единое государство» Арабские государства являются искусственными политическими созданиями, и разделение арабской нации на эти отдельные государства стало причиной поражения арабов в палестинской войне 1947-1949 гг. [8]. Идеи панарабизма находились под сильным влиянием немецкого романтического национализма XIX века. Политическим выражением этих идей было то, что у арабов должно быть одно демократическое и светское государство, их всеобщее объединение на пространстве всего Ватан аль-Араб: от Арабского залива до Атлантического океана.

Также классики панарабизма настаивали: разъединение арабских стран мешает политическому, экономическому, военному и культурному развитию; только лишь стерев выдуманные границы внутри Арабского мира, возможен прогресс.

Военная и политическая отсталость арабских государств стала наиболее очевидна во время прямого противостояния. Не согласные с резолюцией генеральной ассамблеи ООН «О разделе Палестины» Ирак, Йемен, Египет, Саудовская Аравия, Ливан, Трансиордания были вынуждены ввести регулярные войска на территорию Палестины для защиты своих интересов. Но несмотря на теоретическое согласие этих стран в отстаивании единых позиций в войне с новообразованным Израилем, фактически они были разобщены [12].

Поражение в войне с Израилем показало невозможность дальнейшего институционального политического и экономического развития арабских государств по модели конституционных либеральных монархий. В данных условиях начался процесс проникновения в идеологию панарабизма социалистических воззрений. Одновременно с этим региональный национализм интеллигенций сдвигался в сторону национализма Великой Арабской Родины. 1930-40-ые гг. полюсом данных преобразований стала республиканская Сирия, находившаяся под французским мандатом [5]. Для интеграции

арабскому обществу поствоенного периода требовалось всестороннее обновление, но для панарабистов тех лет это должно было быть не исламское возрождение – ан-Нахда аль-Исламийя, а социалистическое – аль-Баас аль-Иштиракийя.

Влиятельным политическим движением, выступавшим против французского присутствия, была, основанная в 1932 г. Антуном Саада, происходившим из греко-православной среды, Сирийская Социал-националистическая партия, придерживавшаяся концепции сирийской нации, выступавшей оппозицией панарабизму и панисламизму. Мишель Афляк придерживался противоположной концепции, выступая за исламскую идентичность сирийского общества как составной части Арабского мира. Он критиковал марксистское прочтение диалектического материализма, утверждая, что ислам является революционным движением, и первым «революционером» был пророк Мухаммад, приведший арабскую нацию к возрождению (аль-Баас) [13].

Согласно данной идеологии, арабская нация являлась устойчивой во времени и пространстве константой, направляемой панарабистами для борьбы с европейским и «сионистским» империализмом.

В 1939 г. Мишель Афляк вместе с аль-Битаром выпускают антифранцузский журнал политической направленности «Харакят аль-Ихья аль-‘Араби», который дал имя для созданной ими партии. В 1941 г. она переименовывается в «аль-Баас аль-‘Арабийя», в это же время существовала одноименная националистическая партия, основанная Заки аль-Арсузи, что привело к конфликту с последним. Но 7 апреля 1947 г. оба движения объединяются в «хизб ль-Баас аль-‘Араби аль-Иштираки», чье название на русский язык может переводиться одновременно как «Партия арабского социалистического возрождения», так и «Арабская социалистическая партия возрождения», что во многом объясняет двойственный характер политического курса партии, предопределивший раскол 1966 г. Подобная терминологическая дихотомия являет типичную для арабского национализма проблему неточности понятийной составляющей данной идеологии: примером также могут послужить неоднозначность термина «араб» или «Арабский мир» [7].

Девизом партии стало: «Единство, свобода, социализм». «Единство» ставилось на первое место, исходя из националистической трактовки слова «вахид», подразумевавшее единение всего арабского мира. «Хуррийя» понималась как свобода от европейского колониализма и сионизма: лишь через единство арабского мира возможна его полная политическая независимость. «Иштиракийя» имеет общий корень с такими понятиями как «мушарака» – общность, «ширака» – соучастие, «иштирак» – соединение, соучастие, – это говорит о том, что партия не ставила перед собой цель построения коммунизма и не исключала капиталистическую модель экономики. В арабском сознании «социализм» лишен марксистского подтекста, касающегося экономического базиса, переданного во владение рабочему классу.

Толчком популяризации панарабизма стала Июльская революция в Египте, низвергнувшая 23 июля 1952 г. короля Фарука силами движения «Свободные офицеры». Армейские активисты в большинстве своем не имели четко выраженной идеологической составляющей, а руководствовались лишь принципом, что монархия, обеспечивающая европейские интересы в своей собственной стране, препятствует ее развитию. Сам приход к власти военных обозначил вектор формирования новой египетской внутренней и внешней политики – революционность и ориентация на уход от традиционализма в формировании общественного бытия. В дальнейшем для построения собственной вертикали власти республиканское правительство взяло за основу советскую модель бюрократического, громоздкого и часто не эффективного, аппарата. Борьба с религией и полный отказ от исламских корней не нашла бы отклик в широких народных массах, данное обстоятельство предопределило выбор в пользу панарабистской секулярной идеологии. Стоящий особняком египетский национализм усилиями Гамаль Абдель Насера заменялся арабским, однако данная модель скорее относилась к тезису «Египет – центр Арабского мира», предполагавшему единственный путь политической интеграции: поглощение Египтом [1].

Заданная Египтом модель панарабизма противоречила фундаментальным основам данной идеологии ввиду того, что она не была демократической. Насер, став президентом страны, выстраивал вокруг себя культ личности, чью модель поведения переняли другие лидеры, проводившие активную панарабистскую политику.

Приватизация Суэцкого канала и земельная реформа сделали его авторитетом незыблемым. По своей сути такая политика даже не была идейным продолжением египетского национализма, это была политика одного человека. Насер, пользуясь авторитетом, начал лоббировать египетскую экспансию в политическую жизнь арабских стран. Пользуясь тем, что в Сирии к власти пришли баасисты, в 1958 г. Насер отправляет делегацию в Дамаск, которая предложила идею объединения Египта и Сирии. По своей сути это была вторая попытка построения единого арабского государства.

В годы монархии Египет также пытался создать объединенную арабскую конфедерацию, но это у него не получилось ввиду конфликтов интересов по поводу будущего политического устройства страны между республиканскими Ливаном и Сирией и либерально-монархическими Египтом, Трансиорданией, Ираком и абсолютистско-теократическими Саудовской Аравией и Мутаваккилийским королевством Йеменом [9].

Из этой попытки в итоге была сформирована Лига арабских государств, которая в свою очередь являла собой продукт арабского сотрудничества, а не арабской интеграции. Ключевой особенностью, препятствующей консолидации государств-членов внутри ЛАГ был «страновой» характер политического взаимодействия внутри организации, определяющей незави-

симые арабские сообщества «суверенными народами», формирующими единую арабскую нацию [4].

Гамаль Абдель Насер же предлагал полностью республиканский арабский интеграционный проект. 21 февраля 1958 г. в Египте и Сирии произошел народный референдум об объединении двух стран в единое государство. Так была создана Объединенная Арабская Республика, а Насер стал ее президентом. Но данное образование было лишь де-факто федерацией: все руководящие посты в нем занимали египтяне, фактически Сирия была ликвидирована, как государство, в документах она числилась, как «северные территории».

Насер начал проводить аналогичные египетским реформы, в том числе в 1960-1961-е гг. запретил деятельность политических партий в Сирии. Однако недовольные сирийские военные захватили власть на территории Сирийской Республики и в 1961 г. в одностороннем порядке вышли из состава федерации.

В этот же период (1958 г.) была предпринята попытка арабских монархий дать ответ республиканскому панарабизму. На территории Ирака и Иордании правила общая династия, династия Хашимитов, на протяжении 1930-40-ых гг. предпринимавшая попытки объединения. В ускоренном порядке короли Хусейн и Фейсал II объединяют свои государства в конфедерацию – Арабскую Федерацию Ирака и Иордании. Это объединение было очень недолговечным: пример свободных офицеров дал толчок для революционного движения по всему Арабскому миру и 14 июля 1958 г. иракская монархия пала, король Фейсал был убит, что предопределило распад данного политического альянса [9].

ОАР имело неоспоримые преимущества: ее устав предусматривал вхождение в ее состав любого арабского государства. Таким образом, 8 марта 1958 г. между ОАР и Северным Йеменом был заключен конфедеративный договор. Однако Йемен оставался практически полностью независимым государством. Но теократическая монархия не могла состоять в одном политическом объединении с секулярными государствами. В связи с этим пронасеровски настроенные офицеры при поддержке части племенных конфедераций свергли монархию в Йемене и провозгласили республику.

Вплоть до смерти Насера ОАР функционировала лишь на территории Египта. но он не оставлял попыток сплотить арабские государства. Поводом продемонстрировать национальную солидарность стала новая война коалиции во главе с Египтом против Израиля в 1967 г., закончившаяся очередным поражением и оккупацией Синайского полуострова, Голанских высот, Западного берега реки Иордан и сектора Газа.

1971 год стал новым этапом в арабском интеграционном строительстве, выраженном появлением два новых проекта панарабских объединений: Федерация Арабских княжеств Персидского залива и Федерация Арабских Ре-

спублик, первый из которых не был суверенной арабской инициативой, а попыткой британской колониальной администрации по реорганизации своих аравийских протекторатов. Отметим, что влияние внешних сил на процесс этнической консолидации само по себе имеет негативный оттенок интервенционизма и заранее не может быть успешным. Получившие полную независимость правители Кувейта, Катара, Бахрейна, не хотели делиться своими полномочиями и разделять панарабскую повестку дня. Тем не менее, Семь эмиров Договорного Омана в период между 1971-1972 гг. формируют собственное федеративное государство – ОАЭ. Данный союз представлял экономические интересы местных правителей, выраженных в заинтересованности в совместном регулировании в области добычи и природных ресурсов. На сегодняшний день это единственный успешный интеграционный де-факто панарабистский проект, имеющий в своем основании, аналогичной ЛАГ, идею арабского сотрудничества. Впоследствии экономическая интеграция распространилась на все государства, имеющие выход в Персидский залив, в 1981 г. был сформирован Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива [11].

Объединение Египта, Сирии и Ливии в ФАР по своей сути это также являлось проектом арабского сотрудничества, нежели панарабизма. Но из-за разобщенности лидеров государств, он был заранее обречен на провал. Мумаммар Каддафи имел планы по созданию Арабской Исламской Республики, состоящей из Ливии и Туниса с перспективой вхождения в ее состав Алжира и дальнейшей реорганизации федерации в Соединенные Штаты Северной Африки. Но из-за разногласий в политических ориентирах руководств данных государств (Ливия – исламский социализм, Алжир – секулярный социализм, Тунис – либеральный авторитаризм), арабо-исламский североафриканский проект так и остался на бумаге [14].

В целом же ФАР не функционировала как предполагалось: не достигнув целей в новой войне с Израилем в 1973 г., окончательно объединение распалось в 1979 г., когда президент Египта Анвар Садат заключил перемирие с Израилем, в результате которого Египту был возвращен Синайский полуостров. Тем самым он поставил национальные интересы Египта выше общеарабских: страна была исключена из ЛАГ и на долгие годы была выведена из арабских интеграционных проектов [9].

Касаемо арабской интеграции в Северной Африке, идейной правопреемницей АИР в 1989 г. стал Союз Арабского Магриба (САМ), созданный в свою очередь на основе экономического союза Туниса и Марокко 1956 г. В состав САМ вошли Тунис, Алжир, Ливия, Марокко и Мавритания, являя собой пример арабского сотрудничества, однако менее продуктивного нежели ССАГПЗ [6].

Полное же сращивание идей арабского национализма и арабского социализма произошла в рядах партии Баас. Ирак и Сирия имели общую баасист-

скую идеологию. После переворотов 1963 г. и установления баасистских режимов в этих странах велись переговоры о создании единого государства.

Однако в 1966 г. партия разделилась на две ветви, праворадикальную иракскую и леворадикальную сирийскую. Тем не менее, уже после раскола руководства обеих стран предприняли новую попытку к сглаживанию внутрипартийного конфликта с дальнейшим построением объединенного союзного государства. В 1978 г. президенты Ирака и Сирии Ахмад Хасан аль-Бакр и Хафез Асад одобрили начало процесса по заключению ряда договоров касательно общего экономического и политического пространства, но вскоре после переворота Саддама Хусейна в 1979 г. переговоры зашли в тупик [3].

После баасистского переворота свое пристанище в Ираке находят изгнанные члены сирийского отделения ПАСВ, что оформило оппозиционную направленность режиму в Сирии и дало основу для развития «асадизма» и «саддамизма» в качестве векторов необааситской мысли. Так как идеология партии сочетала в себе два базиса – арабский национализм (аль-‘Уруба) и социализм (аль-Иштиракийя), Хафез Асад и Саддам Хусейн переосмысливают партийные постулаты и дают им новую трактовку: для Сирии – «Социализм является основой арабского единства», а для Ирака – «Арабское единство является целью построения социалистического общества». Два этих лидера продолжали развивать панарабистскую идею, и как Насер, использовали инструмент военного конфликта. Хафез Асад призывая к исполнению общерабского долга вмешался в гражданскую войну в Ливане, оккупировав значительную часть страны. Отметим, что дружественное Сирии центральное ливанское правительство существовало в Сирии вплоть до Революции кедров 2005 г. Саддам Хусейн использовал ту же политику во время войны с Ираном за населенный арабами Хузестан, нефтеносный остан Ирана. в последствии он оправдывал восстановление арабского единства вторжение и оккупацию Кувейта. Данный политический ход окончательно подорвал идейную составляющую панарабизма – объявление войны братскому арабскому государству. Вторую составляющую панарабизма – социализм, уже подорванный египетской политикой Инфитаха и значительными успехами капиталистического ведения экономики в черед арабских страны. Поражение социалистического лагеря в Холодной войне и распад СССР окончательно приостановил арабскую интеграцию по панарабистской модели.

Арабский национализм был самой влиятельной политической идеологией на Ближнем Востоке на протяжении всего XX века. Достигнув некоторых из своих целей, таких как создание Лиги Арабских государств и провозглашение Объединенной Арабской Республики не смогли добиться более тесной политической интеграции, в последствии выраженной лишь региональными проектами в рамках арабского сотрудничества. Арабы упу-

стили возможность мобилизовать массы и использовать свой панарабский энтузиазм для достижения интеграции между арабскими государствами, в результате чего главного мечта арабских националистов – создание объединенного арабского государства от Атлантического залива до Арабского залива до сих пор не осуществлена. Идеологическое противостояние увеличивало между историческими арабскими региональными сообществами. В тех странах, провозгласивших панарабизм в качестве государственной идеологии, он тесно переплетался с культом личности и служил интересам того или иного диктаторского режима.

В течение второй половины XX века панарабизм подвергся трансформации под воздействием левых идей, крушение же социалистического лагеря привело к идеологическому вакууму, заполненный исламизмом, который за последние тридцать лет укрепил свои позиции в Египте, Сирии, Ираке, Ливии, Иордании, Йемене и в значительной степени в Палестине. В ближайшем будущем панарабизм не сможет восстановить прежнюю социальную привлекательность. Некоторые типы регионального арабского национализма такие как палестинский или египетский национализм, все еще актуальны и способны мобилизовать массы, но, а в большинстве стран данные идеи продолжают терять свою популярность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Адес Г.* Египет: история страны / пер. О. Чумичевой. М.: Эксмо, 2008.
2. *Добреньков В.И.* Глобализация: сущность, проявления и социальные последствия. М.: Академический проект, 2018.
3. *Криворучко А.П., Рошупкин В.Т.* Багдадский вождь: взлет и падение ... Политический портрет Саддама Хусейна на региональном и глобальном фоне. М.: Проспект, 2017.
4. Национализм в мировой истории / под ред. Тишкова В.А., Шнирельмана В.А.; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2007.
5. *Филиппов А.А.* Концепция «Вечного Арабского послания» в идеологии М. Афляка // Минбар. Исламские исследования: Ислам на стыке времен и культур. 2010. Том III. Вып. 1 (5).
6. *Фролова И.Б.* Союз Арабского Магриба: Задачи, Проблемы, Перспективы // Вестник Брянского госуниверситета. 2017. Вып. 1.
7. *Abu Jaber K.S.* The Arab Ba'th socialist party: history, ideology and organization. Syracuse, N.Y.: Syracuse univ. press, 1966.
8. *Al-'Aysami S.* Unity, freedom and socialism. Transl. by Arab inst. for research and publ. Beirut: Arab inst. for research and publ., 1974.
9. *Egypt: A Country Study / Ed. by Metz H.C.* Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1990.

10. *Hazem Hanafi*. The Limits of Integration Processes in the Arab World // The Federalist Debate. Torino: Centro Einstein di Studi Internazionali (C.E.S.I.), 2009. Vol. 1.

11. Jordan: A Country Study / Ed. by Metz H.C. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1991.

12. *Mansfield P.A.* History of the Middle East. London: Penguin Books, 2003.

13. Middle East Dilemma: The Politics and Economics of Arab Integration / Ed. by Hudson M.C. Center for Contemporary Arab Studies Georgetown University: Taurius & Co. Ltd.

14. Persian Gulf states: A Country Study / Ed. by Metz H.C. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1994.

15. *Ryzhov V.B., Shinkaretskaia G.G.* World order: after the Second World War and nowadays // Международное право и международные организации. 2015. № 4.

I.R. LUCHENKOV

*Student at the Oriental Studies Department,
Department of Oriental and African Studies, St. Petersburg
School of Social Sciences and Oriental Studies HSE (S.-Pb.),
St. Petersburg, Russia*

THE PROCESSES OF POLITICAL INTEGRATION IN THE COUNTRIES OF THE BIG MIDDLE EAST WITHIN THE FRAMEWORK OF THE PAN-ARABIC CONCEPT OF THE PERIOD 1945-1990

The article discusses the need for economic, political integration processes in the Arab countries of the Greater Middle East, as well as the reasons for their failure in this region in the second half of the twentieth century.

Key words: *integration, Islamism, consolidation, the Arab League, pan-Arabism, Arab nationalism, Arab socialism, Arab cooperation.*

DOI 10.35775/PSI.2020.55.3.038

УДК 32.323

Д.Е. СЛИЗОВСКИЙ

доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов,

Россия, г. Москва

Н.П. МЕДВЕДЕВ

доктор политических наук, профессор,

участник конституционного процесса

1990-1993 гг., Россия, г. Москва

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТАТЬЕ О.Г. РУМЯНЦЕВА «О НЕКОТОРЫХ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 ГОДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

D.E. SLIZOVSKIY

Doctor of Sciences (history), Professor,

Peoples' Friendship University of Russia

(RUDN University), Moscow, Russia

N.P. MEDVEDEV

Doctor of Sciences (political sciences),

Professor, participant of the 1990-1993 constitutional

process, Moscow, Russia

AFTERWORD TO THE ARTICLE BY O.G. RUMYANTSEV “ON SOME POLITICAL SCIENCE ASPECTS OF THE 2020 CONSTITUTIONAL REFORM IN THE RUSSIAN FEDERATION”

Все, что выходило и выходит из-под пера О.Г. Румянцева, одного из самых авторитетных в современной Российской Федерации юристов-конституционалистов, само по себе имеет ценность академическую и сугубо практическую. Разумеется, что представленная в редакцию журнала «Вопросы политологии» статья, когда, по мнению автора, «конституционная реформа изменила текст Конституции на треть, а дух ее и общественное восприятие – почти полностью», имея в виду конституционную реформу – 2020, не могла оставаться вне нашего интереса и замечаний. Мы не юристы, что делает наши замечания по юридическим аспектам содержания статьи,

мягко говоря, некорректными. Но мы и не претендуем на юридическую расшифровку явных и латентных, подкрепленных опытом и знаниями Президента Фонда конституционных реформ, кандидата юридических наук О.Г. Румянцева, суждений, утверждений, предположений и догадок в связи предложенными изменениями в Конституции и процедур их принятий. На нашей стороне, нас как рецензентов-неюристов реабилитирует тот концептуальный рефрен, о котором заявил сам автора. Речь идет о «некоторых политологических аспектах» в контексте обсуждаемой проблематики. Через политологическую призму и будет «прошит» анализ, во-первых, «отношений государства и общества»; во-вторых, «соответствия предпринятого замаха нарастающим вызовам и общественному запросу социального и политического развития России как обновленной передовой нации».

Именно этот перечень проблем и вопросов, а не какой-то другой или не строго определенный перечень, становится для О. Румянцева наиболее актуальным. А для гражданского общества – еще и концептуальными, и мобилизующими вопросами и проблемами, что очень важно, когда общественное сознание разрывается под влиянием (тут мы прибегаем к формулировкам автора) «оруэлловского новояза», разрыва между правом и правдой, несоответствия действий государственной власти социокультурным нормам и общественному пониманию должного.

Об этой статье не скажешь, что она далека от объективности. Что достойно внимания, так это то, что автор статьи открывает нам способы сохранения неизменной саму политическую систему. Для этого автор проводит аналогии между избранным способом спасения корпоративной системы, сложившейся в конкретно-исторических условиях конца 1993 г. как временной. И теми действиями, которые сегодня инициированы и проводятся в жизнь по ходу изменений Конституции. Замысел авторской концепции в статье построен на детальном и строгом анализе. Статья начинается с утверждения о том, что «в сложившейся ситуации требуется анализ». И было бы опрометчиво, если бы автор статьи не указал, что такой анализ не сложен. Подчеркнем еще раз, автор статьи сравнивает сегодняшние поправки (реформы) Конституции с событиями конца 1993 года. И тогда, и сейчас – это способ спасения корпоративной системы. Но тогда, в 1993 году, будто бы рассматривали, так считает Румянцев, сложившуюся систему временной. Логично предположить, что автор статьи ведет рассуждение к тому, чтобы признать временный характер той системы сегодня исчерпанным. И поэтому было бы актуально сейчас конституционными поправками избавиться от временной модели корпоративной системы. Но что для этого следует поменять и что изменить? Выбор, как оказывается, не велик. О. Румянцев в своих рассуждениях ничего другого не обнаруживает, кроме того, и стремится к тому, чтобы и читатель догадывался (говорит «вполне возможно»!), что сегодняшним правящим классом «сделана ставка на за-

ложенный командой Ельцина мощный самовозрастающий авторитарный потенциал внутреннего ядра Конституции в целях укрепления специфического российского конституционализма и преодоления кризиса».

Разумеется, что современная правящая элита, руководствуется своими идеалами и представлениями о текущем положении в стране. Отсюда и скрытые реверансы инициаторов сегодняшних поправок в виде перевода стрелок с ключевых вопросов на второстепенные: демонстрация того, в чьих руках инициатива, привлекательность этих самых инициатив и самих конституционных поправок, что, по мнению автора статьи, выглядит недостаточно фундаментально. Догадывается автор статьи и о том, что Конституция стала средством решения оперативных задач. Прозорливо может выглядеть и его суждение, что тактические выгоды привлекательности инициатив и поправок станут стратегически неприятным довеском в виде углубления раскола в обществе и по конституционному вопросу.

Если мы верно интерпретируем О. Румянцева, то он не уклонится от того, чтобы не обнаружить: правящая элита ни на минуту не собирается слагать оружие и ждать спасения от институтов и организаций гражданского общества. Отсюда, ум правящей элиты обходит «красноречивым молчанием давно требуемый разворот к народовластию и другие элементы гражданского общества в их безусловном значении. То есть в недействительном значении, как ее понимает эта самая «президентская власть», обновленная до степени «самовластия».

Конституционалист О. Румянцев безошибочно указывает на главный субъект современной российской действительности, кода он пишет о том, что «в современной России определенно рулит неподконтрольный обществу экономический и политический монополизм; эгоизм правящего узкого сословия намертво предопределяет надстройку, включая и правовые узоры на ней. Он требует вовсе не соблюдения прекраснородушных основ конституционного строя, а жестких прагматических действий в интересах фактических бенефициаров, сложившейся системы отношений производства, присвоения и распределения». Вскрывая неприглядную сущность руководящей субстанции, автор статьи тем самым направляет стрелы порицаний в сторону тех, кто был и остается виновником и старых, и новых программ переустройства страны и общества. И поскольку это откровение не является, как мы представляем, чем-то сверх новым в политическом дискурсе и неизвестным даже для обыденного сознания, то оно не может быть пророчеством особого призвания ни для российского народа, ни для российского общества. И тем более для «образованного класса», понятия, которое используется в статье четырежды.

Удивительно и то, что в такой малой по объему статье, автору удается включать в текст и в подстрочник исторические сюжеты. В этих исторических аналогиях читателю легко ориентироваться в коллизиях формирования

«второго общества», параллельного официальному обществу и миру. Столь же не трудно отсюда предположить, что как и в эпоху перестройки, можно рассчитывать на то, что это явление станет основой и движущей силой, социальной базой новой властной трансформации и перестройки.

Наблюдатель не со стороны О. Румянцев, связанный профессионально с внутренними изменениями в советско-российском обществе и при подготовке к новой Конституции 1993 г., не мог не видеть, и не может не видеть, что под лопавшейся и расплывавшейся оболочкой советской действительностью, и действительностью сегодняшней, совершается более глубокий процесс: политическое самоопределение масс путем отрыва от господствующей властной опеки. Но он не может не видеть, что политическое самоопределение масс – это процесс противоречивый. И совершается он разнообразным образом, где есть всегда место разбитым иллюзиям. Иллюзиям продвижения не вперед, а назад.

Не имея социальной и политической опоры по существу, а только в идеале, о чем пишет О. Румянцев: «Народ как историческая и культурная общность людей с единством языка, истории, территории, и – в идеале – как политическая нация закреплен Конституцией в качестве носителя суверенитета и единственного источника государственной власти (ч. 1 ст. 3) – стоило бы всем критикам современного этапа в реформировании Конституции не впадать в очередные иллюзии. В глазах критиков современных конституционных реформ и содержащихся в них смыслов, в глазах оппонентов суждений О. Румянцева, творимое с этими самыми поправками может означать только одно: усиление единой вертикали власти единой горизонтальной властью. И это воспринимается и толкуется частью этого самого общества не только как оплот крепчающего авторитаризма, но и как подрыв духа Конституции, которая всегда опиралась на понимание договора общества с государством как официальным представителем общества.

Резонно, что во главу ставиться гражданское общество, его субъектность. Но следует считаться с тем, что нет спора сегодня относительно того, что любая теория демократии исходит из той или иной модели общества и его современного состояния. И тогда, в контексте обсуждаемой проблемы стоит поставить и другой вопрос: какой тип гражданского общества наиболее соответствует современному и будущему российскому государству. Ничего существенного не прибавляет к пониманию лучшего типа гражданского общества, соответствующего лучшему государственному устройству оперирование количественными определениями понятий – «общество», «народ», «общественные объединения», «общественный порядок» и др. Принципиальное значение имеет признание в наличии субъектности у гражданского общества. Нет задачи доказывать, что гражданское общество разрешит все царящие в обществе и государстве проблемы и противоречия. Это иллюзия. Чтобы не впасть в очередной раз в иллюзию, обратим внимание на замеча-

ние О. Румянцева: «Увы, не хватило духа поддержать гражданское общество структурно – в виде самостоятельной знаковой главы 2 «Гражданское общество», как мы это и предлагали сделать и в 1990-1993 гг., и в 2013 году». Это – более чем тонкое наблюдение тонкого наблюдателя. «Политэкономический» смысл этого наблюдения, (термин, опять же широко использует О. Румянцев), в том, всегда ли обладает гражданское общество духом, чтобы быть субъектом исторического, экономического и политического процесса. Или его еще предстоит обрести. В статье мы обнаруживаем ту идею, что в каждом из исторических периодов и в каждом случае концепция гражданского общества, конституционная норма о гражданском обществе открывает новые, неожиданные возможности для синтеза общества и государства, для гражданской власти и власти государственной.

Олег Румянцев, мы полагаем, как «свободный наблюдатель» открыто и честно говорит: «... в конституционных поправках 2020 г. есть две группы положительных новаций, продвигающих нас в правильном направлении». В том числе, «появились важные и в большинстве своем нужные нормы об условиях экономического роста, труде, социальном партнерстве, культуре, воспитании, семье, детях, браке, образовании, языке и др.». Он ни от чьего имени не говорит, и никого не представляет, он сам по себе, когда пишет: «... я не разделяю «вкусовую» критику принятых норм со стороны ряда своих коллег. Многие поправки содержательно находятся в русле опубликованных нами ранее предложений, а значит, труд и Конституционной комиссии и, позже, независимых конституционалистов отчасти оказался не напрасным».

Автор статьи смело оперирует и использует фундаментальные категории политической науки: институты и организации гражданского общества; концентрация верховной власти, президентская власть; единая система государственной и публичной власти; общество; народ; политическая нация; носители суверенитета; договор общества и государства. Не ускользает от его внимания и анализа задействованная в ходе реформы политическая институциональная инженерия и пиар «новой системы принятия решений». В его интерпретации это ни что иное, как «стремление хеджировать риски, связанные со сменой верховной власти, сохранить влияние после «большого трансфера» (подстраховаться от «внутреннего оппонента») и закрыться от «внешнего противника» (условная национализация элиты, ограничение иностранного влияния, попытки сплотить народ вокруг персонификатора государственного суверенитета)».

Согласимся с тем, что дискуссия вокруг конституционных реформ и порядка их легитимации играют центральную роль в попытках сформулировать конституционные и нормативные проекты через подражание западным образцам либерализации и демократизации. И к подражанию своих, российских традиций правления и управления. Автор статьи, и мы вместе

с ним, не считаем рассматриваемые критиками конституционных реформ и их инициаторами типы дискурса полностью репрезентативными. И, тем более, что эти дискурсы сами по себе заменяют политический анализ и даже реальный политический процесс. Тому находим подтверждение у О. Румянцева: «с принятием новой редакции Конституции сами по себе вряд ли исчезнут причины объективного обострения противоречий, острой политической дифференциации в обществе и субъективные трудности в управлении процессом нарастающего размежевания. Потенциал оправданного ... консенсуса середины десятилетия подходит к концу. Нужны глубинные стимулы к новой и долгосрочной консолидации общества и государства».

До сих пор на всех этапах эволюции России именно правящий класс стремился превратить общество в инструмент обеспечения и поддержки существующей формы правления, национальной экономики и сложившихся социальных ценностей. Поскольку ответственность за страну в большинстве случаев брало на себя государство, оно определяло приоритеты, параметры их предназначений. И этим исполнялся важнейший государственный долг. На этом социальном фоне великие идеалы – свободы, политическое и социальное равенство, справедливость – уходили своими корнями в идейные и мировоззренческие утопии и практопии. Российский политический дизайн вбирал в себя социализм, марксизм, анархизм, радикальные формы демократии. Нет оснований к тому, что эти идеалы и идеи обязательно воскреснут в неизменном виде. Однако нелегко признать силу общества, если оно лишено норм поведения, и не способно вырабатывать политические проекты. Гражданское общество имеет свойство уходить в частную жизнь и быть зараженным вирусом эгоизма. «Построенная на эгоизме политическая культура, – что многими серьезными аналитиками признается как данность, – «просто не обеспечит достойной мотивации не только для развития, но и для сохранения существующих прав, демократических институтов, социальной солидарности или независимости» [1. С. 10]. Когда О. Румянцев пишет: «Именно общество является социальным коллективным актором. Как социальная общность и совокупность институтов и организованных интересов, общественных отношений, оно должно рассматриваться в качестве отправной платформы, ключевой опоры и главного адресата конституционного строя. Именно общество призвано играть ведущую роль равноправного партнера, а если нужно – то и оппонента государства (в случае узурпации последним властных полномочий)». Или: «Государство подотчетно обществу и обязано, в свою очередь, охранять демократический конституционный строй, законность и правопорядок, обеспечивать необходимые социальные, экономические и политические условия и механизмы для нормального воспроизводства и дальнейшего саморазвития институтов, членов общества и всего народа в целом». Когда он так пишет и так рассуждает, то, мы полагаем, тем самым он думает за общество. При этом кто-то

другой – действует за это самое общество. Среди них и те, кто верует в Бога, что отмечено поправками в Конституцию. И те, о чем тоже пишется в статье: кто представляет группы, классы и даже касты со своими интимными интересами и представлениями. И первое, и «второе общество», и миллионы чиновников и госслужащих. И президентская власть, распространившаяся на все государственные органы.

Негативный прогноз, о чем упорно говорит автор статьи, видимо, претит самоощущению и профессиональному видению ситуации самого автора. Ему ближе и естественней в Конституции видеть законодательную базу для идейного объединения всего российского общества. Дух и буква Конституции для него выражены в равенстве, в юридическом равенстве в гражданских, политических и прочих правах. И равенстве – в социальных правах. Он, уверен, не видит будущего без равновесия, без взаимодействия и гармонии между комплексами этих прав. Все должны быть равны перед законом. Но этого трудно добиться в нашей стране. Но и другого пути нет. Поэтому, мы полагаем, он пытается скрыть этот психологический надрыв за придуманным им позитивным проектом и ожиданием: «Необходима целостная эко-среда и архитектура многообразных, встроенных в систему принятия решений некоммерческих организаций, представляющих интересы регионов и территориальных сообществ, производителей и потребителей, предпринимателей и работников, экспертов и практиков, весь политический спектр; способная заместить собою миллионы чиновников и госслужащих».

Но этот проект-ожидание, как нам кажется, следует адресовать не абстрактному гражданскому обществу, не «образованному классу» или «креативному классу», а сознательным гражданам, то есть гражданам, участвующим в политической жизни. Для сурового, прошедшего все испытания «образованного класса», познавшего все страдания от власти и государства (отдаем себе отчет, что мы живем не в абстрактном мире конституционной идиллии, а в конкретном Российском государстве) не может быть препятствием к его субъектности обида, апатия из-за того, что верховная власть не видит его в числе приоритетной субстанции в своих месседжах. Банальна и романтична субъектность «образованного класса» коль он впадает в апатию и недоверие, если не получает убеждений в разумности конституционных поправок. Можно теоретически предположить, что в условиях перенапряжения (экономического кризиса, развернувшаяся очень трудная борьба с пандемией COVID-19) выведут на политическую арену новые и достойные фигуры. То же общество этого ждет. Или предпочтительно не ждать, но действовать, не разрушая и не подрывая государственность. Действовать, хотя бы по таким направлениям, как: предложить программу действий вопреки интересам фактических бенефициаров сложившейся системы отношений производства, присвоения и распределения; направить усилия

Газпрома, компании, рекламирующей себя «национальным достоянием», на газификацию всей страны. И переформатировать прежний лозунг: «Коммунизм – это советская власть плюс электрификация всей страны» (потом добавили и «химизация народного хозяйства») в лозунг: «Российское общество и государство – это народная власть плюс газификация всей страны». Президент США в сложившихся условиях твердо намерен оказать прямую финансовую поддержку пострадавшим от кризиса группам населения, мелкому и среднему бизнесу. У России для таких мер нет возможности, потому как нет печатного станка для увеличения денежной массы. Но у России есть природные ресурсы, есть то, из чего делаются деньги. И можно было бы пойти на соглашение с бенефициарами природной ренты, снизить цены на бензин, тарифы на жилищно-коммунальные услуги. Благие намерения, возможно, и не самые неосуществимые в условиях нарастания внутренней и внешней напряженности. Но остается всегда и везде сакраментальный вопрос, это универсальный принцип, – кто возьмет на себя такую миссию?

Автор статьи не мог не затронуть вопрос о конституционных поправках организации и функционировании властных механизмов. Признает, что в этом направлении «сделан шаг вперед». И далее, уходит от этого вопроса: «впрочем, анализ состоявшейся корректировки формы правления – предмет отдельной статьи». Это его право. Как его право засвидетельствовать о слабой легитимности Конституции в связи с правками отдельных частей Конституции и игнорированием других, более важных и существенных; или о введении процедуры всенародного голосования вместо референдума. И, конечно, об исключении рисков для закрепления итогов приватизации и последующих переделов собственности для гарантированной передачи состояний и статусов по наследству. О. Румянцев опытный и знающий юрист, когда он обходит во «властной» части поправок персонифицированную ее линию, можно было бы его за это упрекнуть. Но мы не будем этого делать. И даже больше того, поддержим его версию анализа властной части конституционных поправок. Многие сторонники историко-политико-юридической школы склонны разводиться перипетии вокруг пересечений судьбы и логики государства, власти и властных персон. В этом есть своя загадка, и без должной разгадки, но требующая себя разгадать. Но вопрос остается: так отвечает ли тот или иной властитель (правитель, президент) назначению? Скажем так, порождено ли современное положение страны особенностями персоны высшей власти. Или это есть борьба сил и интересов? И характер современной эпохи – производное свойств и черт не лица, а социально-исторических обстоятельств. О. Румянцев понимает, что по этому вопросу возможен нестандартный ход мыслей, за которым последует накат других вопросов, на которые еще не время ответить убедительно, чтобы быть легитимным. И мы с ним солидарны.

Политическая, общественная, правовая, конституционная мысль Российской Федерации вот уже более четверти века мечется между либера-

лизмом, консерватизмом и радикализмом. При этом государственные деятели и/или мыслители и чиновники Российской Федерации тем или иным способом хотели и хотят то ограничить, то расширить власть государства и государственного аппарата при обязательном и декларативном внушении, что только они, и они только есть само государство и его суть. Им оппонируют представители гражданского общества, отдельные персоны. Идею такую сущность такой политики мы бы определили, как либеральный консерватизм. К этому нас подвел текст и рассуждения О.Г. Румянцева. Не парадокс ли это и алогичность?! Парадоксы и алогичность – стали реалиями не только в повседневной жизни, в политике, юриспруденции, но и в знании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Джин Л. Коэн, Эндрю Арато. Гражданское общество и политическая теория. Пер. с англ. / Общ. ред. И.И. Мюрберг. М.: Издательство «Весь Мир», 2003.

НАШИ АВТОРЫ

Агапов Платон Валериевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (platonbogun@gmail.com).

Агоннуде Бидолей Вианней Фредди – аспирант кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Республика Бенин, г. Котону (freddyagonnude@mail.ru).

Адум Кагер – аспирант Российского университета дружбы народов, Республика Чад, Нджамена (adoum.k@yahoo.com).

Антонов Константин Александрович – доктор социологических наук, руководитель Новосибирского филиала Фонда развития гражданского общества (ФОРГО), Россия, г. Новосибирск (101tv@mail.ru).

Арапханова Лейла Якубовна – кандидат политических наук, доцент Ингушского государственного университета, заведующий отделом социально-политических исследований Ингушского НИИ ГН им. Ч.Э. Ахриева, Россия, Республика Ингушетия, г. Магас (Araphanova@mail.ru).

Артемьев Алексей Александрович – преподаватель кафедры политологии Военного университета Министерства обороны РФ, Россия, г. Москва (aleksey-artemev@bk.ru).

Афонин Андрей Дмитриевич – аспирант кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии Министерства иностранных дел РФ, Россия, г. Москва (89254001065@yandex.ru).

Бакшеева Анна Романовна – специалист отдела финансового обеспечения АНО «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке», Россия, г. Москва (baksheeva@yandex.ru).

Балданова Раджана Александровна – аспирант кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (baldanova.ra@gmail.com).

Беляева Валентина Петровна – заместитель директора по учебно-воспитательной работе Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения города Москвы «Школа № 97», Россия, г. Москва (valijb@mail.ru).

Булах Евгений Васильевич – кандидат политических наук, доцент, преподаватель кафедры политологии Дальневосточного Федерального Университета, Восточный институт – Школа региональных и международных исследований, Россия, г. Владивосток (bulakhevg@mail.ru).

Буторов Алексей Сергеевич – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (Butorov_as@pfur.ru).

Ванграуа Садиа Рита Сониа – магистр кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, Буркина-Фасо (wangraoua@mail.ru).

Воронина Наталия Александровна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права РАН, Россия, г. Москва (natalia.a.voronina@gmail.com).

Ворончихина Дарья Николаевна – соискатель кафедры российской политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (daria-voronchikhina@mail.ru).

Гаджиев Камалудин Серажудинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Национального исследовательского Института мировой экономики и международных отношений РАН, Россия, г. Москва (k.zuhrabvi@gmail.com).

Галкина Галина Михайловна – аспирантка кафедры национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (Galkina_galina20@mail.ru).

Гао Дай – аспирант кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (89258774102@mail.ru).

Гапонов Петр Владимирович – соискатель кафедры политологии и политического управления Школы политических исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (suvorovez1966@mail.ru).

Гусарская Татьяна Анатольевна – старший преподаватель кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (goussarskaia@yandex.ru).

Джавад Ольга Васильевна – аспирант Дипломатической академии МИД России, Россия, г. Москва (olgadzavad@gmail.com).

Джу Орлинду – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (RUDN University), Гвинея-Бисау, г. Сафим (paisigadju@hotmail.com).

Жамбаева Ульяна Баировна – кандидат философских наук, доцент Управления высшего образования РЭУ им. Г.В. Плеханова, Улан-Баторский филиал, Советник Президента монгольской дипломатической организации мира и дружбы, Монголия, г. Улан-Батор (voprosopolitolog@yandex.ru).

Егези Блессинг Чиманпа – магистр кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Нигерия (wangraoua@mail.ru).

Еремина Ярослава Вячеславовна – аспирант Дипломатической академии МИД России, Россия, г. Москва (eryomina.yaroslava@gmail.com).

Инь Цюнь – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (RUDN University), Китай, г. Цзинань (312267208@qq.com).

Каратуева Елена Николаевна – кандидат политических наук, доцент кафедры управления социально-политическими процессами и истории Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (e_karatueva@mail.ru).

Князева Анастасия Романовна – бакалавр кафедры политологии Дальневосточного Федерального Университета, Восточный институт – Школа региональных и международных исследований, Россия, г. Владивосток (nastya.kn.r@bk.ru).

Костоев Зураб Исропилович – научный сотрудник отдела социально-политических исследований Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук имени Ч. Ахриева, Россия, Республика Ингушетия, г. Магас (kostoevz2015@mail.ru).

Крюкова Елена Вячеславовна – кандидат политических наук, доцент Государственного университета управления, Россия, г. Москва (greza21@yandex.ru).

Лученков Иван Романович – бакалавр ОП «Востоковедение» Департамента востоковедения и африканистики Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения НИУ ВШЭ, Россия, г. Санкт-Петербург (lir-529@mail.ru).

Медведев Николай Павлович – доктор политических наук, профессор, участник конституционного процесса 1990-1993 гг., Россия, г. Москва (Medvedev_rudn@mail.ru).

Михайленко Александр Николаевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (anmikh@mail.ru).

Мугаби Брайан – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (RUDN University), Уганда, г. Кампала (Mugabi.brian@gmail.com).

Муравых Анатолий Иванович – доктор экономических наук, профессор кафедры государственного управления и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (anmurav@yandex.ru).

Никитенко Евгений Григорьевич – генерал-майор, кандидат исторических наук, профессор кафедры государственного управления и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (anmurav@yandex.ru).

Николенко Анастасия Алексеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (Anastasiya.Nikolenko@vvsu.ru).

Олувакайоде Олумиде Эммануэль – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (RUDN University), Нигерия, г. Абуджа (Olumentain360@gmail.com).

Петрова Ксения Сергеевна – аспирант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (petrova_kseniia_93@mail.ru).

Пустовойт Юрий Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и технологий Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Новосибирск (pustovoit1963@gmail.com).

Пыхтин Сергей Николаевич – адъюнкт кафедры политологии Военного университета Министерства обороны РФ, Россия, г. Москва (s.pyhtin.86@mail.ru).

Румянцев Олег Германович – кандидат юридических наук, Президент Фонда конституционных реформ, народный депутат России (1990-1993 гг.), ответственный секретарь Конституционной комиссии Съезда народных депутатов Российской Федерации, Россия, г. Москва (rumyantsev@rumyantsevconsulting.ru).

Сергеева Светлана Леонидовна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Школы политических исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (sergeevasl@mail.ru).

Слизовский Дмитрий Егорович – доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (de373@mail.ru).

Султанова Азиза Рихсиевна – старший преподаватель кафедры общественных наук Ташкентского финансового института, Республика Узбекистан, г. Ташкент (alexadepp93@gmail.com).

Тетерюк Алексей Сергеевич – преподаватель кафедры политической теории МГИМО МИД России, научный сотрудник Центра Пространственного Анализа Института Международных Отношений МГИМО МИД России, Россия, г. Москва (voprosopolitolog@yandex.ru).

Тушков Александр Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (Aleksandr.Tushkov@vvsu.ru).

Усмонов Саидикромходжа – исследователь Ташкентского государственного педагогического университета имени Низами, Республика Узбекистан, г. Ташкент (usmonovsaidikromhoja@gmail.com).

Хлопов Олег Анатольевич – кандидат политических наук, доцент кафедры американских исследований Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Цой Владислава Геннадьевна – бакалавр кафедры политологии Дальневосточного Федерального Университета, Восточный институт – Школа региональных и международных исследований, Россия, г. Владивосток (v.tsoy.98@mail.ru).

Чэн Го – аспирант кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Китай, г. Нанкин (ivanc25@yahoo.com).

Чэнь Ханьчжи – аспирант кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (bfsuchz@gmail.com).

Шолкова Марина Алексеевна – аспирант Дипломатической академии МИД России, третий секретарь Третьего департамента стран СНГ МИД России, Россия, г. Москва (sholkova.m.a@gmail.com).

Шуленина Надежда Викторовна – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (nadshulenina@mail.ru).

Юлдашева Махфуза Кобилжоновна – докторант Узбекского государственного университета мировых языков, Республика Узбекистан, г. Ташкент (mohi.83@mail.ru).

OUR AUTHORS

ADOUM KAGUER – Post-graduate student, Peoples' Friendship University of Russia, N'Djamena, Republic of Chad.

AFONIN A.D. – Post-graduate student at the Chair of political science and political philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of RF, Moscow, Russia.

AGAPOV P.V. – Candidate of sociological sciences, associate professor of the Department of History and Theory of Sociology of the Sociology Faculty of Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

AGONNUDE BIDOLEY VIANNEY FREDDY – Postgraduate student at the Chair of political analysis and management Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Cotonou, Republic of Benin.

ANTONOV K.A. – Doctor of Sociological Sciences, Head of Novosibirsk Branch of Civil Society Development Fundation, Novosibirsk, Russia.

ARAPKHANOVA L.Ya. – Ph.D. (Political Science), Associate Professor of the Ingush State University, Head of the Department of Social and Political Research of the Ch. Akhriev Ingush Scientific Research Institute, Magas, Republic of Ingushetia, Russia.

ARTEMYEV A.A. – Lecturer at the Department of political science of the Military University of the Ministry of defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

BAKSHEEVA A.R. – Specialist of the Financial Support Department of ANO «Agency for Human Capital Development in the Far East», Moscow, Russia.

BALDANOV A.A. – Graduate student of Department of Political Science of the East of the Institute of Asia and Africa, Moscow State University Lomonosov, Moscow, Russia.

BELYAEVA V.P. – Deputy director for teaching and educational work, the State Budgetary Educational Institution of Moscow «School № 97», Moscow, Russia.

BULAKH E.V. – Candidate of political sciences, associate professor, Far Eastern Federal University, Eastern Institute – School of Regional and International Studies, Vladivostok, Russia.

BUTOROV A.S. – Ph.D. Assistant, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

CHEN HANZHI – Graduate student of Department of Political Science of the East of the Institute of Asia and Africa, Moscow State University Lomonosov, Moscow, Russia.

CHENG GUO – Ph.D. Student, Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Nanjing, China.

DJU ORLINDO – Post-graduate student, Department of theory and history of international relations People's Friendship University of Russia, Safim, Guinea-Bissau.

EGESI BLESSING CHIMANPA – Department of Sociology, Faculty of Humanities and Social Science People's Friendship University, Nigeria.

ERYOMINA Ya.V. – PhD student, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia.

GADGIEV K.S. – Doctor of Sciences (history), Professor, Chief Researcher at the National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

GALKINA G.V. – Graduate student of Department National and Federal Relations, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

GAO DAI – Graduate student of Department of Political Science of the East of the Institute of Asia and Africa, Moscow State University Lomonosov, Moscow, Russia.

GAPONOV P.V. – Post-graduate student of political science and political management department, School of political researches of Institute of social sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

GUSARSKAYA T.A. – Senior Lecturer, Department of Policy Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

JAVAD O.V. – Postgraduate student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of RF, Moscow, Russia.

KARATUEVA E.N. – Candidate of political science, associate Professor of the Department of management of socio-political processes and history of the Saint Petersburg state agrarian University, Saint Petersburg, Russia.

KHLOPOV O.A. – PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of American Studies, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia.

KNYAZEVA A.R. – Student, Far Eastern Federal University, Eastern Institute School of Regional and International Studies, Vladivostok, Russia.

KOSTOEV Z.I. – Researcher, Department of Social and Political Research of the Ch. Akhriev Ingush Scientific Research Institute, Magas, Republic of Ingushetia, Russia.

KRYUKOVA E.V. – Candidate of political science, associate Professor, State University of management, Moscow, Russia.

LUCHENKOV I.R. – Student at the Oriental Studies Department, Department of Oriental and African Studies, St. Petersburg School of Social Sciences and Oriental Studies HSE (S.-Pb.), St. Petersburg, Russia.

MEDVEDEV N.P. – Doctor of Sciences (political sciences), Professor, participant of the 1990-1993 constitutional process, Moscow, Russia.

MIKHAYLENKO A.N. – Doctor of Political Sciences, Professor, professor of International security and Russian foreign policy chair at the Department of national security, Institute of law and national security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

MUGABI BRIAN – Post-graduate student, Department of theory and history of international relations People's Friendship University of Russia, Kampala, Uganda.

MURAVYKH A.I. – D.Sc. (economics), professor, Department of Public administration and National safety of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

NIKITENKO E.G. – Major General, Cand. Sc. (History), professor, Department of Public administration and National safety of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

NIKOLENKO A.A. – Graduate Institute of law and administration of the Vladivostok State University of Economics and service Vladivostok State, Vladivostok, Russia.

OLUWAKAYODE OLUMIDE EMMANUEL – Post-graduate student, Department of theory and history of international relations People's Friendship University of Russia, Abuja, Nigeria.

PETROVA K.S. – Post-graduate Student, Faculty of Political Science, Moscow State University Lomonosov, Moscow, Russia.

PUSTOVOIT Yu.A. – Candidate of Sciences (political sciences), Associate Professor at the Chair of political science and technology of the Siberian Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia.

PYKHTIN S.N. – Adjunct of the Department of political science of the Military University of the Ministry of defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

RUMYANTSEV O.G. – Candidate of Sciences (law), President of the Constitutional Reform Foundation, People's Deputy of Russia (1990-1993), Executive Secretary of the Constitutional Commission of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation, Moscow, Russia.

SERGEYEVA S.L. – Candidate of Political Sciences, associate professor of political science and political management of School of political researches of Institute of social sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

SHOLKOVA M.A. – Post-graduate student of the Diplomatic Academy, third secretary of the Third department of CIS countries MFA of Russia, Moscow, Russia.

SHULENINA N.V. – Candidate of Sciences (political sciences), Associate Professor at the Chair of political analysis and management, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

SLIZOVSKIY D.E. – Doctor of Sciences (history), Professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

SULTANOVA A.R. – Senior lecturer of the department of Social sciences of the Tashkent Financial Institute, Tashkent, Republic of Uzbekistan.

TETERYUK A.S. – Lecturer at Political Science Department, Researcher at Center for Spatial Analysis in International Relations, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry, of Foreign Affairs, Moscow, Russia.

TSOY V.G. – Student, Far Eastern Federal University, Eastern Institute School of Regional and International Studies, Vladivostok, Russia.

TUSHKOV A.A. – Professor, Department of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

USMONOV S. – Researcher of the Tashkent state pedagogical University named after Nizami, Tashkent, Republic of Uzbekistan.

VORONCHIKHINA D.N. – Aspirant, Department of Russian Politics, Political Science Faculty, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

VORONINA N.A. – Candidate of Sciences (law), Senior researcher at the Sector of Human Rights, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

WANGRAOUA SADIA RITA SONIA – Master student, Department of theory and history of international relations People' Friendship University of Russia, Burkina-Faso.

YIN QUN – Ph.D. Student, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Jinan, China.

YULDASHEVA M.K. – Doctoral student, University of world languages, Tashkent, Uzbekistan.

ZHAMBAEVA U.B. – Candidate of philosophical Sciences, associate Professor of Management in higher education, REU im. G.V. Plekhanova Ulaanbaatar branch, Adviser to the President of the Mongolian diplomatic organization for peace and friendship, Ulan-Bator, Mongolia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 8 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 10 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», – на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]); ссылка на несколько источников – [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке) и References. А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Пристатейный список литературы должен быть нумерованным – каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

8. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным

проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наши сайты: **www.voprospolitolog.ru**

E-mail: **voprospolitolog@yandex.ru**

Academic journal
“Political Science Issues”
Volume 10. Issue 3 (55), 2020

Established by LLC “Publishing House “Science Today”

The journal is included in the database of the Russian
Science Citation Index.

Academic papers published in the journal undergo
obligatory editorial checking.

Executive Secretary *Shkurina S.S.*

Computer-aided makeup by *Antsiferova A.S.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide
with the position of the editorial board.

No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:

10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598

Tel: (910) 463-53-42

www.voprospolitolog.ru

E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 25.03.2020

Format 60x84/16. Offset paper.

Offset print. Number of printed sheets

Circulation 500 copies. Order ____.

Printed at the LLC “PrintUP”

Nagorny passage, 12, bldg. 1, Moscow, Russia, 117105

Tel.: (495) 925-00-06

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Научный журнал «РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделяния государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.

Журнал включен в базу РИНЦ.

Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

Научный журнал «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1,006
Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru

Научный журнал «ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве, а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,802
Интернет-ресурс: www.evrazsouz.ru

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:
voprospolitolog@yandex.ru

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал

«Вопросы политологии».

Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»

в любом отделении связи.

Индекс издания – 70035.

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»												
АБОНЕМЕНТ на журнал										70035		
Вопросы политологии												
Количество комплектов												
на 2020 год по месяцам												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)												
Кому _____												
			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА									
ПВ	место	литер	на журнал 70035									
Вопросы политологии												
Стоимость	Каталожная											Количество комплектов
	услуги почты											
	полная											
на 2020 год по месяцам												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)												
Кому _____												